

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

№3 (102)
ИЮНЬ

2023

Успейте оформить
почтовую подписку
на II полугодие 2023 г.

Цена подписки:
1 номер – 240,10 руб.
3 номера – 720,30 руб.

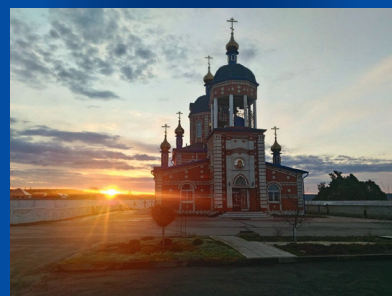
Индекс ПА041

Французские потомки
И.А. Гончарова.
Александр Симон.
К 115-летию со дня рождения
стр. 4

Художник Валерий Кузнецов.
Краеведческие зарисовки
стр. 55

Волжский благовест.
Итоги молодёжного
литературного конкурса
стр. 62

«Островский на театральных
подмостках».
Итоги конкурса рецензий
стр. 78

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

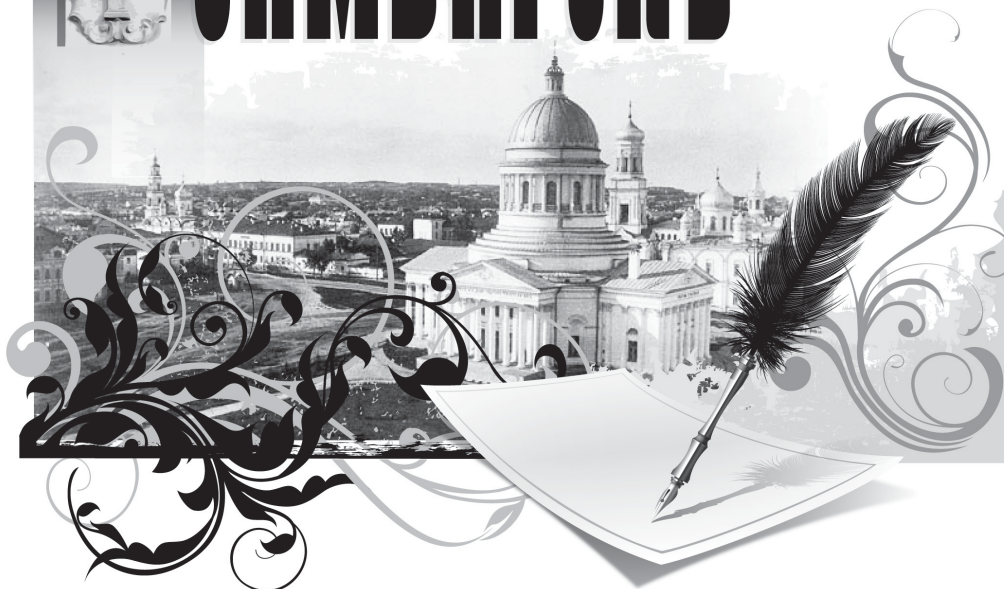

СИМБИРСКЪ

12+

№3 (102)

ИЮНЬ
2023

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Телефон редакции 41-04-32

Подписано в печать 07.06.2023 г.
Дата выхода 14.06.2023 г.
Тираж 1300 экз. Заказ № 177

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Печатный двор». 432049, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, тел. (8422) 29-70-19, e-mail: ul-pd@mail.ru

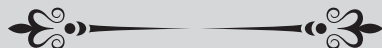
© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №3 (102), 2023

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: памятник святому покровителю Симбирска Андрею Блаженному, Христа ради юродивому. Установлен 5 февраля 2015 года возле Спасо-Вознесенского собора (г. Ульяновск). Скульптор – Игорь Смиркин. Память святого Андрея, симбирского чудотворца, по церковному календарю празднуется два раза в год: 3 июня и 10 декабря (по новому стилю). Фото Ольги Тюльпа.

На обороте обложки: фото Раисы Кашкировой (г. Димитровград).

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Сибирский» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб.104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем
альтернативную подписку через агентство
«Урал-Пресс Нижний Новгород» тел. 8 (908) 483-39-94.

Оформить подписку
на II полугодие 2023 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью сети Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

Слово редактора. Родства неугасимый свет	3
С любовью ко всему родному	
Елена Клевогина. Александр Симон – правнучатый племянник И.А. Гончарова.....	4
Страна поэзия	
Светлана Матлина. Я русской песней стану.....	10
Лилиана Черновалова. Манящая, загадочная Русь	14
Молодые голоса	
Река твоей души. Итоги конкурса «Первая роса»	17
Артём Прошин. Стихи	18
Илья Разумовский. Гость. Рассказ.....	19
Виктория Варфоломеева. Миниатюры.....	23
Житейские истории	
Марина Бирюкова. Ныне отпускаеши. Повесть	24
Светлана Гужева. Страна Карастан. Повесть.....	35
Под сенью дружных муз	
Виктория Шейко. Уметь видеть прекрасное	55
Краеведческие зарисовки. Картины Валерия Кузнецова	57
Дорога к храму	
Храмы земли Симбирской.....	62
Сергей Николаев. Итоги конкурса «Волжский благовест»	65
Стихи участников конкурса	67
Марианна Давлетова. Дедушка. Рассказ	68
Юбилеи	
Николай Нарышкин. Сад отца	69
Литературное наследие	
Островский на театральных подмостках.....	78
Ирина Маршалова. Сыр-дремучий бор.....	80
Архив	
Владимир Дворянсков. Мазепа.....	83
Дороги памяти военной	
Илья Таранов. Позывной Стрелец	97
Всё живое	
Надежда Смирнова. Таинство красоты. Стихи	106
Пересмешник	
Фёдор Горобцов. Жалю сильно и умело. Стихи	109
Карамзинский сад	
Мир цветёт!	116
Симбирской книге – 20 лет!	118
Живое сердце «Симбирска»	119
Черемшан	
Раиса Кашкирова. В Мелекесском лесу	120
Раиса Кашкирова. Спасибо за любовь к русскому слову!	121
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО.....	122
Юбилейный календарь.....	124

РОДСТВА НЕУГАСИМЫЙ СВЕТ

В июньском номере журнала – стихи и проза, хроника культурных событий, итоги литературных конкурсов, юбилейный календарь.

Июнь щедр на литературные даты. 3 июня, в день памяти Н.М. Карамзина земляки по традиции возлагают цветы к памятнику историографа. В первое воскресенье июня в с. Языково проводится очередная Пушкинский праздник. 18 июня культурная общественность города отмечает день рождения И.А. Гончарова.

Новый номер открывает публикация Елены Клевогиной, посвященная одному из французских потомков великого романиста Саша Симону, правнучатому племяннику И.А. Гончарова. В рубрике «Страна поэзия» представляем поэтическую подборку Светланы Матлиной «Я русской песней стану...» И, действительно, стихи Светланы Матлиной распевные, музыкальные, с интонацией народных песен:

Вода, как небо, голуба, / И на семи ветрах судьба. / Ты Волга, ты моя...

Музыковед Лилиана Черновалова рассказывает о концертной программе «Манящая, загадочная Русь», посвященной творчеству Светланы и Анисии Матлиных.

Подведены итоги молодежного литературного конкурса «Первая роса». Публикуем стихи и прозу лауреатов. Виктория Варфоломеева, лауреат конкурса, в своем эссе пишет: «Путешествие – это своеобразный диалог с самим собой, с миром, с Богом». Творчество для многих молодых литераторов – увлекательное путешествие в страну вдохновения.

В рубрике «Житейские истории» – повести двух авторов: Марины Бирюковой «Ныне отпускаеши» и Светланы Гужевой «Страна Карастан».

Виктория Шейко рассказывает о выставке картин Валерия Кузнецова. На цветной вкладке – «Красочные зарисовки» художника.

Итоги православного молодежного конкурса «Волжский благовест» представляет Сергей Николаев, публикуем работы участников.

В июне отмечает юбилей наш известный земляк Николай Нарышкин, писатель, краевед, учёный, публицист. Читайте его проникновенный рассказ «Сад отца».

В обзоре «Островский на театральных подмостках» мы рассказываем об итогах конкурса рецензий и публикуем отзыв Ирины Маршаловой о спектакле «Лес» Ульяновского театра драмы им. И.А. Гончарова.

В рубрике «Архив» читайте повесть ульяновского писателя Владимира Дворянского (1948–2016) «Мазепа». Сегодня история Мазепы приобретает новое звучание.

Илья Таранов посвятил рассказ «Позывной Стрелец» героям-воинам.

В разделе «Всё живое» – стихи Надежды Смирновой (г. Екатеринбург).

Оводы у воды / с крыльями из слюды, / бархатные стрекозы, / зреющие сады, / таинство красоты – / розы, пионы, грозы, / лебеди и лебеда / по берегам пруда, / розовые рассветы, / распространение света. / В памяти навсегда / это калёное лето.

В рубрике «Пересмешник» – иронические стихи ульяновского поэта, барда, адвоката Фёдора Горобцова с иллюстрациями Александры Горобцовой.

На цветных страницах «Мир цветёт!» стихи Ольги Дарановой и фотографии Ольги Тюльпа. Публикуем информацию о недавних событиях культурной жизни нашего города: об итогах выставки-конкурса «Симбирская книга», о традиционном вечере журнала «Симбирскъ», который состоялся во Дворце книги и объединил авторов и читателей.

В рубрике «Черемшан» – итоги акции, посвященной памяти димитровградского писателя Александра Федоровича Никонова, а также стихи и фотографии Раисы Кашкировой.

*...Ты тем и дорог сердцу, Мелекес,
что вокруг тебя живой сосновый лес.
Его густой смолистый аромат
вдыхал мой прадед
сотню лет назад.*

*Мои родные славили трудом
зелёный светлый храм, любимый дом.
И этот дом мне хочется сберечь
для будущих детей и мирных встреч.
Зимой, летом, осенью, весной –
будь счастлив, милый город мой лесной!*

На страницах журнала в стихах и прозе звучат слова о любви к родной земле, к родным людям, светлая печаль о прошлом и надежда на будущее.

И год от года всё острее / Та сладость пролетевших лет! / Печаль светла, и душу греет / Родства неугасимый свет. (Ольга Даранова)

Родственного созвучия, бережного отношения друг к другу, любви и света желаем вам, друзья!

Елена КУВШИННИКОВА

*Елена КЛЕВОГИНА, заведующая сектором научно-экспозиционной работы
Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.*

АЛЕКСАНДР СИМОН – ПРАВНУЧАТЫЙ ПЛЕМЯННИК И.А. ГОНЧАРОВА

К 115-летию со дня рождения

Саша Симон. 1974

Постоянные читатели журналов «Симбирскъ» и «Мономах», конечно, знают о том, что потомки семьи Гончаровых по линии брата всемирно известного писателя и нашего земляка живут во Франции. Сотрудники Музея И.А. Гончарова не раз рассказывали на страницах журналов, как в начале XX века внучатая племянница романиста Елизавета Александровна Гончарова была отправлена учиться во Францию, в университет города Нанси, там познакомилась с молодым профессором математики Полем Симоном, вышла за него замуж, и от этого брака родились четверо сыновей: Александр, Луи, Борис и Роман. Эти четверо братьев, а также многие представители последующих поколений французской ветви Гончаровых стали яркими личностями, одаренными литературным, художественным, журналистским, артистическим и другими талантами. Каждый из них достоин отдельного внимания.

Сегодня мы предлагаем вспомнить Александра, или по-французски Саша (1908–1988), старшего из братьев Симонов, известного журналиста и писателя. 2023 год для этого талантливого представителя рода Гончаровых юбилейный: в мае исполнилось 115 лет со дня его рождения, в декабре будет 35 лет со дня смерти.

Всего несколько лет Саша не дожил до 1991 года, когда сотрудники Музея И.А. Гончарова после долгих поисков нашли потомков Гончаровых во Франции. Именно его другом был Николай Егорович Дронников, русский художник-эмигрант, который, откликнувшись на объявление во французской прессе, прислал в музей фотографии нескольких портретов Саша Симона. Александр был очень похож на своего прадеда Николая Александровича Гончарова, и в нем на родине романиста сразу узнали потомка семьи писателя. Впоследствии Н.Е. Дронников передал в музей ценные материалы о своем друге. Это его живописный портрет, портреты-рисунки тушью, фломастером, карандашом, слепок правой ладони Саша и др. По просьбе сотрудников музея Дронников написал воспоминания об Александре Симоне и опубликовал их в 1995 году самиздатом в альбоме. Также более 100 предметов – книги Саша, газеты, документы и фотографии из семейного архива – были переданы в музей его женой и племянницами. Благодаря этим материалам сегодня мы можем составить достаточно полный портрет правнучатого племянника писателя, представить его жизненную и творческую биографию.

Александр Симон родился 30 мая 1908 года в России, в Рязани, где в то время жила его бабушка, жена племянника писателя А.Н. Гончарова – Елизавета Александровна. К ней вскоре после свадьбы во Франции, весной 1908 года, приехали Елизавета и

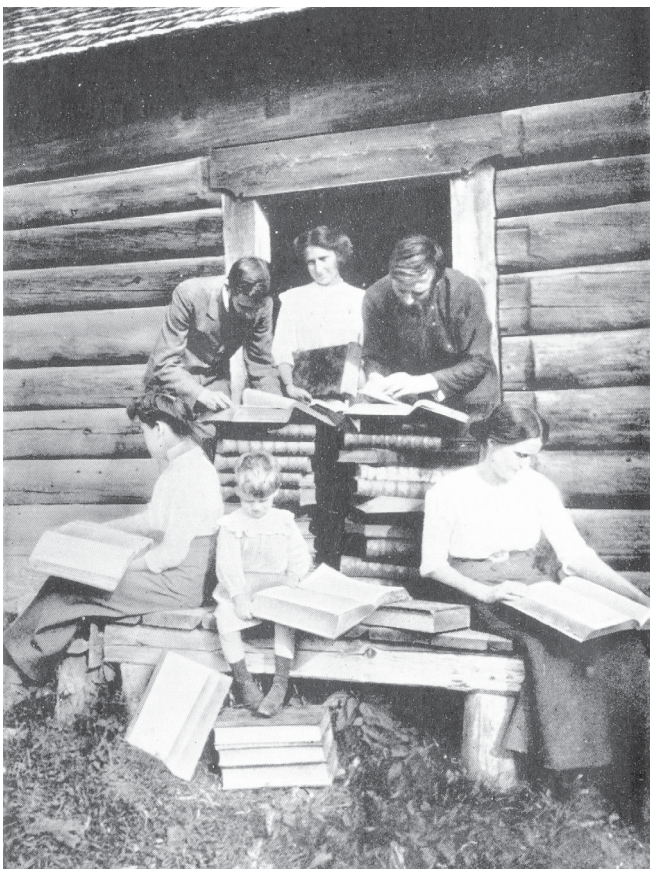
Дом в Покровском. 1915

Поль Симоны. 20 апреля в Ильинской церкви Рязани состоялось венчание родителей Александра по православному обряду, в мае родился первенец.

Позже Симоны каждое лето приезжали погостить к бабушке Елизавете Гончаровой в Россию, в её имение в с. Покровское Перемышльского уезда Калужской губернии, куда она переехала после смерти мужа. Сохранилось несколько фотографий, сделанных в Покровском в 1911–1916 гг., на которых запечатлен маленький Саша Симон. Уникальные групповые снимки августа 1911 года рассказывают о приезде в Покровское Андрэ Мазона – первого французского биографа И.А. Гончарова, который собирал в России материалы для своей диссертации. В 2002 году сын Андрэ Мазона передал музею И.А. Гончарова 37 писем, переписку месье и мадам Мазонов и Гончаровых-Симон. В письмах 1911 года можно найти описание села Покровское, господского дома и его обитателей: «Дивное место, зеленое, лесистое, холмистое, с двумя большими реками и множеством маленьких, с цветами, березами и елями. <...> Дом расположен на холме над речкой, к которой спускается сад. <...> Это большое одноэтажное строение из сосновых неотесанных бревен, внутри оштукатурено известью. Весь дом окружен простыми крыльцами и верандами».

Летом 1914 года Симоны – Поль, Елизавета и трое детей (к тому времени у Александра было уже два брата, Луи и Борис) – также гостили в Покровском, где их застало начало Первой мировой войны. Поль Симон, предполагая, что война продлится недолго, уехал во Францию, чтобы вступить в ряды французской армии, оставив жену с детьми в России. Однако война затягивалась, и Елизавета Симон решила вернуться во Францию вслед за мужем. Пуститься в длинное путешествие с тремя детьми на руках она побоялась, поэтому взяла с собой только четырёхлетнего Луи, оставив Александра, (6 лет) и Бориса (2 года), на попечение бабушки.

Несмотря на то, что Саша и Борис оказались разлучены с родителями, первые, а именно дореволюционные годы, проведенные в имении бабушки в России, Саша Симон называл впоследствии счастливыми и беззаботными, сравнивая свою жизнь в Покровском с раем. Фотографию дома, которую Саша опубликует позже в одной из своих книг о России, он с любовью назовет: «Старый деревянный дом – светлый праздник моего счастливого детства».

Семья Мазон и Симон за разборкой книг из библиотеки Е.А. Гончаровой. Покровское. Август 1911 г. На переднем плане – маленький Саша Симон

В Покровском Александр Симон дружил с крестьянскими детьми, ходил в деревенскую школу в доме попа, где девочки и мальчики учились основам грамматики и открывали сказочную жизнь Христа. Революция и Гражданская война всё изменили. В помещичьих имениях начались погромы. 30 августа 1918 года Елизавету Александровну Гончарову с внуками выгнали из их дома в Покровском. Они перебрались в Перемышль.

Началась бродячая жизнь от пристанища к пристанищу через лишения, голод, холод, страх. Елизавета Гончарова преодолевала все испытания с поразительной стойкостью. Чтобы содержать внуков, она преподавала иностранные языки в женском училище Перемышля, давала уроки музыки, работала по 8 часов в день. Иногда крестьяне из бывшего имения тайком привозили продукты. Впоследствии Саша Симон вспоминал, как в 11 лет он с бабушкой ходил рыть траншеи: «Это была тяжелая работа для бабушки и ребенка вырыть – аршин траншеи. Но через 5 часов нам раздавали черный хлеб, селедку и чашку чая, и этого было достаточно, чтобы заставить меня любить эти патриотические субботы».

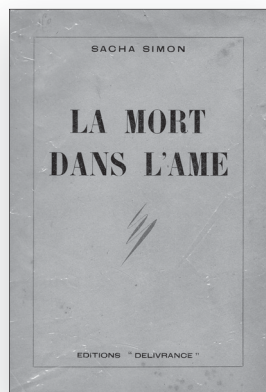
Саша учился в советской средней школе, где царил хаос. Элементарная дисциплина, внимание и уважение к преподавателям отсутствовали. Не хватало учебников, тетрадей, перьев, карандашей. От холода сидели в классах в пальто и перчатках. После занятий школа превращалась в клуб, дети устраивали литературные вечера, танцы, разыгрывали спектакли. Александр пел с товарищами «Интернационал». Зимой 1919 года в Перемышле начались эпидемии тифа и испанской лихорадки, уничтожившие пятую часть города. И дети, и бабушка провели в постели около 4 недель.

Только в 1920 году ценой невероятных усилий Елизавете Александровне удалось переправить внуков во Францию. Путь Александра и Бориса (старшему Александру было всего 12 лет) лежал через Петроград, Эстонию, Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию, и наконец в пересыльном лагере во Франции их встретили родители. Через год, в сентябре 1921-го, Елизавете Гончаровой тоже удалось покинуть Россию, и она перебралась к дочери в Нанси.

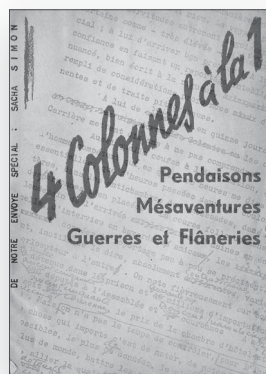
Но и жизнь во Франции оказалась нелёгкой. В феврале 1922 года в возрасте 42 лет от тяжёлого воспаления лёгких скончался отец Поль Симон. Спустя 2 года умерла и бабушка Елизавета Гончарова. Поднимать детей пришлось матери – Елизавете Симон, которая, закончив курсы машинописи, работала в банке Нанси.

К сожалению, нет точных документальных сведений о том, где и какое образование получил Саша Симон. Из листка учёта кадров известно, что Саша имел степень бакалавра, знал русский и немецкий языки.

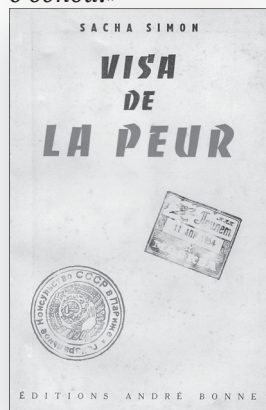
В 19 лет Саша Симон уехал на дереворазработку в Африку, два года был лесорубом в Габоне. Там в 1928-м Саша заболел малярией, от которой его излечил Альбер Швейцер – известный врач, миссионер, теолог, лауреат Нобелевской премии. Впоследствии Саша несколько раз встречался с известным доктором, писал о нем репортажи, они стали друзьями.

«Смерть в душе»

«Четыре колонки в одной!»

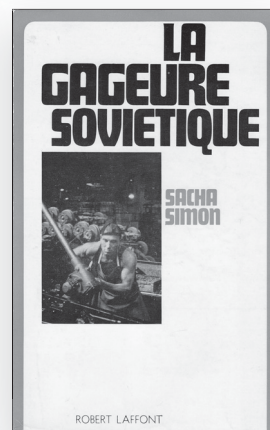
«Виза страха»

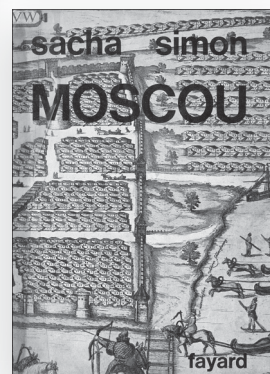
«Самая красивая деревня в мире»

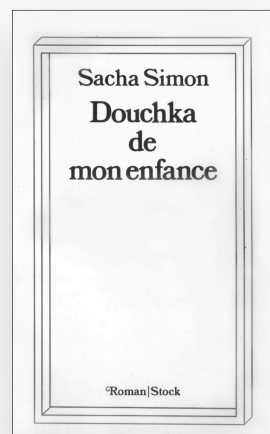
«Дорогие советские люди»

«Советское пари»

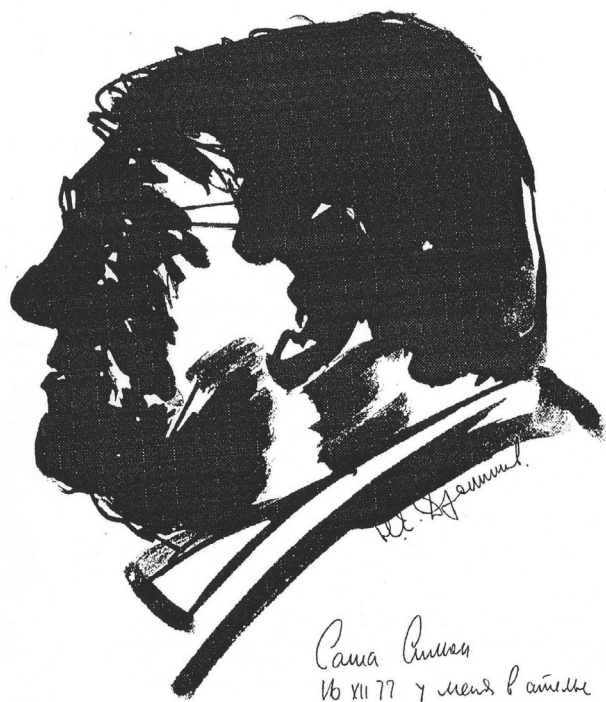
«Москва»

«Душка моего детства»

Саша Симон. Худ. Н.Е. Дронников. 1978

Саша Симон. Худ. Н.Е. Дронников. 1977

Вернувшись из Габона, в течение года Саша Симон проходил военную службу. 28 августа 1929 г. он женился. От этого брака с Ивонной Дидло родились двое детей: дочь Кристиан и сын Жан-Луи.

В это же время Саша Симон начал карьеру журналиста. С 1929 года он – уполномоченный, с сентября 1934-го – редактор в газете «Республиканский Восток», издававшейся в южном пригороде Нанси.

Одновременно с занятием журналистикой Саша пробовал писать. В 1936 году была опубликована книга «Белая юность в красной России», в которой Саша рассказал о том, что видел и пережил сам. Это автобиография в которой он рассказывает о своей молодости, детстве, проведенном в России, драматических событиях революции глазами ребёнка. Оценивая книгу, младший брат Александра Борис Симон отметил: в ней нет политических тенденций, все портреты крестьян, мальчишек, революционеров очень реальные и живые, с большой нежностью в книге описана бабушка Елизавета Гончарова, которую в семье называли Душка, а самого себя Саша представил искренним, наивным и рано повзрослевшим.

В 1939 году началась Вторая мировая война. 15 февраля 1940 года Саша Симон был мобилизован, попал в плен и пять лет (до 15 мая 1945 года) провёл за колючей проволокой в Гамбурге, где заработал болезнь лёгкого. О годах, проведённых в плену, он напишет книгу «Смерть в душе» (1947). В основу издания легли заметки, написанные мельчайшим почерком в плену и чудом сохранившиеся.

Важным событием, определившим дальнейший успех и рост в профессиональной деятельности, для Саша Симона стало его участие в качестве

журналиста-наблюдателя в Нюрнбергском процессе, куда он был направлен менее чем через полгода по возвращении из плена. В течение года (с ноября 1945-го – по октябрь 1946-го) он посещал процесс над военными преступниками. Он был одним из восьми журналистов мира, кому было разрешено присутствовать на казни нацистских лидеров. Он – автор сенсационной статьи о том, как Геринг покончил жизнь самоубийством за полчаса до казни. В 1946 году Саша Симон опубликовал свои нюрнбергские наблюдения в небольшой книге «Галерея монстров».

С Нюрнберга началась успешная карьера Саша Симона как журналиста-международника, «великого репортёра». Сам Саша отмечал: «Моим большим профессиональным везением было то, что мне выпал жребий присутствовать на повешении нацистских преступников. <...> Присутствие на казни в Нюрнберге позволило мне обойти промежуточные этапы и в 35 лет стать одним из фаворитов профессии».

Как репортер «Республиканского Востока» Саша изездил весь мир. Он был первым из европейских журналистов, которые вошли в Прагу сразу после вывода оттуда советских войск. Его репортажи из Палестины были превращены в книги: «Палестина – перекресток мира», «Палестина. 1948. Картины мира. Картины войны». Он был в Триесте во время кризиса 1947 года, в Иерусалиме, Югославии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Польше, прошёл вдоль и поперек Африку. Все эти поездки вдохновили Саша Симона на книгу «Четыре колонки в одной!», которая стала своего рода собранием репортажей, рассказом корреспондента о своей работе

в течение 1945–1950 годов. Отдельная глава книги посвящена журналистской профессии – «Искусство создания хорошего репортажа». И ещё одна – «Репортаж, который я хотел бы сделать» – о мечте Саша Симона побывать в России, вернуться в страну своего детства.

О том, чтобы получить визу в СССР, Саша хлопотал ещё со второй половины 1940-х годов. Тогда все его попытки остались без ответа. Только в 1954-м (спустя 34 года после расставания) ему удалось побывать на родине. Он был командирован в СССР «Республиканским Востоком» с целью сделать репортаж для газеты.

Саша побывал не только в Москве, он посетил Перемышль, город, где с братом и бабушкой они жили после изгнания из Покровского. 4 ночи ночевал в Перемышле в доме, где жил в 1918–1919 годах (дом стал гостиницей). Однако дорога в Покровское, куда он так стремился много лет, ради чего приехал, оказалась для него закрытой. Пристальное наблюдение и страх за себя и за жителей Покровского, для которых встреча с прежним «барином» могла иметь самые разные последствия, остановили его. «Сентиментальное путешествие», как будет называть его Саша в своих книгах, обернулось провалом. 2 октября 1954 года, т. е. сразу по возвращении, в двух номерах газеты «Фигаро» Саша Симон опубликует большую статью «Француз в СССР». В этом же году по итогам поездки выйдет в свет его книга «Виза страха».

Не осуществив в реальности мечты вернуться в Покровское, Саша Симон вновь обращается к воспоминаниям о своем детстве, публикуя книгу с говорящим названием – «Самая красивая деревня в мире» (1956). Предисловие к изданию написал младший брат – Борис Симон, детство которого прошло рядом с Сашей и бабушкой. Свою рецензию на книгу Борис назвал «Саша приоткрыл нам двери потерянного рая».

Мечта Александра Симона вернуться в Покровское осуществится спустя 6 лет. Он вернётся в Россию в 1960 году в новой должности постоянного корреспондента газеты «Фигаро» в Москве.

В мае 1960-го ему удалось побывать в Покровском, где в его честь устроили праздник. Заканчивая свою последнюю книгу о России, Саша назовет эту поездку реваншем за несостоявшуюся встречу. Вот несколько строк из книги Саша Симона: «Когда наступило время отъезда, женщины подходили ко мне, принося подарки: сало, яйца, цветы. Молодые приглашали на свадьбу, пожилые просили вернуться в сезон фруктов. Я чувствовал себя смущенным из-за этой волны чувств и не знал, что ответить. Вся деревня окружила машину, которая должна увезти меня в Перемышль, и, когда она тронулась, дети некоторое время бежали за ней, вторя своим родителям:

– Ты вернешься, Саша, ты обещал!

– Да, да, обещаю!

С комком в горле я искренне обещал вернуться и намерен был выполнить обещание через три месяца... Но преждевременный отъезд из СССР, против моей воли, не позволил этого сделать». Саша был выслан из России в ноябре 1961 года.

О том, какой увидел Саша Симон советскую страну в эти два года, он расскажет в книге, написанной по возвращении, «Дорогие советские люди» (1962), подзаголовок которой так – «Незлопамятные хроники изгнанника». В аннотации к книге читаем: «Саша Симон прожил целых два года в хрущевской России. Корреспондент “Фигаро”, говоря в совершенстве по-русски, на родном языке, видел то, чего не видели другие репортеры и путешественники, он глубоко проникнул в советскую реальность, пока не был выслан по недоразумению. “Дорогие советские люди” – это живой портрет страны и народа. <...> Теплая и приятная книга, незаменимая для тех, кто хочет узнать СССР 1962 года».

В 1965-м «Фигаро» возобновит своё московское представительство, и Саша Симон вернётся постоянным корреспондентом в СССР. В перерыве он будет жить и работать в Белграде, Югославии. Известно, что в Белграде в 1965 году Саша организовал выставку брата-художника Бориса Симона.

В белградские годы вышла в свет ещё одна книга Саша Симона о России – «Москва» (1964). Книга издана в серии «Города и страны. Великие уроки истории». В ней Саша представил 800-летнюю историю Москвы – со времени ее основания до 1964 года.

В 1968-м Саша Симон окончательно вернулся во Францию, продолжил работу репортёром «Фигаро» в Париже до выхода на пенсию в 1973 году.

В 1969-м Саша был награжден высшей наградой Французской Республики – Орденом Почетного легиона.

В том же году вышла в свет его книга «Советское пари», которую Саша Симон посвятил «тем советским людям, кто не боится правды». В ней он рассказал французским читателям о советской России всё, что видел и знал, без прикрас.

И даже после выхода на пенсию, уехав из шумного Парижа жить в провинцию Жуэ-ле-Тур, Саша Симон продолжал публиковать статьи, теперь уже в газете «Новая Республика», издававшейся в г. Тур, о том, что его волнует.

В 1974 году «Новая Республика» опубликовала анонс самой известной у нас книги Саша Симона – «Душка моего детства».

Жанр этой книги Саша определил как документальный роман. Душкой, напомним, называли в семье Симон бабушку Елизавету Александровну Гончарову. Это самая полная из книг Саша, в которых он обращался к воспоминаниям о детстве. В ней отразилась вся история: беззаботная жизнь в Покровском, изгнание, страдания и лишения в постреволюционные годы, возвращение во Францию и спустя много лет – в Россию, в «рай своего детства». Журналист Фернан Шартон в интервью по поводу книги писал: «...книга, которая получилась в результате, – это трогательная дань уважения возвращению к своим истокам. Читатели найдут в ней... то очарование, которое ставит её в один ряд с “Большим Мольном”» (романом-воспоминанием Алена-Фурнье).

Известно, что после Саша работал ещё над одной книгой – «Дьявол в Кремле». Однако она, написанная в новом для автора жанре политической фантастики, так и не нашла своего издателя.

Всего Саша Симон написал более 10 книг, 8 из которых посвящены России.

И в последние годы своей жизни Саша выступал на конференциях, рассказывая о России, СССР. Даже в живописи, которой Саша увлёкся, выйдя на пенсию, его часто вдохновляли русские сюжеты, мотивы. Он работал в оригинальной технике: создавал гипсом рельеф на ДСП, а потом раскрашивал. Это были работы в стиле наивной живописи. Одна из них – «Павлова слобода» благодаря Н.Е. Дронникову хранится в собрании музея в Ульяновске.

Саша Симон был знаком со многими известными людьми: Александром Галичем, Булатом Окуджавой, Эрнстом Неизвестным. В его доме часто звучали пластинки Окуджавы.

Умер Александр Симон 21 декабря 1988 года в возрасте 80 лет. Похоронен в Жуэ-ле-Туре. В некрологах на смерть Саша Симона в газетах «Фигаро», «Республиканский Восток», «Новая Республика», «Монд» его называли не иначе как «великим репортёром», а также «Наш Кессель», сравнивая с другим великим французским журналистом и писателем – Жозефом Кесселем.

Заключительные строки из воспоминаний Н.Е. Дронникова о своем друге дополняют и оживляют его портрет:

«Порода в Саше сказывалась во всем. Взгляд, улыбка. Нос, губы, подбородок. Меня удивляло его крупное ухо, крупные и красивые руки, длинные пальцы. Сам рослый. Манера держать себя, говорить, шутить. Шутки жестковатые бывали. Знал себе цену. Рвал с людьми. Но какая-то мягкость не сходила с его лица, как бы светилась душа. Всегда чисто и опрятно одет. Много дыма от больших сигарет. А ведь легкое одно было совсем испорчено.

Вижу его последний раз. Паралич сковал половину тела. Почти не двигался. Вытащили его на коляске погулять на моей машине к озеру. Как он любил Турень. Трудно было смотреть на него, но держался он храбро. <...>

И вот крематорий. Свободный зал, несколько родных. Звучат песни Окуджавы под Туром. Почти слышишь, как он подпевает.

Ниша в стене. Вокруг поле».

Материалы из собрания Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова

Светлана МАТЛИНА, член Союза писателей России, поэт, прозаик. Лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова. Живёт в г. Ульяновске.

Я РУССКОЙ ПЕСНЕЙ СТАНУ, В СТЕПЬ-ПОЛЕ УЛЕЧУ!

БЕЛЕЕТ ГОРОД НА ХОЛМЕ

Белеет город на холме.
Внизу волна поет волне.
Ты Волга, ты моя.

Я здесь молоденькой прошла,
Сынишку за руку вела.
Ты Волга, ты моя.

Я тут весь век свой прожила,
И в эту землю я вросла.
Ты Волга, ты моя.

Вода, как небо, голуба,
И на семи ветрах судьба.
Ты Волга, ты моя.

Твой голубой да синий свет –
Отцов и прадедов завет.
Ты Волга, ты моя.

Синеют взоры, как цветы,
И синим красят тут кресты.
Ты Волга, ты моя.

Шумит и плещется поток,
Он жизни всей моей исток.
Ты Волга, ты моя.

Белеет город на холме.
Твоя волна поет во мне,
Ты Волга, ты моя.

ПЕСНЬ О СИМБИРСКЕ

Былинные зори тут маком цветут,
Глядятся в Свягу.
И улочка с улочкой плавно текут
К оврагу.

А Волга тяжелую память несет,
Под сердцем качает.
А Волга горящей волною плеснет –
И чайка рыдает!

Заслышит душа пугачевских цепей
Усталые бредни –
Глухой перезвон среди ковыльных зыбей
По степи!

Иль разинский сон молодецкий хмельной
Ведет за собою –
Татарник кивает кровавой главой
Под тусклой луною!

И видно дорогу до Страстной Звезды,
Беды величавость,
И видно начало российской беды,
Что счастьем казалась!

О зори – сказанья о крае родном!
Ветра – подголоски!
А слава трепещет шелковым крылом –
И гнутся колосья!

И чайка рыдает во все ли концы!
И родина в хмури.
И тонет мой град, что срубили стрельцы,
В тревожной лазури!

ВСЛЕД ЗА ЖУРАВЛЯМИ

О родина, уйду в леса,
Как ты – в цветное бездорожье.
Лишь небо льется пусть в глаза
В глухих урочищах берложьих.

Спешу на зов, бегу на клик
За журавлиною гурьбою.
Когда я слышу твой язык,
Теряю власть я над собою.

И будет поздний разговор
Между речными тальниками
О той, что веку вперекор
Одна и вдаль – за журавлями...

Пройду, всему и всем родня,
Чтоб отыскать луча святого,
Где месяц белые рога
Терял, как старая корова.

Пройду и сгину в свет зари
Без друга, имени и крова.
И даже след, где купыри,
Развееется древесной кроной.

Ты знаешь лютость мятежа,
Предательств, войн и беспредела.
Из стольных городов ушла,
Где сворой рвали твоё тело.

Так где ж теперь твоя душа?
Не в той ли стае журавлиной?
Но и тогда, тоской дыша,
Я назову тебя любимой.

И ветер мне опустит веки,
Крылом укроет лебеда.
А чем держаться человеку,
Так это родиной всегда.

* * *

Я землю целую и плачу.
Я в гневные роги трублю!
Как столпник на камне горячем,
Святых за Россию молю.

И как не радеть и не плакать,
Когда с деревца иль куста
Листвы предноябрьской накропы
Краснеют, как язвы Христа.

И как же за Русь не молиться,
Как землю не целовать,
Когда в эту землю ложиться,
Любимых в нее провозжать.

* * *

Зорькой вечерней по тихой воде
Правлю я лодку навстречу звезде.

Ивы склоненные вслед мне шумят,
К новому берегу плыть мне велят.

Нет тут покоя – и есть ли покой
В милой близости и дали голубой?

Нет мне покоя – и жизни тут нет,
Только в груди тихий брезжащий свет

Вновь оживает, струясь в окоем,
Перекликается с ясным лучом.

Может быть, завтра не станет меня
И не увижу я светлого дня.

Только звезда над душою стоит,
Только печаль в моем сердце горит.

Только надежда высокой звездой,
Наша надежда на мир и покой.

ВЕЧЕРНЯЯ ЖАТВА

Дань поэта – не на потребу.
Небо – к небу. От неба – к небу.

Готово сердце к вечерней жертве,
К извечной жатве, осенней жатве.

Так звонко плакалось слово Блоково,
Что было – Блоково, а станет – Богово.

Речушка с месяцем, ветла убогая,
Считалось: наше вы, выходит – Богово.

Муки и мўки наметет жернов.
Поля готовы к вечерней жертве.

Закатной тягой, последним заревом
Зари вечерней душа одарена.

Последней жертвой – любовь вечерняя,
Где обнажаются у роз все тернии.

Бездумно жадно. Бездумно жалко.
Готово сердце к вечерней жатве.

* * *

В глазах у иволги желтеет лето.
И радугами озаренный сад,
И в речку опрокинутое небо
В ее глазах сверкающих стоят.

Каштан – старинный киевский подсвечник,
Над площадью вознесший воск свечей, –
Задумался о бренном и о вечном
В мерцанье доцветающих огней.

Так сердце переполнено любовью,
Что как фонтана мощный водомет
Дробит струями солнце голубое
И лона вод лучами достает!

И вызреет луна в зеленой Волге,
Качнется алым яблоком волны...
Приди послушать вольный плеск воды,

Как иволга роняет тонкий голос
Колечками серебряными в поле
В бегущие колосья тишины.

ОКНО

1.
Пусть хоть ночи дно,
Есть окно одно,
И горит оно,
Как в других темно.

И когда светло,
И когда темно,
Ангел, не забудь
Про мое окно.

2.
Смотрит желтое окно
В глубь ночную, глубь без снов.
У окна сидит старик,
Ко всему давно привык.

Нагляделся на веку,
Много ль надо старику.
Память прошлых лет не спит,
Все с собою говорит.

Память прошлых лет – двойник.
И к нему давно привык.
Этой памяти окно
Давним днем освещено.

3.
По осени, по затяжной
Провисли окна над землей.
Они в ночи как флаги
Из золотой бумаги.

И в той кромешной темноте,
Придавшей важность нищете,
Не видно очертаний
Стволов, предметов, зданий.

Как утопить глаза в земле,
Тоска их наполняет
Лишь окна о живом тепле
Собой напоминают.

4.
Быстры проносятся виденья,
Как прошлого живые тени.
Мой взгляд всегда прикован к ним.
Хоть прошлое – всего лишь дым,
Всего лишь дым над пепелищем,
Где птица счастья томно свищет.
Под стук часов однообразный,
Размеренный, совсем бесстрастный,
Скользит в ночи теней ладья,
Еще быстрее – жизнь моя.

5.
Черной ночи дно.
Белое крыло.
И окно одно
В ночь озарено.

Лист и танец рифм –
Легконогих нимф
С кончика пера
С ночи до утра.

И когда светло,
И когда темно,
Ангел, не забудь
Про мое окно.

КОГДА ИГРАЕТ САКСОФОН

Когда играет саксофон
Протяжно и светло,
Меня всегда тревожит он –
Еще не все прошло!

И возникает Коктебель,
Колючки под ногой,
И снова в мыслях о тебе
Гремит морской прибой.

Как роза молодость была.
Ее всплывает лик.
Я, помнишь, камушек нашла,
Тот самый сердолик

Цветаевский, Волошинский,
Судьбою мне подброшенный
И в памяти сверкающий –
Эфроновский, Цветаевский...

Весь он был красный, как огонь,
И солнцем весь прогреет.
Его тепло твоя ладонь
Хранила много лет!

Со мною дикий Коктебель
И вечер синеглаз.
И губ твоих полынный хмель,
И злая резкость фраз.

Когда играет саксофон,
Любовь берет меня в полон,
И я пою с ним в унисон
И вижу этот сон.

МАРТ. МАЙ

Не звучало пламенных признаний.
Не катились слезы по щекам.
Ни любовных клятв, ни обещаний,
Только розы падали к ногам.

Только розы, только волны света
Как обрывки заплутавших снов.
Легкий бриз и соль морского ветра
Нам не в самом лучшем из миров.

Было неподкупное сиянье
Юной, неокрепнувшей зари.
Трепет роз был как твое дыханье:
Двадцать две пурпурных, белых три.

И глаза в счастливейшем испуге.
И биенье жилки на виске.
И твои протянутые руки.
Беглый отблеск света на лице.

Так случилось самой синей ночью.
Побледнев, ты губы закусила?
Нежность и Весны священной очи...
Ты не знаешь, что же это было.

Не было ни слез, ни обещаний.
Не были пробужены слова
На пушистой зелени окраин –
Только нежность, тайна, синева.

Ты молчала. И к стене затылком.
Вверх лицом – к очам и небесам.
Ангелы еще порхали там.

Он ушел, но ты не отпустила...
Жизнь твоя как ландыш засветилась –
Первый ландыш с серебристой силой!

Ах, на рассвете – в сонь
Мяты с малиной звень,
Шум голубых лесов,
Радуги деревень!

Я не приду к тебе,
Нынче на чувства – пост.
С веток – росы капель,
В реках – купанье звезд.

Да родников язык,
Чистый, как семь молитв,
Да петушиный крик
В глушь золоченых лип.

Ах, на рассвет такой,
Все, кого нет, с тобой,
Все, кто сквозь сонь проник

Прикосновеньем губ,
Прикосновеньем рук –
Радости чистой звук
Всех, кто бессмертно люб.

ЦВЕТАМИ ЗАТОПЧУ

Весело шумят березы
В разноцветье у реки!
Парни девкам мечут с воза
Сена пышные валки.

Как любовные заклатья
Средь июльской красоты
На девичий смех, на платья
С неба рушатся цветы!

И ромашка, и гвоздика,
Колокольчик, иван-чай...
Льет на счастье ливень дивный,
Хоть вались да утопай!

Паренек откинул вилы,
Охнул, топнул, вскинул бровь:
Есть девчонка всех красивей
И я к ней зашлю сватов!

Эх вы, очи голубые,
Так и хочется украсть!
Мы живем с тобой в России!
Мы живем с тобой – сейчас!

Зацелую, заколдую
И цветами затопчу...
Только крикни: прилетай!
И я сразу прилечу!

ГУЛЯЙ, ДУША, НА ВОЛЕ!

Войду во степь, во поле,
И свету – через край!
Гуляй, душа, на воле,
От жизни отдохай!

Вези заботы, нужды,
Как вол, всю жизнь паши.
А праздник тоже нужен,
Так нужен для души!

Наклонится березка
Ветвями обнимать,
Как своего подростка
К груди родной прижать.

Я ей, моей пригожей,
Шумящею листвою,
Отдам свои сережки
И гребень золотой.

В сиреневых туманах
Вся удаль по плечу!
Я русской песней стану,
В степь-поле улечу!

Гуляй, душа, на воле,
Гуляй, душа, гуляй.
Щемящую до боли
Песню запевай!

Лилиана ЧЕРНОВАЛОВА, лектор-музыковед Ленинского мемориала

МАНЯЩАЯ, ЗАГАДОЧНАЯ РУСЬ!

Преемственность поколений: Светлана и Анисия Матлины

Эхо события

В 2019 году в Ленинском мемориале стартовал камерный филармонический проект «Музыкальное краеведение». Через год ему дали другое название: «Гений места: Симбирск-Ульяновск». Лилиана Черновалова стала автором литературно-музыкальных программ, посвященных именитым землякам, которые прославили наш край в России и в мире, – музыкантам, поэтам, писателям, художникам, просветителям, общественным деятелям.

Герои проекта – не только выдающиеся земляки из прошлого, но и славные современники, которые сегодня вносят немалый вклад в сокровищницу культуры Симбирска-Ульяновска.

Автор и ведущая программ проекта «Гений места: Симбирск-Ульяновск» музыковед Лилиана Черновалова

В этом году встречи-концерты продолжают и проводятся в зале Дворянского собрания Дворца книги.

Так, в начале года в рамках проекта «Гений места: Симбирск-Ульяновск» состоялась концертная программа «Манящая, загадочная Русь! Преемственность поколений: Светлана и Анисия Матлины» – лирико-эпическая композиция по мотивам поэзии Светланы и Нисы Матлиных. В ней приняли участие артисты филармонии: ансамбль русских народных инструментов «Садко», композитор и исполнитель, артист Ульяновского симфонического оркестра Олег Киселев, солистки Вера Чиркина, Юлия Корсакова, Эльмира Сидорова, концертмейстер Ксения Соколова, автор и ведущая программы Лилиана Черновалова. Гость программы – композитор и пианист Антон Никонов.

Ниса и Светлана Матлины

В стихах и музыке была представлена широкая панорама Руси-России от истоков до современности. Темы поэзии – темы жизни. Это и былинное прошлое, и многотрудный день сегодняшний, любовь и вера, преодоление испытаний и свет души. Объединенные в большую композицию, впервые со сцены прозвучали избранные стихи Светланы и Нисы. Поэтический коллаж проиллюстрировала музыка: произведения русских композиторов в исполнении ансамбля «Садко» и Ксении Соколовой, песни и романсы на стихи Светланы Матлиной (авторы песен – Антон Никонов, Олег Киселев, Лилиана Черновалова).

Литературную часть композиции составили стихи разных лет из книг «Переполненное эхо», «На путях земных и небесных», «Свет вечерний», «В купели волжской крещена», «Будем жить!» (С. Матлина), «Ветер в ножны» (Н. Матлина), фрагменты из книги в прозе «Чудики не умирают» (Н. Матлина).

Русь былинную, колокольную представили стихотворения Светланы: раздольная «Уральская легенда о семи кругах», заливчатая «Пугачевская мортира», величавая «Колокольная». В это широкое полотно яркой нитью вплелись колоритные фольклорно-языческие мотивы: озорные припевки «Про калину, про малину», исполненное тоски причитание «Недолюблено», мудрое размышление «Надоба». Особняком прозвучал «Пророк», отразивший драматические реалии современной России. Признанием в любви Симбирску-Ульяновску стало новое стихотворение «Мой город, на чайку похожий».

Поёт Вера Чиркина. За роялем Ксения Соколова

Эльмира Сидорова и Антон Никонов

Ансамбль русских народных инструментов «Садко»: Светлана Крашенинникова (домра малая), Светлана Крайник (домра альт), Сергей Сафронов (контрабас), Дмитрий Болдырев (баян)

В лирико-драматическом центре композиции сосредоточилась тема любви. Она нашла отражение в острых и пронзительных стихах Нисы: «Нимфа Эхо», «Огоньки», «Змеиные глаза», «Дождь идет». Их оттенили фрагменты из книги в прозе «Чудики не умирают», прозвучавшие как законченные философские миниатюры.

Многие стихи сопровождала музыка: пьесы «Ой по-над Волгой», «Русская плясовая», «Лирический хоровод», «Проводы казаков», «Богатырские ворота» в исполнении ансамбля «Садко» и Ксении Соколовой стали прекрасным дополнением к ним и значительно усилили их эмоциональное воздействие на слушателя.

Звучащее поэтическое слово есть музыка и наоборот. Песни на стихи Светланы Матлиной органично вплелись в сюжетную линию композиции. «Женщины-птицы», «Сны осени» и «Романс об ушедшем» (музыка Олега Киселева), вокальный триптих «Окно» (музыка Антона Никонова), «Былинные зори», «Ива», «Осень с птичьими глазами», «Я иду Москвой», «Остров Валаам», «Осень в Симбирске» (музыка Лилианы Черноваловой) – это тоже стихи, только пропетые: музыка раскрыла всю их пронзительную красоту, проникновенность, глубину и мелодичность.

Исполнение всех песен было премьерным. Вокальный триптих «Окно», ставший центром всей композиции, вокруг которого в своеобразной смысловой симметрии расположились остальные стихи и песни, Антон Никонов создал в начале года. В исполнении автора и Эльмиры Сидоровой он прозвучал убедительно и своим драматизмом, острой контрастностью и цельностью формы произвел на слушателей сильное впечатление. При всей камерности это произведение получилось монументальным, метафоричным и исполненным глубокого философского смысла.

Антон Никонов выступил в программе как автор аранжировок для песен Лилианы Черноваловой. Его смелые и дерзкие интерпретации обнаружили в

песнях особенные грани и с удивительной точностью раскрыли в стихах психологический подтекст, спрятанный между строк.

Песни Олега Киселева, в исполнении автора, озвученные теплым лиричным тембром голоса в камерно-нежном сопровождении гитары в контрасте со звонкими и звучными сопрано солисток, внесли в атмосферу концерта ноту уюта, умиротворения и мудрого спокойствия.

Ярко и жизнеутверждающе прозвучала в финале композиции песня Лилианы Черноваловой «Осень в Симбирске» в исполнении Юлии Корсаковой и ансамбля «Садко», в аранжировке Ивана Крайника.

Покидая концерт, слушатели унесли в сердце целую гамму разнообразных чувств. Представленная программа – это музыкально-поэтический коллаж, наполненный яркими контрастами и динамикой. Концерт прошел на едином дыхании, не позволил зрителям расслабиться и скучать, до конца удерживая внимание в легком напряжении. Погрузившись в богатый, красочный, мудрый и музыкальный мир поэзии Светланы и Нисы Матлиных, каждый зритель нашел чем восхититься, о чем задуматься, и каждый сделал свой вывод и свое открытие.

*Фотографии предоставлены
пресс-службой Ленинского мемориала*

Поэт Юлия Корсакова

Слева направо: Лилиана Черновалова, Ксения Соколова, Вера Чиркина, Олег Киселев, Юлия Корсакова, Светлана Матлина, Ниса Матлина, Антон Никонов, Эльмира Сидорова

*Через смартфон по QR-коду можно увидеть
программу «Литературная гостиная.
УлправдаТВ» с участием
Светланы и Анисии Матлиных*

РЕКА ТВОЕЙ ДУШИ

Объявлены имена лауреатов
молодёжной литературной премии
«Первая роса»

«ПЕРВАЯ РОСА»

В День поэзии во Дворце книги наградили победителей областной молодёжной литературной премии «Первая роса». Премия учреждена министерством искусства и культурной политики Ульяновской области для поддержки молодых авторов с целью привлечения внимания широкой общественности к литературным произведениям талантливой молодёжи.

Участников и гостей торжественной церемонии поприветствовала министр искусства и культурной политики Ульяновской области Евгения Сидорова.

В номинации «Поэзия» лауреатом премии стал Артём Прошин, дипломантами номинации стали Татьяна Федоровичева, Мария Смирнова и Елизавета Куряева.

В номинации «Проза» лауреатом премии стал Илья Разумовский, дипломантами номинации стали Татьяна Филатова и Василий Тишин.

В номинации «Иной жанр» лауреатом стала Виктория Варфоломеева, дипломантами номинации стали Ксения Терновых и Милена Староверова.

Члены жюри поделились своим мнением о творчестве участников, выступили председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Николаевна Даранова, председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области Александр Дашко, член Союза писателей России Любовь Викторовна Папета, поэт и краевед,

член Союза писателей России Николай Викторович Марянин.

Премия «Первая роса» стала уже традиционным событием в культурной жизни региона. Попробовать свои силы смогли молодые авторы, проживающие в границах территории Ульяновской области, в возрасте от 18 до 37 лет включительно. В совет по присуждению ежегодной областной молодёжной литературной премии «Первая роса» поступило 57 заявок из города Ульяновска, Димитровграда, Николаевского, Сенгилеевского, Барышского, Инзенского районов.

Участники и организаторы «Первой росы»

Лауреат конкурса Илья Разумовский и министр искусства и культурной политики Ульяновской области Е.Е. Сидорова

Илья РАЗУМОВСКИЙ родился в Ульяновске в 1988 году, архитектор, художник, фотограф, писатель. Пишет в различных жанрах: философия, мистика, реализм. В творчестве синтезирует современное искусство и науку с футуристическими идеями будущего и мистическим опытом прошлых веков. Лауреат областной молодежной литературной премии «Первая роса», регионального фестиваля-фотоконкурса «Экология-Безопасность-Жизнь», конкурса короткого рассказа «Человек есть тайна. Её надо разгадать...», межрегионального молодежного православного творческого конкурса «Волжский благовест». Публиковался в сборниках «Симбирлит» и «Образ слова», в журнале «Симбирск».

ГОСТЬ

*Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий,
Задремал я над страницей фолианта одного,
И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застукал,
Будто глухо так затукал в двери дома моего.
«Гость, – сказал я, – там стучится в двери дома моего,
Гость – и больше ничего».*

Иван Петрович был человеком пожившим, лет пятидесяти. Жил он в небольшом посёлке Пригородное, и как следует из названия, посёлок этот очень близко прилегал к городу. Раньше он состоял только из частных домов, но постепенно стал застраиваться трёхэтажками из красного кирпича на два подъезда. Город наступал на посёлок. Но Иван Петрович жил в его старой части, не затронутой деятельностью безвестного архитектора, заменявшего своими безликими творениями старые одноэтажные домики. Жена Ивана Петровича, бывшая уже жена, переехала в одну из таких благоустроенных квартир.

Он просто промотал свою жизнь, ничего особо в ней не добившись. Людмила постоянно упрекала его тем, что вышла за него замуж только из жалости. Но на самом деле это было неправдой, по молодости Иван Петрович был мужчиной даже привлекательным. И хотя сейчас внешне он поистрепался, прежние мужественные черты еще угадывались в его внешности.

Пьянки и лень, безработица, перестройка, маленький депрессивный населенный пункт, безнадёга. Но он и не пытался из этого вырваться, он просто жил в этом, был частью такой вот нехитрой жизни. Он не сопротивлялся злу, которое было вокруг него. Людмила была женщиной более амбициозной, но терпела мужа – приносит деньги и ладно. Но когда стало совсем невмоготу, ушла. Потому и переехала в новую квартиру, небольшое достижение, но она им гордилась. Иван Петрович сохранил с женой хорошие отношения, почти двадцать лет брака все-таки, дети.

Он остался в своём доме на окраине Пригородного, перебиваясь временными заработками в ожидании выхода на заслуженный отдых. Ну как временными, иногда он уходил, а по-простому – в запой, его увольняли, но потом брали на прежнее

место, потому что «а кого же ещё?» Не было человека более безропотного и терпеливого, молодые скотского отношения не выдерживали, срывались и уходили.

Жизнь менялась вокруг, но для Ивана Петровича она явно делала исключение. В его существовании ничего не менялось, ну или почти ничего, и эти изменения были слишком незначительны. Одиночество скрашивала бутылка да друзья, к слову, большинство из которых уже ушло из жизни раньше него – человека мягкотелого. Жена ему в укор ставила его слабый характер, но, когда очередной предприимчивый приятель отправлялся на кладбище, по пьяни или криминалу, осекалась и только поджимала губы, сказать было нечего.

Может быть, жить Иван Петрович и не умел, но выживать научился, лопатой не убьёшь, как шутил приятель Анатолий.

Выходные проходили по знакомому сценарию: заседали у Ивана, хотя это ему не очень нравилось. Приятелей к себе приглашать – потом не выгонишь, так и спиться совсем недолго. Раньше Людмила дружков гоняла, а теперь как-то надо самому справиться с этим делом.

Толик всё удивлялся, что нет луны на небе последнее время, темно – хоть глаз коли.

– Да что ты всё заладил, далась она тебе? – говорил ему Иван Петрович.

– Ничего ты не понимаешь, – отвечал ему приятель, – ежели луны нет, то она где?

Тут он сделал театральную паузу. Ивану Петровичу стало смешно, и он ляпнул:

– У меня на чердаке!

Анатолий выпучил глаза и процедил:

– Нееее.

Набрал воздуха в грудь и потаённым голосом произнёс:

– Значит это одно, что её чёрт украл, во!

– Скажешь тоже, я тебя давно знаю, сочиняешь вечно, – фыркнул Иван Петрович.

– Да я тебе верно говорю! – Анатолий был основательно пьян.

Иван лежал на кровати, в пустой комнате мерно тикали часы, в голову лезли путанные мысли. Через зеленоватые занавески пробивался сумрачный ночной свет. А ночи последнее время и вправду безлунные, нет луны на небе, вроде и не темно совсем, как сегодня, а привычного лунного рогалика не видно. Почему-то всплыл в памяти недавний хмельной разговор. Но быстро растворился в потоке других мыслей. Он ворочался, но никак не мог найти удобного положения, заснуть не получалось, и он сел на кровати, оперев руки о колени и свесив голову.

Его донимало беспокойство, которое не давало уснуть уже несколько тревожных дней. Он услышал тихий звук, словно кто-то тяжелый осторожно ходит по чердаку. И повинувшись любопытству, прошел на кухню, откуда был лаз на чердак. Приставил лестницу и стал подниматься. Откинул крышку и высунулся наружу. Все озарил белый свет, ему даже пришлось закрыться от него рукой, он слепил сонные, привыкшие к темноте глаза. Увиденное поразило его, и он чуть не свалился вниз. Луна освещала треугольное пространство чердака. Как она сюда попала, гадал Иван Петрович? Он торчал по пояс из люка, одна часть его туловища была на чердаке, а остальное находилось ещё внутри дома.

Вот она причина его бессонницы, прокралась незаметно на чердак, кто бы мог подумать. Луна, точнее месяц еще, молодой. Да как же это так, поместился ведь! Приблизиться к месяцу Иван Петрович не решился, от нервного потрясения ноги стали ватными, он почувствовал болезненную истому, разливающуюся по телу. Закрыл крышку, спустился вниз, лег в кровать, закрыл глаза и, наконец, заснул.

Этого не может быть, точно, почудилось, сон приснился. Так твердил себе Иван Петрович утром. Не может быть, потому что не может ни с того ни с сего такое случиться, да и как бы она поместилась на чердаке? Нет, точно – сон. Реалистичный очень, вот и всё. Промучился бессонницей, вот и привиделось. Но фантастично, расскажешь – не поверят. А случись такое в реальности, рассказал бы я кому о таком? Тут он прервал цепь рассуждений и посмотрел в сторону двери на кухню, где был лаз.

Он шёл из магазина по улице, освещённой редкими фонарями. В пакете были продукты. Шорох пакета, шуршание травы и гравия, стрекот цикад. Всё было как обычно, тишина и покой. Ему нравилось такое время – идёшь себе, и мысли растворяются в вечерней мгле, всё завтра, всё потом. Но Иван Петрович поймал себя на том, что интуитивно прислушивается к вечерней тишине. Было еще что-то помимо утлой улицы, чахлой травы и тусклых фонарей. Кто-то совсем рядом часто дышал, следовал за ним от магазина и наблюдал. Иван Петрович остановился, кто-то невидимый за его спиной тоже остановился.

– Ты кто? – спросил Иван Петрович не оборачиваясь.

Ответа не последовало, и он повернулся.

– Тьфу ты, – бросил Иван Петрович, – собака приبلудилась.

Сначала он подумал, что это местная дворняга. Вообще, он даже любил собак. В детстве мечтал завести настоящую породистую овчарку, но потом это желание прошло, затерялось. А вот Людмила терпеть собак не могла.

– И что ты за мной увязался? – Иван Петрович разговаривал с собакой как с ребенком, чуть наклонившись и положив руки на колени.

Собака молчала, спокойно глядя выразительными желтоватыми глазами.

– А ты не дворняга, вон голова какая здоровая, – заметил Иван Петрович. Хотя в сумраке было плохо видно, но он разглядел своего спутника: крупная, с большой скуластой головой и стоячими ушами, собака производила внушительное впечатление.

Иван Петрович сделал несколько шагов, озираясь на собаку, собака проследовала за ним. Иван Петрович остановился, собака тоже остановилась.

– А... может быть... – он полез в пакет, достал коляску колбасы, отломил кусок и бросил собаке.

Собака понюхала, понюхала и есть не стала.

– Вот значит что? – обиделся Иван Петрович.

Собака молчала, только приоткрыла пасть и высунула язык.

До дома дошли вместе, но в калитку собака не пошла, осталась снаружи, Иван Петрович махнул на нее рукой и вошёл в дом.

Луна висела в пространстве чердака и слегка покачивалась. Зрелище было фантастическое, но было в нем что-то даже обыденное, словно так и должно быть, и ничего в этом необычного нет. Чердак был завален различным хламом, которым никогда не пользовались, но хранили по причине особой «нужности». Моток веревки, стремянка, какие-то ящики, санки. И еще много всего хранилось в этом царстве забвения, не из скупости, но из бережливости!

Луна была молодая и совсем худая, похожа на корку от дольки апельсина, не выросла ещё. Хотя светила она ярко, как лампа дневного света.

Значит, ему это всё-таки не привиделось, думал Иван Петрович. Он не решался подняться на чердак, чтобы проверить, всё уверял себя, что это чудной сон такой был. И этот самообман довольно долго действовал. Но что-то не давало покоя, тревожное видение никак не забывалось. Снова и снова его тянуло посмотреть, что там, на чердаке, от этих мыслей делалось как-то волнительно и страшно. Так бывает, когда дети фантазируют себе различные чудеса, играя на погребнице или на таком вот пыльном чердаке. Это недоступно взрослым, поэтому Ивану Петровичу одновременно хотелось и разочароваться – откинешь люк, а там ничего нет, темнота да забытый хлам. Точнее, как человек зрелый, он был готов к тому, что никаких таких чудес на свете никогда не случается.

В лунном свете всё грезилось по-новому, не так обыденно. Он придавал окружающему пространству и предметам нечто загадочное. Иван Петрович приблизился к рогалику луны, была она совсем как на небе, видны все кратеры и щербинки, сомнений не было – луна настоящая! Он протянул руку, хотел

потрогать, диковина, а остальное где? Того, что скрывает тень Земли, когда луна на небе, не было – пустота. Он сунул руку в эту пустоту, и луна задела, тонко и печально, её голос был похож на человеческий. От неожиданности Иван Петрович отдернул руку, луна замолчала.

Ему почему-то стало жаль луну, отчего она прячется у него на чердаке? И почему он решил, что она именно прячется? Вряд ли на этот вопрос можно было ответить рационально. Он ждал, что луна исчезнет, но она не спешила покидать уютный чердак ни через день, ни через два.

Жизнь вошла в колею, но уже с необычной тайной, которую приходилось сохранять. Между Иваном Петровичем и луной постепенно возникла незримая, невербальная связь. Ему казалось, что луна о чем-то говорит, не словами, конечно, а светом, что ли, или звуком. Иногда луна пела, и это производило гипнотический эффект.

А ещё Иван Петрович решил так – раз луна тонкая и худая, значит, она должна вырасти, а чтобы она могла вырасти, ей надо регулярно питаться. Это логично. И Иван Петрович взялся её подкармливать.

А луна росла и росла, теперь она ела сама с аппетитом. Кормить ее, как раньше, с ложки уже было не нужно. Иван Петрович так привык покупать продукты для луны, что стал есть то же самое. Ей нравились молочные продукты, особенно сыр и молоко. Неудивительно, думал Иван Петрович, луна ведь состоит преимущественно из сыра, это все знают. Уважала она и другие продукты – круглой формы или белого цвета, пряные и сладкие. Поэтому приходилось резать все на кружляши, которые луна с удовольствием поглощала. Процесс подготовки для Ивана Петровича превратился в своего рода волшебный ритуал, методом проб и ошибок он выяснял, какие продукты и в каком виде станут есть луна. И получалось очень даже вкусно.

Молоко с маслом и мёдом, белая сдобная булка, овсяная каша с маслом и изюмом, творог с молоком и рисом. Любила луна круассаны и чай с лимоном. Мандарины ела дольками, а какао пила с корицей. Иван Петрович даже научился печь блины и жарить сырники. В первый раз за долгое время он чувствовал себя причастным к чему-то, что не было частью обыденной скучной жизни. Иван Петрович макал блины в сметану и ел, луна тоже ела, он приобрел привычку говорить с луной. Почему-то с ней было легко делиться тем, что на душе. С Людмилой он не чувствовал такой же легкости, даже в начале отношений.

На чердаке, в ящике, он нашел выцветшую фотографию, где он, совсем еще молодой, стоял рядом с симпатичной девчонкой, и это была не его жена. Было в той юношеской дружбе между нескладным парнем и худенькой девочкой что-то, что он потом навсегда потерял. Обнаружились в этой коробке и другие памятные вещи. Он вынул игрушечную модель машины «Чайка», в лунном свете она выглядела совсем как настоящая. В груди его что-то защемило, а к горлу подкатил ком.

Была у метаморфоз, произошедших в жизни Ивана Петровича и негативная сторона. Он сам не

заметил, как многие прежние знакомые отшатнулись от него. Стал он нелюдим, пить бросил, одеваться стал по-городскому, правильный какой-то стал. Подозрения пали на то, что он попал в секту. Ничего такого, конечно, не обнаружилось, но осадок остался. Иван Петрович стал скрытен, чем и питал различные домыслы.

– Ты эта... от коллектива отрываешься, – упрекал один приятель на работе.

– И ничего не отрываюсь, – возмутился Иван Петрович.

– Тоды выпьем? – Харитон, так звали круглолицего коллегу-слесаря, звонко стукнул себя пальцем по горлу.

– Не хочу, потом, может, как-нибудь, – юлил Иван Петрович.

– Брезгуешь, вот я и говорю, Вань, – он не договорил, но упрек был понятен.

– Да завязал я, короче, – поставил точку Иван Петрович.

– Ты никак в начальники метишь... – Коллега присвистнул. – А был человек...

Ни в какие начальники Иван Петрович не метил. Приходилось выкручиваться, не мог же он рассказать, что от прежних привычек его заставил отказать небесный объект, тайно проникнувший к нему в дом.

Неожиданно для себя Иван Петрович стал центром поселковых россказней и кривотолков. По поселку стали ходить о нём разные слухи, на что Иван Петрович отвечал, что это всё вранье, но по его растерянному виду было понятно, что он что-то скрывает. Всё это усугублялось тем, что у его дома стала собираться стая под предводительством большого пса и выть по ночам. Соседи смотрели косо, он прятал глаза, говорил, что не понимает в чем дело. Собак всё же удалось прогнать, но та большая собака продолжала ходить за ним следом. Она появлялась, как тень, провожала его по вечерам – по безлюдным улицам, с работы или до магазина. Держалась интеллигентно, на расстоянии. Прогнать ее не получилось, и он смирился.

Сплетни дошли и до бывшей жены Ивана Петровича. Продавщица утверждала, что он завёл огромную собаку, о чем поведала Людмиле, а Людмила уверила себя, что никакая это не собака, и продавщица намекает на то, что Иван Петрович завёл женщину. Ах, если бы она только знала, если бы знала...

Людмила нагрянула неожиданно, под каким-то нелепым предлогом, её точило любопытство.

– У тебя кто-то есть. И чем это пахнет? – Пахло вкусно, по-домашнему, так пахнет только в доме, где есть хозяйка.

– Я готовил, – ответил Иван Петрович.

– И когда ты сам в жизни-то готовил? – с издевкой произнесла Людмила.

– Научился вот.

– Да ты точно бабу завёл, верно мне говорили.

По чердаку что-то заходило, словно перекачывалось что-то большое и тяжёлое.

– А тебе, собственно, какое дело?

– Нет, ты скажи, – пыталась Людмила, – как её зовут?

Возмущению её не было предела, она ревновала.

– Тебе-то что, мы в разводе, и ты сама ушла от меня, забыла?

– Так я и знала! И что это там у тебя на чердаке? – она всё не унималась.

Над Иваном Петровичем нависла угроза раскрытия. Ему чудилось, что сейчас луна катается по чердаку, откроется люк, и она из него выпадет, и тогда всё... Что всё – вряд ли он сам мог ответить на этот вопрос, но чудилось нечто катастрофическое. Людмила не должна узнать.

– Нету там ничего. – Иван Петрович старался сохранять самообладание.

– Я слышала только что! Ходит кто?

Доски перекрытия над комнатой снова закрипели.

– Всё, уходи, я не обязан перед тобой отчитываться! – вспыхнул Иван Петрович и буквально вытолкнул удивлённую бывшую супругу из дому.

Было уже темно, когда к Людмиле прибежала подруга – хорошенькая блондиночка Светка. Из ее сбивчивой речи Людмила практически ничего не могла понять. Она усиленно жестикулировала руками, пытаясь компенсировать недостаток слов, чтобы высказать увиденное.

– Ванька, Ванька-то! – причитала Светка.

– Что, с Иваном что-то случилось? – пыталась Людмила.

Со слов Светки, с Ванькой случилось вот что: дом его осветил яркий луч, исходящий от огромной полной луны, было полнолуние сегодня. Иван, значит, Ванька-то, вышел из дому в одной рубашке и кальсонах да и пошел по этому лунному лучу аки посуху. Врала она, конечно, нещадно, но она была главной сплетницей в посёлке и всегда всё узнавала самой первой (как ей это удавалось – никому не известно).

Может, и не было ничего такого в реальности, но что-то же так впечатлило Светку, что она стала плести такие байки?

Светлана увлекла Людмилу на улицу, трещала что-то невнятное попутно: про дом Ивана, про то, что он-де что-то украл и теперь раскаивается, про свет и лучи, и еще какие-то небывшие про любовницу, которые и спяну не выдумать. Оказавшись на улице, подруга буквально повернула Людмилу по направлению к дому Ивана Петровича. Людмила не поверила своим глазам. Из того места, где, по ее предположению, был дом бывшего мужа, исходил яркий луч, как из прожектора, бивший далеко в чёрное небо.

К тому времени, как они прибежали к «Ванькиному дому», там уже, несмотря на поздний час, собралось толковище из любопытных. Был там друг Ивана Петровича – Анатолий. В его пакете звякали бутылки. Местная, праздно шатающаяся молодёжь. Соседи, среди которых была и продавщица из местного магазина, распуская о нем слухи.

Иван Петрович шел по лучу и был уже довольно высоко от земли. Но его ещё хорошо было видно. Только это был другой Иван Петрович. Точнее, это был он, но как будто не он, а человек, чем-то похожий на него. Людмила увидела вместо Ивана Петровича такого, каким она его знала, молодого мужчину

с уверенными чертами лица и умным и немного хитрым взглядом голубых глаз. В общем, был это тот же Ванька, только он был молодым. Сейчас, наверное, было в его внешности что-то, чего ему всегда не хватало, уверенности, что ли, или ума.

Иван Петрович шел, мягко ступая по лучу босыми ногами, почему-то он решил, что по лунному свету лучше идти босиком. Но надел брюки и белую рубашку, так наряднее, а рукава рубашки по рабочей привычке закатал. Внизу, среди собравшихся, он узнал Людмилу, махнул ей рукой и крикнул:

– Прощай!

Людмила молитвенно сложила руки и выкрикнула в ответ:

– Ваня!

– Ей показалось, что он посмотрел на нее, махнул рукой и крикнул что-то в ответ. Ей показалось, что это признание в любви.

А вот продавщица показала, что Иван Петрович ей крикнул что-то нехорошее, она плюнула и отвернулась. Протяжно и страшно завывала собака. И каждый из собравшихся глядел на это фантастическое событие и думал о чем-то своём. Каждому привиделось что-то свое: кому-то хорошее, а кому-то плохое, кому-то печальное или, наоборот, весёлое.

– Вот такая история приключилась у нас в городе. Только о ней не помнит уже никто, дом Ивана Петровича снесли, вряд ли сейчас кто-то может сказать точно, где он стоял. Людмила, жена его бывшая, уехала, дети тоже разъехались. Приятель Ивана Петровича, Анатолий, после тех событий пить бросил, но прожил недолго.

В парке на лавочке сидели двое: один – высокий, с пепельными волосами, другой – чернявый, в косухе.

– Ну ты выдумывать, – усмехнулся парень в кожанке.

Долговязый позвал, к нему на зов подошла здоровая собака.

– Вот это собачка, точно Баскервилей. – Кажется, он всех больших собак называл таким манером.

Долговязый улыбнулся.

– А вот он помнит, – он погладил «баскервилия» и продолжил: – Полиция завела дело, искали с разыскной собакой, она взяла след, но на том месте, где Иван Петрович ушёл по лучу, всегда останавливалась. Прочесали пруд, обследовали дом, но ни самого Ивана Петровича, ни каких-либо следов его исчезновения не нашли. Единственная странность – установили, что пропавший много времени проводил на чердаке своего дома, и всё там покрыто тонкой серой пылью. Такой же пылью было покрыто всё и в самом доме. От показаний толку никакого не было по причине их особой фантастичности. Дело на том и застопорилось.

– Хм, откуда ты такие подробности знаешь?

– Откуда? – эхом отозвался высокий. – Так это легко объяснить, от проводника той сыскной собаки и знаю.

Он замолчал. Пауза затянулась, а потом разговор перешёл на что-то другое, и они ушли. Парк опустел, мерно падали листья. Была осень.

Виктория ВАРФОЛОМЕЕВА, поэт и прозаик, член Ульяновского регионального Совета молодых литераторов СПР, лауреат областной молодежной литературной премии «Первая роса», межрегионального молодежного православного творческого конкурса «Волжский благовест». Публиковалась в сборниках «Образ слова» и «Родина в наши впадает сердца».

Родилась в Пензе, окончила Пензенскую государственную сельскохозяйственную академию. Первые стихи и прозу начала писать в детстве, первый раз опубликовалась в 9 лет в никольской газете «Знамя труда».

Миниатюры

На качелях

Качели – средство для веселья, разрядки, ощущение полёта. А ещё это возврат в детство, мягкое убаюкивание твоей мамой, лёгкий ветерок по телу, свечающееся солнышко, улыбка на лице.

Справа от меня парень, который не катается – сидит. В ушах музыка, задумался. Слева – рабочая гражданка Таджикистана, которая присела отдохнуть на минут пять – поделала упражнения и задремала в тени. За ней девушка, отчаянно наяривающая воздушное пространство. Все выше и выше, она сейчас не здесь. Не на фонтанной площади, она в плеере и в своей жизненной ситуации. Отчаянно старается выбить что-то из своей головы.

И я, тихонько покачивающаяся, замедлившаяся в пространстве, наблюдающая, наслаждающаяся тишиной ещё не проснувшегося центра города. Я здесь, я сейчас. Момент, и день закружит меня в своей кутерьме. Дела, встречи, события. А сейчас я парю, словно птица, вдыхая аромат родного города.

Снег

А вы когда-нибудь ехали поздно вечером на автомобиле и наблюдали за движением надвигающихся на лобовое стекло больших пушистых снежинок?

Как они красиво потоком влетают в стекло, создавая эффект 3D? А если сфокусировать внимание на их потоке, то получается, как будто ты не на земле, а в каком-то другом пространстве, в параллельной Вселенной, летишь среди космических частиц куда-то. Ты не знаешь времени. Ты в моменте. Здесь и сейчас. Ты весь во внимании. Ты наблюдаешь полёт снежинок. Какие они красивые, воздушные, лёгкие. Как перья Ангелов. Это очень романтично. И волшебно. Магическое состояние, медитативное. Твой ум расслаблен, твои мысли далеки от обыденности. Ты в потоке жизни. Только здесь, только сейчас. И это длится бесконечно. Тишина. Лёгкий шум колёс от сцепления со снежной дорогой. И его слова: «Я заказал этот снег специально для тебя!»

Путешествие

Путешествие – своеобразный диалог с самим собой, с миром, с Богом.

Когда мы путешествуем, мы узнаем себя, свои возможности, свои желания.

Нам хочется увидеть то, что мы еще не видели. Или вернуться туда, где мы еще физически не были, но наша душа уже побывала там.

Материалы для публикации подготовила
Алина Осокина

Итоги «Первой росы».
Литературная гостиная. УлправдаТВ

ЖИТЕЙСКИЕ
ИСТОРИИ

Марина БИРЮКОВА, поэт, журналист, редактор. Лауреат литературной премии им. Валерия Прокошина. Живёт в г. Саратове.

НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ

Повесть

В последний день осени Геннадия Федоровича выписали из больницы. Стояла самая тяжелая погода – сухая серая стужа при чистом льдисто-голубом небе. Чернели кроны вязов, хрипло переговаривались вороны. Три недели назад, когда его забирала из дома скорая, было теплее, да и мало что он в те минуты соображал – надел легкую вытертую кожанку и летнюю кепку. А теперь – едва шагнул на больничное крыльцо, сразу замерз.

В тот же день выписали Николая Егорыча, ровесника и давнего приятеля – вместе работали на заводе минеральных удобрений. Но Егорыча встречал сын Андрей на синей «десятке». Крепкий, круглоголовый и тоже уже немолодой, он взбежал на крыльцо, кивнул Геннадию Федоровичу, забрал у отца сумку, взял его под руку и повел к машине. Геннадий Федорович стоял, опираясь на палку, с глупой надеждой что Андрей – в параллельных ведь с Владиком учились! – сейчас вернется на крыльцо, заберет сумку и у него тоже, да и подвезет его, глядишь, до дому, что тут везти-то – три минуты. Может быть, Егорыч сына об этом сейчас попросит, вот же только вместе смотрели футбол по телевизору в больничном холле.

Но Егорыч, видно, слишком рад был своей выписке и тому, что у него такой замечательный, заботливый сын. Дверка стукнула, «десятка» тронулась.

Ничего, Гена. Сейчас побыстрее чуток пойдём, согреемся. А дома котел сразу затопим и чайник поставим. В магазинчик заглянем, печеньица хоть к чаю, да еще чего-нибудь, дома-то, поди, вся еда пропала.

Ан нет, отходился ты, Гена, быстро-то. Укатали сивку горки жизни. Зуб на зуб не попадает, разве что в церковку сейчас зайти – там всегда открыто и уж потеплее, поди, чем на улице. Хоть не больно-то я верующий, а погреться чуток могу.

Церковка стояла новенькая, желтая, как деревенское масло, с ярко-синим куполком. Под нее переделали старый промтоварный магазин. В этом магазине они с Ниной покупали Владу три велосипеда, один за другим: сначала самый первый, трехколесный, потом «Школьник», потом уж взрослый. Да что вспоминать. Красивая какая икона – и одни огарки перед нею. Можно купить вон там свечку и зажечь. Ага, вот эту мне, длиненькую, за двадцать рублей.

– Господи, Ты все знаешь. Может быть, Ты и меня уже туда к себе заберешь? Только без мучений бы мне, тихо, лучше всего во сне. Я уж намучился, Господи, выше крыши.

– Ты еще здесь нужен.

Этот ответ раздался – не снаружи, а внутри, без физического звука, но с такой отчетливостью, что маловерующий Геннадий Федорович... просто не знал, что думать. И попробовал улыбнуться:

– Да кому ж я нужен-то здесь теперь, Господи Иисусе?..

Этот почтовый ящик они прибавляли к калитке вместе с Владиком, когда ему было девять лет. Учись, учись молоток-то держать, ты ж мужик. Теперь ящик уже весь ржавый, покрасить бы, да зачем...

Есть зачем в ящике белеет конверт.

Димка. А что за адрес-то обратный?.. ИТК-3... Господи, Господи, так я и знал.

«Деда, привет! Пишет тебе твой непутевый внук Дмитрий. Деда, ты меня не ругай, так вышло, что я присел. Помнишь, я звонил тебе летом с чужого телефона?.. Я проигрался тогда сильно, дед, заплатить мне нечем было, я прятался у людей одних в деревне. А потом уехал оттуда и на этих ребят опять напоролся, и один там мне говорит: «Нет бабла у тебя, значит, отработывать будешь». Ну, я им и отработал – на три года общего режима. Детский срок-то, дед. Не будем, как говорится, духом падать. Ты прости меня, дурака, дедушка мой родной. Ты мне теперь единственный человек...»

Геннадий Федорович остановился и резко прикрикнул на себя самого: реветь, как баба, глупо. Он тебе еще не то напишет, Димка твой. Они там все – как прижмет их, так начинают письма писать душевнораздирающие... И впрямь поверишь: поумнел человек, а на деле что? Выйдет и опять то же самое.

Нет, нет. Нельзя, чтоб опять то же самое – у Димки нашего с Ниной. Ты еще нужен здесь, Димкин деда. Помнишь, как он просил тебя в ту ночь после ее похорон: «Не умирай?»

Жутко, когда дом большой – и пустой, холодный, только в одном его углу лежит теплый человек. Неловко повернув голову на плоской подушке, глядя в лунные прямоугольники окна, Геннадий Федорович думал: почему дети так непохожи на родителей? Одно ли время тому причиной?

Геннадий с Ниной всю жизнь стремились к знаниям. Геннадий после армии шесть лет учился в институте на вечернем: днем на заводе работал, вечерами лекции записывал, ночами к семинарам готовился. Куда деваться – отец погиб на войне, мать заболела и обезножела, младшая сестренка подрастала – Любаша...

Нина – деревенская, из многодетной полуголодной семьи, но тоже ведь как упорно шла: восьмилетка в деревне, девятый-десятый – в районном интернате, педучилище очно, пединститут заочно, уже с Владиком маленьким на руках. И всё на одни пятерки. И разговора такого не было – чтоб не учиться! Святое это для нас было – образование.

А вот у Владьки этого как-то не было... Мальчишка он был живой, озорной, заводила, на хокее помешанный, всю нашу сборную знал, портреты Харламова собирал, целая папка у него была... И сам шайбу лихо гонял на катке. Но вот учиться не любил. Нина Матвеевна, хоть и младших классов учитель – до седьмого класса с ним уроки делала – до полуночи, случалось, сидели вместе. Терпение у Нины было, как сама она говорила, профессиональное. Только благодаря ее терпению Владик школу прилично окончил. В институт, конечно, не поступил, да и не больно-то хотел. Ну ничего, армия тоже школа. Отслужил благополучно. Уж какие бы они ни были, наши пацаны, а вот чтоб косить, этого не водилось за ними, это позорным у них считалось.

...Вернувшись на гражданку, Владислав с месяц пожил с родителями в родном маленьком городке; помог им сделать ремонт. А потом уехал в областной центр. Родителей навещал редко. Может быть, потому, думал теперь Геннадий Федорович, что мы его пилили без конца: ну ты учиться-то думаешь или нет, у тебя же никакой профессии, ну давай хоть в техникум...

– Батя, вы от жизни отстали. Что толку там штаны протирать, время терять, сейчас без всякого образования гораздо больше люди зарабатывают. Что человеку надо, он и так знает будет.

Вот, а узнай мы о Светке – продолжал про себя Геннадий Федорович, – мы бы совсем его заели. Мы ведь люди советские... или как лучше сказать – русские? У нас это в крови, в генах, не знаю, где еще: если ты девушку полюбил, если она тебя любит, значит, надо жениться, семью создавать, детей воспитывать. А не крутиться с ней как кот с кошкой, прости, Господи... Уважать же, в конце концов, нужно, и себя, и ее! – горестно выдохнул Геннадий Федорович и тут же ощутил, насколько же поздно говорить это теперь вот так... в никуда. Никому.

Сын устроился в охранное агентство и стал, впрямь, неплохо зарабатывать. И исполнил свою давнюю мечту – купил спортивный мотоцикл.

В тот сентябрьский вечер Геннадий Федорович читал журнал «Огонек», сидя за своим любимым старым столом, а Нина, сидя в углу дивана, вязала теплую безрукавку для Владика, в подарок на день рождения: «Безрукавка такая ему больше понравится, чем свитер. Он говорил, что без рукавов удобнее. Под пиджак наденет...»

Позвонил телефон. Геннадий Федорович снял трубку. Незнакомый голос с запинкой произнес:

– Здравствуйте. Вы родственник Карпушова Владислава Геннадьевича?

– Сын мой, что с ним?..

Замерли спицы в руках Нины Матвеевны. А он в нахлынувшем аду – только тем, может быть, и спасаясь, что думал о ней. Как ни плохо было ему самому в те дни, он бессознательно знал, что ей хуже.

– Нин... беда с Владиком... На мотоцикле в грузовик врезался. Жив... Жив, но плохо, Ниночка, плохо очень.

– Не надо, Гена. Я поняла, что не жив.

Как прошла ночь? Он помнил, как шел со стаканом холодной воды для Нины – темным коридором, из кухни в комнату. Как подсовывал под ее голову подушку. Как она внезапно встала и сказала, что должна погладить синее платье, потому что завтра соберется много народу. Он мигом принес утюг – гладь, родная. Она тщательно разгладила это платье и потеряла сознание – он успел подхватить.

Утром надо было ехать в морг на опознание. Почему он позвонил Вите Назарову?..

Этот Витя был комсоргом завода минеральных удобрений, а Геннадий Федорович – того же завода инженером-технологом. Но он-то, понятно, из комсомола давно вышел, а Владислав на заводе не работал ни дня. Витя был просто отзывчивым человеком, самым отзывчивым и открыто-сердечным из всех известных Геннадию Федоровичу мужчин (женщины – другое дело). Он ему ужасно нравился, этот Витька – с его простой шлепоносой физиономией, со всеми его книжками (он то Симонова всем советовал, то Каверина, то Паустовского) и с его наивными попытками оживить комсомольскую жизнь на любимом заводе, придав ей некий смысл и найдя для нее новые формы. За эти формы Витьке от старших товарищей доставалось, но он не унывал. В общем, с ним не приходилось скучать. Но тем утром Геннадию Федоровичу было, конечно, не до того:

– Виктор, выручай. Я один до морга не доеду, сам по дороге умру.

– Ой, Господи... Щас буду, Геннадий Федорович.

Витя прибежал и сразу крепко взял Геннадия Федоровича за руку чуть повыше локтя и не отпустил до выдачи тела. Сколько лет прошло, а Геннадий Федорович и сейчас ее чувствовал, эту руку. Самого Виктора он не видел – тоже уже много лет, только слышал, что он уехал из городка и работает где-то дальнотойщиком.

...А когда дело подошло уже к выносу покойника из дома, Геннадий Федорович побрел посмотреть, правильно ли стоят во дворе табуретки, на которые нужно будет на минуту поставить гроб. В сенях навстречу ему шагнула незнакомая молодая женщина с опухшим заплаканным лицом... Она была беременна.

– Здравствуйте, вы же папа Влада? Я Света. Я из города приехала сейчас только. Я не знаю, рассказывал вам Влад про меня или нет. Я... вот, внука вашего ношу. УЗИ уже было, мальчик.

Геннадий Федорович с минуту стоял в столбняке, чувствуя, как возвращается в его сокрушенное существо ушедшая было жизнь. Потом взял Свету за руку и повел к Нине Матвеевне. Страшную седую Нину поддерживали две ее родные сестры, а

его, Геннадия, младшая сестренка, та самая Любаша, пыталась напоить ее валерьянкой.

– Нина, к нам приехала наша дочь и привезла нам внука.

Нина Матвеевна казалась неспособной вообще на что-либо реагировать осмысленно. Но тут она вздрогнула, и на полумертвом лице ее тоже проявилась жизнь.

– Правда? – хрипло спросила она у Светы, – не врешь?..

– Правда, – ответила Света и разрыдалась.

Да, это была правда. Правдой было также и то, что Влад со Светой поссорились – как раз когда подтвердилась ее беременность. Света заподозрила, что у ее друга есть другая. Влад резко спросил, какое она имеет право требовать его к ответу: «Ты мне что, жена?.. Свет на тебе клином сошелся?..» Света молча повернулась и ушла. Через несколько дней он позвонил-таки и спросил, что она решила делать с ребенком. Аборт, ответила Света. Вот и хорошо, ответил Владик после некоторой паузы и положил трубку...

И лег спать, а когда проснулся – осознал вдруг, что он отец. Кому отец, чему?... Ребенку, которого не будет, пустоте. Отец – и сразу не отец. Вот оно, есть – и вот оно, провалилось, и ты сам летишь в провал. А если бы родители узнали, что бы было?..

Он встал, и, даже не умывшись, позвонил Светке. Она трубку не взяла. Он посидел немного на кровати и позвонил еще раз. Не берет, зараза. Через силу встал, умылся, включил чайник, собрался на дежурство. В обеденный перерыв заставил себя позвонить в третий раз – результат тот же.

Сколько можно звонить. Это теперь ее дело, ее выбор. Не заставишь же... Пусть делает, что хочет, а у него, Влада, обязательно будет настоящая любовь, настоящая семья и трое детей. То-то счастливы будут бабушка с бабушкой.

Владислав так и не узнал, что на аборт Света не пошла. Ей вдруг вспомнился бабкин рассказ о том, как ее мать хотела, Светкина мать избавиться от нее, Светки, будущей еще, неродившейся. Уже и день был назначен!.. «И не было бы тебя вовсе! Да я ее кое-как отговорила, дуру-то эту, мамку твою», – вздохнула тогда бабка Тамара. А маленькая Светка от этих слов – «не было бы тебя вовсе» – разрыдалась так, что бабка принялась кропить ее святой водой. Светке чудилась какая-то черная яма, и в этой яме кто-то беспомощно шевелился. И вот, детский ужас матери спас жизнь сына.

Переехать к Карпушовым Света согласилась легко и охотно. У нее теперь уже не было родных – кроме матери, в четвертый раз вышедшей замуж и уехавшей с мужем куда-то на Украину. Через два месяца, по первому снежку новоиспеченные дед и бабушка встречали на крыльце городского роддома Свету с Димкой. И если были у родителей злоплучного Владислава какие-то сомнения, то они отпали: вылитый Владик родился, и носик, и лобик, и все ужимочки его.

Света была с ребенком ласкова, кормила, но почти не ухаживала, как-то незаметно переложила все заботы на бабушку с дедушкой. Они не сердились, не возражали, они вообще не замечали этого обстоятельства. В их жизни настала небывалая горько-радостная пора. Все повторялось: и первые шаги, и первый зубик, и первый рисунок, и смешные детские словечки, вопросы – Нина Матвеевна записывала их в зеленую общую, на железных колечках, тетрадь, хранившую такие же словечки и вопросы маленького Владика. Они читали, перечитывали, смеялись и плакали.

...Это потому, – думал теперь Геннадий Федорович, глядя с плоской подушки в лунное окно, чувствуя темноту и холод безлюдного дома, потому она, Света, так странно к ребенку относилась, что сама-то в детстве любви, заботы не получила. Она же рассказывала нам, сколько раз у нее папы менялись; как ее то к одной бабушке отвозили, то к другой, и всем им было почему-то не до нее. Наша ошибка: нам надо было больше ее привлекать, заставлять даже, напоминать, может быть, все время: Света, ты мама...

До Димкиного трехлетия все было более или менее благополучно. Света устроилась на работу по специальности, в районный узел связи, с полочки приносила целые сумки продуктов, рассеянно играла с Димкой и, в общем, никого не беспокоила. А потом ей стало скучно. В доме карпушовском скучно, на почте, в городке...

Димка весь в нее, думал Геннадий Федорович: оба они вечно чего-то хотят, но не знают, чего именно... и обоим очень быстро становится скучно. Светка тогда просто сорвалась с цепи. Ее похождения стали темой для всего городка. Дважды ее привозили к дому Карпушовых глубокой ночью – пьяную до рвоты. Для них это было шоком, ведь в их доме никогда ничего подобного не было. Наутро она стыдилась, пробиралась по дому украдкой, пряча глаза. «Хорошо, – вздыхала Нина Матвеевна, – стыд у нее есть, значит, не пропащая еще. Хорошо, пусть стыдится». Но после двух скандалов, связанных с довольно заметными в городе женатыми мужиками, Геннадий Федорович решил поговорить со снохой серьезно:

– Света, ты меня послушай, я тебе отец...

– А с какого это перепугу вы мне отец? Моя мамка с вами не грешила.

У него едва не остановилось сердце тогда. Не от слов даже – от взгляда. Светкины серо-голубые продолговатые глазки стали вдруг зверячьими. Стало ясно, что она изменилась, но что с нею, изменившейся, делать – ясно не было.

– Я тебе отец, – повторил Геннадий Федорович, сначала растерянно и бессильно, но через минуту его голос окреп, – потому что я отец Владислава...

– Владислав ваш сам мне сказал – ты мне не жена. На тебе свет клином не сошелся. Думаете, я одна у него была?..

– Света, не надо так, – переборол себя Геннадий Федорович, – ни к чему вот эти твои выходки. Мы понимаем, ты молодая, здоровая женщина, тебе может быть, надо... Так ты найди себе нормально-го мужчину, хорошего, порядочного, ну, пусть хоть

разведенного, всякое бывает, но не женатого же. И иди за него замуж, никто не против...

– Чего?.. Где я вам его найду, хорошего неженатого? И чего вы вообще сплетни всякие по городу собираете? Не было ничего этого вообще!

Светка разозлилась. Злость колобродила в ней вместе со всем остальным букетом: чувством ущербности, завистью, женским тщеславием, саможалением, страхом завтрашнего дня. Такие люди, как она, вообще не любят тех, кому обязаны, перед кем в долгу, а он тут еще мораль ей читать взялся. Кто он, блин, такой, чтоб ее поучать?..

Светка уволилась с почты, 58-летний директор которой был первым из ее здешних приключений, и заявила Карпушовым: всё, спасибо за приют, уезжаю в город. Дима?.. Дима, естественно, со мной, а как вы думали.

– Господи... Да ты же его купать не умеешь... Ты же и готовишь ему не будешь... – простонала Нина Матвеевна.

Они уговаривали Свету оставить Димку им – «хотя бы пока не устроишься» – но она наслаждалась своей непреклонностью и их болью. День расставания с Димкой был для Карпушовых сравним с днем гибели его отца... А вечером Геннадий Федорович снова позвонил Вите Назарову, хотя тут уж он ничем, казалось бы, не мог помочь.

Однако помог!..

– Да не убивайтесь вы так, Геннадий Федорович. Она через неделю-другую назад его вам привезет. Попомните мое слово.

Привезла через месяц – грязного, лохматого, одетого во что попало, простуженного и несчастного. Пряча глаза, сообщила, что завербовалась на заработки в Москву. Если они не против, пусть Дима пока поживет с ними. А Дима, меж тем, уже намертво прирос к деду, обхватив его колени. И дико заорал, когда мать попыталась его оторвать.

Два дня прошли вполне мирно и мягко – Света помогала Нине Матвеевне резать яблоки для варенья, рассказывал о своих московских планах и тамошних заработках. Геннадий Федорович с отмытым и переодетым Димкой были неразлучны. Света уехала, рассеянно поцеловав каждого из троих. И больше ее Карпушовы не видели. Да, не один год прошел в тревоге: явится Светка, потребует сына назад, и что ей скажешь, она мать...

– Да какая она мать, что вы, – успокаивал Димкиного деда недавно женившийся Витя Назаров, – если приедет – сразу так ей и говорите: не отдадим. Докажем в любом суде, что она фактически бросила ребенка, лишим родительских прав. Мы, заводчане, с вами, Геннадий Федорович. Мы ж вас знаем не один год.

Геннадий Федорович глотал комок – жалко лишать-то, это ж всё в ней сразу сломать... Но как иначе мальчонку от нее защитить? Пусть приезжает... и живет с нами, если вести себя прилично научилась.

Да, Карпушовых в городе знали и уважали, особенно Нину Матвеевну – чуть не каждый пятый в городе ее ученик. Опекун оформить помогли без проблем. Света так и не появилась.

Когда золотое время раннего Димкиного детства миновало, деду с бабушкой пришлось нелегко. Мальчишка многое унаследовал от матери... и мало от отца. Он практически не мог сосредоточиться ни на какой работе, не мог дописать до конца строчку в тетради. Его не занимали старые, советских еще времен детские книги, которые читал ему вслух дед – он будто не понимал, что в этих книгах происходит, а вероятнее просто не мог удержать внимание на том, что слышал. Часто затевал какое-то дело... и быстро бросал. Мог, например, вытащить из чулана удочку, накопать червей... и передумать, и не пойти на речку. Записывался в спортивные секции, но дальше второй тренировки дело не шло.

Но хуже, опаснее того было другое. Владик, при всех его недостатках, был мальчишкой смелым и энергичным, среди ровесников чувствовал себя уверенно; что делать – решал сам. А Димка... Он бессознательно мучился от своей ущербности, слабости и все время пытался приспособиться к мальчишеской среде, жалко корча из себя крутого. Над ним смеялись... и вертели им как хотели. Он не умел говорить «нет», не умел делать выбор. Дали папиросу и спички – закурил. Налили на пустыре за старыми цистернами в пластиковый стаканчик «Рябинушку» – проглотил и первый стаканчик, и второй. Будучи уличен, рыдал – страшно, содрогаясь всем телом, не стыдясь, хоть и не маленький уже ведь... Может быть, бессознательно бил на жалость. Его и впрямь жалели – и учителя, знавшие его судьбу, и дед с бабушкой, конечно...

– Ну что ты хочешь, Гена, вздыхала Нина Матвеевна, – Владик знал, что у него есть родители. А Дима знает, что у него есть только дед с бабушкой, а мама его бросила. Он о ней не спрашивает никогда, но он же это знает.

...Дело еще и в том, думал Геннадий Федорович теперь, через столько лет, что, когда подрастал Владик, мы были молоды и полны сил. А когда рос Дима, мы не только старели, но и подорваны ведь были смертью сына. У нас просто сил не хватило на настоящее воспитание...

...Однако вот бессовестным или наглым Димка не был. Мог свою вину признать, мог и прощения попросить – искренне, тоже со слезами. Мог вдруг кинуться помогать в какой-то домашней работе. К деду и особенно к бабушке он был привязан болезненно. Любил сидеть на полу возле дивана, прижавшись к ногам Нины Матвеевны. «Как собачка», говорила она, смеясь. Однажды они рискнули отправить его в детский летний лагерь. Через два дня им оттуда позвонили: «Приезжайте и забирайте вашего мальчика. Мы не знаем, что с ним делать, он не ест, ни в чем не участвует, он уже сутки плачет». Когда Геннадий Федорович приехал в этот «Соколенок», опухший Димка бросился к нему, обхватил его шею и простонал: «Деда, поехали скорей домой, и никому, никогда больше меня не отдавайте».

– А как же ты в армию пойдешь, Дима? – спросил дед уже в автобусе.

– А я в нее сроду не пойду. Я вот возьму топор и палец себе отрублю, вот этот, большой. И меня не возьмут ни в какую армию.

– Вон что. Ты палец отрубишь, а другие за тебя служить будут?..

Димка не ответил, только тяжело вздохнул, почувствовал правоту деда. Мать мальчика-подростка, сидевшая вместе с ним в автобусе впереди Карпушовых, обернулась – и проглотила старого дурака взглядом.

Однажды Геннадий Федорович увидел в руках у жены ту самую недовязанную безрукавку – она так и лежала в шкафу вместе со спицами. На каком-то автопилоте Нина Матвеевна в тот черный вечер засунула ее на верхнюю полку. А теперь рассматривала, переворачивала, встряхивала.

– Довяжу как-нибудь, Димочке пойдет... – смущенно заулыбалась она, заметив мужа.

– Ну-у, ему она еще не скоро в пору станет!

– Доживем, надеюсь.

Но именно в тот вечер, когда она уселась довязывать эту серую мохнатую безрукавку, поступил первый звонок беды: спицы замерли, Нина побледнела, охнула и схватилась за живот...

Димке было в ту пору четырнадцать лет, и ему даже нравилась поначалу эта свобода: деду с бабушкой в кои-то веки не до него. Можно не делать уроки, не вешать школьную форму на плечики, не чистить зубы, не мыть ноги. Потом обстановка в доме стала его пугать, тяготить... потом до него дошло, наконец, что с бабушкой действительно очень плохо. Он спросил у деда, не может ли она умереть. Дед положил руку ему на голову: «Мы постараемся, Дима, чтобы этого не случилось». Димка принял ответ: да, может. Это был шок: он явственно почувствовал, как сходит с ума, ему захотелось страшно закричать, чтобы проснуться. Он учился во вторую смену, но в школу не пошел, и дед ничего ему не сказал. Дед сидел на табурете посреди кухни и пытался разобраться в каком-то медицинском справочнике.

Но юность есть юность, и на следующее утро Димка ожил, поверив в лучшее. Не может быть такого, чтобы бабушка умерла. Он гонял с пацанами в футбол, когда усталый врач проговорил, глядя Геннадию Федоровичу в лицо и как бы его лица не видя:

– Ничем порадовать вас, к сожалению, не могу. Ничего мы больше сделать не можем, только обезболить. Готовьтесь.

Бабушку привезли из больницы домой. Она лежала под знакомым Димке с детства зеленым клетчатным одеялом – желтая, страшная, почти неузнаваемая.

– Ты, Дима, – говорила она, сжимая горячими пальцами Димкино запястье, – ты, Дима... ты...

Странно, ее пальцы по-прежнему казались сильными. А вот договорить эту фразу, дать внуку последнее напутствие она не могла, на это сил не хватало. Она дышала тяжело, хрипло, по щекам текли слезы.

Но Димка догадывался, что она хочет ему сказать. Чтобы он был хорошим и жил правильно. Бабушка просто не знает того, что ему, Димке, давно объяснили пацаны: что жить правильно в наше время уже нельзя, что никакого «правильно» уже давно нет. Это они с дедом могли жить правильно, а нам, думал Димка, нам нужно будет просто выживать...

На похороны Нины Матвеевны собралось полгорода, пришли все ее ученики, учителя, районное начальство, съехались родственники. Внук Дима сначала суетился, помогая бабушке, а потом словно соскочил в голове какой-то предохранитель, и дошло все, наконец, до него. И долго потом в городке вспоминали, как страшно, сотрясаясь всем телом, обхватив руками голову, рыдал этот мальчишка. В эти минуты он бессознательно оплакивал свою будущую жизнь, неизвестную еще ему, но уже дышавшую на него страхом и тьмой. Надо будет выживать, а как? Вцепиться бы в деда, да и никуда от него... Но дед тоже может умереть – если раньше Димка этого как бы не понимал, то теперь это было ему ясно как день.

– Деда, теперь только ты не умри, – шептал Димка ночью, обняв деда и прижимаясь щекой к его колкой щеке, – не умрешь?

– Да уж постараюсь – пока ты на ноги не встанешь.

Димка резко оттолкнулся от него и сел на диване:

– Я никогда не встану на ноги, дед, никогда. Я не хочу стоять на ногах. Не умирай.

Он сам не мог понять, как из него вырвались эти странные слова.

С детства любил Геннадий Федорович первый снег, и Нина Матвеевна тоже как-то раз ему сказала, что очень это любит: когда выпадает снежок и преображает мир, и такое чувство возникает... будто снова ты молод, и свежа, и сильна душа твоя, и много всего у тебя еще впереди.

«Хоть и не больно-то я верующий, а побыть тут чуток могу», – повторял вдовый старик свою мысль, хрустя снежком, вдыхая холодный озон, подходя к ладной, масляно-желто-белой церковке.

Опоздал, однако: служба закончилась, народ расходился. Да может быть, так и лучше. Постою один. Подумаю. Даже, может быть, поговорю с Ним. О Дмитрие. О Нине. О Владиславе.

Из узкой боковой дверцы вышел немолодой священник. Настоящего священника Геннадий Федорович увидел вот так, вблизи, впервые в жизни. Интересно, давно ли он здесь?.. А лицо знакомое. Простое, шлепоносое...

– Отец Виктор!.. – позвала батюшку женщина в белой косынке. А Геннадий Федорович, как подкошенный, сел на скамью. Не может быть.

– Геннадий Федорович? Приветствую, дорогой. Как я рад вас здесь видеть. Я всех тут рад видеть, а вас особенно.

Смущенный, не знавший, как себя вести, Геннадий Федорович снова оказался в объятиях Вити Назарова. Только уже совсем не комсорга и не дальнотойщика, и даже не Вити.

– Ты... вы... как обращаться-то теперь?.. Отец Виктор, да? Как же вы...

– ...до жизни такой дошли? – смеялся в ответ батюшка, – я до нее не дошел, Геннадий Федорович. Я до нее доехал. На КамАЗе. Мы товар возили в Среднюю Азию, в Таджикистан, это в 90-х-то годах, а куда было деваться, как еще зарабатывать – детей-то у нас с Тамарой трое уже тогда было. Вот,

держишься за баранку, у тебя под одним колесом пропасть, под другим мина может оказаться. И ты понимаешь, что в случае чего даже и родным никто не сообщит... И думаешь о смысле всего, понимаете, Геннадий Федорович? О смысле всего сущего. Всего происходящего...

Геннадий Федорович сразу подумал, что ему всегда выше крыши хватало самого происходящего, а на то, чтобы думать еще и о его смысле, сил не оставалось.

– Про Нину Матвеевну уже знаю, Царство небесное, прекрасный был человек. А Димка-то ваш как?..

– Димка плохо.

Поговорить толком не удалось: прибыл Николай Егорыч с супругой Зинаидой Ивановной, с двумя сыновьями, невестками и старшей внучкой. Через год после золотой свадьбы супруги Палицыны решили обвенчаться. А мы с Ниной не успели, подумал вдруг Геннадий Федорович. Хотя им с Ниной такое никогда и в голову не пришло бы. Другие времена – другие люди... Он ушел из церкви с кучей подарков от отца Виктора: Новым Заветом, брошюрой о церковных таинствах, Казанской иконой, коробкой песочного печенья и сердечной просьбой непременно прийти еще.

Сколько ошибок находишь, когда вот так перелистываешь ночами свою минувшую жизнь. И ни одной, ни одной из них не можешь исправить...

Видя, что Димка не силен в науках, дед после девятого класса устроил его в профтехучилище. Училище для внука он выбирал ответственно. Оно находилось в областном городе, считалось сиротским (в него направляли ребят из детских домов и интернатов), славилось дисциплиной, чистотой и уютом в общежитии, спортивными успехами и крутым директором – мастером спорта по самбо. Геннадий Федорович просидел в приемной больше двух часов – чтобы поговорить с этим директором лично. Рассказал о внуке всё, не скрывая. «Я думаю, вы сделали правильный выбор», – ответил ему директор, плечи которого не вписывались в пиджак.

Правильный ли?.. Нельзя, нельзя было отправлять Димку куда-то из дома. Но с другой стороны, что бы мы с ним делали в одиннадцатом классе?.. Это ж были бы кровь и слезы. А там хоть профессия. Хорошая – строитель-отделочник. Он же пишет, что ему на зоне это помогло. И потом поможет, когда освободится...

В училище Димка уезжал весело – времена, когда он не мог обойтись без взрослых, прошли, поверхностная бравада неплохо скрывала слабость. К деду внук приезжал – сначала каждую субботу, потом всё реже. И все заметнее пахло от него табаком. «Да не, дед, не курю я, чё ты, я же на самбо хожу». На самом деле самбо у Димки дальше второй тренировки не пошло, как и лыжи с волейболом ранее. Но это уж потом дед узнал, а тревога – точнее желание позвонить директору – возникла почти сразу. Но это же смешно. Обычно учителя родителям на их детей жалуются, а тут наоборот. Ох, Светка, Светка... Но с другой стороны...

Спасибо тебе, Света, какая бы ты ни была.

* * *

Однажды Димка – изменившийся, совсем непохожий на прежнего мальчишку – приехал из города, сообщил деду, что у одного из его друзей есть двоюродный брат, и этот брат живет под Москвой, и лично знает его, Димкину, мать. Это город... (Димка споткнулся, потому что не знал ни одного подмосковного города). Ну, в общем, это совсем близко к Москве. Он, Димка, решил съездить к маме, познакомиться.

– Нет, Дима. Пока тебе не исполнилось восемнадцать и пока ты не закончил учиться, ты никуда не поедешь.

Димка ответу не удивился – он просто проверял деда на всякий случай.

– И потом, Дима, это же ерунда какая-то. Ну как он ее знает?..

– Знает! Он с ней вместе работает там, на каком-то складе. Он меня сам спросил: а Карпушова Светлана Валентиновна тебе не родственница?

– Дима, она никогда нашу фамилию не носила. Они же с папой не расписывались. Она Мелентьева. Это во-первых. Во-вторых, кто это тебе сказал?

– Ну, дядька этот другана моего...

– Так дядька или брат? Димка, ты врать не умеешь, так и не учишь, понял? Это плохая наука – врать.

И тут Димка стал похож на прежнего ребенка – виноватого, жалкого, готового разрыдаться.

– Я тебя понимаю, внук. Тебе тяжело. Но лучше уж правду сказать. Эта женщина, она тебе никакая не мама. Мама твоя вот, – Геннадий Федорович указал на фотографию Нины Матвеевны, – только вот не спасли ее мы с тобой. Но ты, Дима, ты...

...перед глазами Димки опять возникло страшное желтое лицо умиравшей бабушки, запястье почувствовало ее горячие пальцы, в ушах раздался голос: «Ты, Дима... Ты...»

И ему, дважды осиротевшему, вдруг захотелось жить правильно. Чтобы они, деда с бабушкой, всегда были им довольны и рады. Чтобы ему, Димке, всегда было с ними тепло и уютно. Ну хоть бы и с одним дедом – только тепло, уютно, спокойно. Чтоб всегда вот так, как сейчас – чайник горячий на плите, печенье в корзиночке, масло в масленке. И не надо никакого пива.

Но так не будет. Этот вывод Дмитрий сделал, глядя на училищных пацанов, – невзирая на все усилия плечистого директора. Ничего-то вы не знаете, дедушка с бабушкой. Ничего не понимаете в современной жизни.

Димка окончил училище, отпраздновал совершеннолетие, выкинул повестку из военкомата в мусорное ведро и уехал «искать маму»...

И пропал сам.

Изредка он, впрочем, звонил. Но ничего нельзя было из его суматошных звонков понять – ни где он сейчас, ни чем занимается... «Ну ладно, всё, дед, некогда, не более». И каждый раз новая симка в сотовом.

Но однажды от внука пришла совсем другая весточка. Геннадий Федорович хлебал свой супчик из куриной тушенки с пшеном, когда к дому подъехала черная машина. Пятеро бритоголовых парней с одинаковыми глазами вошли в дом без стука и без всяких там «здравствуйте». Один из них, подойдя к

хозяину, крепко взял его за ворот рубашки спереди и легко поднял:

– Диман где, знаешь?

– Нет. Не знаю.

– А деньги где у тебя?

– Вон там. В ящичке в буфете.

– Болт, глянь, что у него там в ящичке.

Геннадий Федорович потом старался не вспоминать те минуты – зачем? Живым оставили, даже не изувечили – и слава Богу. И все же душа его помнила свое состояние. Не страх. Не ужас. Шок – от того что понимаешь: всё то, что защищало тебя до сих пор – или, по крайней мере, казалось защищающим – закон, порядок, нормы поведения, человеческое достоинство – перестало существовать. Ты... даже не в джунглях, нет. Ты в некоем небытие. Тебя нет – хотя ты есть. Так было в Освенциме – человек с номером еще есть, но его уже нет, он уже только номер.

Сумма, лежавшая в ящичке, бандитов рассмешила, и они бросили деньги на пол. Трое из них быстро обошли весь дом и, вернувшись, доложили, что в доме никого больше нет – и нет ничего ценного. Главный толкнул Геннадия Федоровича на стул и, кажется, немного расслабился.

– Дед, слушай сюда. Если твой Диман деньги нам не вернет, отвечать за него будешь ты. Понял? Вот как хотите, так с ним и решайте. Дом продавайте, дом-то ничего у вас. Это серьезно, дед, это так серьезно, как никогда в твоей жизни не было. Не отдадите деньги – ты первый покойник, он второй. Пошли, ребята.

Когда черная машина уехала, Геннадий Федорович увидел в своей руке ложку. И с трудом разжал пальцы, чтобы ее выпустить. И попробовал засмеяться. Не получилось. Он встал, надел пиджак и пошел в райотдел милиции. Старый дурак, какой тут райотдел – не дошло до тебя, что ли, что нет уже никакого закона, никакой милиции уже нет?.. Неужто не заметил ты, что ребята эти никого не боятся и ни от кого не прячутся?

– Есть. Не должно так быть. Нет.

Сильная нервная дрожь заколотила его уже на пороге РОВД. К счастью, везде, куда ни сунешься, бывшие ученики Нины Матвеевны. Пригожий опер Антоша Беглов накапал Геннадию Федоровичу корвалола и спросил, может ли он хотя бы на время куда-то уехать.

– Нет, Антоша. Я свою жизнь честно прожил. И теперь не больно-то за нее держусь. И не буду от них, как заяц, бегать. Можете – защитите. Не можете – не нужно.

Антон вздохнул, отmaterил Димку и пообещал посоветоваться со знакомыми ребятами в РУБОПе. Геннадий Федорович вернулся домой...

И понял, что такое настоящий страх, и как он, человек, жалок и беспомощен перед этим страхом. Двое суток прошло практически без еды и без сна – только с мутной рвущейся дремой. От корвалола и валерьянки тошнило. Ни читать, ни смотреть телевизор не получалось. Он собрался-таки в областной город – сестру навестить, нет, просто навестить сестру... И вернулся в дом, не дойдя до автовокзала. Понял, что это не поможет, что один день ничего не решит, а еще...

Будь у него в те дни получше с формулировкой, он бы сказал себе: убегающий от страха увозит свой страх с собой, и страх растёт с каждым шагом побега.

Он испытывал уже нечто подобное, когда, будучи главным инженером-технологом завода минеральных удобрений, наивно пытался спасти его от рейдеров... Тогда тоже было неприятно, но все же не так страшно: он был на виду, на глазах у людей, и все то, что его защищало – продолжало-таки как-то существовать. А сейчас он один в доме... и в мире.

Оказалось, не совсем уж один. Поздним вечером Геннадия Федоровичу позвонили из РУБОПа:

– Не волнуйтесь, мы тут с Лысым побеседовали, больше он к вам не поедет.

– А внук мой как?.. Они же его убить могут.

– Внук ваш сам хорош... Но убивать они его не будут, не волнуйтесь. Должников не убивают. С мертвого-то ведь ничего не возьмешь.

– Да как он им задолжать-то умудрился?..

– Проиграл.

На следующее утро позвонила сестренка Любаша, та самая. Разумеется, она ничего не знала, кроме того, что Нина умерла, а Дима безвестно отсутствует.

– Гена, как же ты там один живешь? Как может в таком возрасте мужчина жить один?

– Нормально я живу, Любаша. Всё у меня чисто, машинка вот стиральная, хоть и старенькая...

– Гена, продавай дом и к нам, в город переезжай. Мы тебе квартиру поможем купить. Первое время у нас поживешь, я поговорю с Сашей, у нас же комната пустует...

– А куда же Димка вернется?

В тот же день, в булочной у него случился первый сердечный приступ. Продавщица Юля, бывшая ученица Нины Матвеевны, вызвала скорую. И он первый раз отлежал в больнице десять дней. Сентябрь это был, и он следил за березой законной – как прибавляется на ней, что ни день, желтых листиков.

Геннадий Федорович не приучил себя к пустым стариковским занятиям: кроссвордам, сериалам, забиванию козла, руганию властей. Вместо всего этого он ходил в городскую библиотеку и брал книги советских времен. Но не все они ему нравились, не все подходили, от многих он слишком уставал, про войну читать совсем не хотел. А подаренный отцом Виктором Новый Завет открывать боялся: «Это для сильно верующих, а я не больно-то». Ему неосознанно казалось, что необычная книжка лишит его возможности убежать в это самое «я не больно-то», поставит перед неким страшным выбором, вынудит или стать «сильно верующим», или... что?..

Наконец, он открыл Евангелие от Матфея, наткнулся на длинную родословную... и закрыл. К счастью, следующий раз книжка открылась на Евангелии от Луки... и постепенно увлекла Геннадия Федоровича. Его трогали притчи, нравилось останавливаться на каждой, думать, разгадывая смысл. Очень жалко было отца из притчи о блудном сыне, даже не

жалко, а страшно за него: да, вернулся младшенький, да, поумнел вроде... Но ведь опять уйти может – запросто. Просто по-другому это назовет, по-другому эти надобности свои объяснит. И отец, коли не хватит его инфаркт... опять будет ждать. И опять побежит навстречу и обнимет. Или нет? Не до бесконечности же прощать...

– Вам, людям, до бесконечности, потому что концы только в моей власти.

Это был тот же беззвучный голос, произнесший тогда, в церкви: «Ты еще здесь нужен».

– Отец Виктор, я вот что подумал: а могу я сейчас ходатайствовать о досрочном освобождении, ну как это называется – условном? Я старый человек, одинокий, больной, предынфарктное состояние вот только было. Мне нужно, чтоб кто-то рядом был. Пойдет такое объяснение?

– Объяснение-то пойдет, Геннадий Федорович. Но я бы вам не советовал это делать. Диме вашему сейчас полезнее срок отсидеть.

– Да что ж там хорошего, отец?..

– Ничего. Вот пусть он это и увидит хорошенько. Это во-первых. Во-вторых, Геннадий Федорович, он же здесь с вами жить не станет.

– Станет – поневоле. Условники, они же в определенном месте жить должны.

– В том-то и дело. А его черед два месяца выловят где-нибудь под Москвой и вернут на зону... хорошо, если только за нарушение режима. Нет, Геннадий Федорович. Оставьте сейчас все как есть.

Сколько ошибок находишь, перелистывая минувшую жизнь, и ни одной не можешь исправить. Слушаться надо батюшек-то наших – даже если невмоготу, кажется, поступить по их словам. А он, старый Гена, не послушался, он написал письмо в Минюст. И все вдруг пошло как по маслу. И очень скоро, несмотря на регулярные сердечные приступы, Геннадий Федорович поехал к воротам зоны – встречать внука.

– Де-е-еда!.. – остриженный, отощавший, почти неузнаваемый Димка раскинул руки. – Привет, дед. Ох, спасибо тебе огромное – отхлопотал ты меня.

– Дима... Теперь всё будет хорошо, правда?

– Теперь всё классно будет, дед. Слушай, мне вот тут денежку заработанную выдали. Давай вон в тот магазинчик – тортик там, шампанское, колбаски хорошей...

– Давай.

И всё, действительно, было классно – целых две недели. По ночам дед слушал глубокое, спокойное дыхание внука и потихоньку крестился на подаренную отцом Виктором, тускло озаренную уличным фонарем Казанскую:

– Господи, и Ты, Царица небесная. Спасибо вам. Как я боялся, что он выйдет оттуда озлобленным, поломанным. А он ничего, нормальный. Веселый, ласковый, заботливый. Нравится ему дома-то, устал ведь – и от зоны, и от бродячей своей жизни. Вот только бы на работу теперь устроился. Ну и девушку бы ему хорошую, серьезную, есть же и сейчас такие. И я уйду спокойно. К Нине, к Владике, к маме

нашей бедной, к отцу убитому. Мы все вместе там будем, я знаю.

...Вот что странно – атеизм атеизмом, но в бес-
смертие человеческое, в то, что все мы где-то там, в
ином бытии, встретимся, верили всегда и Геннадий,
и Нина, и все их сродники.

Дед и внук в эти дни всюду ходили вместе –
так, как если бы внуку было сейчас десять лет. Даже
ставить Димку на учет как отбывающего условный
срок, пришли вдвоем. Инспектор, невестка Нико-
лая Егорыча, ученица Нины Матвеевны, улыбалась,
пряча усмешку:

– Ну, Дима, ты теперь смотри, не подведи де-
душку! Не подведешь?..

– Не-е! – сиял в ответ Дима. – Я туда, где был,
назад не хочу!..

Из инспекции они вместе зашли в церковь. Шла
вечерня. Отец Виктор кадил и оглянулся на них с
улыбкой. Димка набрал целую вязанку свечей и
расставлял их по подсвечникам за свое освобожде-
ние. А Геннадий Федорович снова услышал это та-
инственное, печальное и счастливое, необъяснимо
берущее за сердце, уносящее в неведомую, нездеш-
нюю даль:

– Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по
глаголу Твоему, с миром...

В воскресенье второй недели Димка ушел из
дома один около полудня, а вернулся за полночь,
пьяный до рвоты. Вытаскивая тазик из-под его ба-
гровой физиономии, Геннадий Федорович с ужа-
сом заметил, как похож он на свою мать, такую же
вот неменяемую... Наутро сходство продолжилось:
Димка стыдился, прятал глаза, болтал с фальшивой
беспечностью, будто ничего не произошло.

– Дима... – только и мог произнести Геннадий
Федорович.

– Да не читай ты мне мораль, дед, я такое видел,
чего ты не видел никогда.

И после паузы добавил:

– Ну, извини. Извини. Больше не буду.

– Ты на работу устраиваться собираешься или
нет?

Это был больной вопрос. Взяв свежий номер
районной газеты, дед сходу нашел для внука семь
работ, четыре из них по специальности. Но не одна
из них Дмитрия почему-то не устроила. Через два
дня он опять пришел домой пьяным, правда, в
меньшей степени. Плакал, лез обниматься, с над-
рывом повторял, что дед для него – единственный
на свете родной человек. Удивляясь собственному
бесчувствию, Геннадий Федорович оттолкнул его со
словами «Проспись, потом обниматься будем». Мо-
жет быть, зря?.. Не надо было? Пьяный-то он пья-
ный, да, но, может быть, ему именно в ту минуту ла-
ска нужна была. Господи, да что его судить, этого
Димку. Будь еще другое время! И будь жива Нина...
Впрочем, кто его знает, что было бы, если бы...

Наутро Дмитрий был уже другим – сухим, за-
крытым. Много курил в доме, не выходя, как рань-
ше, на крыльцо. Потом объявил, что уезжает в город.

– А ты инспекцию-то в известность поставил?
Тебе же нельзя вот так просто разъезжать.

– А пошли они все!..

Из города Димка не вернулся. Долгими ноча-
ми его дед сидел на кровати и смотрел на ту самую
Казанскую. И спрашивал: а за что же я благодарил-
то? И тут же наткнулся на собственное возражение,
шедшее изнутри, из самого сердца: нельзя жалеть о
том, что благодарил. Благодарить нужно всегда.

– Батюшка, а я вот спросить хотел: что означа-
ют эти слова – «ныне отпускаеши»?

– Эти слова означают, что человек исполнил в
своей жизни все, что должен был исполнить. И до-
ждался того, чего всю жизнь ждал. И теперь ему все
ясно. И на душе у него ясно. Как в небе в погожий
день. И он может спокойно, с радостью уйти на веч-
ную свободу.

– Вот уж не про меня. Я ничего не исполнил.
Жену не спас, страну не сохранил. Завод свой не за-
щитил от рейдеров. Бандитов на место не поставил.
Сына не уберег, внука потерял... если только не по-
губил. И чего дождусь, непонятно.

– Геннадий Федорович... Вы вот этот суд Го-
споду Богу оставьте. Вы сами-то себя не судите. Не
надо. Ему виднее, что вы сделали, а что нет.

Вскоре после этого разговора Геннадию Федо-
ровичу позвонил следователь из областного УВД.
Карпушов Дмитрий Владиславович, да-да, внук
мой. Что с ним?

Старые друзья, пьяная драка в кафе, никто там, к
счастью, серьезно не пострадал, но он же у вас на ус-
ловном сроке. Вы, конечно, извините, Геннадий Фе-
дорович, но я такого дурака, как ваш Дима, за пят-
надцать лет работы в органах ни разу не наблюдал.

– Можете не извиняться.

Он так и не покрасил ржавый почтовый ящик.
А в нем опять письмо от блудного внука. Белый ли-
сток с одной-единственной фразой вверху: «Дед,
прости меня, если сможешь».

Геннадий Федорович снова взялся читать Еван-
гелие от Луки. Он давно заметил, что книга эта... не
то, чтобы успокаивает, но держит как-то на плаву,
позволяет дышать, когда совсем не дышится. И не-
весть почему ему пришло вдруг в голову, что раз-
бойник, которого распяли вместе с Христом и кото-
рый в этот последний, невыносимо страшный час
своей жизни обратился к нему, – это блудный сын
из Христовой притчи. Он ушел от отца второй раз,
а вот вернуться второй раз уже не смог – слишком
стыдно было... И решил, что нечего ему уже терять,
и подался в разбойники. Но помнил все же, все вре-
мя помнил, как отец его тогда на дороге встречал,
как бежал ему навстречу отец. И только потому пе-
ред смертью своей сказал: помяни меня...

И теперь в раю.

Нина, ты помнишь, как мы с тобой познакоми-
лись? На первомайской демонстрации. Ты стояла с
красным шариком в руках возле фанерной нашей
трибуны. Не худенькая, нет, скорее, по-деревенски
крепенькая. В светло-сером плащике. Волосы русо-
золотистые – аккуратно так, гладко зачесаны. Лоб
высокий, глаза большие серые.

Я пошел к тебе, на ходу искал повод, чтобы познакомиться... и познакомился без всякого повода.

На следующий день я пригласил тебя в кино. Так тогда было заведено, так положено – если ты ухажи- ваешь за девушкой, ты должен непременно пригласить ее в кино. Если она позволяет тебе заплатить за ее билет – это с ее стороны важный знак. Но мы с тобой до кассы не дошли. Ты остановилась и спросила, хочу ли я на самом деле сейчас смотреть фильм. Я ответил, что нет что сейчас я хочу смотреть только на тебя. Ты тихонько засмеялась:

– Насмотришься еще!

И я понял, что ты говоришь про дальнейшую нашу семейную жизнь, что для тебя, как и для меня, все уже решено.

И как же хорошо, что не могли мы в тот майский вечер, бродя по аллеям парка, среди зазеленевших уже березок, держась за руки и почти ничего не говоря, – предвидеть, сколько горя в нашей жизни будет и какой бедой она закончится.

– Бог говорил мне, что я здесь еще здесь нужен, а зачем?

– Бог?..

– Он, а кто же еще.

– Геннадий Федорович, понимаете, вы сейчас для вашего внука – единственная зацепка совести. Вы единственный человек, которому он может сказать: прости. Единственный, перед которым он смиряется. Он к вам обращается сейчас...

Отец Виктор споткнулся – уместно ли такое сравнение?..

– ...обращается сейчас, как распятый разбойник ко Христу. Понятно, что вы не Христос, а просто человек, но он Бога не знает, хоть свечки тут и ставил, и вы для него – вот то самое... – отец Виктор споткнулся, с трудом подбирая слова. – Единственный, у кого и суд, и прощение. Не тот суд, которые ему приговор выносит, а совсем другой. Понимаете?

– Понимаю. Распятый разбойник!.. – отозвался Геннадий Федорович после паузы. – Гвоздями прибитый, так же, как и Христос. Он же настрадался, Димка мой, как же он настрадался-то, а до конца-то ведь еще ох как далеко. И я до этого конца не доживу. Ты тогда его прими здесь, хорошо? Он ведь сюда придет. Или сюда, или опять туда, в погибель, одно из двух. Поговори с ним тогда хорошо, по-умному, ты же умеешь. На работу, может, поможешь устроиться... – и тут Геннадий Федорович смутился – не слишком ли он грузит отца Виктора.

Они попрощались, и хрупкий вдовый старичок, постукивая палкой, побрел домой – по улице Красной, знакомой ему с юности. Снова май, Нина. Снова цветут вишни в палисадниках, воркуют голуби на крышах... только не наш уже это май, Нина, не наши птицы и цветы.

Придя домой, он написал, наконец, ответ на внуково послание. Тоже короткий, из одной фразы: «Я буду тебя ждать и надеяться».

Заклеив конверт, он привычно поставил чайник, достал хлеб и масло. И тут в дверь постучали. Тихо так постучали, кротко, будто шепотом. Молоденькая черноглазая женщина в красной курточке, беременная.

– Здравствуйте, вы же Димин дедушка? Я Катя. Я не знаю, говорил Дима вам про меня или нет. Но он мне написал, чтобы я к вам обязательно съездила, познакомилась. Я вот... правнучку вашу ношу. УЗИ уже было, девочка.

– Заходи, Катюша, – произнес Геннадий Федорович после паузы, – садись вот... Чайку сейчас попьем.

Нет, у него не было уже того чувства возвращения к жизни, что 22 года назад. Горький опыт не давал обрадоваться. Катя не была похожа на Светку, нет. Она была смущена, она суетилась, бессознательно пытаюсь растрогать. Сразу начала помогать, вымыла посуду, подмела кухню – невзирая на живот. Сразу перешла с Геннадием Федоровичем на «ты» и стала звать его дедушкой. Сообщила о Диминном наказе: дочка будет Ниной. Скрыла, что ей совсем не нравится это старушечье имя; она с первых недель решила: если сын – Эмиль, если дочь – Анжелика. Сейчас главное – успокоить старика, угодить ему, а там разберемся.

– Из родных-то у тебя кто есть, Катя?

– Мамка померла, я в девятом училась. Папка женился, у мачехи от первого мужа две девки, там капитально не до меня. Бабушка у меня была опекун – тоже умерла, вот, полгода будет.

– Вон оно как грустно-то...

Катя потупилась:

– Мы на этом с Димой и сошлись. Он сказала Катюшка, мы с тобой оба сироты, мы друг друга понимаем, а другие...

– Вы брак-то собираетесь регистрировать? В колонии можно это сделать, надо только договориться и приехать туда в назначенный день.

– Знаю. У меня подружка на зоне расписывалась... Но куда же я сейчас-то, дедушка, с таким животом?..

В самом деле, куда? А родит – совсем не до поездки будет... Беда, беда, когда же оборвется твоя цепочка. Опять сердце стучит, и дышать трудно, невозможно...

– Ой, дедушка, ты что?.. Скорую вызвать?..

– Не-не. Не надо, Катя. Это еще не для скорой, это так – анаприлин, корвалол и полежать. Дай мне вон ту коробочку, там у меня все лекарства.

– И водички запить, да?

Дети отца Виктора стали уже взрослыми. Тамара привыкла к его долгим отлучкам и не нервничала, как в первые годы его служения. Теперь он мог позволить себе такую роскошь: остаться после вечерней службы хотя бы на двадцать минут... просто сидеть на скамейке в пустом полутемном храме. Слушать эту тишину, смотреть на тускло золотящиеся лики, на последнюю каплю пламени в подсвечнике... И думать.

Люди не раз его спрашивали: если Бог есть, почему в мире столько горя и страдания, столько несправедливости? И вряд ли он отвечал этим людям исчерпывающе. Читаешь Псалтирь – она вся про то, что Бог своего человека не оставит и поможет, а что на деле? Ведь какие хорошие люди Карпушова, что она, покойница, что он – за что, зачем им столько мук?..

Вот, спрашивает меня, недостойного иерея, раб Божий Геннадий – зачем он живет. И я нахожу для него ответ. Но даже и найдя этот ответ, я знаю – разбойник Димитрий вполне может так и не обрести благоразумия. И что тогда, в чем весь смысл этого страдания?

«С ним есмь в скорби, изму его и прослаблю его, долготою дней исполню его...» Долгота дней – это точно не про Геннадия Федоровича... Но, с другой стороны, продолжал думать отец Виктор, обрати внимание: Бог сначала с человеком в скорби, а уж потом изымает его и прославляет. Сначала они – Бог и человек – вместе в скорби. Да, как тогда, на Голгофе – Христос и разбойники. А потом человек – не всякий, а только благоразумный – вместе с Богом в вечности. И если нам это утешение кажется слабым, то только потому, что веры настоящей в нас нет.

Переехать к Геннадию Федоровичу Катя согласилась легко и охотно. Они вместе ходили в женскую консультацию – Катя ведь не знала, где здесь, в городке, больница. А Геннадий Федорович в этот купеческий особнячок еще с Ниной ходил, когда она Владика ждала. Неужели это они были... Не верится.

Димкину историю весь городок знал, и, когда Геннадий Федорович с новоявленной внучатой невесткой из консультации ушли, там поднялся возмущенный шум:

– Что он делает, зачем? Они же его кинут, он человек наивный, этой мартышке только дом нужен...

– Она рада сейчас кому-нибудь на шею сесть, а он ей верит...

– Кто бы с ним поговорил, чтобы он ее хоть не прописывал...

– Неизвестно еще, Димин ли это ребенок...

Но всё это было несправедливо. Катя знала, что не нужна родным, и привыкла искать людей, за которых можно зацепиться, использовать те возможности, которые ей подворачивались. Но Димкин дедушка ей понравился, и она искренне захотела его опекать.

Катя была мужским парикмахером – и с успехом привела изрядно заросшего Геннадия Федоровича в элегантный вид. Он сидел, обернутый простыней, и тихо улыбался – от Катиного живота, исходило таинственное живое тепло. «Вот и дожили мы с тобой Нина: правнучка... То есть я дожил, а ты... А ты тоже: ты ведь есть, ты не исчезла, тебя просто не видно и не слышно вот здесь, у нас, но ты все видишь и знаешь...»

– Дедушка, а я ведь вязать хорошо могу, может, связать тебе тепленькое что-нибудь?

– Вязать умеешь?..

– Ага. Я и на спицах вяжу, и крючком. И руками могу, знаешь, как просто руками вяжут? Меня бабушка учила, она прям мастерица была.

– Молодец ты какая, оказывается. Сейчас мало таких девчат, которые руками что-то умеют...

У Геннадия Федоровича опять заколотилось сердце, и он прилег. Катя, по-детски довольная похвалой, сметала на совок его седые пряди.

– Катя, слушай, – голос дедушки стал хриплым, и она опять испугалась, что ему плохо.

– Слушай меня, Катерина. Открой вон ту дверку узкую у шкафа. Видишь? На верхней полочке. Видишь – серое такое, и спицы торчат?

– Ага, вот. Не довязано?.. – Катя споткнулась, сообразив, что вязала-то наверняка Димина бабушка Нина. – Я эту вязку знаю, я могу доделать.

– Ты довяжешь ее и наденешь на своего мужа, когда он выйдет из тюрьмы. Я не доживу, Катя. Я не могу сейчас за него ручаться, не знаю, как он будет дальше жить. Но ты ее на него надень.

– Ладно, дедушка, ладно, только что ты так – не доживу... Доживешь!

– ...Я не навязываю, Катя, можешь Ниной ее не называть. Только мамой ей будь хорошей. Как бы у вас ни сложилось, поможет вам эта жилетка или нет – мамой настоящей будь обязательно. Вызови скорую, пожалуйста. Вон, с моего телефона.

Все похоронные хлопоты взял на себя отец Виктор. Он настоял на отпевании в церкви, а не дома, как предлагала сестра покойного Любовь Федоровна – заплаканная, седая, в черной косынке. Кате – ошеломленной, растерянной, всем в городке чужой, для всех подозрительной – церковная служба была внове, непривычна, непонятна. Она не могла сидеть, не могла стоять – Анжелика в животе принялась, кажется, делать зарядку. Народу в церкви собралось много, дышать было нечем. Катя цеплялась за бабушку Любу, благо та ничего против нее не имела: она поняла только то, что эта Катя – жена Димы. Бабушка Люба плакала и часто крестилась. Ее муж, рослый костлявый дедушка Саша, вздыхал и потерянно озирался – он тоже вошел в церковь впервые в жизни. Накануне Катя целый час рассказывала им, как вызвала скорую, как эта скорая приехала, сделала укол и уехала, и сначала дедушке вроде стало получше, и она уселась вязать, и тут вдруг он как застонал, у нее спицы в руках замерли... и вторая скорая уже не успела. Рассказала Катя и про стрижку, конечно, наивно гордясь: ведь это благодаря ей, лежал он теперь в гробу аккуратненький, не лохматый.

Тряска в автобусе, кладбище, дождь, запах мокрой молодой травы и земли.

– Подходим, прощаемся. Родные первыми.

Катя удивилась тому, что она, оказывается, родная. А что удивляться, какая же еще?.. На ее руках умер, и правнучку она носит.

– Дедушка... Ты там не беспокойся. Я довяжу. Я одену.

Наконец, они оказались в городском кафе, где были заказаны поминки. И народу тут уже было поменьше, и все затихли... И отец Виктор, сжав в руке кружку с компотом, начал говорить – глухо, с трудом:

– Те из вас, кто почаще бывает в церкви, слышали, наверное, такие слова, их поют в самом конце вечерни: ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром...

Катя узнала эти странные слова – последнее, что прошептал пепельными губами ее дедушка.

Светлана ГУЖЕВА, поэт, прозаик, врач. Член Российского Союза профессиональных литераторов. Живёт в р. п. Старая Майна.

СТРАНА КАРАСТАН

Повесть

Глава первая

Эта страна находится на том самом месте, где по библейскому преданию Ной пришвартовал свой ковчег на горе Арарат после сорокадневного плаванья по мировому океану. Кто забыл притчу о разочарованном Боге, у которого первый блин создания людей вышел комом, тем напоминаю: первые люди оказались нравом весьма недостойны Его. Тогда и разверзлись хляби небесные, и обрушил разгневанный Господь на юную землю мировой потоп. А после того вновь покаялся Творец, увидав голую землю с одним благочинным семейством Ноя и со спасённым «семем», сиречь генетическим материалом всех созданных Им животных и растений. И дал Он смиренному и без соседства людского грустному Ною зарок – никогда более не проявлять свою крутизну. А гарантией того зарока стала семицветная радуга, соединявшая землю Его с небом Его. Льёт дождь – это не потоп, потому как перекидывает Господь в успокоение и утешение цветастый мост. Блюдёт закон!

Через много колен от Ноя в землях Израильских поселился некто Лот. Раскинулся его шатёр с добропорядочной женой и детьми рядом с городами Содом и Гоморра. До Господа доходили дурные слухи о непотребных деяниях жителей тех городов. И послал Он в Содом и Гоморру ангелов в качестве ревизоров. И убедился: никакого почтения к ангелам. Более того, похотливые, погрязшие в страшном разврате толпы мужчин (от стариков и до юнцов) вознамерились обесчестить посланников неба. Воистину прав был Бог наш, вновь разгневавшись и предав огню те города. Назидательная история. Не правда ли? Зло наказуемо. Доподлинно известно нам и то, что вновь излил Бог свою благодать на благонравных: через посланника Ангела повелел Лоту с женой спастись бегством от жара огня тех городов. «Бегите, дети мои, чур, без оглядки». Но женщины страх как любопытны. Оглянулась на пожарище жена Лота, и обратил её за непослушание Господь в соляной столб.

Лия, никогда прежде не держащая в руках Библию, с тайным волнением читала рассказ о древней земле Урарту. Почему-то запечатлелась исповедальная заповедь Ангела, обращённая к жене Лота: «Спасай душу свою: не оглядывайся назад». О горе Арарат тоже бытовала интересная легенда. Будто сеял Бог землю через огромное сито, когда создавал «твердь и хлябь». Остались в сите камни, он их вывалил. Высокую грудку камней назвал горой Арарат, а то, что рассыпалось рядом, – страной Карастан, страной камней со столицей Эрибунни. Вот туда в начале 1970-х годов летел лайнер, то ныряя в белые пуховые перины облаков, то скользя брюхом по мелким барашкам, словно по заснеженному простору тундры. А Лия всё всматривалась

в окно иллюминатора и не могла наглядеться на вдруг открывшуюся взору землю, исчерченную дорогами, по которым мелкими жуками ползли машины, на геометрически ровные жёлтые поля и синие вены рек. Сверху смешными спичечными коробками мелькали дома каких-то городов. Лия летела впервые, и всё внизу было необычно и чудно. Ей хотелось восхищаться и делиться с кем-нибудь счастьем полёта. Но рядом пассажиры, как сговорившись, клевали носами. Это удивляло Лию и вызывало лёгкую досаду. Оживление внесла стюардесса, проходя по салону с подносом, на котором размещался богатый обед: телячий язык в желе, чай с булочкой, ярко пахнущей ванилью, и в качестве десерта – кисть великолепного, янтарного винограда. Крупные армянские носы двух соседок перестали сопеть, уткнулись в блюдо с едой, заговорили между собой на своём, как потом узнала Лия, «древнем, царственном» языке, якобы адекватном библейскому праязыку. Через сиденье от себя Лия услышала лепет двух малышек. Оглянувшись, заулыбалась им, но они никак не реагировали на её желание подружиться. Малышки были в возрасте её доченьки, лет четырёх-пяти. Только её девочка была худенькой и беленькой, а эти «парни» выдавали будущую крепкую фигуру своей мамы, которая не спала, но, повесив голову с чёрным снопом густых волос на грудь, застыла в позе Будды, разглядывающего свой пуп. Лия заскучала после обеда и бесплодных попыток найти контакт хоть с кем-нибудь из пассажиров и вздремнула, потому что самолёт забрался на такую высоту, что ничего уже нельзя было разглядеть за дымчатой кисеей, залепившей иллюминатор.

Полёт длился почти пять часов. Долетели в сумерки. Лия, утратившая первоначальное радостное возбуждение, устало оглядывалась, ища глазами Аганеса. Но её не встречали. Она забеспокоилась, обнаружив, что все её спутники необычайно быстро исчезли с аэровокзала. Аэропорт закрыли. Лия оказалась совершенно одна на круглой площадке Ереванского аэропорта. К нарастающему волнению добавился неожиданно хлынувший дождь. Лия зажала между колен свой клетчатый чемоданчик и с головой укрылась припасённым плащом. «Боже мой, куда деться? Неужели всю ночь стоять под дождём?» Лия ужаснулась этой перспективе. Но впереди ожидало худшее: резкий гудок машины и чей-то чужой мужской голос. Она затравленно сжалась, решив, что возле неё закружился первый «стервятник». Он звал Лию сначала на своём языке, потом, услышав отчаянное «нет!», на русском. Подруги предупреждали: «Летишь к армяшкам, они русских женщин так любят, что берегись... Заташат, покуражатся...» «Стервятник» делал круги вокруг неё на своей машине и звал: «Что ты стоишь? Намокла вся. Садись скорее!» Никого. Никого вокруг. Лия заплакала навзрыд и сдалась, шмыгнула в машину: будь, что

будет! Шофёр обернулся к ней, спросил участливо: «Не встретили? Зачем плачешь? Довезу, куда надо. В Горис? До гостиницы доведу, хотя...» Он не договорил. Машина рванула и понеслась. Ехали молча и бесконечно долго. Лия ничего не видела, кроме тьмы за стеклом.

– Куда едем? – спросила наконец, хлюпая носом.

– В Ереван, куда же ещё? У нас далеко от аэропорта до столицы. Зачем плачешь? Скоро доедем. Видишь огни?

Через минут десять шофёр опустил вниз стекло машины, через которое больше не хлестал дождь, зато тускло светились зелёные рекламы магазинов и кафе. Буквы не русские. Но это город, а не одинокая длинная дорога в пугающую неизвестность. Возле какого-то розоватого здания шофёр остановил машину и с лёгким скачком на крыльцо открыл дверь, видимо, гостиницы. Не успела Лия облегчённо вздохнуть, как он вышел, молча завёл машину, бросил через плечо «мест нет», и они покатились дальше. Так повторилось ещё два раза. На Лию вновь тёмной волной накатило недоверие, от которого пальцы рук нервно переплелись, сжались в замок и хрустнули. «Что он там говорил? Ломают комедию, тянет время до ночи, а я сижу, как кролик. Самой надо зайти в гостиницу и узнать, есть место или нет».

– Позвольте мне самой попросить ночлег, я женщина – меня пожалеют.

– Пожалуйста, – нехотя ответил шофёр, явно обкатывая какую-то мысль. Он сидел спиной к ней. Лия не видела его лица, и это пугало и настораживало.

– Что же мы стоим?

– Думаем.

– Поехали! Я сама буду штурмовать следующую гостиницу. Не выгонят меня в ночь на улицу. Сяду и до утра досижу в коридоре.

Машина послушно выехала на большую дорогу. Лия сочиняла страстную речь, с которой обратится к метрдотелю. Но скоро увидела, что оказалась внутри узкой аллеи из переплетённых стеблей винограда. Аллея упиралась в строение, которое трудно было рассмотреть из-за темноты. Шофёр нарочито громко хлопнул дверцей своей машины и, наклоняясь к раскрытому окошку, где сидела Лия, отрывисто сказал: «Выходите. Приехали. Чем сидеть в коридоре гостиницы, переночуете в моём доме». Не оглядываясь, подхватил её клетчатый чемоданчик и исчез. Тут же распахнулась дверь дома, в проёме появилась женская фигура. Лия пошла ей навстречу. Пожилая женщина молча улыбалась, жестом приглашая в дом. Мать шофёра – догадалась Лия, здороваясь и силясь улыбнуться в ответ. Навстречу вышла девочка с большим животом.

– Она не знает ни одного русского слова. И жена моя не знает, – донёсся голос шофера.

«Его жена совсем ребёнок», – мелькнуло в голове Лии. Шофёр что-то тихо и ласково сказал обеим. И они разошлись по маленькой квартирке, чистенькой и уютной. У одной стены круглого зала Лия заметила большой кованный сундук, застланный пёстрым лоскутным одеялом. Неуверенно присела на него – и сразу же навалилась неодолимая усталость с острым и непонятным желанием уснуть на этом сундуке.

– Садитесь. Снимите обувь. Зачем стесняетесь? Будьте, как дома. Так у вас говорят?

Лия вспыхнула от своей недогадливости, когда шофёр обратился к ней с предложением снять обувь. На полу, рядом с сундуком, лежал толстый коврик с ярким национальным орнаментом. Беременная девочка поднесла к сундуку таз с водой и поставила на коврик. Лия скинула босоножки и окунула ноги в тёплую воду. Девочка на корточках быстро-быстро стала обмывать её ноги.

– Что ты делаешь? Я сама! – Лия поджала ноги и, умоляюще глядя на шофёра, закричала. – Скажите ей, чтобы прекратила! Я сама...

– Это обычай предков. Зачем кричишь? – ответил он спокойно, бросив жене короткую фразу. Девочка немедленно унесла таз за перегородку, вернулась, нерешительно подала Лии полотенце и тапочки.

«Надо будет всё рассказать Аганесу», – мельком решила Лия, заходя за перегородку, где висел голубой, под цвет обоев, умывальник. Кое-как с привычки долго мыла под ним шею с раскрасневшимся лицом. Когда вернулась, с изумлением увидела, что комната изменилась. На столе, накрытом белой скатертью, красовались тарелки с мелким чёрным виноградом, арбузом, лепёшками и крупно нарезанными кусками мяса.

– Вы гостей ждёте?

Лия обратилась к шофёру и только теперь заметила, как он молод, моложе её. Заметила и мягкие черты смуглого лица, и курчавые чёрные волосы. Он улыбался. Виден был нижний ряд очень белых зубов.

– Гости уже здесь. Из самой России. Мы рады. Давайте ужинать.

При последних словах Лия поняла, кому обязана неожиданным торжеством. Смущённо и растроганно села за стол. Вот чем обернулись её страхи! Стыдно вспомнить, кого боялась: мальчишку этого? Славная, тихая семья... Вполне оправившись, она с удовольствием уплетала лепёшки с мясом, нацеливаясь на ярко-красные ломти арбуза с блестящими сочными вакуолями. И тут услышала, как они переговариваются, не глядя друг на друга, как бы боясь спугнуть её аппетит. Несколько раз прозвучало имя Франтик, с которым мать обращалась к шофёру.

Неужели это его имя? Какое глупое! Так коты зовут. Лия не могла сдерживать улыбку, вставая из-за стола, и по-свойски обратилась к молодому человеку:

– Франтик! Если решается вопрос о ночлеге, то лично я хочу спать на этом сундуке.

Лицо Франтика передёрнулось.

– Моё имя Аршак. Домашним позволено обращаться иначе. Гости у нас занимают кровать. Вам постеляют.

Кровать стояла у окошка, из которого лился мирный, молочный свет полной луны.

«Да он гордец!» – подумала Лия и не решилась протестовать. Пожилая женщина уже застилала чистым бельём широкую железную кровать с набалдашниками на спинках. Девочка убирала со стола посуду. Огромный живот мешал ей, когда она тянулась за тарелками.

– Можно, я помогу?

Лия обратилась к праздну стоящему у окна Аршаку и, не дожидаясь его ответа, захватила горку тарелок. Аршак что-то сказал жене, отнял из рук Лии посуду, вместе с женой пошёл к выходу. Обернувшись у дверей, коротко взглянул на гостью и, пожелав спокойной ночи, ушёл.

Лия проснулась рано. На сундуке лежала, свернувшись, мать Аршака. Беспокойное чувство неудобства от того, что нарушено ровное течение жизни семьи армян, охватило её. Скорее бы добраться до Гориса, встретиться с милым Аганесом! Аршак обещал довезти до аэропорта. Нетерпеливое желание покинуть чужой дом нарастало с каждой минутой. Она тихо оделась, по памяти нашла дорогу к двери, которая, к радости её, оказалась открытой. Аршак уже возился около машины. Деловито приветствовал гостью.

– Доброе утро! Зачем рано встали? Успеем. Завтракать надо. Отвезу вас в аэропорт, как обещал.

Лия в ответ простодушно зевнула, забыв даже прикрыть рукой рот, но спохватилась, встретив ненароком насмешливый взгляд молодого человека.

– Не выпались? – он запнулся. – Как звать вас?

– Лия.

– Не слышал такого имени у русских. Наверное, усечённое от Лилии...

– Хуже!

Он окинул её взглядом – от макушки с короткими и прямыми волосами цвета спелого ковыля до тонких ног в сандалиях. Её внешность была чуждой даже для северян: необычайно белая кожа, большие, чуть выпуклые, светло-голубые глаза с высоким рисунком чуть заметных бровей, изящные бледные губы и очень тонкая, вытянутая фигура балерины. Ещё он отметил странную, не женскую манеру не отводить взгляд. Казалось, гостя вызывающе смотрит на него. Аршак привык к потупленному взору жены. Все армянские женщины смиренны и целомудренны. А сейчас между его глазами и глазами гостя что-то вроде дуэли... Неожиданно для себя он лихо подмигнул Лие, и та рассмеялась. Тотчас тонкая нить приязни связала их и тянулась весь долгий путь до аэропорта, где Аршак наотрез отказался от денег за доставку Лии в Ереван и обратно, а также за купленный им для неё билет до Гориса.

– Как армянин, я многим обязан русским людям, – твёрдо, но без пафоса заявил Аршак. – А сейчас несу ответственность, – он подчеркнул последнее слово, – за русскую гостью-женщину.

Лия сделала шуточный реверанс: надо было сгладить излишнюю серьёзность слов молодого армянина. Аршак разговорился:

– Друг мой, Ован, работает на производстве электронно-вычислительных машин. Говорит, во всём помогают учёные из Москвы. И Ереван помогают отстраивать. Через два-три месяца снесут наш глинобитный домик. Вашу столицу как называют? Белокаменная! А наша – розовокаменная будет. Из туфа!

Лицо Аршака светилось, словно изнутри включилась лампочка. Лия не имела ни малейшего представления о туфе. Почему-то слегка огорчила перспектива скоростного сноса маленького гостеприимного дома внутри аллеи из дикого винограда.

А то, что всем пятнадцати республикам, входящим в Союз, помогает Россия, дело известное. Между простыми людьми считалось, что наша помощь – в дар им за солидарность. Иногда Лия слышала неодобрительное ворчание, что, мол, кормит Россия все народы, а свой на талонах держит. А однажды обожаемый ею физрук школы, где она работала, взял на себя роль оракула: «Если Россия – многодетная мать, то дети вырастут, захотят жить отдельно, затребуют суверенитет, так сказать, а вместо благодарности кукиш матушке покажут. Вот мы, к примеру, вырастили балбеса Петьку, не хочет он династию педагогов поддерживать, в кондитеры подался, заявляет: имею право».

– Что такое туф? Материал особый? Или камень? – спросила Лия, догадавшись, что наскочила на счастливую тему, которую можно эксплуатировать теперь уже до посадки в самолёт. Аршак заметно обрадовался её интересу к туфу.

– Туф – действительно камень, причём цветной, в зависимости от залегания. Используют его вместе с базальтом, пемзой для стройки домов. – Он замолчал, улыбаясь. Хотел продолжить, но отмахнулся. – Долго рассказывать. Вы всё равно не поверите, что из этого камня ещё и шёлк вырабатывают. Армения – страна камней, Карастан.

И вдруг заторопился. Неловко протянул руку, пожал протянутую ладонь Лии и быстро удалился. Оставшись одна, девушка не сразу стёрла улыбку с растерянного лица. «Целый час времени до посадки в самолёт! Не дотянул до безупречного рыцаря, – с долей досады подумала она, – а впрочем, какие претензии могут быть? Заторопился человек по своим делам».

Она огляделась, обнаружила, что в помещении Ереванского аэропорта немногочисленно. Полтора десятка не очень опрятных мужчин стояло у стойки с надписью «Горис». На неё, единственную женщину, никто не обращал внимания. Скоро подали трап. Мужчины с баулами стали подниматься в маленький самолёт, показавшийся Лии игрушечным, деревянным. И тут, как из-под земли, явился Аршак.

– В ларьке не нашёл, что хотел. Примите это, пожалуйста.

Он сунул во внешний карман её клетчатого чемоданчика свёрток, с непонятной сдержанностью отошёл от самолётника, кивнул на прощанье головой. Мотор сухо затрещал, затрещал и весь корпус, мелко задрожали вещи сидящих. Поднявшись над столицей, пилот как бы совершил почётный круг и, ровно зарокотав, местный труженик неба отправился в путь.

Полёт оказался неожиданной и прекрасней, чем в фешенебельном лайнере. Грозно надвинулась гряда исполинских хребтов Кавказских гор, сверкающих непорочной чистотой снеговых вершин. Гигантская грудь камней словно дышала, образуя при выдохе воздушные ямы. Когда самолёт круто проваливался, к горлу тяжёлым кулаком подступал пустой желудок. Лия отказалась от завтрака в доме Аршака, наскоро глотнув мацони, и это спасало теперь от мучительных приступов рвоты. Теснота салона взывала к доступности и простоте общения: пилот переговаривался с кем-то из пассажиров, другие играли в карты. Лия заворожённо глядела

в бездну. Чёрные морщины ущелий, белые купола вершин так близко, что, казалось, опусти ногу – и останется след на этой вечной снеговой перине. Не преодолимо захотелось черпнуть пригоршню снега рукой. Сердце сладко и бешено стучало. Адреналин бушевал, толкал на безрассудство. Закрывать глаза и прыгнуть в эти манящие объятия гор... Она заёрзала на месте, приподнялась.

– Э-эй, женщина! Зачем встаёте? На место, на место!

Голос был груб, как будто обращён к собаке. Лия пришла в себя, пересела на пустое место рядом, якобы это и было её намерением. Через час мужчины заметно оживились. Кто-то произнёс слово «Горис», и Лия успокоилась. Приземлился самолёт на каменное плато, скупое поросшее травой. Несколько мужчин со стонами повалились на неё, другие жестиком кричали и кричали, пытаясь им помочь.

Путешественница Лия без происшествий добралась до заветного дома Аганеса и его жены Розы. Приветствиям, объятиям в мощных руках Аганеса не было конца. Краснощёкая, тяжёлая Роза радостно восклицала по-русски, с сильным кавказским акцентом: «Не встретили дочку! Ай, какой конфуз!» Гремела посуда, и скоро стол для «дорогой Лилианы» был заставлен чашками с горячей душистой бараниной, с лавашем и свежей, обильной зеленью петрушки и кинзы. Потом на широком подносе с национальным орнаментом были поданы огромные жёлтые и зелёные груши, круглые сливы, налитые золотым соком, и самодельное вино. «За дорогую русскую гостью» трижды поднимались и мелодично звенели хрустальные бокалы.

Древнейшая страна Урарту, ныне Армения, на современной карте выглядит как коридор между двумя крупными государствами – Азербайджаном и Турцией. Над головой Армении – цветущая Грузия, а в ногах – долина реки Аракс, разделяющая Армению с Ираном. Горис – старинный городок (в летописях – поселение V века н. э. на высоте примерно полутора тысяч километров над уровнем моря). Укрылся он в котловане между зубьями острых скал вблизи иранской границы. Каменные дома окружены грушевыми и сливовыми садами. По заборам густо стелется дикий виноград с сизыми кистями плодов. Маленький, беззащитный городок всей жизнью обязан речушке Варарак, притоку бурного, шумного Воротана, бьющемуся о скалы. Животворящая вода рек и родников в Армении с ископаемых веков была предметом обожания.

– Лилиана, тебе уже за тридцать лет, а выглядишь худой, как мальчик. И бледная, как пепел ковра, – сокрушённо вздохнула Роза.

– Да вы поэт, Роза! – изумилась Лия, услышав из комнаты, которую ей выделили для проживания, густой бас армянки.

– Не я поэт. Это Сиаманто написал красивые слова о горсти святого пепла из пепелищ...

Аганес резко прервал жену, красноречиво кивнул в сторону гостя и подхватил:

– Это дело поправимое. Поправится наша Лия, но не дай бог до твоих габаритов! – он с трудом заключил в объятия свою половинку. Вместе они составляли масштабный горный хребет. Детей не

уродили. К закату жизни затосковали о шуме и смехе ребёнка в своём доме. И так всё срослось сейчас между Лией с её девочкой и сиротами-стариками, что жизнь всех участников этого союза обрела ещё неведомый, но счастливый смысл.

Глава вторая

До поездки в Армению Лия снимала в одном из рабочих посёлков Волжского региона однокомнатную хрущёвку, преподавала литературу в местной двухэтажной деревянной школе. Прошло пять лет, не омрачённых бедами, хотя и не озарённых счастьем. Пять безмятежных лет, пока не явилась к директорше школы его племянница, крашенная блондинка с сочными, вывернутыми губами. В довершение вульгарного образа женщина обладала бюстом пятого размера.

– Не рада я ей, Нонке, – откровенничала директор школы с Лией, которую уважала за ответственность в работе и правильную партийную установку на жизнь, – избаловала её сестра моя, царствие ей небесное! Директор украдкой перекрестилась, возведя очи к потолку.

Лия стёрла невольную улыбку, не соответствующую теме.

– Женился отец её после смерти моей сестры на соседке, потому как Нонка не хозяйка, – продолжала директорша, – ну и рассобачились бабы. Приняла я её, куда ж деваться! Теперь надо часы у Ивана Алексеевича сокращать, – закончила она и резко встала, по-деловому одёрнув пиджак.

В посёлок Лия попала по распределению института. Здесь вышла замуж, родила девочку, готовилась стать секретарём партийной организации школы. Политические события в стране редко заостряли внимание жителей посёлка. Эпоха Брежнева перекачивалась через них монотонной речевой волной по радиоприёмнику, усыпляла шелестом газетных страниц. Посёлок жил здоровой бытательской жизнью: растил детей, занимался огородами, работал на сохранившейся от дореволюционных времён текстильной фабрике. Там же в качестве начальника цеха камвольного производства работал и муж Лии. Был бы он вполне заурядным человеком, если бы не увлечение языком эсперанто. Где и как достал Станислав Егорович замызанную, в жёлтом переплёте, книгу с соответствующим названием, никто не мог сказать. Но приобрёл с ней важность и налёт загадочности. Стас был не молод, но щеголеват, поменял в посёлке несколько женщин, ни одной не признавшись в любви. Однажды увидел юную девушку с лица нездешним выражением и обомлел: наконец, сбилось! Улучив момент, когда она возвращалась из школы, игриво подхватил её дипломат, оказавшийся тяжёлым из-за стопки сочинений, и представился. Плотный, лысеющий человек с глубоко посаженными глазами, широким носом и широкой улыбкой произвёл до дрожи неприятное впечатление.

– Вы грабитель? Отдайте дипломат! – Лия поморщилась от мысли, что это новоявленный ухажёр. Стас не смутился, продолжил в привычной для него наступательной манере, всегда имеющей успех:

– Virino, vi amos min! (Женщина, вы полюбите меня!)

Глаза его горели живым огнём. Улыбка с безукоризненно белыми ровными зубами настроила на снисходительность.

– Так это вы полиглот? – Лия расхохоталась ему в лицо. – Слышала. Переведите!

– Не! – Он скользнул по ней оценивающим взглядом сверху вниз и как бы окончательно утвердившись, добавил: – *Vi estas la virino de mia estonta feliĉo.* (Вы женщина моего будущего счастья.)

– Отдайте дипломат! И адиос, амиго! – Эти прощальные слова из популярной латино-американской песенки она слышала не раз.

– О, если я произведён в друзья, то значит *mi venis, mi vidis, ke mi venkis!* (Пришёл, увидел, победил!)

– Я не владею эсперанто... – Лия без сопротивления вернула дипломат, не оглядываясь, продолжила путь, но через десяток шагов взбрыкнула молодость козлёнком, и она кокетливо через плечо кинула ухажёру: «Мне скучно, бес!»

– «Что делать, Фауст?» *Mi ploras* (Я плачу), – дурашливо крикнул вслед Стас, сделав плаксивую гримасу.

«А он знает ответ», – удовлетворённо подумала Лия. Знание Пушкина всегда было для неё своего рода проверкой эрудиции и ключом к сердцу.

Апрель-зимоборец обильно поливал землю. Мокрые бутоны сирени стучали в окно маленькой комнаты. Ничего интересного не предвещал Лии выходной день. Медленное томление вечера засасывало её. Вдруг звякнуло окно, за стеклом явно кто-то затаился. Лия отодвинула тюлевую занавеску и увидела Стаса с букетиком сиреневых подснежников.

– *Pardonu min.*

Лия приоткрыла окно, молча приняла хрупкие дары весеннего леса. Через долгую минуту ожидания не увидела в темноте, но услышала удаляющие шаги. А чего она ждала? Ей и самой не было ясно. Стук в дверь возмутил бы бесцеремонностью, а слова были сказаны. Она испытывала смесь грустной досады с приливом приятного оживления. Почему ни от кого другого, а именно от этого шута в шляпе на голом черепе такие нежные цветы на прохладных, мохнатых стебельках? Через две недели их сменил раскидистый букет сирени. Стас, как и в первый раз, передал букет через окно.

Пленительный запах, неожиданно вторгшийся в тесноту жилища, произвёл впечатление праздника. Лия приветливо улыбнулась чудачку с головой, украшенной на этот раз татарской тюбетейкой.

– Вам идёт тюбетейка, полиглот.

– А вам – улыбка, *mia feliĉo* (моё счастье).

– У меня готов чай с шиповником. Заходите!

– С удовольствием!

Стас выложил в стеклянную вазочку предупредительно купленные дорогие конфеты «Кара-Кум». Он непринуждённо разглядывал комнатку в форме пенала с маленьким диванчиком и кроватью. Потом снял с этажерки несколько книжек.

– Серьёзные книги! Неужели Белинского читаете? А приёмника нет?

– Есть патефон. Музыка тоже серьёзную слушаю. Чайковского, например. – Лия наклонилась и

захватила с нижней полки этажерки пластинку в коричневом бумажном чехле.

– В другой раз! – отмахнулся Стас. – У меня настроение похилить по нашему Бродвею: весна, вечер, bone!

Стас сделал ногами несколько молодёжных танцевальных движений и пропел весьма недурно куплет легкомысленной песенки:

Расцвела сирень в моём садочке.

Ты пришла в сиреновом платочке.

Ты пришла, и я пришёл.

И тебе, и мне хорошо.

– Хиляйте, полиглот! – Лия открыла дверь. – Вы меня утомили...

Она подхватила игровую манеру гостя и произнесла последнюю фразу нарочито томно, слегка в нос, подражая барыне из известной кинокомедии. Стас перед открытой дверью не сразу понял, шутят с ним или выпроваживают всерьёз. Да и Лия не совсем определилась, куда показывает капризный компас их отношений: на тепло или холод. Она закрыла за Стасом дверь. «Стрекозёл! Изображает из себя вьюношу». А «вьюноша» стоял перед её окном, задрал голову, и пел:

Отцвела сирень в моём садочке.

Ты ушла в сиреновом платочке.

Ты ушла. И я ушёл.

И тебе, и мне хорошо.

«Каков хмырь! Самоуверен до неприличия. Считает, что в другой раз ему обеспечен приём с чаем и Чайковским! Дудки!» Но Стас стерёг желанную добычу, как опытный, бывалый охотник. Не спешил. Зачем нарываться на фыркатье? Уже резвился май, вырабатывал в здоровом мужском организме андрогены. В маленьком городке настаивалась по утрам горькая свежесть остро-пряного воздуха. В такое утро Стасу как бы случайно на дороге встретилась училка, спешащая в школу с тяжёлым дипломатом, как всегда, набитом тетрадами. Стас тоже спешил на работу. Старая камвольная фабрика под горой, за городской чертой будто дышала в мареве утра. Он к ней привык. Привык к цеху, где изготавливалась шерстяная пряжа, уверенно руководил женским коллективом. Но последнее время беспокоили разбрызгиватели под потолком, не создающие необходимую влажность воздуха – важное условие их технической эксплуатации. Чертежи, графики требовали его опытного глаза. Только не сейчас. Сейчас глаза Стаса послушно изобразили изумление и радость, встретив строгий, взыскательный взгляд Лии. Он встал перед ней, широко раскрыв объятия:

– *Mi pensas pri vi.* (Я думаю о тебе.)

– Дайте пройти! Опаздываю!

– Только через мой труп. – И с напускной дерзостью шалопая затребовал мира.

Через полгода осады Лия сдалась: рабочий посёлок беден интересными мужчинами. Физрук уже имел семью, киномеханик, красный с бодуна, уверял, что бросит пить, как только она возьмёт его в дом. Посоветовавшись для проформы по телефону с матерью, Лия с сияющим Стасом вошла в тесную каморку районного ЗАГСа. На столе лежали две толстые потрёпанные книги. Одна свидетельствовала о смерти, другая фиксировала рождения, браки

и разводы граждан. Ни о каком приятном волнении в такой обстановке не могло быть речи. В первую же ночь Лия поняла, что никогда не сможет добровольно отдать своё тело этому плотному 45-летнему мужчине. Он был старше её на 18 лет. Три ночи одиноко маялся на скрипучем, узком диванчике бывалый покоритель сердец и не выдержал.

– Я тебя прощаю! – торжественно провозгласил он, обратившись к жене, свернувшейся на несостоявшемся семейном ложе.

– За что? – спросила она, срываясь на плач от предчувствия неотвратимого.

– За то, что ты женщина, а не девушка, как я думал.

Лия молчала, хотя её тела ещё не касались мужские руки. Молчала, когда Стас, не дождавшись ответа, робко пробрался под общее одеяло, где лежала, плотно закрыв глаза, трепещущая плоть – кокон, готовый к неизбежному метаморфозу.

Прошло время, и Лия привыкла к положению замужней женщины, тем более что легкомысленный Стас на удивление всех оказался заботливым, покладистым мужем. С рождением слабенькой восьмимесячной девочки он, казалось, накрепко прикипел к семье. Лия жила ровной семейной жизнью, так и не испытав ни романтической любви, ни пылкой страсти.

– Брёвнышко моё, – шептал, задыхаясь от сладостных чувств Стас. Не раз слёзы обиды наворачивались на его глаза, когда жена закрывала ему рот лёгкой ладонью:

– Тише, разбудишь малышку. Давай спать.

– Kisu min (поцелуй меня), – просил он, пряча за чужими для Лии словами нежность к её дыханию, – mi besonos! (Я хочу!)

Порой она отвечала на поцелуй, тогда его охватывало позднее раскаяние.

– За что мне это, – вопрошал он, драматически воздевая руки, – за что счастье?

Среди своих коллег в школе Лия не имела подруг. Её сторонились, считая выскочкой, завидовали, что прежний хват, неугомонный ходок остепенился, доставшись ей, серой моли. К тому же от фабрики, обзаведясь семьёй, Стас получил двухкомнатную квартиру в новом кирпичном доме. Трезвый мужик – редкость на селе. А если он в начальниках, то и жена в почёте. Потому директор школы плюсовала это обстоятельство ко всем прочим достоинствам Лии и благоволила ей, закрывая глаза на кружок, в котором молодой педагог стала проводить шокирующие эксперименты, выходя за рамки школьной программы. Лия не любила формальностей, которые сковывали работу педагога. Но поначалу добросовестно выполняла все неизбежные, громоздкие условности процесса обучения детей: писала конспекты, планы, изучала методички, вела кружок с незатейливым названием «Литература и жизнь». На педсоветах её ставили в пример. Не было серьёзных замечаний в адрес учителя литературы и со стороны областных комиссий. Однако вместе с опытом у Лии сложилось суждение, что школьная система обучения несовершенно: она препятствует развитию самостоятельного мышления. Методики предлагали штампы, рутинные дорожки усвоения материала.

Обучение, размышляла Лия, не должно сводиться к зубрежке уже готовых ответов. Необходимо прививать критическое мышление, чтобы уберечь детей от яда скепсиса при встрече с изнанкой жизни. Так поступает медицина, когда вводит ослабленную вакцину заразной болезни. Слепое доверие к мироустройству, неумение думать порождает инфантильных людей, убивает творческое начало. Толчком для собственного мнения у школьника должно стать логическое противоречие. Вот тогда учитель достигнет шевеления мозгов, и появится интерес к предмету. Лия немало удивилась бы, если бы ей сказали, что она поддерживает Гегеля, который расценивал скептицизм как более высокую ступень развития духа.

Как-то раз Лия решила поделиться с директоршей новыми мыслями:

– Слишком много абсолютных истин. Вы согласитесь, что не состоится учёный математик, если поверит, что дважды два – четыре. Даже я, не математик, могу доказать, что это не так: две капли воды при сложении дадут одну каплю.

Директор слабо улыбнулась. Она преподавала математику в старших классах. Оставила себе полставки, вовсе не заморачиваясь над абстрактными вопросами.

– Коварная вы женщина, Лилиана Марковна, ведь если захотеть, можно доказать, что дважды два равно самоварной трубе. Хорошо, что вы не догматик! Но будьте осторожны. Как там у Пушкина? «Не всякий вас, как я, поймёт».

Лия приняла этот разговор за бесспорный знак одобрения и дала волю заветному желанию – возбудить у школяров движение мысли.

– Цитируют Пушкина, – рассуждала она, готовя ужин и обращаясь к Стасу, – помнят о нём со слов Белинского: «солнце русской поэзии». И это правда! В школьной программе следует воспринимать как «несомненное», бесспорное всё, что написал о Пушкине Белинский. А я познакомлю своих кружковцев со статьёй Писарева. Ты не слушаешь меня? Хорошо! Занимайся с дочкой.

Дочка была маленькой копией Лии, только глаза унаследовала от отца – тёмные, с живым блеском. К пяти годам она уже называла себя knabino (девочка), листала на радость отцу страницы эсперанто, и Лия знала перевод mi legasja (я читаю).

Ребята пришли в замешательство, когда Лия за три занятия в кружке прочитала им сокрушительную отповедь Писарева, опрокинувшего с пьедестала застывший в косном хрестоматийном представлении образ Александра Сергеевича.

– Всё наоборот, и всё убедительно, – резюмировала отличница-десятиклассница, – но поступать на филфак я теперь не хочу!

Скоро Лию вызвали в кабинет директриса.

– Вот результат вашей, голубушка, диалектики! Пришла мамка жаловаться на вас. И на Дмитрия Писарева! Наследили вы с ним на золотом имени Пушкина. Как будете объясняться?

Лия выдержала паузу перед насмешливо-суровым взором директрисы:

– А вот так! – вспыхнула она. – Дмитрий Писарев не запрещённый автор! Если брат Ленина, Александр, читал его блистательную критическую

статью, – она запнулась, поняла, что эксплуатирует авторитет вождя. Отвернулась, почувствовав, что густо краснеет. Но через вздох продолжила уже проникновенно, с верой в каждое слово. – Высоты и глубины Пушкина самому надо разглядеть. Не по школьному... Не по одной школьной программе. При широком взгляде на культуру каждый из них интересен. Как Пушкин, так и Писарев.

Глаза директора утратили насмешку, оставив только суровость «убеждённого формалиста». Так называл её физрук, единственный коллега Лии, с которым она сошлась.

– Голубушка, – голос директрисы напрягся, – нам не позволено разьесть мозги учащихся нигилизмом. Мозги у подростков сырые, восприимчиво-подвижные. Школа должна иметь нравственно чутких педагогов, для которых учащиеся – не подопытные кролики. Я предупреждала, будьте осторожны.

– Подвижные, восприимчивые, – как эхо повторила Лия, – а мы блокируем эти мозги. Школа должна учить думать, а не пичкать мозги ненужным количеством знаний.

У директорши неестественно широко распахнулись оба глаза.

– Вы что же? Систему образования желали бы реформировать?

Телефон настойчиво дребезжал. Директор сняла трубку, мрачно сообщила:

– Школа. Директор. Слушаю.

Через минуту с беспокойством взглянула на Лию и срочно отправила её домой.

Дома Лию ждала неприятность: заболела дочка. Из садика быстрее удалось дозвониться до Стаса. Он принёс девочку домой, сбил аспирином температуру, напоил горячим молоком. Её стошнило.

– При большой температуре нельзя молоком поить, только чаем с лимоном, – возмутилась Лия.

Стас заметил раздражённое состояние жены, но принял его за волнение при виде бледного личика с полуоткрытым ртом и лихорадочно блестящими глазами. Он впервые переживал отцовство. Позднее отцовство воспринимается остро, болезненно-ревностно. Порой Стасу казалось, что жена больше думает о работе, чем о семье, о дочке. А его душа с самого рождения девочки, с первого года её жизни нежно ворковала. Крошечные розовые пальчики рук и ног умиляли.

«Двадцать пальцев крошек не любить нет сил! Двадцать пальцев крошек – каждый пальчик мил», – напевал он приятным вибрирующим тенорком, укладывая дочь в деревянную кроватку с ножками, крепёнными на особых согнутых, как лыжи, деревянных полозьях. Кроватка легко качалась. Чтобы ребёнок не упал, кроватка была зарешечена точёными деревянными столбиками. Это изделие смастерил в подарок коллега Лии, физрук Иван Алексеевич, по совместительству ведущий в школе и военное дело, и уроки труда, где ребята осваивали столярное мастерство. Стас отблагодарил мастера несколькими бобинами шерсти. Дочь росла. В годик бегала по комнатам от отца к матери. Стас, обеспокоившись её косолапостью, добросовестно тёр морковь, выжимал из неё сок. К пяти годам его доченька не отличалась по физическому развитию от других детей, а по интеллекту превосходила многих.

В ту роковую ночь Лия вместе с мужем сбивала высокую температуру ребёнка спиртовыми примочками, поила водой с растворённой таблеткой аскорбиновой кислоты и глюкозы. Но состояние ребёнка ухудшалось. Вызвали скорую. Доктор поставил страшный диагноз: двусторонняя пневмония. Лию с дочкой экстренно госпитализировали. Стас поначалу часто забегал в больницу, не находя слов для выражения беспокойства. Страдальчески искал в лице жены утешение, а у неё опухшие, красные от слёз нос и глаза: детский доктор с как бы навсегда подвешенным на шее фонендоскопом заявила, что у ребёнка сердечно-лёгочная недостаточность. Избегая тревожного взгляда матери, добавила что-то про возможную несовместимость. Лия замотала головой, не желая уточнять, с чем. (Позднее узнала – с жизнью!) Кроме лекарственных препаратов доктор назначила заместительную терапию: у Лии брали кровь из вены и вводили дочери, которая задыхалась и хрипела: «Мамочка, спаси! Я хорошая девочка». Она обвивала шею матери горячими худыми руками, вжимала измученное тельце в её спасительную грудь. «Не надо уколов! Пожалуйста!» – умоляла девочка сестричек, стоящих наготове со шприцем в руке. От Лии в течение месяца странно удалилась вся прожитая жизнь, осталась только палата с побелёнными стенами, с пружинными кроватями в два ряда, с тонкими венами на руках дочери в багровых синяках от уколов и уходящее в никуда время.

Их выписали в весеннее половодье. Лёд на Волге вздыбился серыми, пористыми глыбами, ухал при всплесках, медленно истаивал в заводях. В квартире был порядок и пугающее запустение. Девочка безразлично обвела комнату взглядом, спросила о папе и, не преодолев слабости, смежила глаза. Лия зябко сжимала плечи: после душевной больницы палаты в комнате ей казалось прохладно.

Почему их не встретил Стас? Лия вспомнила, что муж при последней встрече держался смятенно и суетно. Спешно передал кулёк со сладостями для дочки, скользнул небритой щекой по лицу жены и, сведя озабоченно брови над переносицей, пожаловался на занятость. Она отпустила его, не задавая вопросов. Но теперь он должен быть с ними, должен радоваться их возвращению, началу весны, продолжению жизни! Она позвонила соседке по квартире, мордовке Оксе, работающей в школе завхозом. Та открыла дверь, кисло улыбаясь, не приглашая в комнату.

– Станислав Егорыч осейка сказывал про командировку. Как дитё ваше? Ну и то благо, что живы-здоровы! Отдыхайте!

Лия поймала себя на том обидном обстоятельстве, что стоит перед захлопнутой дверью. Пронизывающая сердце тревога в течение дня сменилась к вечеру серой глыбой печали, а к ночи обернулась истерикой. Утром Стас тихо открыл ключом дверь, прошёл на кухню. Лия слышала, ждала, дрожа всем телом с тяжёлым предчувствием удара. Не дождавшись, сама пошла навстречу. Он, не раздеваясь, сидел за столом, помятый, исхудавший.

– Не гони, сам уйду. Завязать бы всё, – сказал с отчаянной горечью и уронил голову на грудь. Потом стукнул кулаком по столу: – Не прошу себе!

Забормотал, мотая головой:

– Ne estas justa, sed la vivo – la ludo, ludi bele.
(Жизнь не игра – играй красиво.)

– Ты пьян, Стас?

– Запил, как видишь...

– Что случилось?

– Беда, estas malbona (это плохо).

Для Стаса изъясняться на языке эсперанто в трудных обстоятельствах было привычкой, забавным подобием страуса, прячущего голову в песок. Лия никогда не спрашивала перевода, понимала сердцем. Он близко заглянул в её похолодевшие льдистые глаза на бледном лице с неуложенными пепельно-серыми волосами. «И впрямь – моль, как Нонка её обзывает», – мелькнуло в его мутной голове. Было странно ничего не чувствовать к жене, кроме жалости.

– Когда на работу выйдешь?

– Не завтра. Больничный дочке ещё продлят. А что?

– Узнаешь всё «от ликующих, праздно болтающих» в школе. Он усмехнулся удачно вставленной фразе из стихов Некрасова, которые однажды декламировал у них дома громкоголосый школяр (жена иногда готовилась к конкурсу чтецов в домашних условиях).

– Стас, пожалуйста, уйди! Нельзя, чтобы ребёнок видел такого папу.

– Ну, пусть я закоренелый подлец перед тобой, хотя сама ты не без греха – холодная, прагматичная. Но дочка моя, доченька, в чём повинна?

Он пьяно зарыдал, свалившись головой на стол. Через минуту встал, медленно побрёл к выходу, не оборачиваясь, пробормотал:

– Всё здесь ваше. Не приду. Сапоги с бельём Окся принесёт.

Эта сцена, неправдоподобная для ровных, устойчивых чувств, которыми они жили все годы, отвратительная в исполнении мужа, долго оставалась за гранью понимания Лии. Не имея собственного практического опыта, она прежде жила, как под стеклянным колпаком: всё видела, чувствовала, понимала, но без свербящей боли.

В школу Лия пришла, когда кончился бюллетень, с заявлением об увольнении. Её откровенно чурались, кто с испугом, кто с сочувствием провожал глазами. Только Иван Алексеевич раскрыл объятья навстречу её затравленному взгляду.

– Ну, здравствуй! Чего не бывает в жизни! – Он по-братски прижал её к себе, похлопал по спине, поцеловал в затылок. – Была ты белой вороной, а стала чёрной, как все! Слаб Станислав Егорович перед женскими чарами. С тобой прыть унял. Хватило дона Спиранто на шесть лет. Ну и шут с ним!

Физрук завёл её в спортзал, в просторное помещение с обшарпанными полами, обязательными козлами и сеткой для баскетбола.

– Делим с Нонкой этот зал: она занятия здесь ведёт с девчонками. Аэробика в моде. Трясёт свой жир. – Иван Алексеевич неприязненно махнул рукой.

Лия показала заявление, которое не смогла преподнести директорше в связи с её отсутствием.

– Надумала школу бросить? Не отпустит! Тебя заменить некем. Передаст твои часы Пеллаге

Овсянниковой, да та не потянет. Это с одной стороны. С другой стороны, Нонка, племянница её, путается с твоим мужем. Клубок интриг!

Лия вспыхнула, но собралась с духом, решив узнать о судьбе литературного кружка.

– Развалится без тебя окончательно. Тебя ученики любят, сама знаешь. Сколько раз к тебе в больницу ходили.

Лия решительно протянула заявление об увольнении Ивану Алексеевичу. Руки её дрожали, дрожал подбородок, и прыгали губы.

– Передайте, голубчик, нашей директорше. Пожалуйста! Завтра с дочкой уезжаю в город к родителям. В городе, если нет часов в школах, в библиотеку устраюсь, хоть гардеробщицей.

Физрук пробовал удержать её, звал в гости на пироги в день рождения жены, который состоится завтра, но Лия чувствовала, что надрывный крик рвётся из груди, и она не в силах его подавить. Выбежала из школы с мокрым от слёз лицом. Так просто всё завершилось: нет школы, мужа, дома – всего, что недавно составляло её жизнь.

Непостижимо безразлично светило апрельское холодное солнце.

Глава третья

Контрастность между отцом и матерью Лии была вопиющей. Разные взгляды на быт, на социум и на гендерные задачи они проявляли по ходу жизни. Даже внешне они противостояли друг другу. Отец Лии костистый, бледнолицый, со светлыми глазами, с маленьким подвижным лицом был порывист, скор в ходьбе. Два его главнейших настроения могли попеременно отпечатываться на лице: мировая скорбь и непомерное восхищение. Мать отличалась полнотой, смуглой кожей и глазами цвета хаки. Крупная малоподвижная голова с чёрными волосами держалась на короткой шее. Мать весьма дорожила молодостью лица и запрещала себе мимические морщины. Потому к ней нередко могла относиться слегка перефразированная фраза из поэмы Лермонтова: «и на челе её высоко не отразилось ничего». Она величественно ступала по кухне и по трём комнатам, составляющих её империю, резонно считая себя образцовой женой и хозяйкой. Отец в семье имел роль второстепенную, несмотря на то, что благодаря его хлопотам и трудам мастера на автозаводе была получена вожделенная квартира (впрочем, не без невинной уловки, связанной с пропиской престарелой тётушки жены, которая через полгода добросовестно покинула этот мир). Отец нередко проявлял завидную прыть. Так было, когда он перекупил у соседа, заведующего мебельным отделом универмага, его чешский, под яркий орех, гарнитур для зала, нежную мечту своей супруги, и в придачу его же старенький «Запорожец», на котором ездил в садовое хозяйство «Вишнёвый сад», где ему от завода выделили пять соток земли. Мать и отец Лии представляли собой два мало совместимых психопатических типажа. Но в природе столько парадоксов! Высоко в горах, покрытых снегом, тепло: люди загорают и одновременно кидаются снежками. Исполин морей кит питается микроскопическим планктоном. Наконец, генералиссимус Суворов, главной наукой которого

была «Наука побеждать», в отношениях с женой не наступал, а держал жалкую оборону.

Когда через три года зацвели три вишнёвых дерева и две яблони, посаженные отцом, мать выразила согласие посетить на «колымаге» «поместье» мужа. Так иронично называла она всё, что принадлежало ему за пределами квартиры. Но «поместье» не вызвало заготовленного ею глумления, оказавшись прелестным уголком. Заметив явную перемену в настроении жены, отец, как всегда в таких случаях, обратился к ней со словами из известной сказки Пушкина: «Чай, теперь твоя душенька довольна?» Мать, пожалуй, и впрямь была бы довольна, если бы вдруг не обнаружила в соседях по даче чету Коломейцев, которых звала не иначе, как неприятными людьми. А неприятные люди приветствовали её через забор кивками головы и сияющими улыбками. Пришлось идти здороваться, изображать радостное удивление. Воистину пути Господни неисповедимы. Давно судьбы их детей разошлись, а осадок у матери Лии остался: сын Коломейцев вышел-таки в люди, занимался какой-то непонятной наукой ономастикой, ездил по стране, а её дочь Лия прозябала в глуши, работала в районной школе. А ведь в один детский садик ходили! Неповоротливый, губастый Виталик со светлыми вихрами, этакий увалень, в детстве привязался к её голенастой, худенькой Лии и шагу не мог шагнуть без неё. В обеих семьях было по одному ребёнку, составляющему главное благополучие. Трёхлетняя Лия уже поражала мать проявлением строгого логического мышления.

– Кушай помидору, будут щёчки розовые, – угоривала мать.

– А зачем тут огулцы? – строго вопрошала дочь, ковыряясь в салате. – Они зелёные! Что ли щёчки зелёные будут?

В пять лет так случилось, что она оказалась на свадьбе. Бабушки у неё не было в связи с плохими взаимоотношениями её матери со свекровью, да и с родной матерью тоже. Родители решили взять чадо с собой, хотя поначалу именно это обстоятельство было веской причиной отказаться и не разорваться на подарок. Но невестой была нужная родственница – немолодая, с ребёнком, с шикарным париком на голове (тогда большая редкость) и, главное, с местом зав. пищевой лабораторией в СЭС. Мать долго выбирала ей свадебный подарок. Купила крепдешиновый отрез на платье василькового цвета с редкими голубыми листьями. Этот цвет шёл к ней, брюнетке, и она страдала от необходимости расстаться со своей покупкой. Мать страстно любила тряпки. Через 15 лет она будет возмущаться пуританством дочери.

– Фёфёла какая-то выросла, – выговаривала она отцу Лии, – вся в твою породу.

С женихом родственницы до свадьбы они не встречались. Но слышали, что он имеет голову лысую, как коленка, и строгий вид не только благодаря тёмным очкам, но и серьёзному положению в обществе. Он заведовал гаражом в СЭС. По долгу службы двум завам нередко приходилось вместе ездить по командировкам, что и привело к близкому физическому контакту, несмотря на то, что зав. гаражом имел жену. Там, на свадьбе, маленькая Лия

услышала новое, похожее на бранное слово «брак». Его говорили то громко, то шепотком. «Выпьем за крепкий брак, за советскую ячейку!» – провозглашал изрядно выпивший тамада во главе стола. А на другом конце стола две гостьи тихо переговаривались:

– Гнилой брак на чужом-то горе... На партсобрании срамили их, да им, видать, и море по колено.

Лия впитывала новые впечатления, как промокательная бумага. Хотелось в этом весёлом взрослом бедламе проявить себя умной девочкой. Она встала на стул, давно покинутый отцом (отец присоединился к компании курящих), взяла в руки опорожнённый им стакан и тонким голосом, как на празднике мам, прокричала: «Поздравляю бракованных с их праздником! – и, помолчав, закончила: – Сраным море по колено». Не все услышали её, но кто услышал, замер, не зная, смеяться или сердиться. Мать побагровела, стащила бойкую дочь со стула, вlepила подзатыльник. Но подоспел отец и разрядил обстановку смехом.

– Ну, дочь, рано тебе на свадьбах гулять, айда домой отсыпаться.

– Устами младенца глаголет истина, – подмигнул вслед Лии кто-то из гостей.

Коломейцы встретили мать бурным потоком комплиментов, что обезоружило её и смягчило первоначальное желание выставить шипы. Мать обожала слушать комплименты, и они никогда не были грубой ложью, так как отражали прекрасное состояние её удивительно молодого для пятидесятипятилетнего возраста лица. Природа щадила её, готовя к преодолению второй половины столетнего рубежа. Вопросы о Лии были неизбежны: «Где она, как она, дорогая девочка? Ах, как не повезло с мужем! Негодяй! О! Виталик сейчас в командировке за Уралом. Живёт в Москве, семья у него превосходная. Да, вспоминает временами Лилиану, свою первую любовь. Но время лечит. Как в песне: «всё было когда-то, было да прошло».

Строчка из песни была исполнена фальшиво, с преувеличенной бравурностью, свойственной манере обоих Коломейцев в общении. Коломейцы перебивали друг друга шутками, смеялись по неясной для матери Лии причине, что её насторожило и скоро вызвало острое желание их покинуть. Мать вернулась к отцу раздражённой, с ущемлённым достоинством и чётким пониманием, что общения с Коломейцами стоит избегать.

– Ты не предупредил о Коломейцах, – проворчала она, – плохое соседство: неприятные люди.

Кроме дочери с внучкой на шею матери свалился с гор Кавказа друг отца, с которым они воевали в одном полку. Огромный армянин облапил астеничного отца, и оба разрыдались. Прошло четверть века, но годы войны вспоминались мужчинами с разящей, неизбывной болью, известной только им. Мать, однако, проявила понимание даже раньше, чем на стол были выставлены подарки: армянский коньяк, гора синего винограда с сизой дымкой на кожице, крупные куски копчёного мяса в промасленной бумаге. Мясо божественно благоухало – это была баранина.

– Роза бэспокоилась, как доведу фрукты, мясо... Всё в порядке, кацо, или нэт? Пробуй!

Мать удалилась на кухню воплощать особый рецепт жареной картошки. Аганес разлил по рюмкам коньяк, крупно нарезал душистое мясо и хозяйски провозгласил:

– Бэз жены твоей, красавицы, пить не будэм, тост готовить будэм.

Мать, услышав эти слова, сказанные громкоподобным голосом, прониклась к гостю редким для неё чувством симпатии. А когда гость увидел на руках Лии худенькую белобрысую девочку и, отняв, вскинул её до потолка, то и Лия улыбнулась медленной, забытой в трудных днях улыбкой усталого человека. «Волосатый, как горилла, а добрый, видать».

Поиски любой работы в городе уже казались Лии бессмысленными, работа в школе – неправдоподобным счастьем. В библиотеках, как сговорились, отвечали «мест нет». Однажды в бессилии перед грозящим очередным отказом она взмолилась:

– Помогите, пожалуйста, я техничкой готова работать.

Но ей холодно ответили:

– С дипломом о высшем образовании не имеем права брать на техническую работу.

Целый вечер потом казнила себя за неосторожное признание о своём образовании.

Наутро явилась в отдел кадров ближайшего ЖЭКа только с паспортом, без красного своего диплома, одев на голову непривычный платок. Там крупногабаритная бабища окинула её скептическим взглядом.

– Не справишься ведь! Тут сильные руки-ноги нужны. А у тебя, милка, в чём душа держится... Жиденькая больно! Кабинетов у нас много, да площадку в подъезде мыть надо, а через неё весь дом ходит. Грязища весной и осенью... Зимой того хуже: снег у подъезда убирать, лёд скалывать, и – и, милка моя! – и неожиданно закончила с казённо-официальной ноткой. – Завтра с утра являйся. Заявление начальнику надо писать. Грамотная?

Лия утвердительно кивнула. Но утро не состоялось в том ужасающем варианте, который ей грозил. Вмешалась милостивая судьба с её таинственной предопределённостью.

Аганес таскал ребёнка, качал на ноге, кувыркал по постели, приговаривая:

– Увезу тебя, вай-вай, к дэду-горцу, привыкай.

Девочке нравилось внимание к себе весёлого, большого деда. Неизъяснимые тиски, в которых билось её тоскующее об отце сердце, слёзы мамы в долгих поисках работы, вся напряжённая атмосфера нового дома выдавливали ощущение светлого мира детства, формируя багаж будущих черт недоверия и печали. Аганес понял из сбивчивой речи дочери друга, что она доведена до крайности обстоятельствами жизни, и не выдержал:

– Здэсь нэт работы в школе, а у нас в школе нэт учителей русского языка. В Горисе будэт много работы. Квартира будэт. Муж будэт. Лилиана, я имею определённые полномочия в моём городэ и официально зову вас на работу. Зачэм мыть полы, дискредитировать свой красный диплом?

До Лии не сразу дошёл предлагаемый радикальный поворот в судьбе. Она слышала, но не верила тому, что слышит. Аганес обводил всех чёрными, с воспалёнными веками, глазами и ждал ответа.

Мать думала, какой из двух вариантов выбрать: решительно отвергнуть даже мысль об отъезде дочери с внучкой в такую даль или порадоваться и благословить. Отец ждал, что скажет жена, чтобы присоединиться к любому из её ответов, хотя в глубине души испытывал к дочери постоянное гложащее сердце сострадание, а порой и нежную теплоту. Лия понимала: главное слово за ней.

– Вы не должны так опрометчиво предлагать мне то, что предлагаете. Ваша жена Роза...

Аганес перебил:

– Роза будэт щастливая, когда в доме появится внучка. Такой воробушек!

Аганес и сам не ожидал, какая радость хлынет в его зачерствевшую с годами душу, разом заполнив все её уголки. Не ожидал, что грубые, тёмные черты лица его смягчатся умилением, а глаза увлажнятся, и он прикроет их тяжёлыми веками. Минуту все молчали, оглушённые новизной переживаний. Потом заговорили, как всегда бывает после паузы, разом. Все голоса тонули в непривычном кавказском выговоре Аганеса.

– Дом каменный, большой, места хватит. Сад большой. Роза пэдагог, русский знает, армянский язык учить будэте. – И, умерив тональность чуть не до шёпота, воздев руку, торжественно произнёс: Царственный язык!

Порозовевшая Лия с блуждающей улыбкой не сводила глаз с Аганеса. Далёкая страна, цветущий сад под волшебным южным небом и снежный воздух гор, откуда несётся гортанная песня на царственном языке – эти слова очаровывали и возбуждали воображение.

Но вот заговорила мать. Ей было свойственно тушить розовые мечты мужа и дочери. К тому же она долго оставалась без внимания, и это её сердило. Как всегда при обращении к дочери, она сдвинула высокие брови, бросила на Лию косой взгляд и сухо сказала:

– Если готова к следующему эксперименту, поедешь одна. Внучка останется с нами, пока не устроишься.

Точка поставлена правильно, но настолько запелляционно, что Аганесу стало понятно, кто в доме полновластный и единственный хозяин.

Глава четвёртая

Прошло уже несколько дней пребывания Лии в доме Аганеса, а она всё ещё жила инерцией недавнего прошлого: ловила себя на беспокойной мысли о работе (вернее, её отсутствии), о здоровье маленькой дочери и с трудом осваивалась на новом месте. На тумбочку у постели она поставила чёрно-белую фотографию, где её девочка сидела в памятном для Лии зелёном платице. Личико у неё после болезни было грустное. Лия целовала фотографию и плакала от жалости, вспоминая худенькие руки, вцепившиеся в её шею при расставании. «Я с тобой хочу, возьми меня, мамочка». Скорее бы привезти её сюда, зачем оставила? Тогда бы счастье было полным. И эти бесподобные плоды жёлтых и зелёных груш казались бы слаще, сад с кустиками махровых фиолетовых ветрениц – веселее, а дом, в котором нехотя обживалась, – родным.

Аганес с Розой уходили на работу, оставляя Лию спящей. На кухне смиренно ждали её чайник, блюдо с витиеватым печеньем и удивительным вареньем из молодых грецких орехов. Лия откровенно бездельничала и скучала, пока решался вопрос о её работе в школе. До нового учебного года желательным было освоить хотя бы несколько приветственных фраз на армянском языке при знакомстве с классом. Аганес по вечерам пробовал заниматься с Лией, но рвения к царственному языку не обнаружил.

– Лиляне нашей одиноко. Тоскует без родины, без доченьки, – вздыхала чуткая до женской доли Роза. – Зачем оставила свою кровинку?

– Привыкнет, – отвечал Аганес, – делом её занять надо.

В какой-то из дней Роза немного суетливо и смущённо предложила Лии выручить её – сварить обед. Мясо для первого блюда хранилось в маленьком холодильнике «Саратов I», овощи – в сумрачной кладовке, а сельдерей, лук, петрушка, кинза и много других, совсем неизвестных Лии приправ весело зеленели на аккуратных грядках огорода. Лия без особого энтузиазма принялась за порученное дело: сварила на двухконфорочной электрической плитке большую кастрюлю щей. Они понравились. Хозяева продемонстрировали большой аппетит, и это вполне убедило Лию в совершенстве своего поварского искусства. Но утром следующего дня оставшееся содержимое кастрюли с прекрасными щами Роза вылила в помойное ведро. Недоумённое возмущение Роза пресекла.

– Прости, Лиляна, – сказала она, – не предупредила: у нас принято готовить на один день. На завтра не оставляем.

Весь этот мир был другим, абсолютно ей чуждым. Вид на острые чёрные скалы, издавна называемые каменным лесом, колол глаза, восточная музыка из приёмника мучила уши, привычка Аганеса подолгу играть в нарды с каким-то юрким лысеющим директором местной школы по имени Сурен раздражала. Аганес хорошо владел русским языком и смешил анекдотами. А директор отнимал и без того редкое время общения на родном языке, повадившись захаживать в гости. Он всё поглядывал на русскую учительницу смеющимся хитрым взглядом, от которого её мутило.

– Не признаёт жениха наша Лиляна, – констатировал Аганес явный факт жене, – а лучше этого жениха нет: вдовый, образованный, и в школе у него вакансия есть.

– Оставь одних, – посоветовала Роза, – найди предлог и оставь, чтобы разговор между ними завязался.

Аганес на следующий же день предпринял попытку оставить наедине Сурена с Лией, объявив, что забыл напоить барана. Но ожидаемый разговор не завязался. На бойкое, сказанное с неоправданным оживлением предложение директора научиться игре в нарды Лия ответила, как отрезала: «Не хочу!» Жених был обречён на отказ к сближению отвратительной привычкой полоскать рот компотом, прежде чем проглотить. А случилось это подсмотреть в первый же приход, когда он бочком подсел к Лии за общим столом, уже догадываясь о своей роли. (Роза работала с ним в одной школе и как бы

между прочим посвятила в заботу о личной жизни гостю.) За столом в тот вечер было скучно. Лия безучастно перебирала сочные, кисло-сладкие плоды шелковицы: синие – в одну кружку, белые – в другую. Из белых Аганес готовил вино и водку – тутовник, а Роза из синих – какое-то снадоббе для омоложения. Руки и рот Лии были перепачканы фиолетовым соком, и это смешило и умиляло сидящих рядом пожилых людей. Хотя директор Сурен был ещё не стар, но крупный с горбинкой нос, из ноздрей которого торчало несколько чёрных волосков, проваленные щёки в седеющей щетине и худая шея с выкатившим адамовым яблоком, ходившим сверху вниз при разговоре, не производили приятного впечатления. Все знакомые привыкли к этому образу, и сам он привык видеть себя в зеркале и не относиться критически к своему отражению, тем паче что считался видным женихом. Должность директора и обязательный при этом партийный билет доставляли неудобства в плане проявления откровенной сексуальной озабоченности. Он позволял себе только многозначительно-лукавые взгляды в сторону женщин, дабы являть собой полноценного их поклонника. Улыбался, двигая бровями, как бы подмигивая, но близких отношений не допускал, что давало ему право на самоуважение и отсутствие грязных сплетен. Лия ему не нравилась: скучная, бледная, без искры в глазах. Армянский идеал женщины иной. Саят-Нова писал: «Ты вся – огонь, твой плащ – огонь, как воевать с таким огнём?» Но желание начальства – закон для подчинённых. Он делал вид, что ухаживает (увы, без успеха), и это обстоятельство впоследствии послужит на пользу обоим.

Утром следующего дня Лия решила прогулку по городку. Так как все дороги во всех городах мира обязательно приведут к базару, Лия вышла к нему, оказавшись в центре Гориса. Народ оживлённо сновал между прилавками с местными овощами, фруктами, орехами, сыром и мясом. Между смуглыми лицами резко выделился спешивший куда-то высокий мужчина – альбинос. Лия загляделась на него. Алебастровую белизну кожи и волос, а также полупрозрачность рыбьих глаз подчёркивала белая рубашка с короткими рукавами. Вызывающий сигнал переключил её внимание, и она с возрастающим удивлением уставилась на выходящего из машины Аршака.

– Кого я вижу? Что вы тут делаете, Аршак?

– Это здешняя достопримечательность, – заметил Аршак безразличным тоном, провожая глазами альбиноса. Потом медленно перевёл глаза на Лию и, улыбаясь, набрав полную грудь воздуха, выдохнул:

– Здравствуй!

– Здравствуй! – машинально ответила Лия, чувствуя внезапную вспышку радости и не заметив, что тоже перешла на ты.

– Садись, довезу до дома. – Он вежливо открыл дверь. – Или лучше прокачу до кери, до скалы. Лия послушно села рядом с водительским креслом, и тотчас развернула к Аршаку оживлённое лицо. Через долгие годы она так и не смогла простить непроизвольно вырвавшуюся фразу:

– Как хорошо, Аршак, как хорошо, что ты здесь...

Он не ответил, сжал руль так, что побелели пальцы, и нажал на педаль.

Скала была высокой, чёрной с отвесным краем. Лия поёжилась, выходя из машины.

– Зачем ты меня сюда привёз?

Аршак молча подошёл к краю, не глядя вниз, опустив руки.

– Подойди! – Голос прозвучал, как команда. Лия подчинилась, приблизилась, ощутив напряжение мышц, как у всех людей перед пропастью.

– Я тебя держу! – Аршак крепко ухватил её талию, поставил впереди себя, задышал в затылок и подтолкнул. Мгновенный ужас выдавил крик из горла Лии, когда глазам представились в тёмной глубине острые пики камней, а из-под ног, шурша, вниз посыпался щебень. Аршак быстро рванул тело Лии на себя, отступив на шаг от нависшего над пропастью края.

– Страшно? – прошептал он и разжал руки, но Лия всё ещё прижималась к нему спиной, и он слышал бешеное биение её сердца. Голова женщины откинулась на его плечо, волосы рассыпались, щека подборода. Так близко никого и никогда, кроме матери и жены, не было рядом с Аршаком. Он отступил ещё на шаг, начиная медленно соображать, что натворил, в то время как Лия, стремительно развернувшись, проскочила мимо него.

– Отвезите меня! – Она втянула между плеч маленькую голову, как перед прыжком делают дикие козы. – Отсюда, пожалуйста!

Аршак в одну минуту пережил жгучий стыд за утрату перед гостьей заявленной месяц назад ответственности. Это чувство смешалось с набирающей силу нежностью к тонкой талии, только что бывшей в его руках.

– Ли, вы не поняли... Простите! Я должен был прежде рассказать о скале, – он заторопился, подбирая слова. – Там, внизу, много наших армян осталось...

И осёкся, поняв бесполезность объяснения. Обхватив голову в чёрных каракулевых кудрях, присел на голые камни. Лии показалось, он всхлипнул.

– Что вы разыгрываете? Вы случаем не пьяны? Не было печали, приехали к скале!

Лия была далека от сантиментов. Она физически чувствовала исходящую от скалы тугую силу отталкивания. Светило солнце, но здесь было холодно. Чудовищно тяжёлое место с необъяснимой проделкой армянина и его всхлипом возбудило давящую память о плачущем пьяном муже при последнем свидании. Её бил озноб.

– Аршак, хватит! Поехали! Аганес и Роза уже беспокоятся обо мне. Я им ничего не расскажу.

Аршак подошёл к машине, поймал взгляд, с которым Лия, садясь, оглянулась на скалу, и произнёс со значительностью, за которой скрывал пережитую неловкость:

– Запомните это место. Оно священо и требует уважения. Когда собираетесь в чужую страну, узнайте, хоть немного, её историю.

– Звучит назидательно.

– Как это у вас называется? Ёрничать! Не стоит, Ли! Выходка моя нелепая, согласен. Поделом, если русская гостья беспощадно меня осудит.

И молча довёз расстроенную Лию до дома.

Глава пятая

Лие было не по себе. Весь вечер она подавляла желание видеть горящие глаза горца, наполненные болью. Обещание молчать выполнила. На вопросы обеспокоенной четы о долгом её отсутствии ответила с легкомысленной улыбкой: «Гуляла по Горису, такой живописный городок!» Будущая встреча с Аршаком ни на минуту не подвергалась сомнению, хотя о ней не договаривались, но был безусловный факт необходимости понять, что случилось на том месте, которое Аршак просил запомнить. Он не появился ни на следующий день, ни через неделю. Недоумение сменилось на грустное разочарование и как следствие, на смесь обиды с досадой. Впрочем, радужные хозяева незамедлительно сделали правильный вывод: гостью надо развлечь.

– Лилиана, девочка наша, скучает, – завела всё тот же разговор с мужем Роза. – В горы надо вести, в Карабах.

Как-то утром, зайдя в сад, Лия с изумлением увидела привязанного к груше огромного барана.

– Откуда ты, прелестное создание? – воскликнула она и отскочила, ибо животное при её приближении топнуло передним копытом и выставило крепкие небольшие рога.

– Ну, положим, не совсем прелестное, скорее тучное, мохнатое и сердитое. А может, подружимся? – Лия заискивающе бросила барану откушенный ею плод жёлтой груши. Баран милостиво принял дар и охотно проглотил.

– А почему ты не ешь груши под своими копытами? Вон сколько их! – Лия осторожно указала пальцем на изобилие груш. Баран не желал слушать её, снова угрожающе топнул копытом, не допуская панибратства. Вернувшись в дом, Лия со смехом рассказала о причудах барана и спросила о перспективе его пребывания в саду.

– Перспективы решим в скором времени – уклончиво ответил Аганес, подмигнув жене.

Несколько дней Лия, подавляя скуку, откармливала барана грушами. Он определённо страдал фобией: сжирал только плоды, надкушенные ею, будто бы подозревая, что на земле валяются отравленные. Впрочем, не так уж был далёк от бесчестного замысла людей.

За спиной Лии между тем плёлся заговор: готовили транспорт для перевозки огромного котла с множеством свежих зелёных приправ, овощей, фруктов, сыра местного приготовления, вин и коньяка. Для полноты банкета пекли лепёшки. Кроме четы Хачатарянов в подготовке к веселью приняли участие несколько их близких друзей. Среди них уже знакомый Лии директор школы Сурен, а также молодой инженер за рулём новенького «ЕрАЗа» и мощный с густой щетиной и густым голосом ветеринар. (Ещё несколько молодцов для obsługi, среди которых один был с зурной, обнаружили позже).

Выходные начались с суеты. Грузили ковры, посуду, ящик с дровами.

Роза в ярком наряде, делающем её ещё более громоздкой, предстала перед Лией, растерянно наблюдающей за сборами, и деликатно осведомилась, есть ли у неё праздничное платье. Такое лежало без применения на дне чемодана: лёгкое сиреневое на тонких ляпочках, облегающее талию и пышное от

середины бедра. Платье года два назад где-то «оторвала» мать – возможно, в комиссионке. Желая приобщить дочь к моде, восхищалась: дорогое, в стиле винтаж – и страдала от явной невозможности натянуть его на себя. Лия впервые, слегка волнуясь, надела это платье. Оно произвело отрадное впечатление на Розу, которая, однако, заметила:

– Под такое платье лодочки нужны, а там, куда едем, нет гладких тротуаров.

В пятиместном фургоне «ЕрАЗа» Лию усадили перед лобовым стеклом, дабы та могла любоваться красотами горного пейзажа. Армянские горы на пути вставали армадами каменных громад, но теряли волшебство таинственного притяжения, которое испытала Лия, глядя на них с высоты самолётника. Настроение подпортил короткий эпизод, когда сидящий рядом Сурен на правах ещё не признанного, но жениха, положил руку на колено Лии. Лия спокойно сняла руку и поправила платье. Но за рулём машины сидел инженер, равнодушный соперник, чей острый глаз отметил реакцию на волюнтаризм директора и как бы предложил Лии альтернативу, захватив другое колено. Момент захвата длился не более пяти секунд, после чего рука, как ни в чём ни бывало, вернулась к рулю, а её хозяин не подал вида. Лия поняла значение жеста. Мужчина дал понять, что готов принять участие в вечном, как жизнь, трепете любви. Он молод, горяч, у него профиль Джорджа Байрона. Об этом нашептала ему студентка ереванского вуза, недавно отвергнутая им по причине необузданной ревности. В голове его успела пронестись мысль обольщения: скажу русской пышную фразу, что она белая и гордая, как Арарат, холодная, как луна. Но услышал сказанное ею тихим голосом и тоже без поворота головы: «Не смейте повторять!» – и понял безнадёжность исхода. Оба присмиривших кавалера молчали всю дорогу до поворота к какой-то каменной келье, где Лию высадили, и они вместе с Розой поочередно протиснулись внутрь через узкий, низкий проём. Причём Роза проявила мужество, пренебрегая реальной угрозой застрять в проходе. Внутри кельи было холодно, сумеречно и тесно. В маленьких каменных нишах горели свечи и чуть виднелись иконки, перед которыми Роза стала молиться. Лия, далёкая от религии, не испытывала ничего, кроме желания поскорее выбраться на свет. А за время их пребывания в молельной джигиты во главе с ветеринаром трижды протащили барана вокруг святого места. Ритуал совмещал в себе язычество и христианство. Напрасно баран артачился, топал копытом. Лия так и не узнала о его прискорбной кончине: праздник жизни закружил её в хороше ярких событий. Вот она в большом кругу шумных людей, перед которыми чаши с вином и национальным блюдом бозбашем. Густой жирный суп с крупными кусками мяса люди заедают целым венником сельдерея. Аганес мягко, но настойчиво просит её попробовать бозбаш. Огромные арбузы мужчины под хохот и визг спускают с горы до первого острого выступа и возвращают обратно расколотыми на неровные алые ломти. Звуки старинного инструмента, непривычно резкие и громкие, побуждают людей к ритмичным движениям. Сначала все хлопают, потом выходят женщины, танцуют с поднятыми вверх руками. Руки гнутся, словно гибкие ветви ивы под ветром.

– Что это за труба? – спрашивает Лия у Аганеса.

– Зурна, – отвечает он прямо ей в ухо, стараясь перекричать музыку. От диковатой песни ашуга, которому все подпевают «джан-гюлуш», Лия вдруг почувствовала непричастность ко всему происходящему. Пронеслась отчётливая мысль: чужой язык, чужие нравы – не смогу привыкнуть! Но Аганес наклонился к соседу, что-то сказал, ласково поглядывая на заскучавшую гостью бычьими глазами с красными веками, и снова праздник жизни закружил Лию. Она помнит, как её уводят, подсаживают на невесту откуда взявшегося коня, и он мчится по зелёной обширной луговине между верблюдьими хребтами гор. Крепкие руки всадника держат её, управляют конём, а губы беспрепятственно целуют шею и мочку уха. Спешившись, Лия только рукой махнула на наглеца, так он был обезоруживающе молод и счастлив. И ещё запомнилось, как она склонилась над бурным, словно кипящим ручьём напиться, и он оросил её лицо ледяными шипучими иглами.

– Это наша натуральная минеральная вода Шакарджур. По-армянски – сладкая вода, – ответил на её немой вопрос Аганес и вдохновенно прочитал стихотворную строчку незнакомого ей поэта: «С вершин бежит поток седой в кипучем серебре».

Темнело южное небо. Стыл горный воздух. Гружёные полторки с людьми и вещами спускались с гор в Горис. Новенький «ЕрАЗ» завершал походное движение к дому. Аганес одной сильной волосатой рукой обнимал усталую Розу, другой – Лию, перебрашующую на сиденье рядом.

– Вода у наших рэчущек целительная, из горных родников. Поклонялись ей, – заговорил Аганес. Он был доволен собой и праздником.

– А как не поклоняться, – подхватила Роза, – если в некоторых селениях женщин да ребятишек в трёхчасовой путь снаряжали за водой в ущелье. В трёхчасовой путь! Горькой, а не сладкой вода была!

В басовитый голос Розы проникла плаксивая нотка. Аганес остановил жену:

– Раньше так было! Тэпер в Армении десятки каналов снабжают водой города и сзения. Спустились люди с гор, нэ боятся орд чужезэмцев.

Аганес в Горисе был крупным партийным работником, хотя по укладу жизни отличить от остальных горожан нельзя было: такой же каменный, как у всех, дом, такой же запущенный сад. И по одежде не отличить, и по продуктам на столе. Только орденов после войны на потёртом пиджаке больше, чем у других. Лия заметила: Аганес – большой радатель, подвижник-старатель, воспринимающий камни Гориса, как мы родную землю. И на возрождение её не жалел сил. Негодовал, когда спускались сверху неразумные циркуляры. Вот и сейчас заговорил с жаром о полезной и вкусной воде Джермука, не уступающей Боржоми. Литр её в два раза дороже литра керосина. А где искать нефть, как предписано в инструкции, и рентабельно ли тратить средства на её поиски? Страна на Каспии, где бьют нефтяные фонтаны, богата. Аганес помолчал, вздохнув, продолжил, как на трибуне:

– У Армении другие реальные ориентиры. Она чэрпает энергию из вод бурных рэк, хотя и до газа докопались недавно. – Массивная, гривастая голова

Аганеса затряслась от хохота. – Вот ещё затея с кукурузой. Спущён приказ без учёта условий местности. Разве рэнтабельно сеять кукурузу там, где нэт зэмельных угодий, какими может похвастаться, к примеру, Украина?

До сознания Лии, цепляясь за знакомые слова и имена, с трудом рокот армянских голосов. Лия спала на плече Аганеса молодым крепким сном.

Утром всплыли вдруг в памяти сведения о Ереванском хранилище древних рукописей, которое Валерий Брюсов назвал «аттестатом на благородство». Неужели я запомнила это во сне? И что-то ещё об Илье Эренбурге... Он высказался об Армении как о стране, перед которой стоит склонить голову и войти в неё, как в святилище, босыми ногами. Лия подошла к книжной полке в маленькой гостиной, совмещённой с кухней, и с интересом обнаружила три книжки на русском языке (наши буквы!), остальные, как позднее узнала от педагога Розы, написаны урартской клинописью. Лию заворожили знаки, обозначающие буквы.

– Им тысяча шестьсот лет! – внушительно сказала Роза. – Наша азбука дошла до нас без изменений.

Роза перечислила авторов книг на полке: Саят-Нова, Егише Чаренц, Ованес Туманян. Заметив, что Лия впиалась глазами в стихи Осипа Мандельштама на русском языке, проворчала:

– Неинтересно слушать про армянских поэтов? Не отвлекай меня от дел!

– Роза, прости, но почему среди них, – Лия обернулась к полке с внушительным рядом армянских авторов, – Мандельштам?

– А потому, что любил Армению, хотел остаться здесь, учил армянский язык, – Роза с нескрываемым укором взглянула на гостью, которая в ответ смущённо и виновато улыбнулась. – И он дружил с нашим поэтом Егише Чаренцем. У обоих поэтов была переписка с семьёй Анны Ахматовой. Представь, в переписке с ними она называла себя по-армянски Ануш. Значит, читала одноимённую поэму Туманяна. – Роза вздохнула, снизила до шёпота басистый свой голос: – Слышала стихи о кремлёвском горце Мандельштама? «Как подковы куёт за указом указ. Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз»... Он смертью ответил за эти стихи.

Лию до красных пятен на лице и шее ошпарил диапазон познания Розы в мире литературы. Она не читала Мандельштама. Её конёк – Пушкин и хрестоматийная литература XIX века. Позднее Лия поняла, что армяне, расселившись по миру, высылали родным запрещённую литературу.

– А стихи Николая Гумилёва...

Лия торопливо перебила Розу:

– Нет! Читала Ахматову, а мужа её – нет. Такая брешь в образовании у меня: не просочилась крамола в нашу высшую школу. Думаю даже, не все стихи Ахматовой печатаются.

Она помолчала, вспоминая жёсткие отзывы в адрес цензуры физрука, Ивана Алексеевича, не жаловавшего такие предметы, как литература и история. Он называл их дамами-прислужницами режима, флюгерами, которыми манипулирует власть. Что выгодно ей на данном отрезке времени, то и

печатается в соответствующих учебниках. Роза ахнула, услышав от Лии:

– Цензура была и осталась цепным псом при лире.

– Лилиана, воздержись от громких слов при Аганесе. Он много знает, понимает, но дорожит партийным билетом.

– И всё-таки патриот?

– В Армении все безоговорочные патриоты. Даже старики и дети.

Роза с приязнью оглядела русскую гостью, необычную по красоте и неожиданную в словах и поступках. Ну скрыла она поездку с незнакомым в городе молодым парнем. А разве скроешь от глаз бдительных горожан такое происшествие? Уже кто-то признал чужака. Он приезжал на завод микроэлектродвигателей в качестве торгового представителя. Что касается Аганеса, то он добросовестно несёт личную ответственность перед военным другом за единственную дочь. И сам того не сознавая, ревностно оберегает её репутацию. Розе пришлось не единожды успокаивать мужа, не допуская его до щекотливого разговора с Лилианой.

– Не думай о ней, как мать об Ануш, что «худая молва в округе пойдёт». (Она любила цитировать Туманяна.) Не покушайся на свободу русской.

Роза небезуспешно преодолела трудный период притирания к посторонней женщине.

– Я привыкла хозяйничать одна, без соглядатаев (так поначалу и сгоряча определила для себя русскую гостью). Но муж обещал со временем отселить Лию, выделив ей однокомнатную квартиру в строящемся неподалёку доме. И захватывающая мечта Розы о роли татик (бабушки), гуляющей по Горису с беленькой куколкой, дочкой Лии, наполнила жизнь смыслом. Надевать платица, плести косички, учить языку священной Армении, стране каней – вот долгожданное занятие, которым несправедливо была обделена. Большой дом наполнится детским смехом, вознёй с игрушками, станет одухотворённым. Лилиана оценит и, безусловно, не откажется от участия в своей судьбе семьи стариков Хачатарянов.

Глава шестая

Это случилось в один из дней, когда Лия снова осталась одна в пустом доме. На столе вместе с фруктами обнаружился лист с армянской азбукой, явно подсунутый ей для знакомства. Буквы показались неодолимо трудными для написания. Лия попробовала их скопировать, составила из них имя Аршак, произвольно выдав назревающую в себе тайну. Молодой армянин занимал её воображение. Вдруг звякнула посуда, зашатался стол, и по стене змеёй проползла широкая трещина. Лия взглянула на потолок. Люстра раскачивалась и звенела. Дом двигался, словно пытаясь вырвать себя с корнем. Сколько времени это продолжалось, Лия не могла бы сказать, но запомнила отчётливое чувство шевеления волос на голове. Она выбежала в сад. Там же оказался Аганес, примчавшийся с работы.

– Землетрясение. Не бойся. Всего пять баллов...

Он выдал текст, словно телеграмму. Сад, окончательно раздетый от плодов, свалившихся на землю, уже не трясло. Прибежала, тяжело дыша, Роза с

рассказом о неприятности для директора Сурена: разбились окна в уже отремонтированной школе, и что совсем худо – сорвалась громоздкая, старинная лепнина над дверью школы, мусор от которой уже убирают ребята. Теперь надо заново что-то латать, вставлять окна. Многострадальная Армения! Великим трауром опояшет тебя трагедия через 16 лет. А в ту ночь они, как и многие жители Гориса, ночевали в саду на матрасах. Все последующие дни Аганес был занят на совещаниях, где среди прочих решался какой-то острый вопрос о пострадавшем во время землетрясения детском садике и малыше, почему-то оставшемся без родителей. В один из первых после землетрясения вечеров Лию удивила особая, не проявляемая ранее, как бы подобоострастная манера обращения Аганеса к захвавшему в дом человека лет шестидесяти, которого он называл Серо. Серо обладал крупным носом, под которым красовались густые, уже теряющие чёрный цвет усы, твёрдым пронизательным взглядом и подчёркнутой интеллигентностью. Он перекинулся с озабоченным Аганесом несколькими фразами на армянском языке, без улыбки кивнул головой Лии и уехал.

– Кто это? – поинтересовалась Лия.

– Это наш местный писатель приехал из Еревана. Вместе воевали...

Аганес, насупившись, вынул из холодильника «Саратов I» непечатую бутылку тутовника, сделал большой глоток из обычной чашки, что было непривычным зрелищем не только для Лии, но, видимо, и для вернувшейся от соседки Розы. Она метнула на мужа один из самых сердитых взглядов и высказала басом упрёк, усмиривший его внезапное рвение к алкоголю. При этом оба кидали красноречивые взгляды на гостью. Лия догадалась, что её присутствием Роза пользуется как щитом в борьбе с неприятными наклонностями мужа. Переговорив на повышенных нотах на своём царственном языке, супруги вернулись к русскому. Таков этикет вежливости. Роза, кроме того, сочла необходимым посвятить гостью в суть эпизода, при котором Аганес схватился за бутылку. Это было связано с быстрым отъездом Серо Ханзадяна, знаменитого даже за пределами Армении писателя-романиста. Серо как бы не уважил хозяина, не присел к столу, пренебрёг древним культом гостеприимства, уже известным Лие. Но Роза, владея всеми струнами души мощного своего супруга, сумела убедить его в том, что есть моменты, когда люди встают выше наработанных веками привычек. Серо занят! Он прилетел в родной город на несколько часов из-за тревожных сведений о землетрясении.

В этот же вечер Лию ошеломило новое открытие: взгляды Аганеса на гостеприимство оказались противоречивыми. Она услышала невнятные мужские голоса. Аганес позвал её, стоя на пороге дома, сурово вперившись глазами в позднего гостя. Лия подавила в себе возглас изумления и облегчённо выдохнула, когда через минуту к дверям, качая тяжёлыми бёдрами, приплыла Роза, разрядив паузу.

– Заходите, Аршак.

– Откуда она знает его имя? – мелькнуло в голове Лии, но Аршак не удивился, сказал несколько

слов в оправдание позднего визита и попросил разрешения переговорить с русской гостьей.

– Не задержу! Ли сейчас вернётся.

Он галантно свёл Лию с высокого крыльца и сразу отпустил её руку, зная, что за ними следят две пары настороженных глаз.

– Я проездом, Ли. Проводи до машины. По радио сообщили о землетрясении в Горисе...

Он осёкся: нельзя, чтобы она догадалась, что он пригнал машину из Еревана в волнении за неё. Медленно, томясь неловкостью молчания, повёл её к дороге.

– Вижу, забыла обиду и не сердись. Рад, что у вас всё в порядке. Ну ладно, вернись, я обещал, что не задержу.

По-мужски несколько коротких глаголов. И быстрый вопрошающий взгляд. По-женски – молчание с проскользнувшей улыбкой. Лия всеми нервами чувствовала, как искрит под напряжением узкое пространство между их телами. Но мозг диктовал, надо именно так: не расплёскивать чашу ликования, не разбавлять словами насыщенную ожиданием радость. Аршак сел за руль. Стекло опущено, в темноте вечера лица не видно, только блеск благодарных глаз.

Как прекрасна молодость с её чудной биохимией, творящей в кровотоке из гормонов, ферментов и из много чего ещё формулу любви! Лия не могла даже вчера назвать себя влюблённой. Для рассудка непозволительно: знала, что он женат и скоро станет отцом. Кстати, почему не спросила об этом? Почему вообще не проронила ни слова? Почему, наконец, так величаво сейчас чёрное небо с ещё неярким сиянием южных звёзд? Заедет за ней когда-нибудь Аршак или уже нет, не это важно, а то, что ей необычайно хорошо глубоко вдыхать горный воздух надвигающейся осени. Переживаемое чувство было неизведанным, прекрасным. Оно делало шаг лёгким, руки развязными, лицо безмятежно улыбающимся. Не догадываясь об этом, войдя в дом, наорвалась на усмешку Розы:

– Ты светишься, Лилиана... как это у русских?.. Как самовар на ярмарке.

«Пожалуй, так и есть, Роза права. У меня праздник сердца – несправедный, грешный, короткий. Вполне соответствует классике романтического жанра. Счастлирое продолжение перечеркнёт саму основу достойного романа, сделав сюжет пошлым», – рассуждала Лия, абстрагируясь от себя и пытаясь иронизировать. Но утром следующего дня, услышав звук подъехавшего автомобиля, она лихорадочно, всем существом осознала, как страстно ждёт этот сигнал. Она увидела Аршака, выходящего из машины, его молодое с мягкими чертами лицо под шапкой каракулевых волос, клетчатую майку на невысоком крепком теле и приняла как должное объятие сильных рук.

– Ли, не смог уехать домой. Не смог!

Он поднял её голову с короткой стрижкой пепельных волос и без сопротивления прижал губы к её горячему рту. Неодолимое наслаждение заставило женщину вскинуть руки и опустить на плечи армянина. Губы безвольно отдались коротким сухим поцелуям.

Все годы жизни Лия помнила поездку к маленькому водопаду, с его ледяными струями под обжигающими поцелуями горца. Он держал её на руках, одетую в тонкий домашний халатик, который она отказалась снять. Поток воды не был силён, но орошал брызгами каменистый отлогий берег, на который Аршак вынес свою драгоценную ношу. Так он назвал её и лишь скупой улыбнулся, когда она расхохоталась со словами: «друг мой Аркадий, не говори красиво».

– Красиво – значит плохо?

– Красиво – значит хорошо, но не высокопарно.

И привычно отметила: Тургенева он не читал.

– Сними, манушак, халатик. Солнце горячее, он успеет высохнуть...

Аршак расстегнул три маленькие пуговицы на халатике Лии и коснулся губами белоснежных холмиков, не стянутых лифом. Лия закрыла мокрой ладонью его глаза.

– Не надо, Аршак!

Он опустил её, послушно отпрянул, сел на рассыпанные крупные гальки у неглубокого ручья, стремительного несущего струи водопада, и поник головой.

– Извини, – помолчав, продолжил, – знаю, что ты думаешь. Что я женат и у меня ребёнок...

– Ребёнок? – до этой минуты Лия, оглушённая счастьем, не думала об изнанке своего счастья и сейчас, пытаясь придать голосу лёгкость, переспросила:

– Ребёнок? И кто? Впрочем, не всё ли равно! Я поздравляю!

Аршак стрёб кучу гальки, с силой бросил в воду. С возрастающим отчуждением она отметила мальчишеский жест вместе с гордым выражением его лица.

– Мальчик! Ему уже неделя. Теперь в моей семье двое мужчин.

– Как же так можно, Аршак? Радость в твоей семье, а ты здесь!

Она вспыхнула от жгучего стыда за эти слова, за навязанную ей судьбой роль разлучницы, жертвой которой была сама.

Тень прошла по лицу горца:

– Не знал, что ты ханжа, манушак. Помнишь скалу? Расскажу о ней, ты всё поймёшь. Он перевёл на неё помрачневший взгляд и спросил:

– Интересно?

– Да. Так густо порой замешаны зло с добром, что не разобраться, а надо.

– С той скалы людей бросали. Чудом спаслась моя мать с подружкой. Они маленькие были. Подружка выросла и в сорок лет родила мне жену. Умерла при родах. Просила мою мать не бросать девочку. Я старшим братом стал для неё. Вместе росли. Потом женился. Мать настояла. Ли, я не знал того, что сейчас со мной! Привык к ней, она хорошая. Не брошу её с сыном. Мать проклянёт.

Аршак стрёбал и бросал в водяной поток камни, всё более ожесточаясь, боясь услышать и увидеть ту, что была ещё рядом. Образовалась ямка, в которую он опустил сорванную с шеи цепочку.

– Это что за ритуал?

– Примета. Чтобы встретиться на этом месте.

Надеяться можно? Серебро не заржавеет и через сто лет.

Лия плохо поняла про скалу. Минутный ужас пережитого перед чёрным отвесным краем не забыла. Представила, как бросают людей на её дно, усыпанное острыми камнями, зажмурилась, замотала головой.

– Живём дружно с женой, – продолжал, не замечая бледности женщины, Аршак, – но... бестрепетно...

– Так и мы жили с мужем: бестрепетно! Только он бросил нас с дочкой.

Лия жёстко стянула с себя оцепенение, тоном строгой учительницы заключила:

– А ты молодец! Меру откровенности и порядочности твоей оценила.

Она догадывалась, даже наверняка знала, что будет с ними завтра. И Аршак знал, она уйдёт от него. Но не сейчас. Он сел рядом, привлёк к сердцу её голову, как делали все его влюблённые предки.

– Жалко, если тучи с дождём сюда идут. Здесь частые дожди, – он снова окинул взглядом горизонт, – а помнишь ливень в аэропорту?

– Помню. Я тогда боялась тебя.

– А я боюсь сейчас: исчезнешь, как «мимолётное виденье».

Лия зарыла руки в смоляные волосы горца. Попыталась вспомнить, кто из классиков сказал, что нет такой любви, которая не соединялась бы со страхом, страданием, упрёками совести и стыдом. Не успела вспомнить, сказать, потому что небо вдруг обвалилось на землю тропическим ливнем. И они с хохотом побежали к машине, оставив позади печали, взяв в залог короткого счастья только беззаботность нынешнего дня. Через годы Лия поняла, что в их случайной любви отсутствовал смысл. Но яркая, как молния, вспышка любви придавала смысл всей её оставшейся жизни.

Глава седьмая

После свидания у водопада Лия долго удерживала в себе благодать того полного ощущения счастья, которое присуще взаимной любви. Она не была согласна с расхожим утверждением, что любовь слепа. Её первая любовь, озарённая светлыми чувствами, была зрячей. Зрелый возраст её любви исключал невежественную легкомысленность. Ей 32 года, бальзаковский возраст. Но из-за льдистых глаз северянки, тонкой, белой кожи лица и тонкой фигуры её здесь принимали за юную девушку. Аршак моложе на четыре года. Лия ни тогда, ни позже не обозначала его неоспоримые достоинства затёртыми прилагательными: добрый, честный, ответственный, красивый – они казались ей плоскими. С годами ей почему-то вспоминалось не лицо, а как бы лик молодого горца, так мягко, умно светились чёрные ласковые глаза. Всего четыре месяца назад Лия летела в Армению. В голове её это географическое название не ассоциировалось ни с чем. Первый стойкий болезненный интерес к истории армян вызвал именно он, Аршак. И он являл собой представителя цивилизации, которая никогда не ступала с войной на чужую территорию. Только защищалась от бесчисленных завоевателей.

Машина мчалась от маленького водопада, где шёл дождь и где навсегда зарыта в гальке серебряная цепочка. Прохладный влажный ветер бил в лицо, трепал волосы. Ближе к городу Аршак сбавил скорость, повернул к ней взволнованное лицо:

– Ли, я читал стихи Саят-Нова, но ни с кем не делился, а тебе прочитаю:

С поникшей головой, в цепях,
Я пленник твой, любимая.
Вот я у ног твоих, я – прах,
Я пленник твой, любимая.

– И петь хочется, трепет во мне, Ли!

Он вёл машину и самозабвенно пел. В первый раз Лия услышала диковатую мелодию, звучащую грустно-тягуче. Но красота её страстных переливов сочеталась со строгой ритмикой, а высокий голос Аршака возносил её в рыжие, покрытые кустарником горы.

– О чём ты пел?

– О фиалке, о тебе, манушак. Так у нас фиалку называют.

Близилось очередное неизбежное расставание. Лия откладывала навязчивый вопрос о встрече. Аршак подозревал, чувствовал его всеми нервами и, не оставляя времени для малейшей паузы, пел, читал стихи, пока машина не добралась до острых с высокими шипами гор, в которых чернели пещеры.

– Посмотри, манушак, такого не увидишь нигде. Это жилища моих предков. Долбили камень и прятались в каменных убежищах от нашествия врагов. Здесь старый Горис.

Они вышли из машины, маленькие среди каменного леса, глядевшего на них с высоты веков. Лия содрогнулась от жути бесчисленных каменных нор высоко над землёй.

– Несчастье моей страны в том, что она находилась на пересечении мировых торговых путей. Окружали её мощные державы – Персия, нынешний Иран и Турция, – Аршак перевёл дыхание. – Ты, я понял, не слышала о трагедии моего народа в 1915 году?

Лия не в первый раз видела, как мягкие черты его лица искажала мука. Не в первый раз пришлось ей чувствовать себя невежей и стыдиться своего явного невежества. Но в учебниках она не встречала параграфа, в котором бы описывалась трагическая история Армении. Совсем некстати (издержка преподавателя литературы) вспомнила, что в 1915 году родился Константин Симонов.

Аршак, как всегда в трудных моментах общения, склонил голову и замолчал, то ли собираясь с мыслями, то ли преодолевая наплыв тяжёлых воспоминаний.

– Мои древние предки называли территорию, на которой жили, страной Наири.

– Красиво звучит!

– Да, красиво. А государство образовалось в X веке до новой эры.

– Почти три тысячи лет назад?

– Да, таковы древние корни у моего народа, жившего в могучей и культурной стране Урарту. Её наследие – города и крепости, каналы и клинописи на камнях, а также огромное количество рукописей, начиная с V века. Настоящий культурный клад.

– Ты говоришь, как пишешь, Аршак, лекцию

для меня готовил, что ли? – оборвала его Лия, начиная пугаться чёткой, размеренной речи горца, принявшего вдруг величавый, самодовольный вид.

Аршак засмеялся, сверкнув жемчужным рядом нижних зубов.

– Угадала! Это лекция моего оригинала – преподавателя по истории. Я заочно учусь в техникуме, получу через год диплом экономиста. Он так лекции читает, чтобы мы гордились Арменией. Тебе скучно?

– Нет, читай. А ты сам, интересно, какого рода-племени?

– Представь, знатного! Мой отец – внук из рода карабахских меликов. По рассказам, сто лет назад русский царь Александр II (по вашему «освободитель») отдал армянам из Нагорного Карабаха землю. В Крыму и на Кавказе образовались диаспоры армян.

Аршак продолжил «лекцию», когда они сели в машину.

– Русские цари, начиная с Петра I, брали под защиту земли Армении, вернее наши камни. А когда разразилась Первая мировая война, русским стало не до нас. Потому в 1915 году, – рассказчик примолк, словно набирая воздух перед прыжком с трамплина, – османские власти... Ли, об этом весь мир знает, а ты нет! – вспыхнул он, завёл машину и на ходу закончил. – Напали и залили кровью наши камни, родники. Стариков и женщин с детьми в пропасти бросали. Это геноцид. Фашисты немецкие такое с вашим народом хотели учинить.

Дальше ехали молча. Упавшим голосом Лия спросила:

– А как сложилась судьба родителей?

– Маму с подружкой в детский приёмник определили, вывезли их под Пятигорск. Там они и выросли в приюте, – скороговоркой проговорил Аршак. Было видно, что тему эту хотел скорее закрыть. Они уже подъезжали к дому Лии.

– Отец с войны вернулся раненый, больной. Скоро умер. Но я, единственный их сын, успел родиться.

Лия не помнила, сколько секунд или минут продолжалось прощание.

– Не уходи, Ли! – Он ухватился за ручку двери, удерживая её. – Не знаю, когда смогу приехать в Горис по командировке. У меня много городов, в которых работаю: Лениканан, Спитак... Как выжить до встречи?

Лия сдержала себя от необузданного любовного порыва. То, что укладывалось внутри её, было хрустально чисто и требовало осторожности. Не разбить ни единым словом хрупкое, первозданное чувство, не пролить зря ни одной слезы и удержать в памяти содержимое дорогого флакона счастья. Возвышенное чувство исключает фальшь слов, признаёт только сдержанную красоту молчания. Он что-то кричал вслед, и она оборачивалась с лицом, на котором любовь отразила всю свою прелесть.

Пусть я умру – здорова будь.

Я в землю сойти готов.

Ради коротких игр твоих

И лёгких твоих шагов.

В доме гостил директор Сурен, лукаво подмигнувший ей бровями, как только она вошла. Вместе с Розой он деловито обсуждал план работы школы в свете участия в ней нового учителя русского языка, Лилианы Марковны Стриж. (Лия ещё не развелась со Стасом и носила его легкомысленную фамилию.) В связи с землетрясением занятия были отложены, что и дало Лии роковую возможность пережить самый значимый эпизод биографии. Сурен и Роза деликатно отводили глаза от слепого, погружённого в себя взгляда Лии, её блуждающей нелепой улыбки.

– Хорошо, что Сурен признался в отсутствии к тебе влечения, – начала разговор Роза, как только директор удалился, – хотя Аганес не верит, принимает за самозащиту мужского достоинства. Ох, Лилиана, дочка, не удалось сватовство! Сурен основательный мужчина, и брак твой был бы основательным. Аршак...

– Откуда Вам известно его имя?

– Ты сама его выдала – написала армянскими буквами.

– Роза, в браке с мещанским набором благополучия я всё пережила. Кроме любви. Мне надо лететь к дочери, начать работать, и всё решится само собой.

Что решится и как, Лия не смогла бы объяснить словами. Чёткого понимания будущего не было. Но было настоящее. Ей казалось, она парит над Розой, восседающей на засиженном диване, и её сияющий огромный мир радости понятен только ей. Аганес поздно вернулся с очередного заседания, отмахнулся от женщин и ушёл спать.

Утром Лия слышала по радио знакомые позывные сигналы. Затем из дальних далей прозвучало: «Говорит Москва, говорит Москва! Работают все радиостанции Союза». Впервые за четыре месяца она слышала по радио родную речь и, не стыдясь хлынувших слёз, бросилась к приёмнику. Он скрипнул и замолчал. Лия несколько минут жадно прислушивалась к шумам и скрипам. Но приёмник вернулся к обычному своему вещанию с чуждым для слуха звучанием слов. «Как же я далеко от родины! Как к ней, неласковой, привязана!» – вслух простонала Лия. На неё, как шквал, обрушилось ощущение глубокой тоски, известное всем скитальцам, разлучённым с родиной. Перед глазами всплыло личико её единственного ребёнка – маленькое, бледное, родное. (Все дети Армении, как один, выглядели смуглыми курчавыми купидонами, хоть и без сумки со стрелами.) Волнение от предчувствия скорой встречи с дочерью и с тем особенным привычным миром, который врос и прочно держался в ней корнями, оказалось не только сильным, но и долгим. Радостное возбуждение сменила озабоченность. Заскребло сомнение в правильности выбора, связанного с возвращением в Армению. Сможет ли она донести до детей гор любовь к Пушкину и сможет ли почувствовать восторг при чтении Саят-Нова? Имеет ли право разлучать дочь с любящим отцом и с родиной? Но здесь, в маленьком, затерянном между гор городке, её будут ждать три горячо любящих сердца. Только разве это счастье не эфемерно, не призрачно? Под грузом мыслей, свойственным рассудительным натурам, Лия к вечеру ощутила сосущее

одиночество и потерянность. Боясь расстроить, не посвятила в свои колебания и сомнения ни Аганеса, ни Розу. Просто быстро собрала свой клетчатый дорожный чемоданчик. А утром на трудяге «ЕрАЗе» они с Аганесом выехали в Ереван и добрались через несколько часов, долго плутая, до места, где по уверениям Лии, стоял глинобитный домик Аршака. Несколько рабочих разбирали завалы. Нехотя оторвались от дела, услышав вопрос Аганеса про хозяев.

– Ищите в новом доме рядом с домом архитектора. Туда несколько дней назад люди переселялись.

– Как его фамилия? – спросил Аганес, смирившийся с истовым желанием Лии увидеть молодого горца. Лия растерянно заморгала глазами. Она не знала его фамилии. Поиски сорвались у самого финиша, вырвав из груди Аганеса вздох облегчения. Аганес настаивал на том, чтобы она взяла деньги на обратную дорогу и, и как только приедет домой, сразу же выслала телеграмму. Лия решительно отказалась от денег, горячо пообещав написать о делах.

Глава восьмая

Родина встретила холодным сентябрьским дождём с ветром. Девочка не бросилась к ней на шею, как ожидала Лия, почему-то стояла в стороне, напряжённо глядя на мать тёмными глазами в светлых ресницах. Через два дня Лия с дочкой вернулись в рабочий посёлок. Квартира встретила их пылью, не тронутой ничьей рукой. Ждала и двухэтажная деревянная школа, в которой произошли изменения: уволилась племянница директорши Нонна. Вместе со Стасом, как позднее узнала Лия, заселилась она в свою городскую квартиру, освободившуюся после внезапной смерти отца. Директор встретила свою любимицу с непритворной радостью, чуть не плача.

– Не подписала ваше заявление об уходе. Ждала! Укомплектовать могла бы, да откладывала, тянула... Ждала! Нет, мятежная Лилиана Марковна, не допущу вашего бегства. Ребята каждый день спрашивали, кто литературу вести будет. Переживали кружковцы. Из облоно в мае пришла почётная грамота на ваше имя, – сменив тон, закончила директриса, по-деловому одёрнув всё тот же старый пиджак и, уходя, бросила через плечо: – Оформим пропуск уроков больничным листом.

Жизнь понеслась по знакомой, истоптанной колее, но без мужа. Он явился из города, как-то узнав о приезде Лии. С апломбом заявил на пороге: «Приехал к дочери, имею право». Лия спокойно оглядела мужа, позвала девочку, играющую в соседней комнате с котёнком, подаренным Оксеей, и тихо вышла на улицу. Её не тронул вызывающий вид Стаса, за которым угадывалась неуверенность, не порадовал утраченный лоск и отсутствие в приветствии языка эсперанто. «Выпотрошенный какой-то», – подумала она с лёгкой грустью, радуясь за дочь. Девочка, оказавшись в старой обстановке, в которой прожила пять лет жизни с любящим отцом, донимала её просьбами:

– Позови папу, я скучаю. Мы с ним говорим на языке... Нехорошим словом бабушка называет, – и шёпотом в ухо – «сраном». А я знаю, что на иностранном.

Лия прохаживалась под окнами, не желая мешать встрече любящих сердец. Отцветали на клумбе астры и бархатцы. Старушки на лавочке звали покалякать.

– Чай, муж, приехал, Лилиана Марковна? Окся сказывала, скучал по дочке, плакал, – спохватившись, добавили: – и по вам.

Лёгкая на помине Окся показала на дороге, заторопилась, издали увидев Лию. Теперь, когда жизнь расставила фигуры действующих лиц таким образом, что, как оказалось, Лилиана Марковна незаменима в школе, нужна директорше, а Станислав Егорыч слинял, завхоз с подчёркнутым вниманием относилась к учительнице.

– Моё вам почтение, – приветствовала она Лию с лёгким поклоном понравившейся фразой из кино, – айдайте ко мне чай с вареньем клубничным пить. Пущай они воркуют. Евоная книжка про испранто заваялась у меня, передайте ему.

– Эсперанто, – сухо прервала Лия тарактенъ мордовки, – сами передайте.

Она решительно вернулась в квартиру и поставила на плиту чайник. Выставила на стол три чашки, три розетки для печенья и позвала гостя с дочкой к столу. Стас заметно оживился, порозовел. Лия мельком отметила его пристальный взгляд с немым вопросом. Он сел на край стула, спохватился, достал из дипломата небольшие подарки для дочери. Это был кулёк конфет «Косолапый мишка» и набор цветных карандашей. Девочка была восхищена, а Лия слабой улыбкой поблагодарила мужа. Молча пили чай.

– Можно я приеду завтра? – Стас, явно ободренный этой улыбкой, взял на руки дочь, стоя у порога, и было понятно, что с помощью её объятий надеялся на благоприятный ответ.

– Нет! Не обижайся. Дочь не успеет соскучиться. И не близкий путь из города в наш посёлок, – Лия слышала свой голос как бы издали и удивлялась его крепости. – Если хочешь встречаться с дочерью, то не чаще двух раз в месяц. Я подам на развод. Алименты на твоё усмотрение: хочешь – помогай...

Это всё, что надо было сказать и что она с места в карьер решила сказать мужу, хотя много раз готовила себя к этой сцене: подбирала слова, представляла, с какой интонацией они будут произнесены. Реакция оказалась неожиданной. Стас бережно опустил девочку, что-то шепнул ей, и когда она, с беспокойством оглядываясь на родителей, ушла, он зажал Лию в узком коридоре между широко раскинутыми руками и стеной. Их лица оказались так близко, что слились дыхания. На Лию глядели невидящие выпученные глаза, рот нервно кривился, широкий нос упирался в её переносицу. Лия с трудом отвернула лицо.

– Успокойся, Стас, отпусти меня.

– Прежде послушай. Одно твоё слово – и я завяжу с Нонкой. Моё место здесь, с вами. Нет, выслушай, не морщись. Это было наваждение и ничего больше. Наваждение! Я знаю, что ты не любишь, никогда не любила меня, – из глаз Стаса послушно выкатились две мутные слезинки и потекли по стареющим щекам. – Может быть, тебе вообще не дано познать любовь...

*Здравствуйте Лилиана!
где ваша темералима. Как доехала,
задержался ли в Москве и огонь
оспался ли ват утёв донья болло
мало вато и тв отказались вэст
дони от меня оти немуннае
гордест Не понравилос мне зрт и
спена жесот присвоии военного
званич жадл. Поишта. Как будитс
и ни пантв и накатку вромл неписеу.
Соро фанззатин (Пч ситом) мне казал
это реёсника забрал отеч он приехтв
Грис сразу позванич мне хотен
погод это то оставали зде
в Грисс но жесот неботло уне.
После воего воезга зде зрвс мне
упрекают зво как в невог устрит
на работу. (восвиранич напиши).*

– Дано! Я люблю! – Лия выкрикнула заветные слова, оглянулась на дверь в комнату, за которой могла стоять дочь, и освободилась от плена рук мужа. – Если бы не познала, сейчас же согласилась быть вместе с тобой, Стас.

Лицо Стаса страдальчески исказилось, на секунду дрогнули покрасневшие веки. Но Лия с иронией отметила быстроту дальнейшего преобразования: выслушав приговор, Стас вздохнул, надел на лысую голову соломенную шляпу и, уходя, что-то пробормотал. Он был готов к такому разрешению ситуации. Только после его ухода Лия разобрала скомканное губами слово «идеалистка».

Через месяц Лия получила письмо от Аганеса, написанное зелёными чернилами с большим количеством ошибок и описок.

Она сразу же схватила ручку, вырвала листок из школьной тетради и, тупо просидев над ним, отложила. Её состояние походило на то, которое переживает беспомощный человек перед бурной рекой с железной необходимостью преодолеть это препятствие. Между уроками в школе снова лихорадочно принялась за ответ, но отложила до вечера. Вечером, усталая и взвинченная после проверки сочинений, под села к кровати дочери и читала ей сказку Киплинга «Маугли». Книгу, прекрасно оформленную рисунками, купил на книжном базаре заботливый отец. Письмо осталось без ответа.

Всё пережитое в стране камней долго вспоминалось Лией как фантастически-дивный сон, но постепенно с наложением груза реальных дней, наполненных бытовыми заботами, оно потускнело, и видение дивного сна как бы погрузилось в омут подсознания, в его «чёрный ящик».

Через три года Лии пришлось пережить потрясение. Дочь, школьница, облюбовала для очередной кошки с котятками старый клетчатый чемоданчик Лии. Во внешнем кармане она обнаружила свёрток с чудесными кожаными перчатками. Позвала маму, которая целую минуту не отрывала глаз от находки и вдруг разрыдалась, выхватила перчатки, прижала к лицу и выбежала из комнаты. Девочка никогда

больше их не видела. Ещё одно невольное посвящение в тайну мамы было связано со старыми письмами. Они, по-видимому, давно лежали запечатанными и неотосланными между страниц «Войны и мира». Повзрослевшая дочь не без робости перед объёмом книги открыла великий роман, рекомендованный для чтения в летние каникулы, и письма выпали на пол. Адрес был загадочный: Армянская ССР, город Горис. Девочка положила их на стол. С приходом мамы письма исчезли. Дочь слышала от отца и бабушки о путешествии мамы в страну камней, но они явно что-то недоговаривали. Письма эти Лия написала в один из зимних вечеров первого года возвращения. Сразу два длинных письма, в которых не сдерживала сквозящую через частокोल обыденных слов тоску покаяния. Безмерная, как пустыня, тоска надрывала сердце. Но стыдно делиться ею с теми, чьи чаянья она не оправдала, предала. Оправдания звучали бы беспомощно, жалко и неубедительно, если бы не всплыла вдруг из глубин памяти спасительная фраза из Библии «Спасай душу свою: не оглядывайся назад». Истина, заключённая в ней, потрясла Лию. Она запечатала конверты, надёжно спрятала до поры и благополучно забыла.

Через 16 лет в почтовом ящике Лия обнаружила конверт, оформленный памятными зелёными чернилами. Она держала его в руках, как держат бойцы гранату перед броском. Весть из Армении не могла быть доброй. По телевидению показывали города Армении Лениканан и Спитак, чудовищно развороченные небывалым по силе землетрясением. Щемило сердце, когда вскрывала конверт, и тяжёлое предчувствие не обмануло. Аганес зелёными каракулями кратко сообщил о смерти престарелой Розы и гибели в Спитаке Аршака. В момент катастрофы он находился в этом городе в служебной командировке. Все годы, как писал Аганес, он просил её адрес, ждал хотя бы привета, но весточки не дождался. «Мы и сами привета не дождались», – упрекал Аганес. Тут он немного лукавил. Отец Лии до последних событий переписывался с военным другом, высылал красочные открытки к Новому году или к 9 Мая. Тексты поздравлений были однообразные, формальные и с неизменным приветом от дочери.

В посёлке по типовому проекту построили новую школу, в которую Лию усиленно звал молодой, жутко модный директор, один из первых её выпускников, но она наотрез отказалась. Потом оказалось, зря!

Безжалостное, неумолимое неотвратимое время! Как ты безраздельно хозяйничаешь в судьбах людей! Как украшаешь молодость тонкой кожей

лица и души! И как уродуешь старость дряблостью тела и сухостью чувств. Длинная, однообразная дней череда сменяла друг друга. Уже двадцатидвухлетнее чадо её с успехом училось на факультете иностранных языков. (Не прошло даром влияние отца, некогда увлекавшегося эсперанто.) И Стас, и старики, родители Лии, души не чаяли в девушке. «Глаза отцовские, яркие, и рот с крепкими зубами – в него», – тайком любовалась внучкой бабушка, питая призрачную надежду на успех обучения её жизни. Так и говорила мужу: «Учу жизни. Дочь наша – фефёла, четверть века живёт в деревне да ещё без мужика в доме. Внучку пропишу. Городская будет».

Иван Алексеевич, учитель-трудолик, философ по образу мыслей, наблюдал за постаревшей Лией.

– Что вы, голубчик, разглядываете меня? – Лия одевалась в учительской, готовясь после трёх уроков и работы в кружке к походу домой.

– Давно не виделись, – отшутился Иван Алексеевич, – слышали, небось, я на пенсию ухожу. Прыгать в спортзале уже мочи нет. На фабрике в сторожа берут, я рад. Эх, годы-гады!

Лия так и не зашнуровала высокий сапог, растерянно оставившись на друга. Школа без Ивана Алексеевича станет пустой, как её очешник без очков. (Очки нередко терялись в течение рабочего дня, что сильно расстраивало их хозяйку.) Иван Алексеевич для школы был воистину незаменим. Он организовывал новогодние праздники зимой, весной – майские шествия ребят с флагами на тесной районной площади мимо деревянной трибуны с местной властью наверху. А летом водил ребят в походы, знакомая с невиданными красотами родных мест.

– Да как же без вас нашей школе, как мне? По годам вы не старец, голубчик. Не обязан учитель прыгать, – горячилась Лия, – и фабрику закрывают вrede...

– Дело в другом, Лилиана Батьковна. Надоело! Сторожакам планы готовить не надо. Не надо брать обязательства – чемпионов для страны поставлять – и окна вставлять после футбольных баталий. Немного в зарплате потерю, зато в здоровье выиграю. Мне седьмой десяток, однако...

Иван Алексеевич помолчал, дождался, когда Лия зашнурует сапог, и с несвойственной ему грустью продолжил:

– По слухам не только фабрику – и школу нашу расформируют, хотят укрупнить, соединить с новой, типовой.

Они вместе вышли на школьный двор, и пошли каждый своей рутинной дорогой. Разлом 1990-х уже обозначил дальнейшую траекторию их судеб.

ПОД СЕНЬЮ ДРУЖНЫХ МУЗ

Виктория ШЕЙКО, член Совета молодых литераторов, лауреат конкурсов «Друзья по вдохновенью», «Первая роса», «Пиши не в стол».

УМЕТЬ ВИДЕТЬ ПРЕКРАСНОЕ

Краеведческие зарисовки художника Валерия Кузнецова

В музее «Метеорологическая станция Симбирска» состоялась выставка «Краеведческие зарисовки» известного ульяновского живописца, члена Союза художников России Валерия Сергеевича Кузнецова.

В экспозиции были представлены красочные пейзажи Симбирской земли. На картинах Валерия Кузнецова поспевают рожь, после дождя блестят лужи, по проселочной дороге мимо сельской школы стройным рядком идут друг за другом гуси, вдалеке виднеются изумрудно-зеленеющие просторы. А в натюрмортах с удивительной достоверностью запечатлены диковинные для городского жителя старинные вещи, символизирующие неумолимый ход времени: сундук, блестящий самовар, плетеные корзинки. Эти простые, на первый взгляд, предметы под кистью художника как будто обретают новую жизнь.

На картинах – красивые места нашего края: Ульяновск, Сенгилей, Тереньгульский район, Сурское, село Андреевка, Прислониха и многие другие. Рассказывая о своих путешествиях, художник отметил, что собирает материал о жизни и природе

Ульяновской области и старается художественными средствами запечатлеть увиденное.

Валерий Сергеевич поделился историей создания некоторых работ.

На картине «В поисках смысла» изображены книги: словарь Ушакова, справочники различные, христианская литература, Библия. Свеча горит. Натюрморт философский. Это картина-размышление. В чём состоит смысл творчества, смысл вообще нашего существования? Автор приглашает зрителя к диалогу.

Художник много времени проводит за этюдником, стараясь запечатлеть уголки родной природы. Валерий Сергеевич хорошо знаком с природными красотами рабочего поселка Сурское, которые запечатлел в своих этюдах: «Здесь такой перекрёсток, низина, там справа – река Сура, а прямо идти – это как раз одно из самых высоких мест, гора, где храм находится. Здесь ручей протекает. Там есть места заповедные. Лес, где посажен кедр, привитый на сосну. Там, говорят, где-то и медведи есть в глухих местах, и другие животные, рыси. Это где граница Мордовии и Чувашии – такие леса непроходимые...»

Вот его комментарий к картине «Родник близ Соловчихи»: «Мы ходили в поход. Я писал этюд. Радищевский район, деревня Соловчиха. Верхняя, Нижняя Маза рядом. Это уже юг, граница с Саратовской областью, лесостепь. Есть пересохшие реки, но встречаются и родники. Здесь ива плакучая. Птички поют, в тени ветерок. Пастухи отдыхают».

В картинах Валерия Кузнецова чувствуется желание отразить характер эпохи, уловить мгновение в быстро меняющемся мире. Чувствуется особенное художественное восприятие неизбежных перемен: «Стараюсь запечатлеть архитектурные памятники, которые, в принципе, меняются с годами. Проходит пять-десять лет, смотришь: уже всё поменялось. Не успеваешь за исчезающей Россией, той, которая была в XIX, XX веке. Сейчас всё это уходит, разрушается, меняется. Есть у нас такие заповедные места, и в городе Ульяновске ещё на улице Ленина сохраняется целый квартал. <...> Здесь и трамвай старый ещё ходит, маршрутки жёлтые. Пройдёт десять лет – ничего такого уже не найдёшь. Но я успел, как говориться, запечатлеть».

На родине замечательного художника Аркадия Александровича Пластова, в селе Прислониха, побывали многие художники. Эти живописные места вдохновляют на творчество. Валерий Сергеевич рассказал, как работал в этом знаменитом месте: «Есть работы, которые в этом году написал в Прислонихе. Был всероссийский пленэр. Переулочек Клубный – это недалеко от центральной части Прислонихи. Сейчас Дом-музей Пластова. И там крайние дома. Огороды и пастбища для животных, бурьяны с дикими цветами. Потом – поле, лес на втором плане. Другой этюд написан там же, рядом с церковью, рядом с домом Пластова. Круглая поленница – сейчас редко где найдёшь. Я всматривался, пытался понять логику выкладывания этой круглой поленницы». Художника отличает неподдельный интерес к окружающему миру, к вдохновляющим деталям, мелочам, предметам.

Натюрморты Валерия Кузнецова разнообразны: старая лампа, блестящие самовары, плетёные корзинки в солнечных лучах, чашка с подстаканником, бублики и баранки, различные растения, а также диковинные, пестрые травы. Говоря о замысле «Натюрморта с душицей», автор заметил: «Здесь душица, подсолнухи, свеча старая – символ времени...». Многие картины художника символичны, передают особое мироощущение автора.

Работа «Минута молчания на безымянной высоте» навеяна воспоминаниями о Великой Отечественной войне: «Здесь памятник тем боям, которые были в Подмоскovie. Безымянная высота – помните песню? Сейчас, в наше время, эти мальчишки, пришли сюда, никто их не заставлял постоять и минутой молчания почтить память павших бойцов. 1941–1945 – священны для нас эти даты».

«Этюд в поле» был написан рядом с селом Андреевка Чердаклинского района. «Там – мои родственники, корни мои в Андреевке. Оттуда и мама,

и бабушка, и тётки. А я родился уже в Ульяновске. В Андреевке часто бываю, это мои этюдные места». Тему родного дома, семьи можно проследить и в работе «Август». Здесь изображены близкие художнику люди – бабушка и сын: «Бабушка у меня дожила до 96 лет. Она участница многих событий, которые были у нас в стране. Награждена орденом Трудового Красного знамени. Трудная у неё была жизнь. Она в основном занималась сельским хозяйством. В войну была бригадиром, заготавливала лес. Дом, изображённый на картине, находится в Андреевке. Здесь баня, рядом огород, и мальва на первом плане. Сын с котом».

Валерий Сергеевич начал рисовать ещё с детства: «Более серьёзно я стал заниматься лет с десяти. В классе Сергея Борисовича Худякова учился в художественной школе. Это самый первый мой учитель. Я получил от него хороший опыт. Он помог мне выбрать профессию. Смог зажечь меня, чтобы я занимался художественным творчеством. И я очень благодарен Сергею Борисовичу. Я занимался у него в мастерской. Видел, как работают художники настоящего. Потом в армии служил, учился. Закончил обучение. Потом я работал в училищах, в общеобразовательной школе». Сегодня Валерий Сергеевич – преподаватель детской художественной школы, у него у самого уже очень много учеников.

Работает художник в основном маслом, занимается и графикой – есть работы, выполненные карандашом, пером, тушью. Принимал участие в различных выставках, таких как «Большая Волга», «Россия – Родина моя», «Лики России», «Победа», участвует также в ежегодных областных выставках в рамках Пластовской осени.

Размышляя о живописи, Валерий Сергеевич отмечает художников, творчество которых ему наиболее близко: «Одна грань куба – это Пластов. Другая – Сергей Борисович Худяков. Третья – Питер Брейгель-старший. Получается объёмный куб, который является целостным видением изобразительного искусства».

Каким же должен быть настоящий художник? Сложным в содержании работ или простым и понятным? Передавать действительность с хирургической точностью или создавать свой особенный, неповторимый мир? Какими качествами он должен обладать? У каждого найдется свой ответ. Валерий Сергеевич поделился своим мнением: «Уметь видеть прекрасное и стараться показать это людям. Ведь за всей обыденностью, стремлением заработать деньги человек просто теряет способность любоваться окружающим миром».

Пожалуй, все, кому небезразлична красота родной природы, заповедные уголки родного края, найдут что-то созвучное, душевное в работах Валерия Сергеевича Кузнецова – художника и человека, любящего нашу Ульяновскую землю.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Картины Валерия Кузнецова

Валерий Кузнецов

...Просыпается город, оживают трамваи,
Каждый чисто умытый, к встрече с нами готов.
Разноцветные двери широко раскрывая,
Сбросив бледные звёзды со своих проводов.

Город пахнет сиренью, нежной майской прохладой.
В каждой лужице – солнце как кусочек огня.
Теплый дождик весенний, как земля тебе рада!
Торжествует природа, птичьей песней звеня.

Галина ЗАРУДНЕВА

Евангелическо-Лютеранская церковь., х.м., 80x90, 2019 г.

Натюрморт с травами., х.м., 80x100, 2023 г.

Натюрморт с сушками и баранками., 90x100, х.м., 2020 г.

* * *

По той же дороге, по той же тропе
 Спустя много лет я вернулась к тебе,
 Родительский дом. Ты стоишь как стоял,
 Как будто все годы меня поджидал.
 Всё та же калитка с железным крючком,
 Сирень разрослась под открытым окном.
 Резное крылечко, высокий порог –
 Начало моих каждодневных дорог.

Хочу поклониться я вам до земли
 За то, что вы детство моё сберегли.

Галина ЗАРУДНЕВА

Август., х.м., 100x80, 2021 г.

Этюд в Измайлово., х.м., 50x70., 2020 г.

Минута молчания на Безымянной высоте., х.м., 90x100, 2022 г.

В поисках смысла., к.м., 70x50, 2022 г.

Натюрморт с медалью «За отвагу!», х.м., 50x70 см

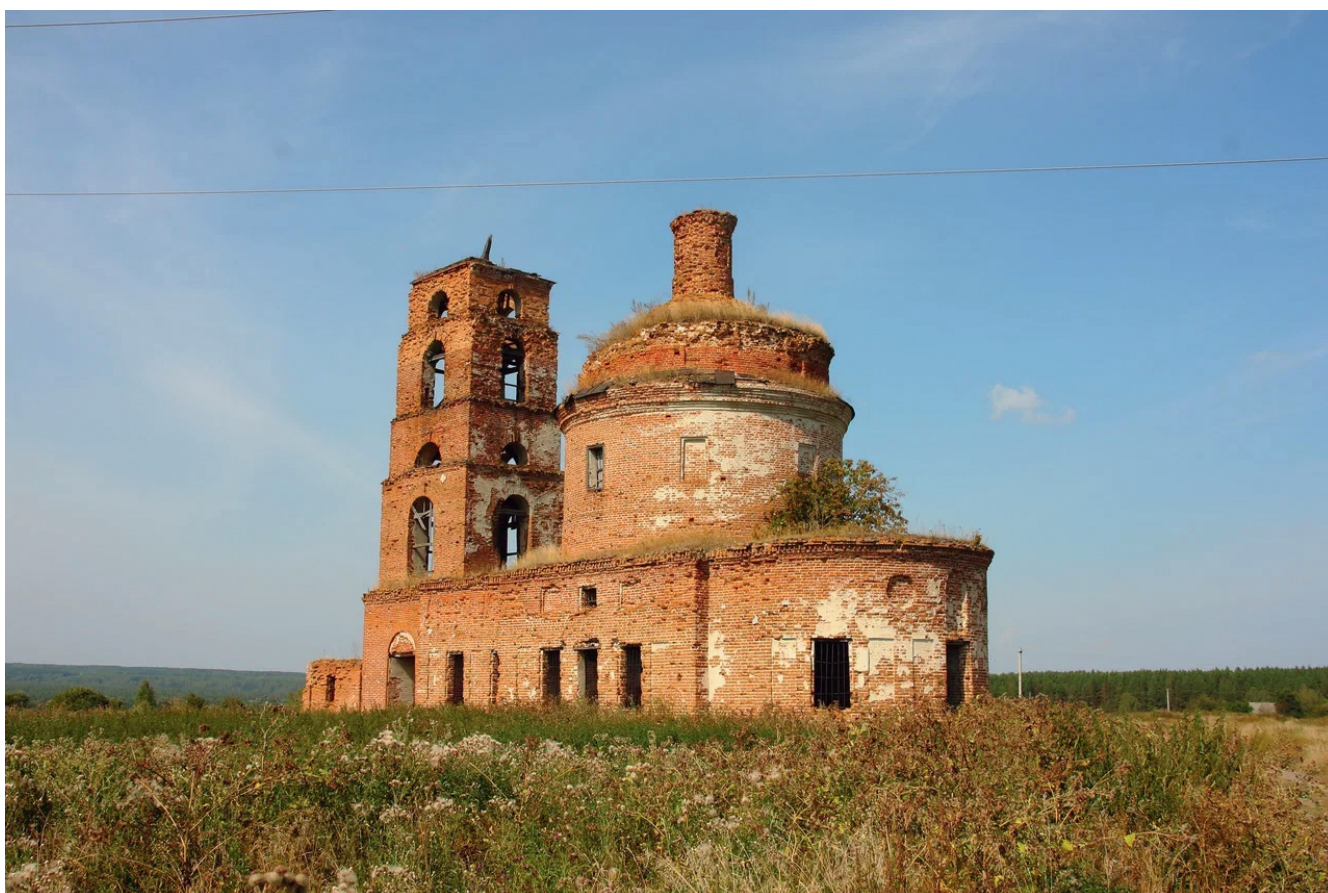
Этюд в Прислонихе., х.м., 60x50, 2022 г.

ВОЛЖСКИЙ БЛАГОВЕСТ

Фотографии участников молодёжного православного конкурса

Марина Фахрутдинова (Ульяновск). Часовня на Никольской горе в р. п. Сурское

Илья Разумовский (Ульяновск). Церковь во имя Архангела Михаила в селе Коноплянка

Наталья Алексеева (Ульяновск). Храм в честь Владимирской иконы Божией Матери села Старое Никулино

Ольга Новопольцева (Ульяновск). Свято-Богородице-Казанский Жадовский мужской монастырь

Сергей НИКОЛАЕВ

НЕБО НАД СОБОРОМ

Небо над собором,
Я не видел выше,
Небо над собором,
Я не видел чище.

Небо над собором
Унесет тревоги,
Станет не укором,
Но надеждой многим –

Тем, кто заблудился
В круговерти жизни
Тем, кто изменился,
Поменяв ход мысли.

Небо над собором
В воздухе морозном
То ласкает взоры,
То вдруг станет грозным.

Что Ему мы скажем,
Что из дел представим? –
На душе слой сажи,
Да сердца из стали.

Скажем, что видали
Небо над собором,
Нет за то медали,
Но и нет позора.

Вот кресты взметнулись,
Устремились в небо,
Господи Иисусе,
Даждь на завтра хлеба...

Думали о многом,
Но не забывая –
Небо над собором,
Как предвестье Рая.

ДОРОГА К ХРАМУ

*Сергей НИКОЛАЕВ, председатель отдела по работе с молодёжью
Симбирской епархии*

ДУША, ЖИВИ!

21 апреля 2023 года были подведены итоги III молодежного межрегионального литературного православного конкурса «Волжский благовест». Конкурс проводился по благословию Митрополита Симбирского и Новоспасского Лонгина. Его организаторами стали Совет молодых литераторов Ульяновской области и отдел по работе с молодёжью Симбирской епархии.

*Директор Дворца книги
С.В. Нагаткина награждает
Юлию Дмитренко*

Лауреаты конкурса в номинации «Поэзия»:

- 1-е место – Артем Прошин (Ульяновск);
- 2-е место – Александр Хохлов (Барнаул);
- 3-е место – Сергей Собакин (Москва).

Лауреаты конкурса в номинации «Проза»:

- 1-е место – Марианна Давлетова (Уфа);
- 2-е место – Виктор Усков (Уфа);
- 3-е место – Сергей Зеткин (Саранск).

Лауреаты конкурса в номинации «Травелог»:

- 1-е место – Илья Разумовский (Ульяновск);
- 2-е место – Ольга Новопольцева (Ульяновск);
- 3-е место – Наталья Алексеева (Ульяновск).

Лауреатом в номинации «Иной жанр»

(эссе, посвященное теме подвига) стала Юлия Дмитренко (Ульяновск).

С приветственным словом от членов жюри конкурса к присутствующим обратился молодежный министр искусства и культурной политики Ульяновской области Александр Дашко.

*Светлана Нагаткина
награждает
Ольгу Новопольцеву*

Вечер продолжили выступления детских и молодежных хоровых коллективов города Ульяновска в рамках проекта «Ульяновская молодежная филармония». Перед зрителями выступили ансамбль «Звездочки» воскресной школы «Благовестник» Благовещенского храма г. Ульяновск (руководитель – Е.А. Башарина), народный коллектив хор «Колibri» детской школы искусств №12 (руководитель – Т.М. Пшеничникова), ансамбль «Поющие сердца» воскресной школы «Благовестник» Благовещенского храма г. Ульяновск (руководитель – Е.А. Башарина), православный хор «Феникс» (руководитель – В.С. Чибилькаева), ансамбль гитарной песни «Душа» из школы-интерната №91 (руководитель – Е.А. Башарина), хор «Анданте» Ульяновского колледжа культуры и искусства (руководитель – З.И. Рогожина, концертмейстер – Е.А. Логинова).

В этом году в конкурсе приняли участие более двадцати молодых поэтов, прозаиков и публицистов из Ульяновской и Нижегородской областей, а также из республик Мордовия, Башкортостан и

Марий Эл. Двое конкурсантов представили Москву и Барнаул.

В состав жюри конкурса вошли члены Союза писателей России Александр Дашко, Мария Богдан, Алина Осокина, руководитель миссионерского отдела Симбирской епархии, настоятель Духосошественского храма г. Ульяновска иерей Владимир Маняков, настоятель храма в честь Святой Троицы р. п. Цильна, сотрудник епархиального отдела религиозного образования и катехизации иерей Игорь Казачков и председатель отдела по работе с молодежью Симбирской епархии Сергей Николаев.

Специальными призами в номинациях «Проза» и «Травелог» руководителем молодежного отдела Симбирской епархии были отмечены Ксения Хайсанова (Ульяновск) и Марина Фахрутдинова (Ульяновск).

Участники литературно-музыкального вечера получили в подарок книги духовных стихов поэта Александра Солодовникова, переданные молодежным отделом Симбирской епархии.

Православный хор «Феникс»

*Руководитель миссионерского
отдела Симбирской епархии,
настоятель Духосошественского храма
г. Ульяновска иерей Владимир Маняков*

Артём ПРОШИН

МАРИЯ

Забыв родных, из дома ты сбежала,
и смыслом новой жизни стал разврат.
Слепая страсть вонзила в сердце жало
и повела к порогу адских врат.

Блуждала ты в порту Александрии,
в своих объятьях юношей губя.
И знали все, что проклята Мария,
и ужасались, глядя на тебя.

Семнадцать лет гноилась в сердце рана,
огонь греха сжигал тебя дотла.
Рыдая, ты пришла к воротам храма.
Тебя там Богородица ждала.

«Иди за Иордан, найдешь спасенье!» –
раздался звучный голос в облаках,
и ты, пройдя долину смертной тени,
пошла долиной солнца и песка.

Вставали в памяти грехи, скандалы,
вино и песни, дом в Египте, Нил.
Терзали душу страсти, как шакалы,
но Бог свою избранницу хранил.

Семнадцать лет ты каялась в пустыне,
не смея к небесам поднять лица,
все время помня об Отце и Сыне
и Духе, исходящем от Отца.

Блудницу, целовавшую распяты,
Христос, что умер в муках и воскрес,
преобразил, наполнив благодатью,
и озарил сиянием небес.

Истлели страсти, пали их оковы.
Достигнув первожданной чистоты,
своё прощальное писала слово
и будущее прозревала ты.

Ты видела, как посреди пустыни,
где будет дожидаться кроткий лев,
святой Зосима прочитает имя
твоё на солнцем выжженной земле.

Александр ХОХЛОВ

* * *

В небе пелена белая
Тянется дымком к северу.
Сквозь неё лучи смелые
Льются на ковёр клевера.

Бреши находя изредка
В этом полотне пасмурном,
Солнце шлёт свои искорки,
Весточки свои грешным нам.

Что ещё не всё выцвело,
Что ещё трава мягкая,
Что ещё несут рыцари
Дамам васильки с маками.

А на куполах золото
Отражает луч праведный,
Чтобы озарить светом то,
Что для счастья нам дадено.

Чтобы подсветить радости,
Чтобы засветить плёночку
Ту, что не дает памяти
Отпустить обид горечи.

Синь за пеленой чистая,
Голуби летят парами.
Тянется душа листьями
К солнцу своему алому.

Сергей СОБАКИН

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Луч Христов упал на землю,
Нам даруя свет любви.
Я устам Младенца внемлю
И молю: «Душа, живи!»

Ты явился во спасенье,
Глас разверзнул неба свод.
Наш Отец создал творенье,
Пред которым пал народ.

Духом Светлым дал прозренье
Звёзд искавшим и волхвам,
Что в пустыне шли к рождению
Спаса двум Своим Церквам.

Славься, Боже – наш Спаситель!
Славься, Дева – Матерь всем!
Вы укройте, чтоб губитель
Не затмил наш путь в Эдем.

Марианна ДАВЛЕТОВА

ДЕДУШКА

Мы с бабушкой и дедушкой едем на дачу. Всю ночь не спала – боялась, что наутро пойдет дождь, и мы не поедим. Но погода ясная. Беру рюкзак, складываю туда самое необходимое.

– Вот какая умница, – хвалит дедушка, – все собрала?

– Куклу Таню, ведро и лопаточку, – отчитываюсь я.

– Самое необходимое, – гладит меня дедушка по голове.

В небольшом бидоне замоченные шашлыки. Бабушка еще взяла ведро для воды, чтобы набрать в колонке. У дедушки большой рюкзак, туда он положил все для рыбалки. Идем на электричку. По наклонной улице быстро спускаюсь вниз, к электричке. Бабушка и дедушка так не могут, идут медленно.

– Догоняйте, – кричу я.

На даче я сразу бегу к кустам малины. Бабушка дала мне кружку для ягод. А потом она нальет туда сгущенку, и я слопаю эту вкуснятину за обе щеки.

Идем с дедушкой на рыбалку. Я сажусь на стульчик возле него.

– Рыбка, дедушка!

– Это ветер, Машенька, от того кажется, что поплавок движется.

Мы сидим в полной тишине и смотрим на круги на воде.

– А расскажи историю, – прерываю я молчание.

– Про то, как волк в лесу встретил?

– Нет, что-нибудь новое.

– Ну, хорошо, слушай. Как-то помню набедокурил, получил в школе сразу три двойки. Отец меня за них ругал шибко. И вот не знаю, что мне делать: идти домой или не идти? Как представил, что отец меня журить начнет, а мать снова расстроится, так и решил уйти из дома. Пошел сначала на базар, купил там буханку хлеба, больше-то денег ни на что не было. Ну, думаю, проживу дня два, а там посмотрим. Кусок хлеба отломил, попил воды из колонки и дальше гулять по городу пошел. Смотрел на дома, разглядывал людей, даже кое-что из своих наблюдений в тетрадь записал. Я ведь в детстве мечтал писателем стать.... А вот теперь, гляди – рыбка, – вытаскивает дедушка из воды трепыхающееся чешуйчатое чудо.

Он аккуратно кладет рыбу в приготовленный садок и снова насаживает червяка.

– А что дальше, дедушка, куда ты пошел потом? – не терпится мне услышать продолжение.

– Под вечер холодно стало, я стал думать, куда бы зайти погреться. Сначала в бакалейный магазин

пошел, постоял там немного, потом вижу неподалеку церквушки.

Дедушка снова закидывает удочку в воду.

– Так вот. Я в эту церквушку зашел, а там батюшка обряд какой-то совершает. Выстроилась очередь. Я встал в углу. Тут ко мне женщина подошла: «Ты вставай в очередь-то сынок, не бойся».

– Я и не боюсь, – пожал я плечами и встал в очередь.

И вот стою я и думаю: наверное, мать с отцом там переживают, что я домой не пришел. А потом думаю: зачем им такой сын двоечник?

Я вздыхаю и слушаю дальше.

– Дошла очередь и до меня, я последним оказался. Батюшка мне крест маслом на лбу нарисовал и спрашивает:

– Ты откуда будешь?

– Я с улицы Кольцевой.

– А что вид у тебя такой потерянный?

– Я решил странником стать, путешествовать, понимаете, одному лучше. А дома меня ругают постоянно за двойки.

– Одинокий значит?

– Одинокий.

– А как же ангел?

– Какой ангел? – удивился я.

– Тот, что на правом плече.

Я посмотрел на правое плечо, там нет никого.

– Ну, ты поверь мне, сынок, он там есть. А на другом плечике чертик сидит. Так что ты не одинок.

– Я не хочу чертика, – сказал я.

– Вот-вот, – подмигнул батюшка, – так ты с ангелочком тогда поговори, расскажи ему, как тебе не просто. Ему-то тоже одиноко, забыл ты его совсем».

Дедушка молчит. Он снова вытаскивает из воды рыбу.

– И что потом? – волнуюсь я.

– Потом помолился я перед иконами и домой пошел. Иду, с ангелочком разговариваю. А он как будто мне даже отвечает.

Так до дома дошел, дверь мне отец открыл. И как обнимет меня:

– Сынок, ты где пропадал?

За ним мама стоит, тоже давай меня обнимать. А я смотрю на правое плечо – никого нет, а будто и есть там кто-то.

Мы молчим, а сверху на нас капает дождик.

– Пойдем, – говорит дедушка, – а то промокнешь.

Мы опускаем рыбок обратно в речку и идем домой.

Николай НАРЫШКИН – писатель, публицист, краевед. Родился 12.06.1938 в с. Кадышево, ныне Карсунского района Ульяновской области. Окончил Казанский университет. Преподавал в Казанском техническом университете имени А.Н. Туполева. Кандидат экономических наук. Член Союза писателей России. Почётный гражданин Карсунского района. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве.

САД ОТЦА

Наш сад и сейчас жив, хотя вот уже пятнадцать лет, как ушел из земной жизни его творец и радель – мой отец, кадышевский русский крестьянин Василий Иванович Нарышкин. Отец очень любил сад – свое детище. За несколько дней до кончины он, смертельно больной, октябрьским ненастным облачным днем вышел с помощью своих родных из уютной, теплой избы в огород и, еле держась на больных, уставших от трудной восьмидесятилетней жизни ногах, пристально взгляделся в очертания родовой старинной крестьянской усадьбы и низко, чуть не до земли, поклонился своему саду. В те минуты прощания оба были печальны: и отец, и его сад. Они понимали, что эта встреча у них – последняя. Позади навсегда остались тысячи добрых, всегда радостных встреч...

Рассадить сад отец задумал в конце 50-х. Приближался пенсионный возраст (отец родился в 1904 году), наступал конец бесплатной, оброчной системы работы в колхозе. В 1957 году меня призвали служить в военно-морской флот, и это позволило семье сократить расходы на мое содержание как студента-иждивенца...

Под сад отец решил отвести пол-огорода, соток пятнадцать. Площадь большая. Земля суглинистая. Прежде всего отец надежно огородил будущий сад: столбы ограды – дубовые, жерди – сосновые, обшивка – сосновыми досками. Даже ограда вызвала у кадышан восхищение! Параллельно с огораживанием будущего сада отец вместе со своей женой, моей мамой Анной Михайловной, начал готовить землю под посадки яблонь, вишни, сливы, смородины. Работа ими была проделана титаническая. Только одного конского навоза и навозной жижи родители перечалили на себе с бывшего конного двора не одну тонну!

Они, мои родители, русские крестьяне, знали крестьянское дело и знали ему цену. Занимаясь творением сада, тятя и мама совершали воистину трудовой подвиг...

Посадку фруктовых деревьев и плодово-ягодных кустарников отец и мать сделали в основном в 1959 году. После их усердных трудов с божией помощью сад весело стал расти. Вволю питаюсь соками ухоженной подгорной присурской земли, наперегонки начали набирать силу 60 (!) яблонь разных сортов из разных питомников и более полсотни (!) вишен, приобретенных отцом в мордовском селе Налитове, что километрах в семи к западу от Кадышева.

Демобилизовавшись с флота летом 1961 года, я вернулся в уютный родительский дом и оказался в объятиях родных. Почти сразу же тятя пригласил меня в сад. Пройдя по шелковой травянистой тропе огорода, я очутился перед рукотворным сказочным

Н.В. Нарышкин с сыном Сашей в родительском саду

оазисом, там, где четыре года назад был обыкновенный огород. На какое-то мгновение от увиденного чуда я даже остолбенел – настолько была неожиданно магической созданная моими родителями красота. Передо мной стояли, улыбаясь и тихо шелестя своими нарядами, деревца с лицами молоденьких красавиц-девушечек, имеющих глаза с росистой поволокой и нежную, почти прозрачную кожу, сквозь которую откуда-то изнутри излучается жажда любви. Войдя в сад, я низко поклонился родительскому творению – земному райскому саду. Поодаль от меня стояли мама и тятя, с нескрываемым любопытством следя за моей реакцией, а также наши родные, друзья, соседи.

Оглядевшись по сторонам, я увидел новые постройки – достойный великолепному саду интерьер: тесовую городьбу, перестроенную баню, вновь построенную просторную кладовую, новый сруб у древнего колодца. Короче говоря, предо мной предстала усадьба в центре с садом. В эти минуты я был несказанно рад началу новой биографии моих почти шестидесятилетних родителей. Это начало было насыщено нескончаемым счастьем бытия...

По мере взросления сада его все настойчивее и настойчивее обживало птичье население Посурья: соловьи, скворцы, воробьи, голуби, сороки, кукушки. Из Заманихи с вольготно растущими рядом с ней махотиными тополями в сад нет-нет да и навдывались десятками пар галки и вороны. В течение дня постоянно прилетали стрижи и деревенские ласточки, завистливо-кичливо взирая сверху на копошащееся в садовой зелени птичье, пчелиное, бабочковое, разнонасекомое племя. Эти неутомимые птички совершали в воздухе головокружительные

пируэты. С раннего утра весь день, вечер и всю ночь в нашем саду всё трепетно жужжало, стрекотало, трелило, каркало, шелестело. Музыкальные садовые вариации и импровизации делали жизнь Махотина заулка, нашей усадьбы, Долгой горы, всех примыкающих к саду присурских окрестностей торжественно-веселой, светло-оптимистической, поэтической.

Особо вдохновенно, поэтически-музыкально в саду отца было ранним утром, по росе, когда сверху, из-за горы с достоинством выкатывалось наше кадышевское солнышко. Оно очень любило наш сад и не жалело для него тепла и света, изобилие которого придавало его животнo-растительному миру жизненную стойкость и неувядаемую красоту. С восходом солнышка разом начинались разливанные песнопения и всевозможные концерты-импровизации. Особенно усердствовали в этом творческом процессе соловьи и скворцы. Их сольное пение, по-моему, собирало поутру в нашем саду души даже тех кадышан-сурчан, кто давным-давно покинул земной мир. У соловьев сценой служили десятки облитых утренней росой кустов смородины, а у скворцов – ветки яблонь и вишен, крыши бань, амбаров, домов. За утренней жизнью сада отца я особенно любил наблюдать с тропы, которая шла метрах в ста с северной его стороны, мимо тополей, над царством Заманихи, по склону, укрытому ковром душицы и полыни, красногрудой горы, с ее подошвы наверх, где расположены нагорные кадышевские улицы. Века по нагорным улицам кадышане и с нижних улиц направлялись по разным заботам на многочисленные поля, в леса, овраги и доли, к родникам. Стоял я, замороженный волшебством природной красоты, и не мог досыта напиться духом родной земли, земли моих родителей, дедов и прадедов – аосурской песенной земли!

Подо мною, к югу от тропы, красовался сад. В нескольких шагах через овраг во всю свою могучую грудь дышала нагорным воздухом Долгая гора. К западу от сада, Долгой горы, тропы, где я стоял, несла свои воды священная Сура, за которой – заливные луга, а на лугах – заселенные рыбой, лягушками, кувшинками, осокой, камышами голубоглазые озера. За лугами на песчаных холмах-шишках – сосновый бор, а под бором, под боровыми шишками – черни с густыми зарослями экзотической растительности. Все это раскинувшееся вокруг меня пространство напоминало мне гигантскую живописную вазу – шедевр, изваянную из трав и цветов лугов, из талов и ветел, из тополей и берез, из сосен и дубов, из озер и протоков, из белошапковых холмов, из сельских улиц и картофельно-тыквенных огородов, из подсолнухов и лопухов. В этой божественной чудной вазе русскими крестьянами Василием Ивановичем и Анной Михайловной Нарышкиными, их трудами праведными и любовью к земле, был помещен роскошный букет – яблонево-вишневый, смородинно-сливовый, скворчино-соловьиный, пчелино-разнонасекомый обетованный сад, радующий человеческую душу.

Каждый раз утром, направляясь в лес по грибы или по ягоды, с тропы я видел в саду отца. В летнюю пору он вставал рано, когда на востоке, со стороны Большого дола и соседствующих с ним Лысых гор, Чурашева, Козлихи и Кузнечихи еще еле-еле брез-

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Кадышево (ныне утрачен)

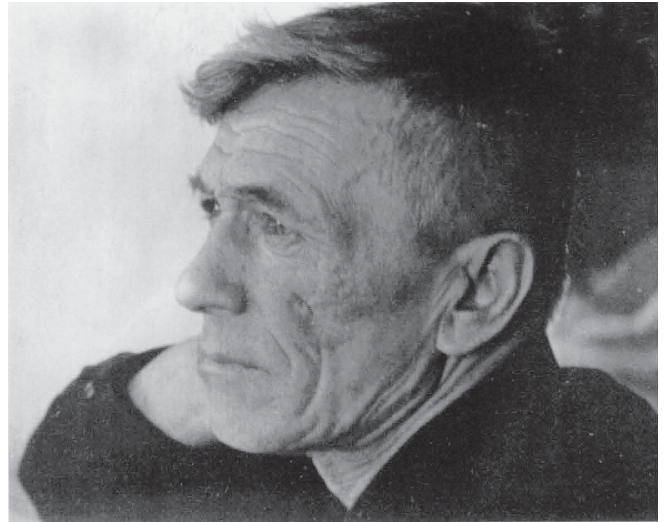

Василий Иванович Нарышкин (справа). 1926

жили на небе блики света, пробивавшиеся сквозь уходящую ночь от торопящегося к нам, в Посурье, солнышка. Мое Кадышево с неохотой только-только начинало просыпаться. По селу пастухи еще не гнали стада коров и овец. На заманихинских тополях о чем-то шумно, перебивая друг друга, судачили галки. Через мою голову опрометью пронеслись в лес за кормом для своих еще не оперившихся детенышей грачи и скворцы. Возбужденное чириканье исходило от стай воробьев. Вдоль горы и по горе, по

садам и огородам слышны были чудные песни. Их залихватски натреливали соловьи. Всюду – в воздухе, на траве, на лопухах, на цветках – заботливо жужжали пчелы и беззаботно куролесили стрекозы, бабочки, жуки, мухи. С огородов сладко пахло картофельным, тыквенным, огуречным духом. С Долгой горы легкий ветерок расплескивал по округе запах душицы. Во все поры тела и в душу проникал настоящий на утренней росе тополиный дух. Присутствие поэзии, музыки, живописи тут было повсюду. Настолько сильна была их магия, что хотелось как можно скорее целиком погрузиться в тайны прекрасного и остаться навсегда в этом сказочном по-сурском мире. Отец, составляя единое целое со своим садом, степенно переходя от яблони к яблоне, от вишни к вишне, от улья к улью, был погружен в думы. Это было заметно по его какому-то особому философскому состоянию, вызванному встречей с только что проснувшейся природой. Отец вслушивался в природу, в гул сада. Он был великим крестьянином, мыслителем, хранителем многовековой крестьянской культуры. Впитав в себя за долгие годы жизни весь огромный потенциал этой культуры, отец его развивал, расширял и укреплял. О крестьянской жизни он знал все. Знал добрые русские традиции и старался их понять, освоить и совершенствовать. Вот и сейчас, ступая по земле своего сада, вдыхая его аромат, вслушиваясь в шепоты садового растительного населения и в мелодии неугомонных птиц, отец думал о земном бытии, о его премудростях, о прошлом и будущем, о своем доме, о Кадышеве, о России. Я это знаю хорошо потому, что он часто делился со мной своими мыслями, гениальными и пророческими: в избе летом и зимой, на крыльце дома в звездную летнюю теплую ночь, в проливной дождь на лугах в омете сена, в саду во время качки меда, в жарко натопленной бане во время валки валенок, на грибной поляне в Семиродничках, в Чигирихе или на Пузихе, возле Часовенского и Бездонного родника, во время подъема по тропе на вершину Плечистой горы... Отец, впрочем, был мало разговорчив, но каждое сказанное им слово – это квинтэссенция гигантского жизненного опыта. Слово отца оставалось в моем сознании навсегда. Его слово ценили все в нашей семье, ценили и все кадышевские люди.

Родительский сад во все годы жизни тяти и мамы был гостеприимным пристанищем для сотен и сотен людей. Никогда и никому не было отказано бывать в нем, вволю дышать его воздухом, лакомиться душистыми яблоками, есть с куста вишню, смородину, валяться на травке, пить водичку из садового колодца, париться в баньке, выпить рюмочку-другую водочки, закусив жареной рыбкой, отведать липового меда... Хлебом и солью, яблоками, ягодами и медом мои хлебосольные, добродушные родители встречали в саду каждого, кто его посещал. Всяк человек был нашим гостем. В гостях у нас бывали седовласые столетние старики; одинокие, изможденные невзгодами жизни старушки, молодые ребята, кадышане, по разным причинам жившие в разных концах страны и приезжавшие на побывку в родное село, русские, мордвини, чуваша, татары, родные, знакомые и совсем чужие люди. Нередко в саду слышны были песни голосяные, ар-

Отец писателя Василий Иванович

Мама писателя Анна Михайловна

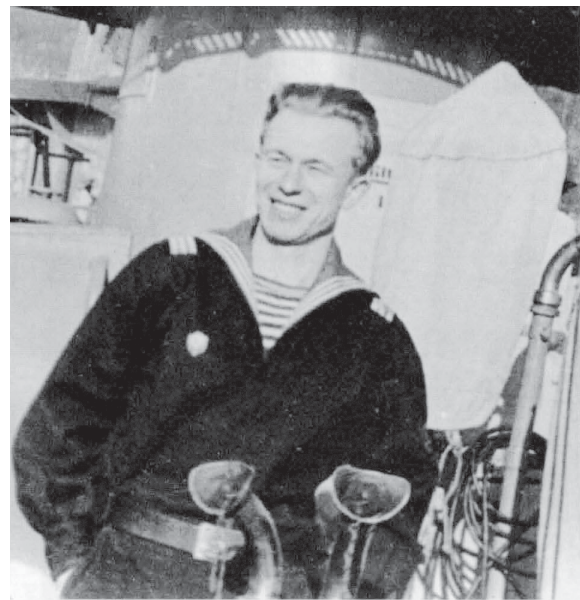
Людмила Михайловна Нарышкина, супруга писателя

тельные и одиночные. Перемежаясь с птичьим пением, с шумом тополиным, частенько в саду играла гармошка и виртуозничала балалайка. Наш сад за долгую свою жизнь всего наслушался и нагляделся. Слышал песни старинные, песни современные, частушки, рассказы валяльщиков о своих похождениях во время валяльного сезона, рассказы кадышан об издевательствах над ними малых и больших начальников, фининспекторов-взяточников и колхозных правленцев...

Весело, хоть и в непрерывных заботах, шла садовая трудовая жизнь. Сад не знал праздности, в нем круглосуточно грудились хозяева. Часов по 17 в сутки трудились мои родители. Присутствие гостей в саду, их развлечения как-то тонко, органично вплетались в рабочий ритм сада и не являлись даже на миг праздной нормой жизни. Нормой жизни сада была работа. А его украшением являлся пчельник. Отцовский пчельник! Пчельник в саду отца – бесконечная поэма, высокая проза, величественная сага о жизни пчел, этих таинственных детей природы. Отец создал его в 1963 году, накануне своего 60-летия. Так уж получилось, что ко дню своего рождения он сам себе преподнес подарок. Вначале пчельник состоял всего из трех семей пчел, купленных отцом в селе Русская Галышевка. Какие это были семьи! Каждый рой весил около четырех (!) килограммов! Пчелы оказались невероятно старательными, они тут же на новом месте взялись за дело и начали таскать в магазины мед. Каждая семья заготовила почти по два пуда меда. За лето все три семьи отроились, создав еще по молоденькой семье. К пчелиным новосельям отец готовился тщательно: мастерил новенькие ульи для пчелиной молодежи, приобретал в достаточном количестве рамки, вошину и прочий инвентарь. Домики-пчельники, построенные отцом, были всем, даже бывалым пчеловодам на зависть! Каждый год отец мастерил для пчел улья. Всего он соорудил ульев пятьдесят! Пчельник постоянно год от года расширялся и обустроивался.

Возраст родителей незаметно перевалил за 70, а работы в саду, на пчельнике и в огороде, усаженном картошкой, тыквой, помидорами, огурцами, луком, морковью, дынями, капустой, свеклой, всё прибавлялось. И все же любимая работа приносила тятя и маме наслаждение, которое помогало им справляться с колоссальным объемом. У них не было постоянных помощников. Я, конечно, старался им помочь, когда приезжал летом в отпуск, помогала по хозяйству и моя жена Людмила Михайловна. Старательно помогал дедушке и бабушке наш сын Александр, гостивший в Кадышеве с годовалого возраста по два-три месяца каждое лето. Но все-таки основное бремя нелегких забот лежало на плечах Василия Ивановича и Анны Михайловны...

Особой значимости торжественным событием в нашей семье в летнюю пору была качка меда! Радость великая! Его мы ждали с осени, всю зиму и весну, к нему мы готовились основательно: мыли и проветривали на солнце медогонку, тщательно обрабатывали фляги под мед, прибирали в подвале-мшанике, где зимовали пчелы. Мама и моя жена Люся в этот праздничный для семьи день пекли пироги, готовили самые изысканные блюда, мыли полы в избе, приносили ведра воды из Елина родника, что в километре от дома... Заправив горящими гнилушками дымарь, надев поверх обычной одежды еще и халат, забулавив на нем и на всей одежде все прорехи-дыры, накинув на головы сетки, мы всей семьей направлялись к одному из ульев. Отец сноровисто снимал с улья крышку, клал ее на траву, затем осторожно сдирал полотно, плотно приклеенное пчелами к верхней части рамок прополисом, и доставал густо налитые медом сотовые рамки.

Николай Нарышкин во время службы на Тихоокеанском военно-морском флоте

Как-то по-особому нежно он стряхивал с рамок в улей пчел и подавал одну за другой рамки мне. Я их складывал в специальный ящик и проворно доставлял рамки в подвал-мшаник, где предварительно была нами установлена медогонка. Следом за мной в подвал подходили тятя, мама, Люся, Саша, а иногда соседи. Рамки с медом устанавливались в медогонки, и начиналась качка меда!

Кто-то из нас брался за ручку и с помощью ее начинал всю внутреннюю конструкцию медогонки приводить в движение. При определенной скорости вращения конструкции с установленными в ней рамками мед из них выдувался и стекал по стенкам медогонки на ее дно. Оттуда мед сливался в эмалированное ведро, а затем – во фляги или в липовые кадушки.

Качка меда в саду отца под пение птиц, стрекотание тысяч всяких букашек, бабочек, в пьянящем духе садового растительного мира была для нас сравнима с высокой неземной поэзией. Каждый

элемент музыкально-поэтического процесса качки меда являлся или маленькой элегией, или песней, или лирическим стихотворением, или романсом, или вальсом, или балладой, а то даже и былиной. Для меня это было сказочное счастье!

Отец любил пчел. Мне казалось, что он знал всё о каждой пчеле. Его доброе отношение к пчелам способствовало полному отсутствию злых пчел. Они были добрыми и очень старательными. Каждая пчела весь световой день была занята добычей нектара с цветов луговых трав и с цветов липы, с других медоносных растений; выработкой из нектара меда, а из почек тополя, березы, осины – прополиса. Было у пчел много и других дел: поддержание должной организации в семье, обихаживание своего пчелиного дома-улья; воспроизводство пчелиного рода, забота о подрастающем поколении. Отец умел разговаривать с пчелами-труженицами, на что они отвечали ему взаимностью, о чем-то жужжали-ведали. За многолетнее общение с пчелами отец не только ни одну пчелиную душу не погубил, но и даже самой маленькой обиды не нанес.

Первые уроки жизни мой сын Саша получил от дедушки и бабушки – Василия Ивановича и Анны Михайловны, от своих родителей – Николая Васильевича и Людмилы Михайловны. Саша родился солнечным днем 9 сентября 1964 года. Уже восьмимесячным ребенком в апреле 1965 года наш лучезарный сын и внук Александр Нарышкин с великим любопытством вслушивался в чарующие весенние садовые мелодии. Малыш – потомок посурских крестьянских фамилий, – делая первые шаги по родимой русской посурской земле, жадно впитывал целебный дух этноса своего народа, запахи посурской весны, величаво и песенно шествующей по саду!

У каждой посурской весны своя, особая прелесть, а у каждого лета – своя. Все лето под нашим присмотром вольготно разгуливал Саша по саду. Тогда, в раннем детстве, этот летний яблонево-вишневый нарядный сад казался маленькому Саше огромным-огромным, бесконечным, добрым миром, переполненным невероятными сказочными сюжетами, разноцветными природными картинками, румяными яблоками, райскими птичками и светлыми игривыми солнечными зайчиками, весело прыгающими от дерева к дереву, с ветки на ветку, с листочка на листочек, с кусточка на кусточек. Сыночек наш особенно радовался, заливаясь дивным смехом, при виде фантастических, издающих непрерывно мелодичные звуки-жужжания существ. Это были пчелы! Пчелы понимали, что возле них, почти рядом с их домиками-ульями находится на еще не окрепших детских ножках маленький добрый человечек с ангельским личиком. Наверное, поэтому-то пчелы его никогда не обижали. Наоборот, при виде малыша, нежно держащегося за зеленую ветку яблони и наблюдающего за пчелиным вальсированием, они старались как можно громче и веселее жужжать...

История нашего Махотина-Нарышкина сада хранит множество интереснейших встреч на садовых лужайках, всяких бесед и разговоров, в коих принимали участие в течение двадцати шести лет сотни людей разных возрастов и профессий, из разных сел и городов, разных национальностей и ве-

Василий Иванович Нарышкин с внуком Сашей

роисповеданий. Гостями сада бывали мои друзья-кадышане: Ваня Чиканов, Валя Пилюгин (Терехин), Саня Свитов, Ваня Алешин, Миша Алешин, Степа Хлынов, Ваня Шилин, Ваня Латышев, Коля Глазистов, Толя Глазистов, Ваня Ахлупин, Коля Ахлупин, Ваня Поляков, Шура Феофанов, Ваня Шишканов...

В саду отдыхали приезжавшие погостить в Кадышево: из Хабаровска – Анатолий Иванович Слепов с сестрой Анной; из Саранска – мой родной брат Иван Васильевич с семьей; из Орска – мамини родные братья и сестры, племянники и племянницы. Осенью 1964 года садом восхищались Люсины родители – Михаил Антипович и Анастасия Хрисанфовна из города Мамадыша, что на Вятке в Татарии...

Все беседы в саду, как правило, начинались на вольные темы, а заканчивались серьезнейшими дискуссиями по всевозможным проблемам истории, культуры, политики, сельского быта, поведения людей. Сосредоточием мысли среди участников встреч являлись, безусловно, старцы, такие как: наш отец Василий Иванович Нарышкин, Тимофей Иванович Глазистов, Михаил Жильцов, Иван Григорьевич Шилин, Николай Александрович Ипатов, Андрей Александрович Ипатов, Семен Петрович Круглов, Алексей Васильевич Комлев (Макуров), Степан Иванович Глазистов, Иван Яковлевич Серов, Степан Яковлевич Яроцков, Михаил Васильевич Климов, Григорий Андреевич Круглов, Степан Алексеевич Баранов, Петр Иванович Каюков... У них был колоссальный жизненный опыт, все они являлись крестьянами и валяльщиками, воинами. Многие прошли через пекло Первой и Второй мировых войн, Гражданской войны, через пожары революций, через страдания коллективизации и индустриализации, а некоторые – и через ад тюрем и лагерей. Помнили они, как кадышан в 1930-е годы загоняли силой в колхоз и в шею гнали из своего отчего края в Оренбургские степи, в дальневосточные леса, в городские, пропахшие гарью, чадом, керосином трущобы Самары (Куйбышева), Орска, Хабаровска. Много чего помнили те старики, о многом они знали, со многим в жизни они не соглашались, многое хотели изменить. В тех садовых философских беседах, своеобразных «тайных вечерах», обязательно принимали участие не только я и Люся – за их ходом с нескрываемым любопытством, впитывая каждую мысль и каждое слово, следил и наш сын Саша. Беседы мудрых людей на мудреные темы приоткрывали нашему сыну огромный мир прошлого и указывали надежные тропы в будущее.

Пожалуй, самые познавательные часы у меня в жизни были тогда, когда в нашем саду собиралась со всех сторон Кадышева, а также из Орска и Саранска вся наша родня. На садовой поляне-лужайке, между яблонь и ульев, устраивались поудобнее в предвкушении доброй беседы: отец Василий Иванович, мать Анна Михайловна, я и моя жена Людмила Михайловна, наш сын Александр, мой брат Иван Васильевич с женой Екатериной Павловной и детьми Натальей и Андреем, мамины братья Григорий Михайлович Галушин и Филимон Михайлович Галушин, некоторые из их многочисленных детей, внуков и правнуков (все они жили и ныне живут в Орске Оренбургской области), мамины сестры Анисья Михайловна Галушина и Прасковья Михайловна Гудкова (Галушина), мамина двоюродная сестра тетя Нюра Баранова (по отцу Старкова), тоже мамина двоюродная сестра Поля Нарышкина (по матери Старкова), Василий Николаевич и Николай Николаевич Семеновы (по матери Нарышкины), Махотины и Нарышкины из соседнего села Кирзяти. Были на лужайке и другие наши родственники...

Каждому из нас было, о чем рассказать. Я, например, говорил о службе на Тихоокеанском флоте. Отец всегда с неохотой говорил о своем трудном, безрадостном детстве, о том, как он с шести лет начал работать-батрачить: пасти овец, коров, гусей, плести лапти, вить из мочала веревки... Вздыхая, рассказывал нам и об ужасах войны 1941–1945 годов, участником которой он стал почти в первые же ее мрачные дни. Много бед свалилось на плечи отца во времена индустриальныхстроек, в период бесплатной работы в колхозе. Вспоминал отец и о многих других нерадостных событиях своей тяжелой долгой жизни. Мои дядья, Григорий Михайлович и Филимон Михайлович, трудяги до мозга костей, страдальчески выдавливали из себя горькие слова о том, как они, герои Отечественной войны, после окончания кровавой бойни на долгие десять лет были сосланы на каторжные работы (о, ужас!) в шахты холодной и голодной послевоенной Воркуты. Тетка Анисья Архиповна, всю свою жизнь проработавшая на тяжелой и грязной работе в каком-то подсобном хозяйстве Орска, с великой неохотой, со слезами на воспаленных от натуги глазах рассказывала о невероятных издевательствах над ней, над всей крестьянской семьей Галушиных в черные дни кадышевской «коллективизации». Однажды всех членов семьи, старых и малых, здоровых и больных, вдруг, ни с того ни с сего темной, прокисшей от проливных дождей ночью вышвырнули из родного, построенного их мозолистыми руками дома в грязь на улицу. Изверги проорали им диким матом, чтобы в течение 24 часов их в селе не было. Такими методами в 1930-е годы из нашего Кадышева изгнали лучшие крестьянские фамилии, подкосив надежные опоры русского села... Другая тетка – Прасковья Михайловна Галушина (в замужестве Гудкова), мать шестерых детей, вздыхая, охая и плача, делилась со всеми нами своими страданиями, кои выпали на ее долю в мученические военные годы. Муж тети Паши Николай Иванович всю войну провоевал, вернулся с войны искалеченным. А тетя Паша с детьми на руках голодала, спасаясь от смерти объедками со скотоводческой фермы, на которой трудилась ее

сестра Анисья. Анисья Михайловна, рискуя тюрьмой, эти объедки в семью Прасковьи Михайловны таскала, потаясь... Моя милая мама, всю жизнь бесплатно батрачившая на немилых колхозных полях, больше говорила о страданиях на окопах, которые она вместе с десятками других односельчан рыла зимой 1941 года в районе Тагая, что километрах в пятидесяти к западу от Ульяновска и километрах в восьмидесяти к востоку от Кадышева. Мороз той трагической для России зимой достигал в Поволжье 40–50 градусов. Окопщиков, стариков и женщин почти не кормили, а работали они, голодные и полурасдетые, от темна до темна. Окопы рыли, прогрызаясь через метровой толщины мерзлую, сплетенную корнями деревьев землю на глубину до 2-3 метров. Площадку, на которой планировалось рыть окопы, предварительно нужно было очистить от столетних дубов и сосен, достигавших метровой толщины и стометровой высоты, с могучей корневой системой. Мама все повторяла и повторяла: «И как это мы, горемычные, только выжили?!»

У моего родного, единственного брата Ивана Васильевича, образованнейшего человека и крупного инженера, была своя тема разговора. Семейный народ ее с охотой поддерживал, задавая Ивану Васильевичу массу разных вопросов. Брат говорил о современных проблемах русского общества, о проблемах экономики страны, о путях возрождения загубленных русских традиций. В 1960-е годы в Кадышеве не было радио, почти никто не выписывал газет и журналов. Народ оказался за пределами информационного поля. Поэтому все, что говорил энциклопедически образованный Иван Васильевич, было собеседникам интересно. Мысли брата и мне очень нравились...

Внимательно слушал народ и мою жену Людмилу Михайловну. Она прекрасно знала русскую литературу, разбиралась в тонкостях музыкального искусства. В разговоры вовлекались и дети: Саша, Андрей, Наташа – внучата Василия Ивановича и Анны Михайловны...

Сад отца денно и ночью оживлялся не только голосами птиц и шелестом трав, но и людским песнопением. Хозяин сада, мой отец, любил петь песни под русские мелодии. Бывало, мы, близкие, и наши соседи по саду и огороду часто заслушивались льющейся из сада такой вот песней отца:

Колокольчики мои, цветики степные!
 Что глядите на меня, темно-голубые?
 И о чем звените вы в день веселый мая,
 Средь некошенной травы, головой качая?
 Конь несет меня стрелой на поле открытом;
 Он вас топчет под собой, бьет своим копытом.
 Колокольчики мои, цветики степные!
 Не кляните вы меня, темно-голубые!
 Я бы рад вас не топтать, рад промчатся мимо,
 Но уздой не удержать бег неукротимый!
 Я лечу, лечу стрелой, только пыль взметаю;
 Конь несет меня лихой, а куда, не знаю!
 Он ученым ездоком не воспитан в холе,
 Он с буранами знаком, вырос в чистом поле;
 И не блещет, как огонь, твой чепрак узорный,
 Конь мой, конь, славянский конь,
 дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
 Мир забывши тесный,
 Мы летим во весь опор к цели неизвестной!
 Чем окончится наш бег?

Радостью ль, кручиной?
 Знать не может человек – знает Бог единый!..

Особенно проникновенно-завораживающе в минуты вдохновения около любимой своей яблони, что вольготно росла недалеко от садового колодца, в десятке метров от горы и метрах в полсотни от старых тополей, отец напевал:

Однозвучно гремит колокольчик,
 И дорога пылится слегка,
 И уныло по ровному полю
 Разливается песнь ямщика.
 Столько грусти в той песне унылой,
 Столько чувства в напеве родном,
 Что в груди моей хладной, остылой
 Разгорелось сердце огнем.
 И припомнил я ночи другие
 И родные поля и леса,
 И на очи, давно уж сухие,
 Набежала, как искра, слеза.
 Однозвучно гремит колокольчик,
 Издали отдаваясь слегка...
 И умолк мой ямщик, а дорога
 Предо мной далека, далека...

Не шелохнувшись, все, кто был в это время в саду, замороженно слушали нашего отца, проникновенно поющего любимую философскую песню гениального русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» Эту песню я слышал в исполнении Лидии Руслановой, многих других именитых певцов и певиц, но в моей душе и через десятилетия ее поет почему-то только мой отец Василий Иванович.

Выхожу один я на дорогу;
 Сквозь туман кремнистый путь блестит;
 Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
 И звезда с звездой говорит.

На этом вот месте отец почему-то всегда оставался, прерывал песню и на какие-то секунды погружался в думы, кои только ему были ведомы. Находившаяся рядом моя жена Людмила Михайловна, обладающая удивительно красивым, чистым, звонким голосом, вдруг, как-то незаметно, осторожно, нежно прерывала паузу молчания и, одарив всех и отца божественной светлой улыбкой, вдохновенно продолжала песню-размышление:

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом...

Отец, встрепенувшись, тут же подхватывал слова и мелодию песни, и они уже вдвоем с Люсей пели:

Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,

И не жаль мне прошлого ничуть;

Я ищу свободы и покоя!

Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...

Я б желал навеки так заснуть,

Чтоб в груди дремали жизни силы,

Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь...

И вот тут к поющим отцу и Люсе дружно присоединялись и мама, и я, а со временем и подростки

Саши. Подпевали нашей семье оказывающиеся в саду кадьяшане:

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
 Про любовь мне сладкий голос пел,
 Надо мной чтоб, вечно зеленея,
 Темный дуб склонялся и шумел.

Частенько семейным хором, с участием в нем многочисленных друзей, в саду мы вдохновенно, с большим душевным подъемом, под плеск сурной воды, под соловьиный и скворчиный аккомпанемент, под мелодичное жужжание пчел, под шелест яблони, вишен и тополей пели мою любимую морскую песню «Раскинулось море широко...» (я ведь четыре года служил на корабле в Татарском проливе, в Советской Гавани, что через пролив напротив Сахалина, на Тихоокеанском Военно-морском флоте).

Раскинулось море широко,
 И волны бушуют вдали...
 Товарищ, мы едем далеко.
 Подальше от нашей земли.
 Не слышно на палубе песен,
 И Красное море шумит,
 А берег и мрачен и тесен, –
 Как вспомнишь, так сердце болит.

«Товарищ, я вахты не в силах стоять!», –

Сказал кочегар кочегару, –

Огни в моих топках совсем прогорят,

В котлах не сдержать мне уж пару.

Пойди, заяви всем, что я заболел

И вахту, не кончив, бросаю.

Весь потом истек, от жары изнемог,

Работать нет сил – умираю!»

Товарищ ушел... Он лопату схватил,

Собравши последние силы,

Дверь топки привычным толчком отворил,

И пламя его озарило.

Окончив кидать, он напился воды, –

Воды опресненной, нечистой,

С лица его падал пот, сажи следы,

Услышал он речь машиниста:

«Ты вахты, не кончив, не смеешь бросать,

Механик тобой недоволен;

Ты к доктору должен пойти и сказать –

Лекарство он даст, если болен!»

На палубу вышел... Сознания уж нет,

В глазах его все помутилось...

Увидел на миг ослепительный свет...

Упал... Сердце больше не билось...

Проститься с товарищем утром пришли

Матросы, друзья кочегара,

Последний подарок ему поднесли –

Колосник горелый и ржавый.

Напрасно старушка ждет сына домой.

Ей скажут, она зарыдает...

А волны бегут от винта за кормой,

И след их вдали пропадает.

А вот одну из песен приходилось много раз за лето исполнять только мне как бывшему военному моряку-тихоокеанцу для повзрослевшего сына Саши. Мой сын ликовал от патриотических, полных высокой любви к жизни, к родной России, к русскому народу слов песни. Ее в нашем Отечестве поют все русские люди. И я горячо, возвышенно, с пафосом пел много лет в нашем саду для сына Саши,

а в дачном своем саду, что на Волге, – для внука Андрюши.

Наверх, о товарищи, все по местам!
 Последний парад наступает!
 Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
 Пощады никто не желает!
 Все вымпелы выются, и цепи гремят,
 Наверх якоря поднимая.
 Готовятся к бою орудий ряды,
 На солнце зловеще сверкая.
 Из пристани верной мы в битву идем
 Навстречу грозящей нам смерти.
 За родину в море открытом умрем,
 Где ждут желтолицые черти!
 Свистит и гремит, и грохочет кругом
 Гром пушек, шипенье снаряда,
 И стал наш бесстрашный, наш верный «Варяг»
 Подобьем крошечного ада!
 В предсмертных мученьях трепещут тела,
 Вкруг грохот и дым, и стенанья,
 И судно охвачено морем огня –
 Настала минута прощанья.
 Прощайте, товарищи! С Богом, ура!
 Кипящее море под нами!
 Не думали мы еще с вами вчера,
 Что нынче умрем под волнами!
 Не скажут ни камень, ни крест, где легли
 Во славу мы русского флага,
 Лишь волны морские прославят вовек
 Геройскую гибель «Варяга»!

И Саша, и Андрюша воспринимали песню с восторгом, стараясь мне подпевать. А потом с их стороны каждый раз поступал нескончаемый ряд вопросов: о море, о моряках, о кораблях, о «Варяге», о судьбе геройского этого корабля, о патриотических русских традициях... Нередко во время наших песнопений в саду нам кто-нибудь из кадышевских виртуозов-гармонистов, коих в селе было больше сотни, подыгрывал. Посещали наш сад и балалаечники. Постоянным гостем был наш домашний старый патефон. Патефон старательно знакомил нас со знаменитыми певцами, с певицами, с аккордеонистами, с баянистами, с гитаристами, с балалаечниками, с юмористами, с драматическими актерами. Из патефона лились на нас, разливаясь по всему саду, по всей усадьбе нашей, даже по всему Махотину заулку голоса Сергея Яковлевича Лемешева, Ивана Семеновича Козловского, Федора Ивановича Шаляпина, Максима Дормидонтовича Михайлова, Лидии Андреевны Руслановой, Ольги Васильевны Ковалевой, Людмилы Георгиевны Зыкиной, других великолепных русских певческих талантов. Воистину божественный дух посещал сад и околосадовое пространство, когда из патефона в исполнении гениального Ивана Семеновича Козловского звучал рассказ (ария) Лоэнгрин из величайшей оперы гениального Рихарда Вагнера.

В краю святом, в далеком горнем царстве
 замок стоит – твердыня Монсальват...
 Там храм сияет в украшеньях чудных,
 что ярче звезд, как солнце дня горят.
 А в храме том сосуд есть силы дивной,
 как высший неба дар, он там храним, –
 его туда для душ блаженных чистых,
 давно принес крылатый серафим.

Из года в год слетает с неба голубь,
 чтоб новой силой чашу наделить:
 святой Грааль, источник чистой веры,
 и в чаше искупленье он несет.
 Кто быть слугою Грааля удостоен,
 тому дарит он неземную власть,
 тому не страшны вражеские козни:
 открыто им зло, враг черный должен пасть!..
 Так чист и свят источник благодати,
 что верить должен смертный человек,
 а если в вас сомненье зародится,
 посол небес тотчас уйдет навек.
 Итак, вы тайну знать мою хотите ли!..

Голос Ивана Козловского умолкал... И в саду долго-долго стояла какая-то философская, непостижимая тишина. Скорее, это была не тишина, а наше погружение в таинственный мир вечности, о коем только что поведал нам Лоэнгрин. То же самое неземное чувство вызывала в наших славянских душах моя жена Людмила Михайловна своим очень русским исполнением песни «Издадека долго течет река Волга...»

Это, наверное, потому, что моя милая жена Людмила Михайловна сама родом с берегов чудной русской реки Вятки, из древнего купеческого русского города Мамадыша. Оттуда рукой подать до славных русских рек Камы и Волги, на которых Людмила Михайловна много раз бывала и любовалась их ширью и полноводностью. В 1964 году я первый раз привез Люсю в свой кадышевский родительский дом, и священная Сура приняла ее в свои ласковые объятия. И Люся стала преданной кадышанкой-сурчанкой! Она, очень интеллигентная, горячо полюбила и нашу крестьянскую семью, и моих родителей, которые стали для нее вторыми родителями, и наш сад, и Махотин заулочок, и присурское Кадышево, и Суру...

Когда Люся запевала, народ, восседающий на садовой лужайке, боясь шелохнуться, разом повернувшись в сторону Людмилы Михайловны, в каком-то забытьи, раскрыв свои души, слушал певицу. И вот она, Людмила Михайловна Нарышкина, ангельским, настоящим на духе священной русской земли голосом поет:

Издадека долго
 Течет река Волга,
 Течет река Волга –
 Конца и края нет...
 Среди хлебов спелых,
 Среди снегов белых
 Течет моя Волга,
 А мне семнадцать лет...

Тут все мы повертывались к нашей Суре, прислушиваясь к плеску ее воды... Мысленно каждый из нас, стар и млад, после пропетых Люсей этих слов возвращался в свою молодость.

Сказала мать: «Бывает все, сынок...
 Быть может, ты устанешь от дорог.
 Когда придешь домой в конце пути,
 Свои ладони в Волгу опусти...»

Я тут же украдкой поглядывал на свою маму, скромно присевшую на лужайку в стороночке от нас...

(Моей дорогой мамочки давно нет на земле, а я, бывая в Кадышеве, подхожу к Суре и обязательно опускаю в реку свои ладони...)

Люся, воодушевленная повышенным вниманием к себе, вздохнув и ласково глянув на сад, наполняющийся мелодией русской песни, продолжает:

Издадека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга –
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга...

А мне уж тридцать лет.
Тот первый взгляд и первый плеск весла...
Все было, только речка унесла.
Я не грущу о той весне былой –
Взамен ее твоя любовь со мной.

Плеск весла... При этих словах я всегда возвращался ко временам моего детства, когда я на своей лодке-долбенке с ватагой ребятни на одном весле поднимался вверх по Суре километров на 10–20...

На словах о любви наши взгляды с Люсей встречались! А она вдохновенно продолжала петь:

Издадека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга –
Конца и края нет...
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Гляжу в тебя, Волга,
Седьмой десяток лет.

У сидевших на лужайке мужчин и женщины появлялись слезы по утраченным молодым годам...

Люся, как-то по-особому преобразившись, с пафосом продолжала:

Здесь мой причал, и здесь мои друзья,
Все, без чего на свете жить нельзя,
С далеких плесов в звездной тишине
Другой мальчишка подпевает мне:

«Издадека долго
Течет река Волга,
Течет река Волга –
Конца и края нет...»

Люсино пение завершилось, а в нас еще долго держалась мелодия... Казалось, и сад, только что погруженный в чудное пение, еще никак не может освободиться от магической власти песни...

Иногда откуда-то из кустов сада мне слышалось: «Сказала мать: «Бывает все, сынок...»»

Поздним вечером, после заката солнышка, отец, оказавшись в саду один на один с волшебным, рукотворным природным миром, любил тихо-тихо напевать:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!
Уже не зреть мне светлых дней

Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.
Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

После этих слов, с грустью тихо пропетых отцом в наполненном музыкой и светом саду, воцарялась какая-то особая, тоской пронизанная тишина. Умолкали птицы и пчелы. Казалось, даже шелест листьев на садовых деревьях и кустарниках, на соседних с садом тополях не был слышен. Отец сквозь эту тишину вновь, уже неожиданно громко, бросал в свой садовый оазис слова:

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

Потом отец молча, неслышно, медленно начал взад и вперед ходить по погруженному в сумерки саду, заглядывая в каждый его уголок, трогая одну за другой яблони, прислушиваясь к тихому жужжанию в ульях уставших за долгий трудовой день пчел. Пьянящий, настоящий на садовой зелени воздух успокаивал крестьянина, умиротворял душу и провожал хозяина, уставшего за девятнадцать часов трудов в саду, на пчельнике и в огороде, в уютную избу, на ночной отдых.

Вот в таком почти неизменном ритме шла летняя жизнь отца, начиная с 1959 по 1985 год, двадцать шесть лет, наполненных глубоким смыслом бытия, своей нужности людям.

ЭПИЛОГ

Давайте представим, что в нашем присурском селе Кадышеве, как и в тысячах других селений Пурсурья, всей необъятной России, у каждой семьи будет расти, цвести, благоухать и плодоносить свой сад, и в нем станут работать, мед пудами добывать пчелы. Россия наша, наша Русь святая сразу же превратится в Рай земной, а там зацветут яблони, вишни, десятки других фруктовых деревьев, плодово-ягодные кустарники... В безбрежном саду России запоеют песни чудные райские птички: соловьи, скворцы, жаворонки, дрозды... Воздух настоится на жизнетворных запахах трав и цветов... С нашей русской земли навсегда изгонятся такие человеческие пороки, как жестокость, тунеядство, лень, уныние, корысть, себялюбие, немилосердие, хамство, враждебность к человеку и природе, богохульство, сквернословие... Да будет так.

Присурское Кадышево – Казань, 1999 год

ОСТРОВСКИЙ НА ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОДМОСТКАХ

К 200-летию со дня рождения А.Н. Островского

22 апреля во Дворце книги Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина подвели итоги конкурса рецензий на спектакли по пьесам А.Н. Островского «Островский на театральных подмостках».

На конкурс было прислано более 25 работ. Рецензии были представлены на спектакли «Бесприданница», «Лес» Ульяновского драматического театра им. И.А. Гончарова, «Не всё коту масленица» Государственного академического Малого театра на Ордынке и многие другие постановки, увиденные на театральных подмостках страны, по телевидению и в социальных сетях.

Жюри констатировало, что рецензия – сложный жанр, который имеет свою специфику и требует определённой подготовки рецензента. Писать рецензию непросто, потому что, основываясь на литературном произведении, мы анализируем его театральное воплощение, имеющее свои средства художественного выражения замысла автора.

Жюри единогласно отметило, что читать работы было интересно. Хорошо, что люди разных возрастов и разного уровня подготовки обратились к творчеству драматурга и, в частности, к постановкам Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова.

Как известно, Островским был создан целый материк пьес, раскрывающий картины народной жизни дореволюционной России. Его пьесы живы и актуальны сегодня, потому что Островский не только обличитель пороков, он – искатель живой души под обликом падшего и порочного человека. Во всех своих характерных персонажах он искал «душу живую» и «божью искру любви и сострадания».

Любовь, стремление к духовной красоте и сострадание к человеку роднит писателей Островского и Гончарова.

Имя А.Н. Островского связано с Симбирском. Драматурга Островского и романиста Гончарова связывали добрые, дружеские отношения. А.Н. Островский бывал в наших краях.

Что ещё роднит Гончарова и Островского? Оба верили в торжество добра и красоты.

В сердцах людей заметил я остуду

Немалую; горячности любви

Не вижу я давно у берендеев,

Исчезло в них служенье красоте...

Это с горечью говорит царь Берендей в пьесе А.Н. Островского «Снегурочка». Отрадно, что среди рецензируемых пьес есть и эта. Надо полагать, говорит он не о жарких объятиях, а о любви сози-

дающей, возвышающей, жертвенной, безусловной. И вот это противостояние любовной «остуде» заметила и отразила в своей рецензии одна из участниц конкурса Нина Ивановна Ватрушкина.

Участники конкурса стремились ответить на вопрос, чем современен Островский.

Особое внимание было уделено постановке пьесы Островского «Лес». Конкурсанты пытались оценить сценографию, музыкальное оформление, игру актёров.

Ирина Маршалова в своей развернутой рецензии пишет: «Исследователи неоднократно отмечали, что литературным событием произведение стало прежде, чем его оценили и полюбили как сценическое творение. Однако впоследствии именно эта комедия, «согласно театральной статистике, стала одной из самых репертуарных пьес Островского» (В.Я. Лакшин).

И сегодня «Лес» Островского не сходит со сцены. Классика звучит современно.

Неслучайно, сопоставляя и сравнивая накопленное классической литературой, лауреат конкурса Наталья Глазкова, отсылает

нас к бессмертному Данте, цитирует также Шиллера и Гоголя, передает свое восприятие спектакля «Лес».

«Лес, лес, лес... Он всегда был, есть и будет. Он принимает различные очертания и формы, подстраиваясь под эпоху. Технический мусор на сцене, ветер из вентиляторов. Средневековый лес, лес Возрождения, лес соцреализма, лес постмодернизма. «Мусорный ветер, дым из трубы». Такой разный! Да нет, не разный, при всей туманности и запутанности дорог, суть человеческого леса остается одной: ложь, фарисейство, любовь к земным благам и комфорту. А злые обитатели этого леса, хищники, обладают одними и теми же свойствами, старательно мимикрируя и прячась в листве показной доброты, фарисействе, за которыми стоят жадность, жестокость, беспринципность...» Эти проблемы обнажает и спектакль Владимира Золотаря. Одна из целей постановки «сорвать маски с гламурных обитателей современного леса...»

Виктория Кальдакова обращается к основному символу пьесы и спектакля – «сыр-дремучему бору»: «Если обратиться к тексту пьесы, то можно предположить, что таким появлением режиссер делает

Победители конкурса рецензий:

Возрастная категория 18–35 лет:

1-е место – Маршалова Ирина Олеговна;

2-е место – Кальдакова Виктория Николаевна;

3-е место – Богданова Екатерина Андреевна.

Возрастная категория 35 лет и старше:

1-е место – Глазкова Наталья Анатольевна;

2-е место – Утина Лариса Анатольевна;

3-е место – Ватрушкина Нина Ивановна.

акцент на главном: что такое лес по Островскому. Лес – это общество, где человек человеку волк. Уже в конце пьесы Несчастливцев произнесет свой монолог: «И в самом деле, брат Аркадий, зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать! Пусть живут, как им хочется! Тут все в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятя у своих родных: лес, братец».

Екатерина Богданова отметила работу актёров и роль цветовой гаммы их костюмов в смысловой обрисовке персонажей пьесы Островского «Бесприданница» (в постановке Владимира Золотаря): «Очень удачно подобраны актёры на роли Сергея Сергееча Паратова (Максим Копылов) и Юлия Капитоныча Карандышева (Максим Варламов). Контраст между ними сразу бросается в глаза, а их конфликт держит зрителя в напряжении до самого конца спектакля. Огромный вклад в успех постановки внесли и другие исполнители: сыгравшая мать Ларисы Огудаловой заслуженная артистка России Ирина Янко, а также Виктор Чукин (роль Мокия Пармёныча Кнурова) и Юрий Гогонин (роль Василия Данилыча Вожеватова). Особый колорит постановке придаёт выступление шоу-группы «Цыгане». Отдельно хочется отметить костюмы актёров. Образ каждого персонажа был основательно продуман и нёс в себе, на мой взгляд, определённый скрытый смысл. Белый цвет в одежде Сергея Паратова олицетворяет радость, которую испытала Лариса по поводу его возвращения, её веру в счастливое будущее с этим человеком. А чёрный цвет означает истинную сущность судовладельца, его порочность и коварство».

О необходимости внимательного и вдумчивого зрителя говорит в своей рецензии Лариса Утина: «Что еще поразило меня при просмотре данной постановки, так это изумительный зритель! В зале тишина, все вопросы потом, уже после просмотра. Ведь, многие молодые люди не знают ни о масленице, ни о её традициях, также, почему А.Н. Островский назвал свое произведение так, а не иначе. Мне кажется, вдумчивый зритель – это для сегодняшнего театра очень важная деталь. Я уверена, что молодые люди, посмотревшие эту постановку, перечитают обязательно пьесу, и найдут для себя ответ, почему же «не всё коту масленица!»

Участники и организаторы конкурса: Ватрушкина Нина Ивановна, Спиридонова Дарья Владимировна, Москвичева Ольга Сергеевна, Утина Лариса Анатольевна, Богданова Юта Георгиевна, Панфилова Татьяна Титовна, Маршалова Ирина Олеговна, Даранова Ольга Николаевна, Вострова Кира Владимировна, Новичкова Елена Владимировна, Кальдакова Викторья Николаевна

Победителем конкурса рецензий (в возрастной группе 18-35 лет) стала Ирина Маршалова. В своем выступлении на церемонии награждения Ирина Олеговна сказала: «Наш город не оставил без внимания значимый юбилей, связанный с именем великого драматурга. Ульяновская областная научная библиотека начала готовиться к нему заранее, объявив интереснейший конкурс рецензий, поддержанный Ульяновским театром драмы, ещё в декабре 2022 года. Музей Гончарова также не остался в стороне от значимой даты: 12 апреля, в день рождения А.Н. Островского, в Доме Гончарова состоялся Учёный совет, посвящённый 200-летию создателя «русского, национального театра». Хочется пожелать, пусть подобных творческих, плодотворных проектов будет больше!»

С приветственными словами перед участниками встречи также выступили члены жюри: ученый секретарь Дворца книги Ольга Даранова и заведующая литературно-драматической частью Ульяновского драматического театра им. И.А. Гончарова Кира Вострова.

Все победители и призеры получили дипломы и памятные подарки, а участники – сертификаты об участии в конкурсе.

Украсило церемонию награждения выступление инструментального дуэта лауреатов всероссийских и международных конкурсов Дарьи Спиридоновой и Ольги Москвичевой.

*Материал подготовила
Ольга Даранова*

Ирина МАРШАЛОВА, кандидат филологических наук, заведующая сектором научной работы Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.

СЫР-ДРЕМУЧИЙ БОР

Рецензия на спектакль «Лес»
Ульяновского драматического театра
имени И.А. Гончарова

*...И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.
Александр Блок. Грешить бесстыдно, непробудно...*

*...Спит большая страна
вечным кажется вечер
над собором Кремля
поднимается ветер...*

Shortparis. Яблонный сад

Картины русской жизни, составляющие основу каждой пьесы драматурга А.Н. Островского, приобретают особое идейно-стилистическое звучание в работах 60-х – нач. 70-х гг. XIX века. Это период создания так называемых сцен из московской жизни и жизни захолустья: драм и комедий «Грех да беда на кого не живет», «На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце», «Бешеные деньги», «Не все коту масленица», «Поздняя любовь».

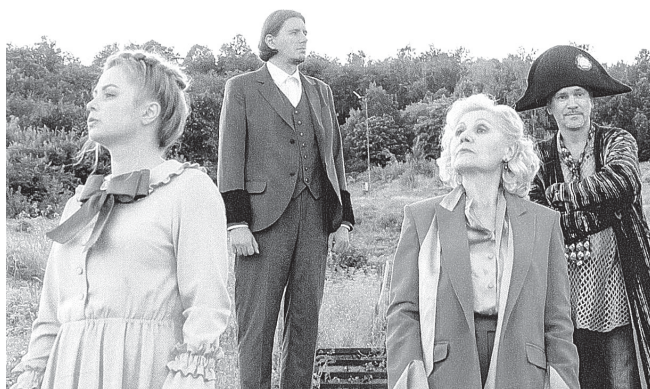
В это же время была написана пьеса «Лес», впервые опубликованная в №1 журнала «Отечественные записки» за 1871 год. Исследователи неоднократно отмечали, что литературным событием произведение стало прежде, чем его оценили и полюбили как сценическое творение. Однако впоследствии именно эта комедия, «согласно театральной статистике, стала одной из самых репертуарных пьес Островского» (В.Я. Лакшин).

Сегодня театральная версия «Леса» получила неординарное концептуальное решение и самобытное исполнение на сцене Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова (режиссёр – Владимир Золотарь).

Одной из наиболее притягательных сторон спектакля изначально стало сложносоставное, но мобильное оформление сцены. Единым предметно-пространственным комплексом выступили: центральная конструкция, представляющая собой фасадную часть усадьбы с уходящей ввысь лестницей и уличную группу с длинной лавкой под балюстрадой; бегущая под крышей строения светодиодная строка, возвещающая о том, что мы – несомненные участники действия (и это будет доказано ходом спектакля) – попали в усадьбу госпожи Гурмыжской; стеклянная будка «охранника» Карпа и некоторые другие более мелкие архитектурно-художественные и интерьерные детали. Антитезой

Правительство Ульяновской области
Министерство искусства и культурной политики Ульяновской области
Областное государственное автономное учреждение культуры
Ульяновский драматический театр имени И.А. Гончарова

А.Н. Островский

Действующие лица и исполнители:

ЛЕС

Режиссёр –
Владимир Золотарь

Художник –
Наталья Зубович

Художник по свету –
Александр Рязанцев

Хореография –
Михаил Умнов

Продолжительность
3 часа 45 минут, 1 антракт

Премьера состоялась 3 сентября 2022 года

заслуженная артистка РФ
Раиса Павловна – Елена ШУБЕНКИНА
Гурмыжская,
корова

Аксинья Даниловна – Мария ПРЫСКИНА
(Аксинья),
ей дальняя родственница

Евгений Аполлоныч – Юрий ГОГОНИН
Милонов
Уар Кирилыч – Михаил ПЕТРОВ
Бодаев

Иван Петров – заслуженный артист РФ
Восмибратов, Виктор ЧУЖИН
купец, торгующий лесом

Пётр, его сын – Юрий ЕФРЕМОВ

Алексей Сергеевич – Артём ТРОХИНОВ,
Буланов, Александр ЛЕБЕДЕВ
младший человек,
недоучившийся в гимназии

Карп – Николай АВДЕЕВ,
лакей Гурмыжской, Станислав ПИГАЛЕВ

Улита, – Ольга НОВИЦКАЯ
кочевница

Геннадий – Марк ЩЕРБАКОВ
Несчастливцев

заслуженный работник культуры
Ульяновской области
Аркадий – Алексей ВОЛЬНЫЙ,
Счастливец, Сергей ЧИНЕНОВ

Хор – Денис БУХАЛОВ,
Александра ДЫДЬЧИКИНА,
Кристина КАМИНСКАЯ

Спектакль ведёт
заслуженный работник культуры Ульяновской области
Ольга Родионова

видимому порядку и вступительным словам лакея Гурмыжской о соблюдении правил посещения частной территории выступили разбросанные повсеместно фрагменты полиэтиленовых пакетов и залежи металлолома. В этих декорациях и прочих бутафорских элементах (например, тушке якобы

умерщвлённой Булановым и им же чудесным образом спасённой дикой кошки) зритель до начала и в момент действия мог читать весьма нетривиально поданный символический подтекст. Порядок здесь – лишь видимость: перипетии судеб героев даны на фоне жизни, допотопной, дремучей, существующей по волчьим законам, отдающей трупным запахом, однако манерной, как бы припудренной напускной любезностью и сдобренной фальшивой добродетелью.

Неожиданным, но вполне уместным и образно насыщенным представляется введение не заявленного в оригинале пьесы живого хора (Денис Бухалов, Александра Дыдычкина, Кристина Каминская) и фонового музыкального сопровождения спектакля (на появляющемся в воздухе экране). По свидетельству М.В. Отрадина: «В мире Островского <...> песней, в которой память народа, его представление о красоте, поверяется жизнь “сегодняшних” людей». Так, мотив сна, застоя как роковой неизменности кондовых устоев российской глубинки оказывается ключевым и в музыкальном опусе «Яблонный сад» группы Shortparis, и в идейно-тематическом замысле сценической версии «Леса». Собственно бесконечное отражение извечной российской неподвижности нередко ставилось в вину самому писателю. По свидетельству хорошо знавшего драматурга И.А. Гончарова, «чаще всего услышишь, что “Островский исписался”: “пишет-де все одно и то же; беспрестанно повторяется. Купцы да купцы, безобразие самодурства, пьянства, нравы захолустьев. Прескучно!” <...> Не исписался Островский, а исписал всю московскую жизнь, не города Москвы, а жизнь московского, то есть великороссийского государства... Картина эта – “тысячелетний памятник России”. Одним концом она упирается в доисторическое время (“Снегурочка”), другим – останавливается у первой станции железной дороги, с самодурами, поникшими головой перед гласным судом...» Хорошо, кабы так – с повинными головами «перед гласным судом». Однако далеко не то мы видим в «Лесе».

На сцене появляется элегантная, пластичная Раиса Павловна Гурмыжская (заслуженная артистка РФ Елена Шубёнкина). Богатая помещица деловито, не без доли бахвальства разворачивает перед знатными соседями (один из которых, как водится, восторженный мечтатель и пустой фантазёр, второй – неотёсанный, но прямой во взглядах солдафон) программу по устройству собственного имения, а заодно и жизней вверенных ей «дальней родственницы» и «молодого человека, недоучившегося в гимназии». Попутно демонстрируется некое письмо от некогда брошенного на волю судьбы племянника, писанное диким языком со всевозможными романтическими штампами, но якобы восхваляющее достоинства «тетиньки и благодетельницы». Фарсовое чтение усугубляется визитом купца Восмибратова с сыном и нелюбезной сценой во всех смыслах нечистой купли-продажи леса. Напускное юродство Буланова в исполнении Артёма Трохинова (отметим попутно – прекрасно срежессированное и

убедительно поданное артистом, достигающее своего апогея в сцене буквального обнажения героя), его полуидиотское порхание вокруг помещицы Гурмыжской довершают картину нравов этого забытого богом уголка земли, где, если провести параллель с высказыванием А.М. Ремизова, «всё проклятие вообще не в том, что человек человеку зверь, да еще и бешеный, а в том, что человек человеку бревно».

Тотальную слепоглухонемому, равнодушные друг к другу не осиливает и искреннее чувство молодых героев. Напротив, их непробиваемый инфантилизм и надежда на чудодейственный русский авось усугубляют и без того опасное положение. Аксюша (артистка Мария Прыскина), глубоко страдающая от самодурства сладострастной «благодетельницы», с каждой новой словесной перепалкой с домашними, равно как и незаконной в глазах света встречей с возлюбленным, всё ближе подвигается к роковому шагу – самоубийству. Почти детское, с неуместными рюшами, нелепыми воланами коротенькое голубое платье с красным бантом, в котором героиня появляется в финале пьесы, подчёркивает отрешённость Аксиньи от навязанного образа жизни, лживость положения бедной беззащитной девушки в богатом враждебном доме, чуждость окружающему и драматическое несоответствие внутренних устремлений героини губительным обстоятельствам действительности. А её возлюбленный Пётр в это время продолжает ходить по заколдованному кругу, очерченному его отцом, по словам Несчастливцева, «человеком семейным», любящим «женить сыновей» и желающим «непреренно получить приданого тысячу рублей, по своей жадности и по своему невежеству». Но подлинно одним таким отцом-самодуром очерчен этот неодолимый порочный круг? Или весь патриархально замкнутый уклад старой жизни восстает против молодости, дерзости идти своим путём, не считаясь с указаниями старших? Ещё в «Грозе», по словам В.Я. Лакшина, Островский создал

образ целого города, «точно наглухо закупоренного и охраняющего свой малый мирок в себе, далекого от столиц не просто географически, а по отсутствию всякого живого движения, свежего ветерка перемен». Чем не «обведенная магическим кругом местность»? И во многом не о таких ли, как Иван и Пётр Восмибратовы, покоряющих других своей воле и безропотно покоряющихся, заметит в своё время Андрей Белый: «Есть общее в нас, пишущих и читающих, – все мы в голодных, бесплодных равнинах русских, где искони водит нас нечистая сила».

Нельзя не отдать должное мастерски выстроенной игре заслуженного артиста России Виктора Чукина, исполнившего роль Ивана Петрова Восмибратова. Его «купец, торгующий лесом», с одинаковой ледяной рассудительностью толкует о выгодной сделке и устройстве судьбы сына, чаемом приданом и собственном невежестве, без которого «никак нельзя, потому на нем весь круг держится». Ловкий, смекалистый, но связанный по рукам своим происхождением и принятым в среде «кодексом чести», Восмибратов-Чукин всё же сохраняет природную живость характера и отходчивость сердца. Свидетельством тому может служить искромётная сцена спора с Несчастливцевым о тысяче рублей.

А что же остаётся на этом фоне молодому купчику в исполнении Юрия Ефремова? Да только и всего, что беспечно тренькать на гитаре, настраивая зрителя на мелодраматичность очередного жестокого романа, или бесплодно мечтать о побеге с отцовскими барышами куда глаза глядят и пока деньги не выйдут, а там «выбрать яр покруче, а место поглубже, да чтоб воду-то воронкой вертело, да и по-топорному, как топоры плавают».

Отдельного внимания заслуживает выразительная игра Станислава Пигалёва (лакей Карп) и Ольги Новицкой (ключница Улита), пародийно трагедизирующих линии главных героев. Тяжёлое молчание Карпа и раблепная словоохотливость Улиты, свойственные обоим показная покорность барской воле при твёрдой склонности к разного рода зависимостям (кутежу и сластолюбию) создают необходимый, непроницаемый извне микроклимат трагикомического фарса, «сыр-дремучего бора», где всё, «как в лесу быть следует»: «Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятся от горького житья у своих родных...»

Ту же функцию выполняет и эмоционально-насыщенная актёрская подача заслуженного артиста РФ Михаила Петрова (Уар Кирилыч Бодаев) и Юрия Гогонина (Евгений Аполлоныч Милонов). Они филигранно воплотили образы двух противоположностей, оттеняющих поступки и поведенческую стратегию прочих героев. Комическое в чистом, неразбавленном потаённой трагедией виде входит в пьесу через этих персонажей, неустанно мелющих восторженную чепуху вроде экзальтаций Милонова по поводу предстоящей свадьбы Гурмыжской и Буланова («Прекрасно! Прекрасно!», «Это героический подвиг! Вы героиня», «Но откуда такой ум, такая сила в молодом человеке?») или бросающих безапелляционные реплики, наподобие опусов

Бодаева относительно благонадёжности будущего мужа Раисы Павловны («Все врет, все промотает»).

Помимо разностороннего взаимодействия всех действующих лиц постановки, в происходящее вовлечён зритель. Во многом стирание границ между сценой и залом происходит благодаря буквальному появлению в партере театра ключевых фигур спектакля – Геннадия Несчастливцева (Марк Щербаков) и Аркадия Счастливецова (Сергей Чиненов). Иммерсивность – приём неновый, но по-прежнему вызывающий отклик публики, порождающий целую гамму чувств: от изумления фамильярным обращением (в момент прохода бродячих артистов между рядами с внушительным скарбом за плечами) до глубокого сочувствия неприкаянным приятелям, уязвлённым человеческим жестокосердием (финальная, обращённая к зрителю реплика Несчастливцева-Щербакова с просьбой осветить фонариками мобильных телефонов путь двум бедным актёрам).

Комическое в характере данных персонажей глубоко и прочно переплетено с трагедией маленьких, выброшенных на обочину жизни, но сохранивших тепло горячих сердец людей. Островский «ни мало не прикрашивал актерский быт, но он любил актеров – всех этих “трагиков” и шмаг – такими, каковы они есть, с их риторикой, бескорыстием, простодушной хвастливостью, желанием нравиться, беспорядочным образом жизни и детской искренностью», – констатирует В.Я. Лакшин. Так, безрадостно и горько-обличительно звучат в финале рецензируемого спектакля слова Несчастливцева, брошенные в адрес «адского поколения всех кровожадных обитателей лесов»: «Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты – вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы».

Символист Андрей Белый в знаменитой статье 1905 года «Луг зеленый» напишет: «Россия – большой луг, зеленый, зацветающий цветами. Когда я смотрю на голубое небо, я знаю, что это – небо моей души. Но еще полней моя радость от сознания, что небо моей души – родное небо. Верю в небесную судьбу моей родины, моей матери». Островский менее чем за полвека до этого показал иную сторону русского житья-бытья, бедную лучезарными озарениями и устремлениями к новой благодатной эре развития. Его Россия – необъятный, дремучий лес, полный «сов и филинов», иногда забавных, кротких, а порой опасных обитателей. Сегодняшний, обновлённый и усложнённый Ульяновским драматическим театром «Лес» А.Н. Островского – всё та же блоковская Русь, «живую душу» укачавшая «на своих просторах», дремотная, таинственная, необычайная, явленная в неповторимой статике великорусских типажей и характеров.

АРХИВ

Владимир ДВОРЯНСКОВ (1948–2016), член Союза писателей России, член Союза журналистов России, поэт, прозаик. Среди неопубликованного в архиве Владимира Дворянского сохранилось и историческое повествование «Мазепа». Многим нашим читателям Владимир Дворянсков прежде всего известен как лирический поэт. Но круг интересов писателя был широк, он размышлял о судьбах Родины, о личностях: героях и предателях, оставивших свой след в народной памяти. И сегодня повествование о Мазепе приобретает новое звучание.

Рукопись для публикации предоставила вдова писателя *Нина Вадимовна Дворянскова*.

МАЗЕПА

Путь Иуды

Иван Степанович Мазепа – один из самых одиозных и коварных предателей, которых проклинает земля русская. Да не только у нас, но и во всём мире, наверное (после Иуды), не отыскать такого прохиндея. Хотя нынешние времена дают не менее мерзких экземпляров. Но обратимся к биографии предателя. Учёные считают, что он родился в небольшой деревне Мазепинцы недалеко от Белой Церкви в 1644 году.

Хотя некоторые учёные оспаривают его малороссийское происхождение. Да и многие его современники считали, что он чистокровный поляк. Нет единого мнения и о годе рождения.

Но как бы там ни было, когда Иван подрос, его

отправили на службу к польскому королю. Именно юные годы, когда закладывается, формируется характер, лепится личность, он провёл в окружении польской знати.

Его современник, сослуживец Пасека, который тоже служил польскому королю, правда, неизвестно, был ли он тоже спальником, как и Мазепа, во всяком случае, он всю жизнь вспоминает Ивана только в мрачных красках. Потому что уже тогда он писал на своего товарища гнусные доносы и кляузы, что, безусловно, отразилось на самочувствии парня.

Но, по преданию, вскоре Мазепе выпало нелёгкое испытание.

Иван Степанович был смазлив, язык у него был хорошо подвешен. И потому он легко сходилась с

женщинами. В том числе и с замужними. Сохранилось множество легенд, где рассказывается о трагикомическом случае, в котором оказался Мазепа из-за своей роковой любви.

Правда это или нет, точно не установлено. Но всё же дыма без огня не бывает. Тем более что все версии рассказывают об одном и том же случае.

В общем, история банальна. Мазепа влюбил в себя жену соседского помещика. И как только муж за порог, уезжал на длительный срок, обязательно являлся Мазепа.

Помещик почувствовал неладное. И муж подкараулил любовников. И застал их врасплох. Сначала помещик подумал, что греховная связь возникла недавнее и не смогла ещё зайти далеко, распуститься буйным цветом. И с этой надеждой он призвал к себе слугу, который прислуживал молодой полячке, и спросил строго: «Сколько раз этот человек был в моё отсутствие: один, два, три?»

«Сколько у меня волос на голове (тряхнул он густой шевелюрой), столько он и гостил здесь тайно», – ответил испуганный слуга. Это его откровение, наверно, повергло помещика сначала в шок, а потом в ярость. Придя немного в себя, он предложил Мазепе: «Выбирай, какую смерть предпочитаешь!»

Проказник взмолился, просил не убивать его. И во всём признался. Тогда обманутый муж приказал ему раздеться догола. Мазепу посадили на его коня без седла. Но главное не это. Его специально посадили лицом к хвосту, а затылком к голове – задом наперёд. Руки крепко-накрепко связали за спиной. К ногам тоже привязали верёвки и закрутили их под животом жеребца.

После этой процедуры помещик приказал всем изо всех сил кричать и бить коня плетью, к тому же в самом конце у самого уха бедного животного разрядил обманутый муж пистолет.

Конь не чуя ног помчался, словно ветер, напрямик сквозь кусты и густые лесные заросли.

Сослуживец Мазепы Пасек утверждает, что именно после этого драматического события Иван Степанович навсегда оставил Польшу (почти до самой смерти). Хотя это всего лишь версия. Тем более в молодости у Мазепы был авантюрный характер.

Рассказывают и другие подобные истории. Правда, усугубляя, ужесточая наказание. Будто, раздев догола провинившегося, помещик обмазал его с ног до головы дёгтем и вывалял в пуху. И это чудище пустили на разъярённом коне в чистое поле.

О том, как Мазепа попал снова на Украину, есть и другая версия. Считается, что это произошло, когда польский король Ян Казимир предпринял поход на левую сторону Украины (то есть Днепра). И на пути остановился с войском в Белой Церкви. Это происходило где-то в конце 1663 года. Именно в это время Мазепа пристал к казацкому предводителю Петру Дорошенко. Именно с этого момента и началась его карьера на государственной службе.

В бытность под началом Дорошенко Иван Мазепа женился на богатой вдове Фридришевич, у которой от первого мужа остался сын.

Мазепа сближается с гетманом Самойловичем. Сначала он служил у него в чине войскового товарища, затем генеральным есаулом. И хотя он пользовался покровительством почтенного гетмана,

чёрная душа не могла без интриг. И Мазепа наговорами и другими непорядочными предательскими приёмами делал всё, чтоб опорочить Самойловича перед всемогущим князем Голицыным. И подлые интриги возымели своё действие.

В 1687 году гетман был низложен. И на его место был избран Мазепа, в то время ему было 42 года (и значит, гетманом он был длительный срок – 22 года).

Уже тогда отмечалось, что Мазепа обладал уникальной способностью влезать без мыла в душу начальства.

Он умел расположить к себе и войти в доверие к любому. Он нравился, его любили, осыпали почестями и подарками. Именно эта незаурядная способность позволяла ему выдавать себя, по сути, за другого человека: честного, порядочного, беспредельно преданного царю, всей душой радеющего за свой народ. Однако не только своим природным обаянием достигал он своих целей. Применялись и давным-давно известные приёмы: подкупа и задаривания. После вступления в должность Мазепа почти каждый день устраивал в Батурине (его резиденции) для старейшин и полковников пиры, где были богатые угощения и вино лилось рекой. К тому же он одаривал каждого дорогими подарками. Но, конечно, не из своего кармана, а из казны свергнутого Самойловича. Даже В.В. Голицыну в знак благодарности отвалил большой денежный куш. Но оторвал не от себя, а из того же источника. Кстати, своего благодетеля В.В. Голицына Мазепа тоже прекратил боготворить, как только тот вместе с царицей Софьей утратил власть в государстве. Хотя незадолго до этого он его, не стесняясь высокопарных выражений, восхвалял за поход против турок в Крым: «Никогда ещё не было басурманам такого страха, как от Василия Васильевича, ближнего боярина».

Но как только тот утратил власть, Мазепа начал чернить его, переметнувшись к Петру. Это характерно для всех предателей: они, забывая о чести, справедливости, своих убеждениях и пристрастиях, перебегают к сильному. Демонстрируя свою мелкую, рабскую душонку. Имеется здесь и другой аспект. Те, к кому они перебегают, почему-то не задумываются, что это нехороший симптом. Ведь однажды предавши, обязательно предаст и ещё. А послужной список новоявленного иуды уже с первых лет жизни был довольно богатый. Ведь, по сути, вся его биография – это биография измены и предательства. Он предал своего друга, сослуживца Пасека, возводя на него клевету и напраслину; он, по сути, предал встретившую его Польшу, перейдя к Дорошенко, потом изменил и своему покровителю, перейдя к Самойловичу, потом подсел и этого благодетеля.

Конечно же, червоточину в душе трудно было утаить, оставить незамеченной. Народ чувствовал непорядочность, двуличие нового гетмана. И понимая, что он может натворить больших бед, люди делились своими опасениями с властями.

Первый донос на Мазепу был в Киеве. Попрастрёпа из Путивля писал, что гетман тайно общается с поляками. И скупает там местность (имения). Другой писал царевне Софье и князю Голицыну так: «...хотя в поступках гетмана не замечается

наклонности к измене, но малороссияне его не любят, не доверяют ему, твердят, что он весь душой поляк и ведёт тайные переписки с польскими попами». Нужно отметить, что честных граждан, болеющих за могущество и благополучие Державы было немало. Они, преодолевая страх, пытались открыть глаза на хитрого, проворного предателя, высшим властям. Но те смотрели на эти сообщения сквозь пальцы, доверяя больше новоявленному иуде, чем честным и равнодушным гражданам. Как правило, всех авторов таких сообщений ждала печальная участь. Их не только не отпускали с миром, на все четыре стороны, но подвергали жестоким мучительным пыткам, а потом отпускали в руки Мазепы. Почему-то считали власти (и до Петра и при нём), что Мазепа непогрешим и все эти донесения лишь злобная клевета на преданного всей душой государю гетмана. Видимо, на самом деле Мазепа обладал незаурядными способностями входить в доверие. Как говорится в народе, без мыла влезать в душу. Есть такие вызывающие расположение субъекты, которые к любому найдут подход. Могут выспросить всё, что пожелают. Да и вроде бы без усилий власти сами будут щедро осыпать их подарками и благодетелями. Нужно сказать, что такими феноменальными свойствами, как правило, обладают в высшей степени все мошенники. Без этого они не могли бы расположить к себе жертву. Именно на умении войти в беспрекословное доверие и основывается это преступление. По сути, и Мазепа был тем же мошенником, но только у него была в руках игра неизмеримо больших масштабов. Он играл судьбой великого государства. Разоблачающие письма шли и другим анонимным способом. Однажды в Киеве один стрелец на дороге подобрал письмо и принёс своему начальнику. В нём подробным образом рассказывалось, какой злодей «злопрелестный гетман Мазепа». Описывалось, как в бытность свою Мазепа выдавал басурманам православных людей на мученье и погибель. Но и это ещё не всё. Сообщалось, что этот богоотступник сдирал с православных икон драгоценный металл. Тяжелее и мерзостнее греха, кажется, нельзя было придумать. И на самом деле, если это было так, то не только о уважаемом предводителе, но и просто о человеческом образе не могло идти и речи. Но и это ещё не всё. В упрёк Мазепе ставился и такой факт, что его родная сестра проживала в Польше, отказываясь ехать на Украину. И что Мазепа покупает там для неё местность. Это подмётное письмо через несколько инстанций дошло до московских властей. Но и решение там было традиционное, обычное: письмо прочитали. И ни одной строчке из него не поверили. Отправили его в Батурин (резиденцию гетмана). (Кстати, имя этого родного города предателя носит один современный политический деятель. И, вероятно, неспроста.) С комментарием, что, мол, никакие подмётные письма властью во внимание не принимаются. И, мол, гетман пользуется безупречным доверием у государя. Мол, пусть он об этих пустяках не расстраивается. Мазепа по этому поводу, в общем-то, и не расстраивался. Был уверен в силе своего обаяния и силе интриг. Но всё понимал, что нужно как-то отреагировать, объяснить то, о чём говорилось в письме.

К примеру, о сестре он сообщил, что она уже привыкла жить там и поэтому не хочет менять место жительства. К тому же не он один такой, у многих малороссов живут там родственники, родные братья и сёстры. Кстати сказать, что сестра Мазепы в 1694 году всё же переехала из Польши на Украину. И объяснила это тем, что её муж Войнаровский препятствует ей соблюдать ритуалы православной веры. Она обосновалась в Киеве, в монастыре, где игуменьей была её мать.

Казаки Запорожской Сечи разделились на две группы. Одни, по сути потенциальные предатели, склонны были сближаться с крымскими татарами, ища явную материальную выгоду: они тогда имели возможность добывать соль и ловить рыбу на крымской территории. Другие ратовали за союз с московским царём. Но и здесь не обходилось без меркантильных устремлений. Они намеревались получать ежегодно царские жалования.

И вообще надо сказать, что предатели, как правило, предают и предают не из-за каких-то духовных побуждений, а из меркантильных, материальных выгод. Это подтверждает и нынешнее время, когда из-за тридцати серебрянников предают самое святое, Родину. И до Мазепы были предатели.

Осталось в истории Запорожской Сечи проклятое имя Петрик (а полностью: Пётр Иванович Иваненко, войсковой канцелярист). Он убеждал казаков войти в Украину и выступить против Москвы. Мол, весь малороссийский народ поддержит это выступление. Гетман от такого мощного напора сразу сбежит в Москву. Следом за ним покинут Украину и попы, насаждённые московскими властями. И воцарится свобода и воля.

Но у предателей, и прошлых и нынешних, есть и ещё одна особенность: они полагаются не только на своих внутренних сторонников, но, в основном, на иностранную поддержку. И Петрик тоже отправился в Низипермень.

Предатель написал, накатал послание казакам, где обличает русских во всех вольных и невольных грехах, считая московских царей захватчиками, поработителями, которые пекутся не о благополучии малороссийского народа, а лишь блюдут свою выгоду. Мол, считают Украину территорией, которая отвлекает и задерживает врагов: и с Запада, и с Востока. Особенно они опасались ляхов. «А какво было бы тогда Украине? Не были ли наши братья и на полях, и в водных прорубях? Не принуждали ли казацких жён опаривать кипятком детей своих, не обливали ли их наших водою на морозе, не насыпали ли им в голенища горящих угольков, не отбирали ли жомиры (солдаты – В.Д.) у наших людей их достояния?»

Охотники, то есть не промышляющие зверя (в современном понимании этого слова), а кто захотел, у кого была к этому охота, тотчас пошли в Каменный Затон. Собралась Рада, на которой Петрик был провозглашён атаманом.

Калга, салтан, вручил ему войковые клейноты: бумагу, бугечуг и жоругвь. Внешне это походило на провозглашение гетманом Богдана Хмельницкого, которого впервые провозглашали гетманом запорожцы.

Сходство было и с Суховенко, и с Дорошенко, которые стали гетманами благодаря покровительству татар.

Безусловно, корни предательства нужно искать в ранних поступках людей. Предрасположения к предательству были и у Петрика. Он в своё время пробрался в войсковую канцелярию. А потом бесовским образом обокрал своих товарищей. Изменил своему полку и убежал в Запорожскую Сечь. Поэтому нужно помнить, что иуды с неба не сваливаются, они всегда живут рядом с нами. Предателям, преступившим роковую черту, – перешедшим к врагам, – возврата назад нет. Поэтому все свои усилия они предпринимают на то, чтобы завлечь в эту адову иудскую западню как можно больше людей. Поэтому Петрик из кожи лез – лишь бы только подвинуть казаков на предательство. Он теперь врал напрапалую, суля им семь вёрст до небес и всё лесом. Но мало кто клюнул на эту удочку. Лишь те, у кого, видимо, ещё с детства в душе была червоточка измены. Но их были единицы.

Основная же масса твёрдо стояла на своём: мол, тебя возвёл в гетманы крымский хан, поэтому иди с ним куда хочешь, а от нас отстань.

Не пошли за Петриком и другие малороссы, хотя он пытался внушить им, будто он имеет связь с гетманом Мазепой и тот вроде бы поддерживает его. Да и вообще он пустил слух, что он не кто-нибудь, а побочный сын Мазепы.

Конечно, это была ложь. Хотя в символическом смысле здесь была глубинная правда. Ведь на самом деле по своему гнусному, чудовищному предательству они были, по сути, ближайшие родственники.

Вместе с татарами Петрик предпринял два похода на Украину. Ему и хану хотелось окружить воинов ореолом освободителей, чтоб малороссияне, поверив в добрые намерения, сами, так сказать, переходили на сторону крымского хана. Но захватническо-воровские инстинкты перечеркнули все хитроумные замыслы. Захватчики, как и раньше, грабили и убивали. Захватили множество скота и другого богатства. Предателя терпеть уже было больше невозможно. За его поимку (или истребление) была назначена (гетманом Мазепой) награда в тысячу рублей. И вскоре Яким Вечирка, навсегда оставшийся в истории как герой, покаравший предателя иуду, обнаружил Петрика и пронзил его копьём. Но, к сожалению, ему не удалось получить и воспользоваться вознаграждением. Татары схватили православного воина. Подвергли жестоким пыткам и, наиздевавшись, казнили его. Об этом узнали его земляки, когда обнаружили два трупа. Вечирку они похоронили с почестями. А Петрика повесили на крюк. Как правило, все предатели кончают бесславно и позорно. Как жили, так и подышают.

Предатели наносят не только непоправимый морально-нравственный ущерб. Но в первую очередь из-за их предательства получают большие материальные издержки и, самое главное, значительно увеличиваются человеческие жертвы.

Так, в 1695 году Пётр предпринял свой первый азовский поход на турок. Но поход получился неудачным. И, как утверждают историки, главным образом из-за предательства инженера Янсена, перешедшего к противнику. Из-за этого русское войско

понесло неизмеримо большие потери в человеческой силе. Было потеряно попусту множество времени и материальных средств. А всё из-за подонка, который, видимо из-за каких-то материальных, меркантильных интересов (как правило, предательство происходит не из-за высоких нравственно-моральных устремлений, а из-за низменного желания обогатиться. Оно и понятно, ведь в основании этого явления лежат тридцать серебрянников), подался в изменники. Тем самым покупая свою выгоду ценой жизни русских воинов.

Во время второго похода Петра 17 июля 1696 года Азов был взят. (Это было первым его завоеванием.) Противник предложил победителям сдать город со всем его имуществом, только просил не причинять зла и выпустить людей. Царь согласился, но поставил условие – чтоб турки выдали в руки правосудия предателя Янсена.

Мусульмане долго не хотели его выдавать. Предатель принял их веру. Но всё же под сильным напором, прессом русских они выполнили поставленное условие. Хотя новоявленный иуда умолял, катался в ногах, просил не выдавать его Москве, мол, лучше отрубите мне голову сами.

Но турки насильно связали его и выдали русским бедного изменника на мученические пытки и казнь. Правда, в отместку за это турки предали жестоким мучениям двадцать православных пленников.

Но порой в жизни всё так затейливо переплетается, так смешивается белое и чёрное, что диву даёшься сложности нашего бытия. В то время как одного предателя жестоко истязали, а потом казнили, другой, более коварный и страшный, купался в славе.

Гетман Мазепа принимал участие в организации победного похода против турок. И потому царь решил его щедро наградить. «Мазепа получил в дар 12 кусков бархата, объяри, атласу, пять кусков кашки...»

Но это даже не главное. Царь призвал его к себе лично. Это была вторая встреча с царём. И в этот раз Мазепа произвёл на царя приятное впечатление. Даже не так, надо сказать сильнее, точнее: он расположил его к себе. Пётр стал относиться к нему как к одному из самых близких и верных подчиненных. С этого раза и до рокового момента гетман почти каждый год ездил в Москву на поклон. И надо сказать, что всё время пользовался непререкаемым доверием и даже любовью.

Замечено, что именно мошенники обладают незаурядными способностями входить в доверие. По сути, на этом и строятся все их преступления. Поэтому к тем людям, которые без мыла влезут в душу, нужно быть более настороженными. Но царь был опьянён обаянием Мазепы и верил ему беспредельно. И потому все предостережения и доносы на него воспринимал как клевету и происки врагов и завистников.

А жалобы и доносы на Мазепу возникали снова и снова. Стародубец Сусла подал киевскому губернатору донос на Мазепу. В нём были те же факты и обвинения, что и в предыдущих посланиях. Мол, Мазепа – не русский человек, а поляк. И потому он больше тяготеет к Польше, а не к России. Он имеет

тайную связь с поляками и королём. И что спит и видит, чтоб снова сдать Украину в рабство к полякам.

Донос дошёл до Москвы. Но царь приказал препроводить его вместе с автором в Батурин, к гетману. Мазепа в свою очередь объяснил, что это навет и сплошная ложь. Доносчика, бедного Суслу, препроводили к Мазепе. По его приказанию арестованного сначала жестоко истязали, а потом посадили надолго в тюрьму. И только после этих наказаний гетман, почувствовав, что враг окончательно сломлен, приказал переправить его к прежнему месту жительства в Киев.

В отличие от власти предержавших, народ раскусил Мазепу почти с самого начала его гетманства. Он видел в нём, в его душе червоточину предательства. И постоянно хотел поведать об этом Москве. Вот почему один за другим, стремились доложить об этом царю.

А в это время начинает свою активную подрывную деятельность некая Анна Вишневецкая. Ей был направлен в Переяславский полк провокатор Могильницкий с двумя помощниками, чтоб агитировать казаков против российского царя. Но охрана обнаружила их. Могильницкому удалось всё же скрыться, а двоих его сподвижников арестовали.

Мазепа из кожи лез, чтоб укрепить царское доверие к себе. Он с размахом строил на свои личные средства православные храмы, желая пустить пыль в глаза: мол, я никакой не поляк, не католик, если с усердием и смирением возвожу православные церкви. Но это лишь было прикрытием. Потому что в душе он ненавидел Россию и презирал русских. И всем сердцем сочувствовал Польше и полякам. Но такое ему не давали новые разоблачители. На Украине объявился Данило Васильевич Забела. Он на почве неприязни гетмана сдружился с Андреем Соломиною, который находился на службе на гетманском дворе. И они решили искать справедливость в Москве. Там два товарища пытались найти расположение и покровительство у знатного боярина Бориса Петровича Шереметьева. Именно ему они подали донос на гетмана.

Но пока дело рассматривалось, Мазепа опередил своих разоблачителей. Он оклеветал их перед царём. И бедных разоблачителей схватили. И, как повелось, направили в резиденцию гетмана. И опять допросы, истязания, пытки. Но чтоб пустить пыль в глаза, показать, что он справедлив и милосерден, Мазепа не стал наказывать их самолично. А передал их дело на рассмотрение войскового суда. Суд вынес жестокий приговор, приговорил подсудимых к смертной казни. Но для гетмана важнее было прослыть в народе добрым и великодушным, чем умерщвить и так уже сломленных и теперь совершенно неопасных людей. И он своей гетманской властью смилостивился, отменил смертный приговор. И действительно, его популярность росла, но не в народе, а в царском окружении.

Как обычно, в январе (1700 года) Мазепа с большой свитой самых верных своих приближённых отправился в Москву. Он и сам не ожидал, что ему окажут такой пышный приём. Во всяком случае, за всё время своего гетманства такое грандиозное гостеприимство было оказано впервые. Мазепу чествовали за 13 лет безупречной службы государю.

Осыпали его всяческими почестями и подарками. Но главное, он был награждён только что учреждённым орденом святого Андрея Первозванного.

Диву даёшься, как была непроницательна власть. Несмотря на все доклады и доносы, царь боготворил предателя, уничтожая, по сути, праведников, порядочных, честных людей, которые по-настоящему радели о своей Родине – России и служили самодержцу. А иуду он награждает орденом одного из самых известных святых подвижников. Мазепа был вторым человеком, которого наградили этим орденом. Вот такие трагические курьёзы были в истории нашего государства.

Потом, когда чёрная предательская сущность Мазепы полностью себя проявила, Пётр схватился. И как-то по-детски наивно утверждает специально для Мазепы совершенно другой орден (в единственном числе) «Иуды Искариота». Наверное, в какой-то мере он искал себе оправдания и прощения, но всё это было слишком наивно и сделано с большим опозданием. Тем более тот орден так и остался невручённым.

Как Мазепа ни старался, ни бился, ни пытался всякими хитроумными способами добиться для себя любви народной, но малороссийский народ интуитивно, каким-то внутренним чутьём не признавал в нём патриота. Считал его не русским, а ляхом, который мечтает, как бы отдать Украину в рабство полякам. К тому же в крае появились настоящие народные герои, любимцы, которые затмевали и так уже тeneвую фигуру Мазепы. Среди таких предводителей был полковник Семён Филиппович Палей (Палей – в переводе «сжигатель»).

Не нравился он полякам. Поэтому польскому генералу Брандту было поручено уничтожить полковника. Была разработана предательски хитроумная операция. Несколько десятков специально отобранных воинов схоронились в лесу недалеко от палеевских пашек. В Хвостов, где находился полковник, отправили иудея, предателя, которого Палей хорошо знал, потому что тот неоднократно вёл с ним торговые дела. Задача торгаша была предельно проста: он должен был под видом закупки мёда заманить Палея в район пашек, где его тут же бы схватили сидевшие в засаде поляки.

Но Бог отвёл беду. Палей оказался в сильном подпитии и потому не мог ехать на пасеки сам. Послал своего племянника Симашко. Он отъехал от города довольно далеко, когда к Палею примчался один из его пасечников. Он и рассказал, что возле пасеки, в лесу, хоронятся какие-то вооружённые люди. Палей сразу протрезвел, поняв в чём дело. И тут же послал вдогонку племяннику гонца. Тот достиг свиту в чистом поле. Разгневанный Симашко здесь же, на месте, казнил предателя-провокатора. Затем вернулся в город, собрал крепкий отряд конных казаков. И ворвавшись в лес, уничтожил вражескую засаду. Предательская операция была сорвана.

К слову сказать, в то время предательство было распространено. Даже казаки часто колебались, желая перейти в подчинение к туркам. Об этом даже писал царю Мазепа, обвиняя весь украинский народ «в легкомысленности и склонности к

шатанию». Хотя было неправдой обвинять весь народ в предательстве.

Хотя из-за начала войны со шведами резко увеличилось поборы с населения. Жизнь стала труднее. И это вызывало недовольство среди народа, что вызывало и некоторую неприязнь к московской власти.

И всё же главным врагом считались поляки, которые хозяйничали как у себя дома. Борьба с ними развернулась сначала в правобережной Украине, а потом и в левобережной. И носила она ожесточённый характер. В долгу не оставались и поляки. Они так же истязали своих неприятелей и стремились истребить их православную веру.

Мазепа понимал, что объединительным центром в освободительном движении является народный любимец Палей. И потому ненавидел его и всячески пытался устранить. Своей чёрной душой он отдал бы всю Украину полякам. Но это были его тайные мечты. А пока он требовал от Палея отдать им Белую Церковь. Конечно, он бы нашёл способ, как расправиться с Палеем физически. Но он понимал, что устранение им Палея окончательно бы уронило его в глазах малороссов. И потому он скрепя сердце терпел его.

В Батурин в очередной раз из Москвы был переправлен гонец с доносом о Мазепе. Царь твёрдо верил в непогрешимость Мазепы. И даже мысли не допускал, что его любимый подчинённый может быть изменником.

Вообще, приходится лишь только удивляться такой непроницательности Петра.

Хотя надо сказать, что предательство среди населения не считалось чем-то очень уж зазорным. Многие переходили то на сторону поляков, то снова на сторону московской власти. Нынешние идеалы утверждают, что будто бы до революции Россия вообще не знала предательства, мол, только при Советской власти, в Отечественную войну появилось это явление. Но это не так, раньше было значительно больше изменников. Просто это историческая неправда.

А Мазепа снова направил в Москву своё письмо, в котором, как и прежде, клялся и божился. Но это даже было излишне. Потому что в царских чертогах никто не сомневался в преданности гетмана и считали его одним из самых усердных слуг царского престола. И будут считать его таким до самого «Иудиного поцелуя».

27 июля 1702 года царь дал Мазепе приказ подойти с войском к литовским городам Быхову и Могилёву, чтоб не дать польским сторонникам шведов укрепиться в них. Осада оказалась удачной. Комендант Быхова был ранен кирпичом по голове, отлетевшим от русского снаряда, и решил сдаться. Он объявил об этом русским.

Польский король Август, союзник русского царя, в знак благодарности наградил за помощь русского войска Мазепу орденом Белого Орла.

Но Мазепе не давал покоя его соперник Палей. И гетман идёт на хитроумную операцию. Будто бы его подчинённые арестовывают еврея из Хвостова, резиденции Палея, у арестанта оказывается с собой сказка, которая избличает Палея как предателя. Будто он посредством этого еврея вёл переговоры с

поляками. Это донесение он отправил в Москву. На правобережной Украине они металась из стороны в сторону. Заслышав, что шведы побеждают, они заявили, что переходят в подчинение шведскому королю Карлу XII. Но потом, услышав, что король Август воспрянул духом, снова выразили желание вернуться под его опеку.

Мазепа в боевых действиях очень опасался казаков. Ведь бывало, что казаки, чтоб спастись самим, выдавали врагам своих предводителей.

Во время длительного стояния у Застолья была предпринята попытка нового польского короля Станислава Лещинского склонить малороссийского гетмана к измене. С тайным поручением прибыл поляк по фамилии Вольский. Он предложил гетману перейти на сторону Лещинского и шведского короля.

Но чтобы выставить себя верным царю и патриотом, гетман подверг посланника пытке. Протокол этих допросов и инструкцию, которую захватили у поляка, Мазепа отправил в малороссийский приказ. А самого провокатора не отправил под предлогом, что дорогой его могут отбить неприятели.

И снова Мазепа клянётся и божится перед царём. Что он будет предан ему до конца. (Какое двусмысленно слово «предан», вероятно, оно использовалось не случайно. Потому что вскоре ему придётся уже выступить во втором своём значении – в самом негативном, отрицательном.)

А тем временем, как выяснилось позднее, Мазепа вёл длительные, тайные беседы с Анной Вишневецкой, с этим дьяволом в юбке. Видимо, именно тогда вспыхнуло первое желание перекинуться на сторону шведского короля. Но Мазепа подавлял в себе искушение. К тому же у него не было полного доверия к собеседнице. Дело в том, что она была матерью одного из руководителей партии короля Августа, борвшегося против шведов. Да к тому же и победа Карла XII была ещё не очевидна. И не подошло ещё время принимать роковые решения. Ведь Мазепа всегда в первую очередь старался блюсти собственное благополучие и выгоду, не мог оказаться в роли самоубийцы.

Однажды Мазепа получил от княгини Дольской секретное письмо, писанное цифрами. Для того, чтобы не заподозрить себя в какой-то тайной симпатии к полякам и шведскому королю, он заставил прочитать это послание вслух своему писарю Орлику. И прослушав, подытожил: «Вот глупая баба...» Поставив вроде бы на этом письме и вообще связях с поляками крест.

Орлик так и предположил. И теперь, если даже он мог проговориться об этом послании, всё равно в этой ситуации Мазепа выступил бы как патриот, до конца преданный русскому царю. Нужно ещё раз подчеркнуть, что Мазепа представлял из себя не только обаятельного человека, но ещё очень умного, хитрого и коварного, который внушал людям то, что ему требовалось и было выгодно. Недаром же все годы своего гетманства он умело маскировался и перед властью, и перед народом. Противники неспроста атаковали Мазепу письмами, подталкивали его к предательству. Видимо, чувствовали его податливость, внутреннюю готовность пойти на измену.

В Киеве к нему снова поступило письмо от княгини Дольской. Как и прежде, оно было засекреченное, состоящее не из слов, а из цифр. Мазепа пригласил к себе генерального писаря Орлика. Сам уселся на кровать, а Орлику приказал читать письмо вслух. Княгиня предлагала адресата начинать намеченный («намеренный») путь, сообщая, что скоро шведские войска будут на Украине. Видимо, зная алчную сущность предателей, она не преминула подчеркнуть, что все желания гетмана будут непременно выполнены. (То есть свои тридцать серебряников он получит сполна).

Выслушав всё послание, Мазепа разыграл бурный спектакль: пришёл в ярость, сильно разгневался. И приказал писарю резко отписать Дольской. Мол, опытную, полетавшую птицу не удастся свернуть с праведного пути какой-то бабе. Он настаивал на том, чтоб Дольская прекратила подобную переписку. Мол, наивно и опрометчиво надеяться, что человек, служивший верой и правдой трём государям, на старости лет, когда нужно почаще думать о душе, пошёл на измену и т.д. и т.п.

Правда, когда письмо было написано, закончено, он не отдал его Орлику, чтоб тот отправил его по адресу, а взял его к себе, оставил у себя. И ещё неизвестно: отправил его или нет. Скорее всего, вместо него он написал совсем другое, с другим содержанием и интонацией. Потому что, видимо, уже в это время решение (окончательное и бесповоротное) им было принято. Тем более на мировой арене победу одерживал Карл XII. Король Август отрётся от престола в пользу Лещинского. Но это ещё не всё. Он освобождал всех своих подчинённых от присяги и обещал разорвать союз с Москвой. К тому же от него в резкой форме потребовали выдать некоего Паткуля, изменившего Карлу XII. Это было, может быть, самым нежелательным условием неравного договора. К тому же вдобавок другого предателя, но изменившего уже самому королю Августу в пользу шведов, полковника Герца, он обязывался помиловать его, снять приговор вовсе.

Время выполнения условий наступило. Он приказал привезти Паткуля из тюрьмы и передал его шведам на растерзание. И действительно, он погиб мучительной смертью. Когда шёл разбор с наследниками Иуды, которые уже совершили предательство, другой изменник, Мазепа, лишь только шёл к погибельному, бесславному концу.

Повторю, что предатели везде ищут лишь своей собственной выгоды. По складывающимся внешним обстоятельствам: шведы набирали силу и вскоре, видимо, должны были, так сказать, кардинально решать вопросы с Россией и Украиной. Казалось, что русскому царю тягаться с шведским королём не пристало: силёнки не те. И Мазепа рассчитал, что наступает то самое время, когда необходимо приступить к выполнению своего давнего замысла тотчас, непосредственно. Не поляки, а уже он сам ищет с ними встречи.

К тому же у него расстроились личные отношения с одним из самых влиятельных людей Российского государства – с Меньшиковым. Хотя внешне эти отношения были дружескими. Но на самом деле они друг друга недолюбливали.

Как-то Мазепа сватал сестру Меньшикова за своего племянника Войнаровского. Сначала Меньшиков пообещал, но потом наотрез отказался, сославшись на то, что её сам царь хочет сватать. Но, видимо, Меньшиков, выходец из народа, чувствовал своей природной интуицией, что доверять ему ни в коем случае нельзя. И он не ошибся.

Мазепа рад любым контактам с врагами русского народа. Он прямо просветлел, когда ему доложили, что к нему прибыл ректор иезуитской школы в Виннице Зеленский. И Мазепа с радостью, доходящей до восторга, воскликнул: «А он откуда взялся?!» Он даже идёт на обман царевича, посылая его вперёд по дороге, для того чтоб освободиться от свидетеля и заехать в один из дворов, принадлежащих княгине Дольской. Правда, там её он не застал, но зато долго о чём-то беседовал с доверенным человеком княгини, каким-то монахом.

Надо сказать, что Мазепа был хитрым и искусным конспиратором. Даже ближайшее окружение не могло заподозрить его в неблагоприятных поступках.

Орлик, главный писарь, самый близкий и доверенный человек у Мазепы, позже вспоминал, что никто не догадывался о настоящем, реальном поводе встреч с княгиней. Все предполагали, что она просит у Мазепы денег, чтоб выкупить свои драгоценности, сданные ею в залог. Кстати, об этом, видимо для отвода глаз, она не раз писала в письмах Мазепе. А на самом деле замышлялось одно из самых громких предательств в истории человечества. Было тревожное, напряжённое время. Обстановка политическая и военная была архисложной. В таком положении информация из опасных мест была особенно необходима.

Но гетман был человеком коварным и хитрым. И чтобы не вызвать в руководстве даже самых малых подозрений, он слал в Москву только достоверные донесения. И потому даже в критический, пиковый момент у царя и его самых близких советников не возникало ни малейшего сомнения в верности Мазепы. Хотя в это время гетман уже окончательно и бесповоротно переходит во вражеский стан.

Однажды вечером Орлик был занят каким-то писанием. А Мазепе не терпелось. И он несколько раз возмущённо восклицал: «Да скоро ли ты кончишь?!» Когда же Орлик закончил писать, явился к Мазепе. Тот поведал ему что княгиня Дольская прислала ему с доверенным человеком тайное послание. Чтоб письмо не обнаружили, оно хитроумно было зашито в шапку. В этом послании было обращение короля Лещинского. А это говорило о том, что Мазепа уже общается не с посредниками, а вышел на прямую связь с польскими и шведскими королями.

Но царь и окружение его даже ни слухом, ни духом не ведали, что делается у них под носом. И не хотели, видимо, замечать. Потому что доносы на Мазепу в Москву доходили. И ещё один пришёл. В котором сообщалось, что к Мазепе прибыл личный посланник вражеских королей – болгарский или сербский поп-расстрига. Но в этот раз царь не только оставил эту информацию без расследования, а наоборот, обратился к Мазепе с письмом-утешением:

мол, не расстраивайся, наша вера в тебя и в твою верность непоколебима.

И снова пострадал не предатель-иуда, а честный человек, патриот, заботящийся не о своей выгоде, а благополучии своего родного государства. И это на фоне сплошного предательства. Особенно легко меняли свои взгляды и пристрастия польские попы, выступавшие против нового короля. Если вдруг представлялась какая-то личная выгода, денежная прибыль, они не задумываясь оставляли тех, кому ещё вчера клялись в верности, и переходили во вражеский стан.

Если считать Мазепу, как его воспринимал малороссийский народ, тоже польским попом, то в его гнусном поступке не было ничего удивительного и сверхъестественного. Впоследствии выяснилось, что Мазепа предлагал во время военных действий всяческую помощь. В частности, навести мосты для шведского войска. И способствовать истреблению русского войска, что находилось на Украине. Вообще это удивительно, какие процессы происходят в психике предателя, какие бездны открываются!

Или это так кажется лишь обычным людям. Может, никаких трагических мук, угрызений совести не вызывает этот гнусный поступок. И запросто можно перейти в стан врага, предав прежних друзей?

А вообще, Мазепа находился в щекотливом двойственном положении. Он должен был, подчиняясь воле и приказам Петра, вести напряжённые боевые действия против поляков, с другой стороны – он не мог выступить против тайных своих союзников.

Поэтому он под разными предложениями тянул время, по сути, саботируя царские приказания. Он не шёл в Польшу против нового короля Лещинского, но и не отдавал Белую Церковь Сенявскому, стороннику Августа. Как лакмусовая бумажка раствор, проверило Мазепу и ещё одно событие – бунт под предводительством Булавина. Ясно, что нестабильность, брожение в державе на руку её врагам. Поэтому этот бунт был выгоден и шведам, и полякам. И всё же Мазепе пришлось повести действия против разбойника, Булавина схватили, правда, при захвате он успел застрелить двоих нападавших, но, видя, что ему не спастись, он не раздумывая пустил себе пулю в висок. Голову Булавина остеклили и приказали врачам сохранить её для устрашения будущим бунтарям и разбойникам. А тело повесили за ноги.

Пан Парло написал Мазепе письмо (от 9 июня). Он убеждал гетмана, что малороссы не потерпят никаких притеснений. А наоборот, будут, как и прежде, справлять свободы и обычаи. И главное, мол, навсегда освободятся от своего рабства. И, мол, гетману, безусловно, следует возвратиться к своей кровной матери – Речи Посполитой.

Но, видимо, окончательный срок предательства не наступил. Поэтому для отвода глаз Мазепа ответил поляку резко, вспомнив о том, как их воевода совсем недавно расправлялся с восставшим (против (?) поляков народом (?)) Как солдаты отнимали у матерей детей и сажали их, невинных, на кол, бросали живьём в яму, как загоняли украинских женщин в избы и запирали их, а потом поджигали. (Вот такие

зверства. Оказывается, фашисты творили бесчинства не на пустом месте).

Как уже говорилось, ещё в ранней молодости Мазепа был, мягко говоря, равнодушен к прекрасному полу. Из-за чего и жестоко пострадал. В 1702 году у него умирает жена. И он присмотрел себе престелное создание.

У гостеприимного судьи Кочубея была дочь-красавица Мотря (Матрёна). И уже пожилой ловец воспылал к ней страстью. И захотелось гетману взять эту девочку себе в жёны. Но на пути встало непреодолимое препятствие. Дело в том, что Мазепа был крёстным отцом Мотри. И по церковным законам он ни при каких обстоятельствах не мог на ней жениться. И всё же он попытал свою судьбу, попросил у Кочубеев руки их дочери. Но родители отказались, будучи примерными христианами. Тогда Мазепа прибёг к различным коварным и хитроумным приёмам. В общем, сделал так, что Мотря втайне, не спросив у родителей, сама убежала в дом к гетману. И стала у него жить. Но родители с этим позором и попранием всех божественных заповедей не согласились. И не собирались мириться. Они забили тревогу, подняли бучу. В общем, Мазепе пришлось самому отправить Мотрю к родителям.

Кочубей хорошо знал Мазепу: тесно общался с ним по службе, потом между их фамилиями долгое время наблюдалась семейная дружба, все праздники и различные торжества они проводили вместе. И было бы сверхъестественным, если бы хотя бы косвенно не проявилось (в словах, в поступках, в поведении вообще) его чёрное нутро. Видимо, многое в гетмане настораживало Кочубея и раньше. Но он как-то не придавал существенного, серьёзного значения этому. Но после случая с Мотрей всё само собой всплыло в памяти и заставило судью прийти к страшному выводу (вероятно, и интуиция сыграла важную роль), что Мазепа – предатель. Что он хочет учинить царю и Российскому государству пакость, а Украину отдать в неволю, в рабство.

В то время Мазепа выехал на время из Батурина. Оставил за себя наказным гетманом Кочубея. В его доме остановились два монаха, направлявшиеся в Москву. И Кочубей решил использовать их, как посыльных с тайным донесением. Он открылся им, рассказав, какое гнусное предательство готовит русскому царю и державе Мазепа. И те потекли в путь. Но прошло довольно много времени, а из Москвы – ни слуху, ни духу. Тогда Кочубей отыскал другого посыльного – Петра Яценко, перекрёста из иудеев. И тот отправился с донесением генерально-го судьи в столицу.

Но напрасно ждал патриот внимательного рассмотрения своего сообщения. Его расценили как злонамеренный подрыв основ российского государства и злобную клевету на примерно-образцового царского служаку.

Удивительное дело (вообще это какой-то феномен, беспрецедентный случай): двадцать лет в Москву на имя царя поступали донесения, но ни одно из них не заронило в царское сердце не только подозрение, даже малое сомнение. Наоборот, подозрение всё время падало на тех, кто сообщал о предателе. Это расценивалось как зловредные козни царских, государственных врагов. И сколько голов

полетело у порядочных, честных русских людей, которые думали о могуществе и здравии родного государства.

Многие объясняют это тем, что Мазепа был ловкий конспиратор и мошенник. Внешне он строго и аккуратно (особенно в начальные годы) выполнял все указания царя и близких приближённых царских вельмож, не давая ни малейшего повода для недовольства его действиями. К тому же говорят, что это был удивительно обходительный и предупредительный человек. Особенно с царём и с высокопоставленными царскими чиновниками. Поэтому многие придворные вельможи боготворили его и считали своим другом. И по дружбе соответственно относились к его врагам. И всё-таки при всей склонности к любезному человеку, наверное, нужно было царю стряхнуть с себя безответственную беспечность и хотя бы единожды провести серьёзное расследование. Ведь государственные интересы даже у царей должны находиться превыше личных пристрастий и симпатий. И то величайшее предательство (одно из самых громких в истории человечества) в основном лежит на совести Петра и его приближённых.

В Смоленск для расследования дела прибыли московские важные чины во главе с Головиным. Но, вернее сказать, они приехали не для досконального и справедливого расследования дела. Никто и не помышлял о виновности Мазепы. Нужно было лишь под пытками выяснить сам ли, по своей воле Кочубей возвёл напраслину на заслуженного гетмана. Или к этому приложили руку враги Петра – шведы и поляки.

Патриотов, честных и бескомпромиссных, жестоко пытали. А потом казнили. Это произошло в середине июля. При скоплении войска и любопытствующего народа со всей округи осуждённых вывели на волю, подвели к плахе. И отрубили головы. Долгое время (для позора) они лежали неубранные. А потом их сложили в гробы и увезли в Киев, где и предали земле. А пока шла расправа с честными людьми, патриотами, Мазепа всё активнее развивал свою предательскую деятельность.

Мазепа торопил шведов быстрее вступить в Украину, освободив от московского ига казаков и весь малороссийский народ. Мазепа, в свою очередь, обязывался для размещения войска предоставлять вражескому войску провиант. К тому же Мазепа уверял Карла, что он с помощью своего авторитета и связей сделает всё, чтобы склонить калмыцкого хана Аюку выступить против Москвы.

Но Мазепа до конца был хитрым и коварным человеком: до последнего дня он не раскрывал своего гнусного замысла даже своим приближённым.

О его намерении и действиях знал лишь генеральный писарь Орлик. И того гетман запугал. Он напомнил ему, что смотри, мол, что за двадцать лет на меня было множество доносов. И где эти доносчики, а я процветаю. Не вздумай и ты что-то брякнуть, тебе не поверят, а поверят мне.

После казни Кочубея и Искры к Мазепе поступил царский указ, в котором Пётр предлагал Мазепе направить казацкое войско против шведов. И самому Мазепе (по возможности) следовало бы возглавить это войско.

Но царь всё ещё даже не помышлял, не догадывался, какое коварство задумал его уважаемый и почитаемый подчинённый. И потому его не интересовал ответ гетмана. А гетман лукавил, не желая выступать, воевать против своих тайных союзников. Он писал, что имеет большое желание выступить во главе войска, да только недуги и болезни, навалившиеся на него, не позволяют ему взять в руки боевое оружие и идти против ненавистного врага. А ещё он подло ссылался и на другое обстоятельство. Будто бы без него неприятель может склонить непостоянный и малодушный народ на свою сторону. В общем, новоявленный иуда брал двойной грех на душу. Он не просто переходил на сторону противника, но ещё прикрывая это предательство, клеветал на целый народ, незаслуженно обвиняя его в своём же гнусном грехе, прикрываясь, лукавя перед царём, он не прекращал сношения со шведским королём.

В Могилёв, где стоял в то время Карл, от Мазепы явился поп-расстрига. Через него гетман просил короля как можно быстрее войти на Украину.

Именно в это время Карл XII окончательно принял решение вступить на Украину.

И 16 сентября передовой отряд шведского войска вступил на территорию Украины. Ему была поставлена задача – овладеть городом Стародубом. Но здесь вышла загвоздка благодаря крестьянину-патриоту, украинскому Ивану Сусанину, который вызвался проводить шведов в нужное место. Шведы, поверив крестьянину, двинулись за ним. Но у простого крестьянина нравственные идеалы были несравненно выше, чем у гетмана, и он завёл врагов в совсем другое место. Иван Сусанин остался в памяти народной.

Мазепа был из таких хитрых и дальновидных руководителей (а для этого надо быть великолепным психологом), который с самого начала приучал своих подчинённых преклонению перед своей мудростью и проницательностью. А для этого он никогда не раскрывал своей цели, замысла сразу и до конца. Сообщал о задуманном лишь частично, постепенно. И в этот раз он не рассказал о своём решении перейти к шведскому королю. Он исподволь, косвенно настраивал их на то, что сейчас наступает исторический момент, когда малороссийский народ может обрести настоящую свободу. Мол, он не будет платить налоги и разные другие подати, что он будет совершенно самостоятелен в выборе каких-то международных решений и т.д. и т.п. И старшины клюнули, они как будто сами пришли к предательству и даже вроде бы подталкивали на решительный шаг самого Мазепу. Хотя это была лишь психологически тонкая игра гетмана перед своими приближёнными, и то Мазепа до конца не открылся. Тем более он тщательно хоронился от тех, кому его тайна ни в коем случае не должна быть известна.

И он притворился немощным, больным. Когда приезжали к нему московские чиновники, он обязывался бинтами, заклеивался пластырями и укладывался в постель. Именно в таком страдальческом виде он и принимал столичных гостей. К тому же разговаривал еле слышным, умирающим голосом. И чиновники верили, что гетман не только не может

находиться на месте боевых действий, но, видимо, его дни сочтены.

И такое мнение Мазепе было на руку. Он убивал сразу двух (или более зайцев): во-первых, он не участвовал в боях против новых покровителей, во-вторых, в Москве, видя, что гетман тяжело, может, даже безнадежно болен, оставили его в покое, даже почти забыли про него. А это для него было самое главное, потому что он был теперь свободен от постороннего взора и властен в своих действиях.

Мазепа был хитёр и коварен до конца. 20 лет скрывать свою сущность и гнусные помыслы заурядному человеку не под силу. Это был один из самых способных последователей Иуды.

У Мазепы был разработан план, если так можно выразиться, внезапного предательства. Он предполагал совершить измену неожиданным и безболезненным способом. Шведские войска должны были войти на Украину. Вот тогда, уже под защитой и покровительством шведов Мазепа объявит о переходе на сторону Карла XII. Безусловно, Москва сначала остолбенеет от неожиданности. А потом захочет заполучить Мазепу. Да руки будут коротки.

Но планы планами, или мы предполагаем, а Бог располагает. Из Москвы пришло предписание, чтоб Мазепа вместе с казаками выступил в поход для соединения с великорусскими соединениями, чтоб общими силами вступить в борьбу против шведов.

Когда Мазепа получил приказание, чтоб малороссийские войска выступили для соединения с основными царскими силами, а гетману необходимо было прибыть в главную царскую квартиру, он собрал своих единомышленников и спросил их, ехать ли ему. Все разом закричали, что ни в коем случае ехать нельзя: «Ты и себя погубишь, и Украина погибнет». Но лис Мазепа и сам не собирался ехать. Если бы даже мнение было другим, он проигнорировал бы его. Ему нужно лишь было, чтоб его желание как бы продиктовали ему подчинённые. Вот здесь и наступил страшный период для Мазепы: он жил в каждодневной, ежеминутной тревоге, что его тайный замысел раскроется. Говорят, что будто многие министры стали замечать двоедушие и коварство гетмана. Но они вроде бы боялись об этом доложить царю, зная каким уважением и непрекаемым авторитетом пользовался Мазепа в царских глазах.

Странная логика. Значит, министры больше заботились о своей шкуре, чем о благополучии Отечества.

А как потом оценивал своё покровительство Пётр? Ведь в первую очередь благодаря ему долгое время иуде удавалось безнаказанно действовать против государства. И вот наступил тот день и час – тот момент, когда совершилось. Совершилось одно из величайших предательств в истории человечества.

Когда к Мазепе пришли его соумышленники, он, великий психолог, сначала накричал на них, чтобы нагнать страху и чтобы были поговорчивей. А потом, успокоившись, сказал:

– Ну что посылать мне письмо королю? (Хотя и без них уже решил, что напишет послание Карлу). Или нет?

– Конечно, посылать. Надо давно бы это сделать...

И действительно, гетман направил своего посланника к королю, который должен был передать Карлу ту радость, которая переполняет душу Мазепы. А всё из-за того, что шведские войска вступили на территорию Украины. Он просил Карла оказать всестороннюю помощь малороссийскому народу в деле освобождения от московского ига. (Хотя, конечно, ни о каком народе и его благе он даже не помышлял. Потому что все двадцать лет, пока находился во главе Украины, он не любил и даже ненавидел этот народ, тяготая всей душой к своей детской колыбели – Польше. И по сути, всю свою жизнь желая малороссам не добра, а зла). В свою очередь, Мазепа уверял своих новых покровителей, что он обеспечит шведам безопасность. Тем не менее просил прислать воинский отряд для охраны.

В тот же день, когда к шведам отправился гетманский посланник, он отправил Головину письмо, что тяжело болен, что уже десять дней не ест и не пьёт. И только осталась у него надежда – на Божью волю.

Вскоре гетман покинул свою родную резиденцию – город Батурин. Оставшимся в городе воинам он строго приказал: ни в коем случае не сдавать город, если придут русские. Держаться до конца, пока не подойдут шведские войска во главе с ним, а может, и самого шведского короля. И с этими словами он распрощался навсегда со своим городом. Переправился через реку Сейм и в тот же день к вечеру прибыл в город Корон.

Мазепа выступил перед козаками – своими сторонниками. Он ораторствовал страстно и одновременно доходчиво. Он говорил, что неоднократно предпринимал попытки отворотить царя от погибельного пути для малороссийского народа, но эти попытки ни к чему положительному не привели и, мол, гетману оставался один-единственный выход – пойти под покровительство шведского короля, который даст нам настоящую подлинную свободу и защиту от всех, кто попытается посягнуть на них.

Хотя речь гетмана была живой, зажигательной и предполагала отклик у слушателей, но козаки прослушали её молча. Безусловно, среди них были и твёрдые сторонники предателя. Но в большинстве своём – случайно попавшие сюда люди. Они понимали, что гетман говорит крамольные слова. Но выступать против было не время. Потому что толпа могла просто-напросто среди всеобщего порыва растерзать инакомыслящего. Поэтому многие, делая вид, что поддерживают поступок Мазепы, в душе думали о том, как бы при любом удобном случае сбежать от него, потому что интуитивно, сердцем чувствовали, что Мазепа ведёт их в бездонную пропасть. И большинство козаков как замыслили во время речи иуды, так и поступили.

Это проявилось, когда Мазепа для того, чтобы крепче привязать козаков к своему гнусному преступлению, решил привести их к присяге. Но от первого собрания этот сбор отличался малочисленностью. (Козаки утекли незаметно от Мазепы). Когда подсчитали, то оказалось, что Мазепа привёл к шведам всего 1,5 тысячи (а по другим данным – всего несколько сот).

Вначале шведы встретили насторожённо и недоверчиво. К предателям всегда такое брезгливое отношение.

Но Мазепа – человек огромного обаяния. И уже с первых шагов вызвал к себе доброе отношение: он шутил, был остроумным. Хотя внешний вид говорил, что этот человек находится на закате своей жизни. Это был 66-летний человек среднего роста, худощавый, без бороды, но с обвислыми усами по польскому образцу. Хотя вид он имел важный, респектабельный, но чувствовалось, что ему отпущено на этой земле всего-ничего. Энергия и жизненные силы почти полностью исчерпаны. Да это и понятно. Двойная игра за 21 год гетманской власти истощила его силы. Шведы вроде бы отмечали у него глубокий ум, даже мудрость. Но в этом стоит усомниться. Да и как оценивать его ум светлым и глубоким, если на пороге смерти (прослужив всю жизнь царю верой и правдой) стать новым иудой, запятнать себя и весь свой род этим позорным именем. Вероятно, перед кончиной его жестоко мучили угрызения совести. Но было уже поздно, как всегда бывает, когда человек делает непоправимый, опрометчивый шаг.

А царь прозрел лишь тогда, когда предательство окончательно свершилось. Но и здесь уже было слишком поздно. В погоню был срочно отправлен военный отряд. Но Мазепа уже успел переправиться. Правда, русские воины захватили некоторых его сообщников.

Пётр тогда писал в письме «Нужда повелевает явити, что учинил новый Иуда Мазепа, ибо 21 год был в верности, ныне при гробе стал изменник и предатель своего народа. Однако же Бог правосуден, который таким злым никогда исполнить не допускает своего намерения...» В этот раз Пётр впервые вспомнил о жертвах Мазепы (и своих). В частности, о Самойленко. Но он уже давно умер. А его семья всё ещё до конца страдала от притеснений Мазепы.

Был специально издан манифест, в котором говорилось, что «гетман Мазепа, забыв страх Божий и своё крестное целование, отъехал к неприятелю, к шведскому королю, по договору, заключённому прежде с ним и Лещинским, дабы при их содействии поработить малороссийский край...»

Оплот предателя, его гадкое гнездо нужно было разрушить до основания, чтоб земля и люди на ней не помнили гнусного предателя. Но Мазепа приказал оставшимся в нём подчинённым стоять на его защите не на жизнь, а на смерть. Малороссы так и намеревались защищать народ. Но нашёлся некто Нос, который указал русским потайную дверь в городской стене, через неё русские войска и проникли в город. И разразилась трагедия. Все жители от мала до велика были уничтожены (мало кому удалось спастись), а город был дотла сожжён. И опять пострадали не непосредственные виновники гнусного предательства, а по сути, рядовые и безвинные люди. Люди близлежащих сёл срочно покидали свои жилища и бежали куда глаза глядят.

А Мазепа, почувствовав, что совершил грандиозное преступление, всё пытался оправдаться, выпуская свои заявления. Он выставлял всё новые и новые причины. Писал, что у царя был тайный план

чтобы захватить гетмана и всех военачальников и заключить их в тиранскую неволю. К тому же якобы Москва планировала до нитки грабить жителей. Но самое страшное – это то, что будто бы козаков превратят в драгунов, а слово «запорожец» совсем выведут из языка.

Но как бы Мазепа ни изошрялся, оправдания не было и не будет никогда. Даже простые люди понимали, что Мазепа – иуда и их враг. Поэтому малороссы посылали в Москву коллективные обращения, в которых клялись, подтверждали, свою верность престолу.

5 ноября был совершён акт освобождения Мазепы от должности. Это было, так сказать, театрализованное действие. В конце куклу, изображающую Мазепу, повесили на виселице на виду собравшегося народа. Вместо Мазепы был избран новый гетман – Скоропадский. В присягу были включены и новые пункты. Гетман теперь не просто клялся в верности царю, но обязывался не водить никакой переписки и не иметь никаких сношений с царскими противниками. К тому же тотчас же докладывать о тех неблагоприятных малороссах, кто будет пытаться установить контакты с вражеским лагерем. Или просто появяться нежелательные брожения в умах.

В той же церкви, где состоялась церемония вступления в права нового гетмана, Мазепа был предан анафеме.

Мазепа понимал, что совершил такое преступление, которое не забудется и через века. Поэтому он пытался оправдать, обелить себя, рассылал по Украине свои универсалы, в которых сообщал народу, что, мол, не ради своей выгоды, а лишь для общей пользы, для того, чтоб обрести народу свободу, он перешёл под покровительство шведов.

Но этим его уверениям народ не верил. Большое на него имели воздействие царские манифесты. Тем более там говорилось, что в Мазепинском дворце был обнаружен договор, по которому гетман дарил Украину Польше. Это возбуждало в сердце каждого гнев и возмущение в адрес бывшего гетмана.

В городах и сёлах жители захватывали агитаторов, приезжавших от Мазепы, и сдавали их в Киев властям.

В это время были захвачены тайно вывезенные перед предательством Мазепинские казны.

В общем, в народе ненависть к Мазепе и его покровителям достигла высшей точки. Крестьяне стали создавать партизанские отряды и громить ненавистных захватчиков. Говорят, что это сообщение привело предателя Мазепу в неопишное уныние. Он, по сути, оказался между двух огней. Ведь он клятвенно уверял, что народ поддержит шведов, как только они вступят на Украину. Он предполагал, что и многие на Украине пойдут за ним. Но надежды не оправдывались. И те и другие были им недовольны.

Одумавшись, многие козаки уходили из шведского становища. В ноябре сбежал миргородский полковник. А потом и генеральный хорунжий Иван Сулима. Поговаривали, что это не простые беглецы. Будто бы они ушли от своих союзников с тайным посланником Мазепы. Говорят, что об этом доложили Петру. Но он выразил большое сомнение в этом. Если, мол, это было серьёзное намерение, то Мазепа

прислал бы письменное послание. А устная передача его намерений гроша не стоит.

Но на самом деле, видимо, Мазепа был готов на примирение с царём. Он понял, что ошибся в своих гнусных расчётах. И Карл, как он понял, вовсе не обладал всеокрушающей силой. Тем более, малороссийский народ не пошёл за предателем, тут же резко, отмежевавшись, от новоявленного Иуды.

Наверное, Мазепа послал бы царю и письменное прошение. Но не имел возможности. Шведы не доверяли перебежчикам. У жилья Мазепы и днём и ночью под видом почётного караула было выставлено постоянное наблюдение. Не доверяли шведы и старшинам. И более спокойно стали к ним относиться, когда к ним приехали жёны. Правда, и тогда были введены некоторые ограничения. К примеру, казаки не могли выходить из дому вместе с женщинами (чтобы вместе они не утекли). И тем не менее перебежчики на словах передали властям, что Мазепа за своё помилование и гарантию жизни предлагал передать в руки царя самого Карла XII с высокими военачальниками. Но Мазепе нельзя было верить. Обманувший раз обманет и ещё. К тому же предатель всегда исходит лишь из собственной выгоды.

Зима 1707–1708 гг. была необычайно суровой. Таких крутых холодов и обильных снегов Европа не помнит. Деревья были завалены с вершинами. Даже в Италии и в Испании, где снега вообще не видели, в этот раз прошёл снегопад. Особенно суровыми были холода в России. Не знаю почему, но заметьте, что природа (а вернее, Бог) всегда помогала России в трудных испытаниях. Вспомните, гитлеровское наступление на Москву. Именно в это время русские морозы прищучили врагов. Недаром же иностранная пропаганда на все голоса долдонила, что фашистов победил генерал Мороз. Конечно, это было совсем не так, победили русские полководцы и солдаты. А погода, которая у нас всегда суровая, лишь способствовала этой Победе. Но и в начале восемнадцатого века, во время наступления шведов, природа, родная, любимая, взяла сторону русских воинов. Тогда шведов погибло от трёх до четырёх тысяч. Конные замерзали заживо, сидя верхом на лошади. Пехота тоже примерзала к деревьям и повозкам, на которые облакачивались во время поездов. Даже Карл приморозил себе нос. И ему пришлось долго его оттирать.

И вдруг, кажется, от мороза появилась панацея. Водка! Которой на Украине было море разливное. Но это была лишь иллюзия. Потому что спиртное не только не спасало от холода, а наоборот, быстрее приводило шведских бедняг к неминуемому концу. Выпив водки, солдаты окончательно теряли самообладание и быстрее оказывались в объятиях вечного сна. Город Гадяч сплошь превратился в лазарет, из домов слышались истошные крики солдат, у которых без наркоза отрезали конечности.

И всё же шведы продвигались вперёд. И вместе с ними шли предатели. Ближайший сподвижник Мазепы Герцик похвалялся, что он собственноручно убил до 30 русских воинов.

Когда произошло величайшее предательство, то царь и его приближённые вспомнили о честных и самоотверженных людях, которые, несмотря на

смертельную опасность, грозившую им, всё-таки ради благополучия Отчизны предупреждали царя о затаившемся иуде. Но царь не внял этим предупреждениям и ради будущего предателя казнил благородных, порядочных людей, самоотверженных патриотов. И в первую очередь это был Кочубей. Но его нельзя вернуть к жизни, поэтому решили облагодетельствовать родных его: вдову и детей.

Кстати, за правду и семья Кочубея понесла тяжкие испытания. Ограбленная и униженная вдова была привезена вместе с детьми в Батурино. Под вражеский присмотр. Но свободолюбивая душа не могла долго находиться в неволе. И поэтому она совершила побег.

В Батурин выехала на простой подводе монашенка. Ей навстречу вышли вдова Кочубея и вдова Искры (тоже казнённого вместе с Кочубеем), переодетые в простые крестьянские платья. Вместе с ними был и младший сын Фёдор. Другой дорогой вышла из города и дочь Провия (вместе с прислугой) и тоже присоединились к ним. Так узники Мазепы обрели свободу. Позже членов семьи Кочубея и Искры пытались одарить и уделить им всяческое внимание, но ничто не могло вернуть женам их мужей. Никакие награды.

Спустя некоторое время вспомнили и о другой жертве Мазепы – Палее. Он влачил своё бедное существование в Сибири. Царь приказал вернуть опального из ссылки.

А у казаков в это время шло брожение. Они выбрали кошевым атаманом Костю Кордеенко, который был непримиримым врагом Москвы. Он и своротил казаков на неправый путь. Он объявил шведскому королю, что все казаки выступят на стороне шведов-освободителей. После такой поддержки Мазепа воспрянул духом. И в своём послании благодарил казаков за такое решение. И снова оправдывался, что он перешёл к шведам исключительно лишь из-за стремления принести Отчизне свободу и благополучие... Это говорит лишь об одном, что у предателей душа всегда не на месте.

Мазепа выделил запорожцам 50 000 (большую сумму) в раздел. Запорожцы и украинские казаки договорились действовать совместно.

Мазепа, воодушевлённый такой поддержкой, присягнул на Евангелии. Но он понимал, видимо, что как бы там ни было, его карта в конечном итоге бита. Всё это он тяжело переживал, что безусловно, не способствовало укреплению здоровья. Поэтому он снова оказался больным и почти не выходил из своей резиденции.

К тому же в целом украинский народ был настроен к нему враждебно, интуитивно ощущая, что он внутренне всегда тяготеет к Польше и по натуре стопроцентный лях, но искусно всю жизнь притворялся.

Вскоре в Сечи произошли изменения, казаки отрешили Гордеенко от власти и вместо него избрали Петра Сорочинского. Когда это известие дошло до Москвы, там почувствовалось оживление. Царь Пётр был рад такому ходу событий, говоря, что Сорочинского он хорошо знает как доброго, порядочного человека.

Но Пётр снова (в который уже раз!) обманулся. Видимо, он был неважным психологом.

Сорочинский вместо принятия московской стороны перекинулся к Мазепе. К тому же он направил гонцов к крымскому хану с просьбой помочь в борьбе с москалями.

В это время шведы обратились к Москве продать им лекарства и продукты питания. Царь живо откликнулся на эту просьбу. И почему-то всё это выделили противникам в большом объёме и бесплатно.

Непонятная щедрость. Кстати сказать, наверное, у Петра было всё же больше ошибок и просчётов, чем обдуманых, выигранных ходов.

А борьба в народе с захватчиками разворачивалась всё шире и шире. Мужики уходили в леса. И оттуда нападали на шведов. Видимо, именно в это время зародилось партизанское движение, а не в 1812 году, как принято считать. Генералы предупреждали Карла об ошибочном вступлении на Украину, говоря о том, что здесь их ждёт сокрушительное поражение. Что король может лишиться не только своего войска, но и государства. Предчувствовали недоброе и бывшие сторонники Мазепы, перешедшие с ним в шведский стан. Они бежали от шведов десятками. Мазепа по этому поводу сокрушался: мол, он разуверился во всём и не знает, кому теперь верить. Но это по меньшей мере странное и наивное рассуждение. Ведь это аксиома: если сам предал, то и тебя предадут. Всё взаимосвязано, идёт по цепочке.

И вот разразилась великая Полтавская битва. Несмотря на самоотверженность и огромный ратный опыт шведских воинов и личную безрассудную храбрость Карла XII, становилось всё понятнее, что битва с русскими полностью проиграна. Возникла реальная опасность захвата шведского войска во главе с королём и всеми генералами в плен.

Трудно представить, что пережил в это время Мазепа, ведь если к шведам русские могли проявить милосердие, то к пленённому гетману могли быть применимы самые жестокие пытки и истязания. Поэтому он всех настойчивей убеждал короля отступить. Но Карл, не привыкший терпеть поражения, долгое время сопротивлялся советам генералов и Мазепы. И лишь когда наступил критический момент, когда оказалось, что промедление смерти подобно, король дал согласие.

Но наступающие русские воины захватили некоторых воинов в плен, среди них были и предатели, перебежавшие с Мазепой к противнику. Один из очевидцев, шведский историк, вспоминал ужасающую картину казни предателей. Им ломали ноги и руки, колесовали, сажали на кол и т.д. и т.п. Мазепа понимал: если какое-то время ещё промедлить, то наверняка попадётся в руки русских воинов. И потому он, не дожидаясь, пока генералы уговорят короля окончательно, в первую очередь решил позаботиться о своём спасении. И в шесть часов вечера вместе с немногочисленной кучкой козаков, которые этого желали, переправился через Днепр. С собой он взял два бочонка с золотистыми монетами, потому что хорошо понимал, что без денег он никому не нужен. И без золота ему никто не поможет и не спасёт.

Маршрут отступления проходил по безводным степям. Остатки шведского войска и примкнувшие

к ним предатели испытывали необычайные трудности. И главные из них: не было ни пищи, ни воды. Правда, малороссы, следуя турецкому опыту, забивали ослабших лошадей, которые уже не могли нести воинскую службу. Конину сушили на солнце или клали под седло, чтоб она немного размякла. И затем употребляли в пищу, на время забывая православный закон – не есть конину. Шведы брезговали лошадиным мясом, поэтому категорически отказывались от такого питания. Ещё хуже было с водой. В степи редко можно было встретить родник. Но вот один из них открылся. Слух о том, что есть вода, разлетелся молниеносно. К малому, малосильному родничку повалили толпы. Появилась реальная опасность гибели родника, поэтому шведы установили возле бьющей из-под земли чистой воды караул, желая сохранить остатки воды хотя бы для короля.

Но какими бы ни были физические муки, их нельзя было сравнить с душевными, которые испытывал Мазепа. Новоявленный иуда Мазепа. Он ежедневно, ежеминутно ждал, что вот-вот русские отряды настигнут отступающих. И тогда из всех больше всего достанется Мазепе. Страшные душевные переживания окончательно подрывали здоровье старика. Он уже не вставал, а всё время проводил в повозке, обложенный подушками. За ним ухаживала одна из козацких госпожой.

Правда, Мазепа всё же приносил какую-то пользу союзникам, указывая дорогу в бескрайней степи, которую довольно хорошо знал со времени турецких походов.

Пётр, ошарашенный вероломным предательством, во что бы то ни стало стремился заполучить предателя в свои руки, чтоб совершилось над ним возмездие. Он просил крымского падишаха не принимать Мазепу под своё покровительство. Но падишах, ссылаясь на мусульманские законы, которые запрещали выдавать людей, попросивших у них убежища, не выдал его. (Хотя, если вспомнить, одного предателя – Яссена (Янсена) – они всё же выдали русским.) Не помогли в торгах о выдаче гетмана и большие деньги (300000 таллеров). Тогда Пётр обратился к шведскому королю. Он пообещал, что готов заключить со шведами мир при соблюдении ряда территориальных и политических условий, в том числе – и выдаче изменника Мазепы. Но Карл, видимо строго блюдя нравственные и политические устои, категорически отказался от царского предложения.

В Бендерах Мазепа совсем свихнулся, постоянная смертная боязнь и тревога сделали своё дело. Он уже не вставал, жизнь из него уходила без остатка. И 21 сентября 1709 года жизнь его пресеклась.

Вскоре поползли слухи, что будто бы он умер не своей смертью. А страшась выдачи москалям, он не вынес постоянных нечеловеческих мук и отравил себя. Но это исторически никак не подтверждается. Ходили и другие, более изошрённые истории, будто Мазепа вовсе не умер (мол, это была лишь инсценировка). А тайно пробрался в Киев, поступил в монастырь иноком. А потом принял схиму. И до конца жизни отмаливал свои грехи. Но это, скорее всего, тоже не подтверждённые ничем домыслы.

Говорили и такое, будто перед смертью Мазепа приказал принести ему его секретные бумаги, где были имена его сподвижников – таких высокопоставленных лиц, о которых никогда и не подумаешь, что они тоже были задействованы в предательстве. При этом Мазепа вроде бы сказал, что пусть уж он будет один несчастен. Но это, вероятно, лишь тоже легенда, у которой нет никаких оснований.

На самом деле тело Мазепы было предано земле по христианскому обычаю. И на похоронах присутствовал шведский король Карл XII.

Вот так закончилась жизнь известного предателя.

Мазепа оставил после себя 160000 золотых червонцев. По тем временам это были большие деньги. И всё же это малая толика тех богатств, которыми обладал Мазепа в должности гетмана. А собрал он, накопил несметные сокровища благодаря глубочайшему уважению, доверию, любви и щедрости царя Петра. И, конечно же, Мазепа переживал и об этом утраченном добре. Безусловно, он бы никогда не решился изменить царскому престолу, если бы не его роковая ошибка в оценке ситуации. Ему показалось, что в руках Карла сосредоточена необъятная сила, которая способна сокрушить царя и Российскую державу. А в предателях над другими качествами преобладает экономическое начало. Оно

запросто перечеркнёт все нравственные устои и порядки, если им будет выгодно (особенно в материальном плане). Так и случилось. Мазепа моментально забыл доброе отношение к себе царя. И запродавал душу дьяволу.

И здесь, видимо, не надо выводить какую-то национальную черту или идею – воспитание польского короля, он долгое время жил на Украине.

И тем более, главное: малороссы его не поддерживали, не пошли за предателем. И это, безусловно, способствовало великой победе под Полтавой.

И всё же российские власти теперь с опаской, с особой настороженностью относились не только к руководящей элите на Украине, но и к её жителям.

В России малороссов часто называли ставшим нарицательным словом – мазепами.

Костомаров написал о русском и украинском народах так: «...эти два народа настолько сблизились и соединились, что их расторжение уже немыслимо в силу освящённого опытом сознания, обоюдной пользы их соединения».

Но, оказывается, и великие историки ошибаются. В нынешнее время народы разъединились. И, кажется, всё дальше отдаляются друг от друга. И Малороссия, по сути, выступает против России, соединившись с её врагами.

Хотя как знать, возможно, когда-то предстоит и новое соединение.

Илья ТАРАНОВ, член Союза писателей России. Автор романа «Стена», сборников стихов и новелл, книг для детей.

ПОЗЫВНОЙ СТРЕЛЕЦ

Героям СВО посвящается

В первых числах марта две тысячи двадцать второго года на окраине Гостомеля, посёлка городского типа в Бучанском районе Киевской области Украины, взорвавшийся миномётный снаряд выбил стёкла в частном кирпичном доме. Дремавший в кресле чернявый мужчина средних лет гренадёрского роста в армейской каске с автоматом на коленях молниеносно вскочил и, пригибаясь, бросился вон из помещения.

Снаряд взорвался со стороны кухни, где в это время второй боец промывал в дуршлаге грибы, хлопотал с обедом для расположившегося в доме парашютно-десантного взвода. Взрывной волной десантника отбросило на пол, и он, оглохший, выползал наружу, приминая под собой разбросанные по полу магазинные шампиньоны, будто неразорвавшиеся миниатюрные мины.

– Бурят! Живой? – гренадёр выволок контуженного на парадное крыльцо коттеджа. Туда же выскочили с автоматами ещё несколько бойцов.

Бурят зашевелился, открыл глаза:

– Всё нормально, Стрелец! Котелок только гудит словно непрогретый дизель.

Подоспевший на помощь Матрос – парень с рызанской улыбкой из отделения Стрельца – дружески толкнул Бурята:

– Так чего тут разлётся как падишах? Жми на кухню!

Стрелец отстранился от бойца, осматриваясь:

– Где Кречет?

– Здесь я, пацаны! Танк целый! В него хохлы метили, – слышался голос из-за повалившегося на БМД железного забора.

– Знали, видно, про два ящика с азотом, дьяволы украинские! – то ли пошутил, то ли предположил Матрос. – Разнесли бы и танк, и хату в клочья! И на чём бы мы поехали в магазин?

Боевую машину, наполовину заваленную трубами и профнастилом, испещрённым дырками от польского миномётного снаряда, десантники называли и танком, и бэтэром, и машиной, и бронёй. Всё зависело от ситуации, от военного опыта бойца, от военного звания и ещё чёрт знает от чего. БМД-2 представляла собой военную гусеничную плавающую машину с небольшой башней, на которой были установлены тридцатимиллиметровая

пушка и два пулемёта. Как говорил Матрос – бэтэр хоть и не подводная лодка, но гребёт как танк.

– Машину замаскировать под деревьями! – приказал командир взвода с позывным Кречет. Пока Бурят – механик-водитель – запускал танк, Стрелец всматривался в небо; оно было беззвучным и серым, без тонов и полутонов, пахло гарью и пустотой. Булгатня улеглась, взвод вернулся в дом, подручными материалами заделали разбитые окна, а Бурят собрал разбросанные грибы и продолжил кухарить, тряс головой будто солонкой. Всем зверски хотелось есть, особенно здоровому Стрельцу, причём здоровому в разных смыслах: уже в доме Матрос разглядел на каске товарища свежую борозду, оставленную осколком разорвавшейся мины. Стрелец – позывной Егора Жарова – был командиром отделения ПТУР парашютно-десантного батальона дивизии ВДВ Вооружённых сил России. Он с интересом рассматривал свою каску.

– Предельно в точку! Наш командир так сладко храпел, что проспал свою смерть! – улыбнулся Матрос.

– Егор в рубашке родился! – вставил Лёха, наводчик стрельцовского отделения.

– В тельняшке! – усмехнулся Стрелец. – В Чечне тоже прошла по касательной!

Из всех ребят отделения Стрелец был самым опытным, прошёл несколько горячих точек, уже не молодой, чуть за сорок, контрактник ВДВ. Бессонные ночи последних дней давали о себе знать, и Стрелец, присевший снова с автоматом в кресло, тут же погрузился в тревожную дрёму. Рядом на стекле журнального столика лежала книга – роман «Шантарам» Грегори Робертса, которую он наугад взял три дня назад с книжной полки и начал читать, пока ребята рассуждали о непонятной им военной тактике командиров. Историей о сбежавшем из тюрьмы австралийском грабителе Стрелец увлёкся, сравнивая жизнь главного героя со своими зигзагами судьбы. Стрельца удивляло большое количество книг на русском языке в домах украинцев. Его беспокоило некое inferнальное понимание происходящего: воюем против дружеского народа – таких же славян, как мы сами. Это не в Аргунском ущелье прислушиваться к отрывистому вокалу кавказского языка. Украинская мова заходила в подсознание без перевода. Поговорить на эту тему ему хотелось, но не с боевыми товарищами, а с гражданскими, лучше всего с Настей, своей любимой подругой, лившей долгие слёзы, когда Егору удавалось пооткровенничать с ней по мобильнику. А ведь правда она была, когда в феврале убеждала, что наши войска вот-вот зайдут на Украину: «Вот и подруга Наташка из Донецка мне звонила. Наши отцы служили в одной войсковой части. У них все с нетерпением ждут российскую армию вот уже восемь лет».

Пути Господни неисповедимы, и эта библейская истина, ставшая крылатым выражением, не раз доказывала Жарову невозможность предвидеть повороты судьбы. Ещё в двадцать первом году после тактических военных учений в Казахстане и Крыму Жаров почувствовал усталость, прошёл военно-врачебную комиссию и планировал уволиться из ВДВ. Он рисовал в воображении новую жизнь, а главное – психологически был к ней готов. На тот

момент Егор Жаров с позывным Стрелец был командиром боевой машины, опыта хоть отбавляй; и когда командир батальона огласил приказ об очередных внеплановых учениях в Белоруссии по приведению подразделений в высшую степень боевой готовности и пообещал отпуск сразу после возвращения в часть, у Стрельца сработал рефлекс беспрекословно выполнять приказы командиров. Это воинский долг, сформированный присягой, воинским уставом, волей и выдержкой. Тут даже не реакция, выработанная годами службы, а образ мышления. Это надо прочувствовать на своей шкуре, врати в свой батальон, роту, взвод, в своих пацанов, таких как Матрос, Бурят, Лёха. Ощериться, как зверь, при виде врага и близости смерти!

В середине февраля три бригады ВДВ вылетели на «Илах» с аэродрома Восточный в Белоруссию. Жаров был в бодром настроении – как-никак последнее учение перед увольнением, Бог дал время пообщаться с товарищами и снова побывать в братской стране. Матрос толкнул Стрельца в плечо: «Стрелец, что за водоём?» Жаров наклонился к иллюминатору: «Днепр, под нами Могилёв». Жарову всегда было неуютно в самолётах. Ему бы трон вместо самолётного кресла, в котором он то выдвигал ноги в проход, то подкрючивал под сиденье.

На аэродроме их ждали комфортабельные «Икарусы», будто для экскурсии, но часа через полтора они перегрузились на военные КамАЗы и прибыли в Хойники, небольшой белорусский городок недалеко от Украины. Разбили лагерь в лесу: поставили солдатские и штабные палатки, натянули маскировочные сетки, заготовили дрова, растопили полевые печки, оборудовали полевые кухни и мобильный госпиталь. Погода в южной части Белоруссии была комфортной для февраля: температура минус два-три градуса. Лежал неглубокий снег, ветер слегка тербил тёмно-зелёный полог палаток. Лёха и Матрос ставили печку: гремели съёмными ножками, дымоходами, выдвигали зольник. Некондиционные дрова с корочкой льда засунули под печку сушить. В пасти нержавеющей чудовища вспыхнул огонь. Бурят удовлетворённо открыл-закрыл круглую дверцу:

– Живём, пацаны!

Матрос добавил: «Предельно в точку! Теперь не будем жить как свиньи в берлоге». Стрелец усмехнулся:

– Теперь не накажут кого попало.

Жаров часто думал в последние годы о так называемых тяготах армейской службы. В его подсознании эти тяготы не являлись психологическим дискомфортом от армейского быта и физической усталости. Как ни странно, это была зависть к гражданским, прозябающим в мелочных интригах и тусовках, в показушных смыслах свободной жизни. Эти эмоциональные всполохи быстро проходили, но повторялись во время длительных отпусков. Летом прошлого года это раздражённое состояние как рукой сняло, когда он познакомился в ночном клубе с потрясающей девушкой. Жаров иногда наталкивался на таких в соцсетях, разглядывая их атмосферные селфи. Блуждание в виртуальных мирах и было той тяготой армейской жизни, которая подчас тревожила Жарова.

В июле он отправился с давним другом Пашей в ночное кафе в надежде встретить блуждающую в грёзах блондинку. А что греха таить – Жаров уже два года был в разводе с женой. Паше, напротив хотелось пообщаться с другом, расспросить о службе, вспомнить свои подвиги в Сирии. Паша был одного роста с Егором, массивнее, как и положено спортсмену боевого самбо, раньше служил в разведбате, а теперь в учебном центре, куда хотел перевестись в будущем Жаров. Он рассказал Паше о недавних учениях в Крыму. Паша провёл аналогию с учениями в Казахстане перед сирийской операцией. В первые часы российского вмешательства в конфликт – гражданскую войну в Сирии – НАТО был в полном шоке. Барак Обама высказался, что Сирия станет трясинной для российского президента Владимира Путина, очередным Вьетнамом! Но Россия сохранила целостность восточной страны и спасла Башара Асада. Паша заметил, что наши потери были минимальными.

Жаров слушал вполуха. В дальнем углу зала оживлённо беседовали две подруги – брюнетка и милая блондинка лет тридцати. Он пригласил блондинку на медленный танец и целиком отдался её весёлому обаянию. Если бы в тот момент ему дали разобрать и собрать автомат, он бы не вспомнил последовательность. «Приятная музыка», – начал Жаров тактический манёвр. Мужчины продумывают свои шаги, а женщины – походку! Настя, которую он осторожно придерживал за талию крепкими ручищами, милым взглядом поражала могучего льва, причём так беззаботно, что Жарову стало в один момент комфортно, как после раскрытия парашюта. Весь вечер она по-доброму прикалывалась над новым знакомым, явно желая ограничиться лёгким флиртом. Жаров вспомнил анекдот: «Товарищ капитан, ефрейтор Петров выпрыгнул из самолёта без парашюта! – Как? Опять?!» Анекдот рассмешил Настю: «Никак не могу понять – лучшие годы моей жизни закончились или ещё не начинались?»

Жаров с головой окунулся в тихий омут любви, постепенно влюбляя в себя Настю. Позже она ему открылась, что сторонилась военных. Сама из семьи военнослужащего: отец – полковник российской армии, и она видела сложность отношений в семье из-за его частых отлучек по службе.

Именно ей каждый день Жаров звонил из Белоруссии. Своим взволнованным голосом она наполняла его сердце теплом и тревогой: «А ты точно на учениях? У нас ходят слухи о войне с Украиной».

В непризнанной Донецкой народной республике весь январь и февраль царил паника, о которой непосвящённые люди мало что знали. Ну говорят в новостях об очередных обстрелах украинской артиллерией Донецка, ну погибают мирные жители, но ведь это где-то у чёрта на куличках! Жаров привык не к войне (Чечня осталась в далёком прошлом) он привык к ожиданию войны. От слухов не спрятаться, разговоры разговаривали, как шутили бойцы, но серьёзные боевые задачи не ставились. Матрос всегда говорил по этому поводу:

– Полковники не бегают, так как в мирное время вызывают смех, а в военное – панику.

– Не паникуй, милая! – отвечал Жаров Насте.

...В Кировском районе Донецка в доме на углу

улиц Яковлева и Саврасова молодая женщина, прижимая плечом к уху телефон, заливала кефиром накрошенный в тарелку хлеб:

– Спасибо, Настенька, сейчас покормлю Брынзу и побегу работу работать, по пути в аптеку, в магазин, мои просили пластырей, бинтиков, таблеток от живота, чайку, сахарку, сигарет. В общем, всякого, всего, чего добуду. Носочков баба Вера с подружками соседками навязали ворох. Смеются – мы спицами воюем!.. У моей Маришки из бухгалтерии муж сегодня заскочит к нам и отвезёт посылочку хлопчаткам на блокпост. Они планировали приехать домой на денёк-другой, да говорят, украинские войска зашевелились. Мы все тут молим Бога, чтоб ваша армия поскорее пришла. Слухов много!.. Как твой Жаров? На учениях? Ну пока, дорогая! – она убрала телефон и наклонилась к пушистой кошке. – Брынзулька, ну потерпи, глупая, отдавлю твою лапку.

Молодая женщина подхватила пакет и сумку, выскочила в подъезд, хлопая дверью. Этажом ниже сухонькая бабушка с добродушными смешливыми глазами высунулась из своей квартиры:

– Ой, Наташенька, доброе утречко! Ты про меня небось не забыла?

– Здра-а-сти, баба Вера! – театрально растягивая слова, улыбнулась женщина. – Сегодня ваше рукоделие поедет на фронт! – Она раскрыла пакет, в котором аккуратно лежали три пары шерстяных носков. – Буду поздно, подруге надо помочь с детишками. Своих-то я отправила с мамой в Россию – в Подмоскovie сейчас они. Занесу вам и хлебушек, и таблетки, и расскажу всё подробнее. Вчера опять обстреляли город. Возле рынка убило трёх человек. Вот ключики от квартиры. Брынзульку мою не забудьте навещать, если вдруг не вернусь.

– Не приведи Господь, Наташенька! – баба Вера неуклюже протянула вперёд руки и обняла женщину. – С Богом, милая!

По сути на территории Украины шла затяжная гражданская война, но украинские СМИ преподносили это с точностью до наоборот. Якобы ополченцы ДНР и русские оккупанты сами обстреливают эти территории, а потом хоронят убитых и ставят им гранитные памятники. А Настя перелопачивала эту инфу, пыталась даже писать комментарии в фейсбуке на этот бред украинских френдов. По профессии юрист, она и писала с юридическим оттенком, без злобы, но натыкалась на такие айсберги очумелого негатива, что просто блокировала контакт, а потом долго не могла уснуть.

Жаров чувствовал возрастающее напряжение в военном лагере. Командиры батальонов становились всё суровее, а учения всё не начинались. На вопросы своих бойцов он кратко отвечал словами комбата: «Будут приказы, будем выполнять. Сначала сложим цифры в буквы!» Жаров после разговора с Настей стал вспоминать две тысячи четырнадцатый год. На большом десантном корабле он в составе бригады прибыл из Новороссийска в Крым. Ночью десантировались и колонной совершили маршбросок вглубь полуострова в район села Перевальное. Наши морпехи пришли раньше и были на позициях, там же стояли российские танки. Украинская войсковая часть располагалась выше села у подножья Чатыр-Дага. Жаровская бригада подошла

на усиление и расставила технику выше танковых позиций. «Поливать горы в случае атаки с севера! Стоять насмерть!» – приказал комбат. Оштукатуренные кирпичные заборы с колючей проволокой по периметру, белые кирпичные двухэтажные строения, церквушка с зелёным куполом, казармы, КПП, наблюдательные вышки – всё было будто знакомым и родным. Кроме гарнизона на территории городка стояла украинская десантная бригада, совершившая полевой выход с материковой Украины. Красивые горные пейзажи на горизонте – и те выглядели зловеще. Мандраж был, как ни бравировал Матрос: «Предельно в точку! Крым, пацаны, считай наш!» Нормальный страх, разгоняющий по телу адреналин, но не малодушие. В какой-то миг Жарову показалось, что небесной силой отключили все звуки, чтобы вслушаться в учащённое дыхание военных людей в камуфляже. Уже потом Жаров узнал, что была команда на штурм гарнизона, но именно комбат оттягивал выполнение. Как донесло солдатское радио, командиры украинской бригады и российской хорошо знали друг друга по военному училищу и были однокашниками. Впрочем, стояние у Чатыр-Дага длилось недолго, прошли переговоры и украинский гарнизон сдался. Им дали коридор, они очистили казармы, загрузились на технику и уехали на материк. Крым стал российским, каким и был сотни лет...

Могли ли астрологи предположить, что двадцать первое февраля две тысячи двадцать второго года будет переломным в движении России по своей привычной орбите? В какие звёздные квадраты вошёл воинственный Марс, притянутый зловещим Сатурном, утверждать никто не возьмётся. В этот день с космической скоростью стали разлетаться шокирующие новости. Глава Донецкой народной республики Денис Пушилин попросил президента России Владимира Путина признать ДНР как независимое государство. Следом Леонид Пасечник – глава Луганской народной республики – сделал аналогичное заявление.

Вечерняя Москва жила своей обычной деловой шумной жизнью. В гулком метрополитене не стихал поток пассажиров, пробки из дешёвых и дорогих иномарок наполняли проспекты и улицы увертюрами сигналов, молодёжь спешила на зимние катки, в макдональдсы и бургерные, состоятельные москвичи собирались в рестораны с европейской и восточной кухней на Тверском бульваре.

В Кремле глава Российского государства Владимир Владимирович Путин собрал Совет Безопасности РФ. Он бодрой походкой, по-военному зашёл в белоснежный просторный зал с высокими колоннами. Президент был в безупречно сидящем чёрном строгом костюме. Путин выступал коротко, ёмко, без сентенций и наигранности, суть сводилась к следующему: после госпереворота на Украине в две тысячи четырнадцатом году часть населения этой страны не приняла этот антиконституционный и кровавый переворот, в ходе которого погибло много ни в чём не повинных людей. Ход последних событий показывает, что нынешние власти Украины не собираются исполнять минские соглашения...

Настя вечером заехала к отцу рассказать о Жарове, послушать мнение полковника в отставке о

последних неординарных новостях. У него всегда было суровое выражение лица, по которому понять его душевное состояние постороннему было сложно. Настя ожидала увидеть встревоженного человека, но с удивлением обнаружила отца в приподнятом настроении. Он говорил вразрез с её мыслями:

– Пойми, Россия обречена на войну, потому что если она огромная, сильная и богатая, то и вести себя должна соответственно! Чревато слыть бесхитростным Иваном из-под Рязани, получившим крупное наследство. Ловкие дядьки оберут до нитки... Вот Шойгу сейчас сообщил, что со стороны Украины на границах с Донбассом сосредоточены почти шестьдесят тысяч военнослужащих. Джавелинов на Украине уже больше, чем в некоторых странах НАТО.

– Так что, папа, будет война? Жаров сейчас на учениях в Белоруссии!

– Да, Настенька, пахнет жареным. Признание республик Донбасса автоматически не выключает западную адскую машину, работающую на разрушение России. И если этот зверский механизм невозможно отключить, то необходимо его уничтожить! Наш главнокомандующий, надеюсь, такой приказ подпишет!

День защитника Отечества для бригады ВДВ выдался хлопотным и пасмурным. Приводили в порядок амуницию, получали оружие. Отделение Жарова получило «Корнет», ракеты, гранаты, сухпайки. Жаров стал мудрить с дополнительными карманами, куда запихивал распотрошённые пайки. По приказу командира роты бойцы пришивали на рукава георгиевские ленты, приматывали полосы серого скотча, квадратами приклеивали его на каски. Все понимали, что будет заброска. Вечером в штабе у начальника части с комбатами прошло совещание. Позже командир штурмовой роты собрал своих бойцов и поставил задачу:

– Летим на аэродром «Васильки». Это Украина! Нам приданы сапёры. Высаживаемся, совершаем марш-бросок два километра, делаем брешь в заборе, захватываем аэродром.

После паузы раздался неразборчивый гул голосов.

– Наконец-то нам дали приказ наступать, – театрально произнёс Матрос. Жаров, переваривая приказ, мысленно схватился за голову и высказал свои сомнения:

– Товарищ майор, хочу уточнить боевую задачу. Как вы представляете марш-бросок моего отделения с птурами и ракетами без бэтэра? На мне бронник, рюкзак с сухпайками, восемь магазинов, гранаты, спальник и автомат. А у кого-то за спиной РПГ. Остальные ракеты кто будет тащить? – Жаров реально оценивал обстановку, за это его ценили командиры и уважали бойцы. Арифметика в данной ситуации простая: боевые машины, как было известно, перекинуты ещё первого февраля к границе Белоруссии, ближе к району Чернобыля.

– Предельно в точку! – улыбался Матрос. – Вопросов нет, когда ответ налицо: два километра бежать с тяжёлой установкой «Корнет», которую тащат два бойца отделения, – оператор и наводчик. По одной ракете тащат командир и механик, а кто берёт ещё четыре ракеты по тридцать кило каждая?

– Помогут снайперы! – отрезал ротный. Он всегда говорил просто и убедительно. Все, кто любил ротного, – а любили его все – глянули в сторону снайперов. Жаров удовлетворённо кивнул:

– Разрешите приступить к обучению новобранцев?

Ротный в долгу не остался:

– Главное, не убегай от снайпера – умрёшь потным и уставшим.

Вечером в штабной палатке собралось командование батальона. Заместитель комбата говорил:

– На Западе считают, что место России в странах третьего мира. За наше место под солнцем нужно драться!

Комбат заметно нервничал:

– У меня давно нет иллюзий по поводу англосакской банды и НАТО в частности. Наш главнокомандующий дал приказ действовать в интересах страны – всё, цирк окончен! Главное – сложите цифры в буквы и рации проверьте, чтобы безмолвием не подмочить нашу репутацию. А драться мы умеем даже голыми руками. Ребята! Завтра идём защищать своих!

Утренний подъём двадцать четвёртого февраля объявили в половине пятого. Жаров ночью много ворочался, определённое беспокойство перед выполнением боевой задачи давало знать, уснул ближе к полуночи и поднялся с усилием. Хмурое зябкое утро встретило батальон на построении порывистым ветром. Молча погрузились в военные КамАЗы с тентованным кузовом, доехали до трассы. Вдоль дороги замерли десантно-транспортные вертолёты Ми-8. Жаров любил эти железные живучие вертушки. Построились повертолётно, комбат огласил приказ:

– Ребятки, наш главнокомандующий объявил специальную военную операцию против нацистского режима братской Украины. Задача нашего батальона – выдвинуться в район Гостомеля под Киевом и захватить аэропорт Антонова, ждём прихода пятой армии. Максимально беречь себя и гражданское население.

Новая задача успокоила Жарова. Высадка десанта должна произойти прямо на аэродроме, безопасность приземления вертолётов обеспечивает отдельный разведполк, а марш-бросок совершать не придётся. Напряжённое хмурое лицо комбата не давало повода для шуток и обсуждений приказа. Вылет назначили на восемь, но поднялись в небо только в одиннадцать. Летели над Днепром совсем низко, опасаясь обстрела. Когда оказывались над лесом, пересекая речные изгибы, вертолёт выпускал тепловые ловушки. Жаров не знал, где и когда пересекли украинскую границу; лица ребят были сосредоточенными, большинство сидело неподвижно с закрытыми глазами. Гул двух газотурбинных двигателей и шум винтов заполняли всё пространство, казалось, что само серое полотно Днепра движется и гудит как гигантская конвейерная лента. Жаров боялся обстрела ракетами, по его телу бегали нервные импульсы, подготавливая организм к действиям, сосредотачивая мысли на боевой тактике, включая реакции самосохранения и концентрации. Однако была некая уверенность, что всё произойдет без боя, как в Крыму.

Группа вертолётов пролетела над Гостомелем и через несколько километров лесопосадок и полей открылось серое поле аэродрома с длинной взлётно-посадочной полосой, рулёмкой, бетонкой для стоянки гражданских самолётов, множеством ангаров, строений и несколькими очагами густого чёрного дыма: видимо, уже шли бои и разрывались снаряды. Вертушки выстроились в карусель: зависали над полем, резко приземлялись и, высадив десант, улетали.

Вторая парашютно-десантная рота, в составе которой было отделение Жарова, высадилась на краю аэродрома, где стояло двухэтажное техническое здание, похожее на пожарное депо. В взвизгивающих струях воздуха Жаров спрыгнул первым, пригнулся, пробежал пару шагов, осматривая местность через прицел автомата: вокруг невысокие ели и редкие кустарники, в ближайшей видимости ни военных, ни гражданских он не обнаружил. Вдали слышалась стрельба и взрывы. «Кречет, я Стрелец, противника не наблюдаю». «Кречет, я Амур, правая отсечка пятьсот метров по взлётке, захватить здание». Рация постоянно работала, её треск вливался в общий гул боя. «Ребята, кто меня слышит! Скажите всем, гражданских не трогать. Отсечка... дальность километр. Эрпэгэ работать!» Жаров чувствовал накал боя в районе КПП и контрольно-диспетчерского пункта. Там работала четвёртая рота и отдельный разведполк, который входил в состав объединённой тактической группы. Бригада спецназа захватывала военные казармы украинской нацгвардии. Вторая рота продвигалась к зданию, когда появились украинские Ми-24 и обстреляли десантников. «Ребята, птички не наши!» – скрипела рация. Десантники открыли ответный огонь, в одночасье небо стало враждебным, низко промчался украинский МиГ-29, а следом две «Сушки» сбросили бомбы. Жаров выпустил по ним всю обойму, и другие бойцы отчаянно полоскали очередями хмурое небо. В этой адовой кутерьме, как ни странно, обошлось одним лёгким трёхсотым. Вскоре появились российские Су-35 и всех «птичек» сдуло к западу. Комбат дал команду второй роте окапываться и ставить «Корнет» на крыше здания. Жаров с Матросом подняли противотанковую установку по пожарной лестнице и замаскировали подручным хламом.

– Труба на позиции, – доложил Жаров.

Украинская нацгвардия, охранявшая аэродром, в спешке отступила. Стратегический план захвата аэропорта успешно был выполнен, о чём комбат доложил в штаб, а батальон занял круговую оборону. Наступила ночь, где-то слышалась перестрелка, но к полуночи стихло. Жаров с Матросом лежали на крыше возле «Корнета», рядом Лёха с кортом. Странно, но свет в здании включить, как ни пытались, не могли. Ветер немного стих, из-за облачности звёзд видно не было, а воцарившаяся тишина казалась сюрреалистической картиной, никак не вязавшейся в сознании с последними событиями, пролетевшими как ураган. Жаров оглядывал периметр в прибор ночного видения, когда послышалось жужжание, и над головой в фиолетовом пространстве возник красный огонёк.

– Дрон, – шепнул Матрос. – Не наш, хохлацкий! Тихо жужжит, зараза, как майский жук. Наш здоровее и гудит как хреновый вентилятор.

– Может, сбить?

– Засветимся!

Разведывательный дрон испарился, Жаров доложил по радиации о беспилотном противнике.

Блашники – отделение БПЛА – вышли на крышу со своим беспилотником самолётного типа. Пришла смена, Жаров передал дежурство и возвратился с товарищем в здание. Ещё вечером десантники закрыли все чёрные входы на случай внезапной атаки противника. Жаров с фонарём продвигался по коридору, и в этот момент во всём здании включился свет. Из правой комнаты выскочил в проход Диман, молодой парень из отделения блашников. Жаров услышал взрыв в дальней комнате, увидел отброшенного к стене Димана, почувствовал жар взрывной волны и бросился на пол. Ребята на крыше рассекли темноту пулемётной очередью. Наступившая следом тишина гулко зазвенела в ушных перепонках, медленно растворяясь вязким эхом в едком воздухе. Жаров явственно услышал снаружи шелчок, и следом две ручные гранаты влетели в здание. Десантники бросились к окнам и стали наугад стрелять. Ситуация была крайне невыгодной: в освещённом изнутри здании все были как на ладони. Краем глаза он видел, как над Диманом склонился Матрос, и понял, что у них двухсотый. Из соседних окон химики палили из огнемётов. Ротный приказал покинуть помещения, а через минуту здание накрыл массиванный миномётный обстрел. Огонь вырвался из окон и перекинулся на крышу. Рота получила приказ отступить к КПП и там окопаться. «Чем глубже мы закопаемся, тем меньше нас убьют», – пыхтел Матрос, а Стрелец усмехнулся: «Хватит разговаривать с лопатой. Команду отбой пропустим». Поначалу разгорячённым бойцам было жарко, сон не шёл, мысли в возбуждённом мозгу закипали, как металл в доменной печи, хотелось разговаривать, не оставаясь один на один с вихрем переживаний, так внезапно обрушившемся на десантников. Жаров достал портативный разогреватель, вскрыл упаковку, извлёк металлический таганок, отогнул ножки, воспламенил таблетку сухого горючего и поставил кружку с водой:

– Чайку попьём, Матрос!

– Предельно в точку, командир! Денёк был жарким. Попали в переплёт... Ты видел лица необстрелянных пацанов? Витька из третьей роты похоже лихорадка накрыла.

– Всем страшно, Матрос, даже нам с тобой. Но у нас разные страхи. По тебе вот ничего как бы и не видно, но жилы-то подрагивают. У меня такая же канитель.

– Предельно в точку, Стрелец! Мать бы узнала, где я сейчас – в обморок бы упала... Не уснём до расвета, а надо...

Утром, сделав вылазку к сгоревшему наполовину зданию, десантники прочесали периметр, сняли с крыши разбитый «Корнет», вынесли убитого товарища, собрали брошенные вещи. Рюкзак Жарова ещё дымился в углу комнаты, и кроме сапог, чудом уцелевших, ничего другого забрать не удалось.

Сколько было двухсотых и трёхсотых, был ли разбор полётов на уровне начальника штаба по ночному инциденту, Егор не знал. «Недооценили мы врага!», – тяжело вздохнул ротный, а Матрос

добавил: «Не сложили цифры в буквы, как приказал комбат, вот и погиб Диман!»

Два дня их рота сидела в окопах, постреливая по неприятельским дронам, кружившим над аэродромом словно стрекозы в жаркий летний день на пруду. «Дронов у хохлов, как у дурака махорки», – удивлялся Матрос.

Вэсэушники на территорию аэропорта не прорывались, палили из-за забора и быстро уходили от ответного огня. Жаров позаимствовал «Фагот» – противотанковую установку классом ниже, чем «Корнет» – у ребят из парашютно-десантной роты. Комбат приказал ему отработать элеватор – так они называли непонятное трёхэтажное сооружение – башню метров в ста от аэропорта. По всей видимости там засел украинский наводчик, благодаря ему вэсэушники неожиданно и прицельно забрасывали российских военных гранатами и миномётными снарядами. Жаров поставил установку недалеко от КПП, Матрос притащил ракету, Лёха навёл лазерный прицел, но в это время из-за забора ударила пулемётная очередь и полетели гранаты. Жаров почувствовал сильный хлёткий удар в бок, будто с разбега наткнулся на торчащую из земли сваю, но бронжилет защитил. Он отполз за железный столб и оттуда открыл ответный огонь. Когда атака стихла, Егор не стал рисковать и поставил «Фагот» на бугре подальше от забора и быстро отработал по элеватору тремя ракетами. Сооружение превратилось в разрушенный замок Дракулы. «Предельно в точку, Стрелец!» – хмыкнул Матрос. С этого времени стихийные атаки возле КПП стихли. Занятый аэропорт удерживали порядка двухсот российских военных.

Вскоре стали подтягиваться колонны военной техники: бронетранспортёры, «Уралы», КамАЗы. Отделение Жарова получило новый «Корнет» и боеприпасы. Командиры отработывали боевое слаживание подразделений, обсуждали тактические ошибки при взятии аэропорта. Комбат говорил:

– Противник не идёт в лобовую атаку, действует маленькими группами из-за угла! Такие углы могут быть круглыми – надо складывать цифры в буквы и опережать противника. Когда я участвовал в освобождении Восточной Гуты в Сирии, мы тщательно разведывали позиции боевиков, в том числе беспилотниками, работала наша арта, потом штурмовые группы. Тут такая же картина маслом, ребятки! Противника нельзя недооценивать. Об этом должен знать каждый генерал.

– А они знают, товарищ комбат? – в штабной комнате раздался сдавленный хохот.

Жаров по-доброму посмеивался над замысловатыми фразами комбата, но уважал его за храбрую прямооту и справедливое отношение к подчинённым. Справедливым быть трудно, злым – легко!

В огромном открытом ангаре правее от бетонки внимание десантников привлекал огромный Ан-225 «Мрия», самый большой и грузоподёмный самолёт за всю историю мировой авиации. Спроектирован и построен гигант был ещё в СССР на Киевском механическом заводе. Полукруглая крыша ангара размером с футбольное поле накрывала гигантскую тушу весом почти триста тонн. Крылья размахом под девяносто метров склонялись к земле, как ветви старой яблони с налившимися соком

крупными яблоками, – на каждом крыле по три турбины. «Это не самолёт, а огромное пузо с окнами», – шутил Матрос. У Жарова крутилась назойливая фраза: «Мрия – малярия, война – аритмия».

Пришедшую военную технику расставили как перед парадом между ангарами и гражданскими самолётами на бетонных площадках, приготавливаясь к марш-броску на Гостомель. Прав был комбат, предупреждая об углах и окружностях. Блашники после хорошей комбатовской взбучки круглосуточно запускали беспилотники, отслеживали подходы к аэропорту, и часто наша десантура эффективно и вовремя встречала противника на подходе. Но кто бы мог предположить, что в кабине самого большого самолёта в мире тихо щебетала молодая парочка – парень и его подруга, и по мобильнику передавала информацию о всех передвижениях наших десантников украинской разведке.

Отделение Жарова соединилось со своим батальоном, а тактическую группу, в которую оно вошло при захвате аэродрома, расформировали, планируя тактику захвата населённого пункта. Несколько десантных рот собрались на построение возле техники на бетонке и долго ждали штабное начальство. Жаров со своими бойцами находился в многоэтажном здании инженерных служб на территории аэропорта, когда начался шквальный артиллерийский обстрел. Первые снаряды летели в скопление российской бронетехники. В районе ангаров начался ад – взрывы следовали один за другим, смешиваясь со скрежетом металла, падением обломков техники, бетона, конструкций зданий, дыма и гари. Масированный обстрел был неожиданным, перемалывал не только военную технику, но и гражданские самолёты. Механик-водитель Бурят, как он сам потом рассказывал, оказался в эпицентре взрывов, проводя технические работы ходовой части бэтэра, управляя ГСМ, как и ещё несколько водителей машин. Сказать, что Бурят испугался, пришёл в ужас – ни о чём. Он ощутил страшный вакуум внутри себя, и мозг перестал думать как обычно, а включил дремавшие реакции человеческих сверхспособностей. Он бессознательно рванул на своей машине в ангар к «Мрии», но снаряд попал в кабину самолёта, разнёс её внутренности, а носовая часть фюзеляжа отвалилась, ткнувшись тупым носом в бетон. Вихрь огня прошёл под брюхом самолёта, выжигая резиновые покрышки шасси. Потом уже, вынося трёхсотых и двухсотых, разбираясь с разбитыми машинами, Жаров видел разбомбленную «Мрию» и рядом убитого парня – наводчика, который пытался выбраться из горевшего самолёта. Ребята из разведполка рассказали про найденную девушку, сгоревшую в самолёте. Было ли попадание в «Мрию» случайным, одному Богу известно. Так же, как и вопрос: «А где были рэровцы?»

В голове у Жарова с утра третьего марта опять крутилась песня Высоцкого: «Наконец-то нам дали приказ наступать...» Накануне комбат собрал командиров:

– Всё, ребятки, пока вшами не обзавелись, снимаемся с окопов и идём штурмовать Гостомель.

Как только на следующий день поступила команда «На броню» и колонна бронетехники зашла в пригород, по ней начался миномётный обстрел. Два

штурмовых батальона, парашютно-десантный батальон и батальон спецназа зачищали пустующие дома, из некоторых открывали огонь и убегали военные, из других убегали гражданские – наводчики. Шли позиционные бои. Пришлось закрепиться на занятых позициях и два дня ночевать в пригороде. Жаровский взвод расположился в пустующем коттедже. Комбат предупредил:

– Углы не задевать, мебель не царапать, приду, лично сложу цифры в буквы!

Жаров, просматривая на полках книги, наткнулся на какой-то исторический том, где рассказывалось, что на берегах Днепра зарождалась Древняя Русь, история которой неисчерпаема, непостижима в своём христианском предназначении. Жаров нащупал свой нательный крест, поцеловал его и перекрестился.

Томительное ожидание длилось недолго, и батальоны вновь пошли штурмовать Гостомель. Первой выдвинулась пятая рота второго штурмового батальона, следом заходил третий. Двигались по Свято-Покровской улице к центру городка, расположившегося на берегах неширокой реки Ирпень и её притока Рокач.

Батальоны за мостом заняли позиции. Слева – светлое строение Покровской церкви, справа – парк, дальше – гостомельский горсовет с зелёной крышей. Город будто вымер, растворяясь в серости мартовского облачного дня. Трещали рации: «Противника не наблюдаю», «Пятая рота – вперёд, вторая прикрывает. Гражданских не трогать!» Гусеничные машины БМД-2, урча дизелями и наполняя местность едкими выхлопными газами, проползли мимо памятника ликвидаторам аварии в Чернобыле, продуктового рынка и подходили к перекрёстку. Надо ли повторять приказ комбата об углах и окружностях? Кому-то движение российских батальонов по Свято-Покровской улице показалось триумфальным шествием, но только не противнику. Техника ползла, десантники шли под её прикрытием, но внезапный миномётный и автоматный обстрел смыл все иллюзии. Пятая рота нарвалась на засаду. Первый бронетранспортёр рванул вперёд, но, получив прямое попадание, встал как вкопанный, будто врезался в невидимую стену. За перекрёстком взсзушники организовали блокпост и поливали огнём наступающих. Слева из-за прикрытия кирпичных зданий украинский танк Т-72 поджигал одну бронемашину за другой. Вторая рота, шедшая сзади, не пошла в обход справа, в тыл, а поспешила на подмогу в лобовую. К завершению бед начались сумерки, пятая рота пыталась закрепиться, но позиция противника была тактически выгоднее, и украинские войска просто уничтожали пятую роту. БМД-4 парашютно-десантного батальона шли в сотнях метров сзади. Жаров слышал шум боя, слышал команды по рации и понимал, что ребята попали в серьёзный замес. Его рота поспешила на помощь, но в районе автосервиса нарвалась на миномётный обстрел и отступила. Первый бэтэр был подбит, бросок вперёд перекрыли взрывы, ротный приказал Стрельцу и всем бойцам отступить и занять позиции за церковью. Батальоны рассредоточились справа и слева от дороги. Наступала ночь. Бойцы первого батальона попытались сделать

вылазку и забрать раненых и убитых, но были отсечены противником. Жаров с Лёхой заняли позицию справа от церкви. В воздухе пахло гарью и порохом. В голове у Егора опять навязчиво крутилась непонятно откуда появившаяся фраза: «Мрия – малярня, война – аритмия!»

Бурят не сразу понял, что его БМД попала под обстрел. Когда снаряд подорвал машину, он подумал, что врезался в бетонный блок и поспешно выбрался наружу. Скатившись по броне и укрывшись от пуль за гусеницы, он увидел двух раненых бойцов. Один просил пить, но через минуту умер. Второй поначалу дышал, но, когда Бурят попытался его подтащить ближе к бэтэру, откинул голову и затих. Оценив обстановку, Бурят отбросил мысль лезть на броню и решил кого-нибудь позвать на помощь. Кроме убитых товарищей он никого не обнаружил, взрывы отдалялись, темнело. Бурят отполз от дороги, добрался до ближайшего здания, забрался внутрь и упал на пол. Мыслей никаких не было, его бил озноб, сердце сильно стучало, он сжался в комок и замер, превращаясь в какой-то бессмысленный кокон, растворился в тёмном киселе небытия и отключился, погрузившись в тяжёлый сон. Механик-водитель первой машины Толя Сизый, оглушённый и контуженный, не стал выбираться наружу. Стрелок при попытке вылезти из башни был убит, и его тело упало в кресло механика-водителя. Сизый забрался в угол машины и стал ждать своих. Шум боя стих, просвет люка темнел, когда он услышал снаружи украинский говор. На башню забралось двое и стали снимать пулемёт и ленту с патронами. Сизый вжался в железо, пытаясь врасти в перегородку. В люке мелькнул силуэт, кто-то сверху заглянул, что-то сказал про убитого. Сизый услышал характерный щелчок, следом на мёртвого упала граната, раздался взрыв.

Бурят, очнувшись утром от толчка, увидел украинских военных. Они выволокли его на улицу, провели мимо подбитых машин и тел убитых товарищей, толкнули, приказав встать на колени.

Наша арта разбила украинский танк, но миномётный обстрел продолжался дня два. Лишь на третий день десантники оттеснили гостомельский гарнизон нацгвардии за Ирпень в посёлок Горенка на самую окраину Киева и забрали двухсотых. У многих были пробиты затылки выстрелами через каску – украинцы добивали раненых.

Русскую поговорку о тяжести учения Жаров помнил с детства. Как-то отец вместо того, чтобы пожалеть, отругал его: «Егорка, балбес, сколько раз я тебя учил, как надо держать ножовку! Ладно палец себе не отпилил! Что слёзы льёшь, как барышня? Оближи палец-то и продолжай пилить. Приноравливайся к каждой дощечке, меняй тактику, учись. Тяжело в учении – легко в бою». Здесь, на Украине он понимал, что опыт опытом, учения – учениями, а в бою всё по-другому. Надо приспособляться к местности, к погодным условиям, к тактике противника. Это, видимо, поняли и в штабе. Тактику боя изменили. Штурмовали и зачищали Гостомель небольшими группами по пять-шесть человек с автоматами и гранатомётами, уже без техники, потому что по ней сразу открывался миномётный огонь. Во многих домах сидели наводчики и давали

координаты. Тактику принципиально поменяли: одна рассеянная на группы рота шла по центру, другие правым и левым крылом. Техника выдвигалась позже. Городок был захвачен практически без потерь. Когда зачистили последнюю улицу, отделение Жарова со взводом десантников расположилось на окраине посёлка в двухэтажном коттедже. Жаров пошёл искать расположение первого батальона, навестить старых друзей, узнать новости. В четвёртой роте нашёл остатки пятой и послушал рассказ перебинтованного Толи Сизого, который выжил в подбитой бронемашине после брошенной внутрь гранаты: «Я, пацаны, в бэтэре умер дважды. Первый раз, когда взорвалась граната, второй – когда очнулся и подумал, что я в аду». Кто-то ему ответил: «В следующий раз очнёшься в раю, но там горилки тебе никто уж не нальёт». Закурили, подняли кружки за погибших товарищей. Жаров узнал, что пропал Бурят – не нашли его среди двухсотых. На душе было пусто, на сердце – горькая печаль. Он понуро пошёл в свою роту. За рекой кто-то страшный и чахоточный выхаркивал из железного горла комок раскалённой воющей смерти. Она взлетала по невидимой траектории над землёй, выискивая цель, мгновенно врезалась в неё, круша и убивая, рассыпаясь на куски и осколки, превращаясь в пепел и дым. Жаров замер, будто разглядывал себя в мутном зеркале, не узнавая лица, которое представлялось высеченным из камня идолом, и с удивлением отметил, что этот неизвестный в армейской каске с окаменелой физиономией даже не вздрогнул, когда где-то за домами взорвался вражеский снаряд. А вот в груди застыл комок, заставляя мозг думать о пропавшем Буряте. Жаров растёр огрубевшими ладонями щетинистые скулы, встряхнулся, сжал автомат и пошёл к своим, растворяясь в чёрном киселе мартовской ночи.

Начались более-менее спокойные дни без наступлений и артобстрелов. В Буче, соседнем городке, который был в прямой видимости, расположились другие бригады. Говорили о штурме города Ирпень, куда прибыл украинский батальон Азов, но приказа несколько дней не было.

Пятого марта сухопутные войска Украины начали пешую эвакуацию жителей из Ирпеня в Киев. Одиннадцатого марта поступила команда штурмовать блокпост в Ирпене. Выдвинулись с командиром батальона, прошли мост, лесную и парковую зону. Разведка доложила, что вдоль дороги мотки колючей проволоки Егозы и ямы с торчащими на дне заточенными штырями арматуры, как ловушки на крупного зверя. В окопах засели сушники с ящиками коктейля Молотова. К блокпосту примыкал бетонный забор, за которым находился санаторий, переоборудованный под госпиталь. «В лоб атаковать не будем», – решил комбат. Жаровское отделение с бугра отработало ракетами по блокпосту, а третий взвод пробил брешь в заборе и зашёл с тыла. Блокпост был взят без потерь, и дорога на Ирпень открыта. Накануне Жаров плохо спал, ему приснилось какое-то слияние неба и земли в дрожащий синяк. Предрассудками он не страдал, а сон на маршброске забылся. Но вот в тот момент, когда на горизонте появились жилые постройки, серое небо и блеклая мозаика крыш и домов вздрогнули, слились

в грязное пульсирующее пятно, из которого выросла бордово-коричневая рука и схватила Жарова за голову, сжимая её будто тисками, он ощутил сильный удар в затылок, присел, трогая каску руками, почувствовал тёплую кровь на шее. Земля качнулась, он упал, потеряв сознание. Жаров не слышал, как Матрос кричал: «Стрелец! Егор!..» Снаряд разорвался в десятках метров от колонны, осколками слегка ранило несколько бойцов, а вот Жарова крепко зацепило – сквозное отверстие в каске. Когда он очнулся, Матрос и Лёха уже наложили ему бинты и укладывали на носилках в КамАЗ с ещё двумя ранеными бойцами.

– Живой, братуха! – улыбался Матрос. – Предельно в точку тебя шарахнуло. Заштопают, откормят, отмоют и опять на броню. Держись, друг, и с медсёстрами особо не балуй!

– Покомандуй мне тут, – пытался улыбнуться Жаров.

Раненых отправили в мобильный госпиталь, но в МОСН его состояние начало ухудшаться, нарушилось зрение, появилась спутанность сознания. Жарова эвакуировали в Белоруссию в нейрохирургическое отделение и там сделали трепанацию для декомпрессии мозга. Застрявший осколок извлекать не стали из-за риска угрозы жизни: возможно повреждение нейронов и тогда отключатся дыхательные центры. Осколок удачно располагался между двумя полушариями и не задел нейронные связи. На долечивание и дообследование Жарова отправили в московский военный госпиталь. Ранение вызвало отёк головного мозга, проявлявшийся как потеря бокового зрения и нарушение вестибулярной функции, при ходьбе его покачивало.

Был конец марта, Жаров смотрел в пустой потолок больничной палаты. Он вспомнил гостомельское небо: беззвучное и серое, без тонов и полутонов. Дня два назад под утро что-то затарахтело со стороны улицы, Жаров спонтанно попытался нащупать автомат и открыть огонь по вражескому дрону. Он долго лежал в поту, отрешённый и безвольный. Однако его здоровье улучшалось, зрение восстанавливалось, ходить стал увереннее, но вот приступы тоски всё чаще накрывали его, паническое настроение терзало сердце: «Как теперь будет складываться семейная жизнь, как продолжать службу, что с его пацанами на Украине?» Ко всей этой психастении Жаров прокручивал в голове прожитые секунды перед ранением, занимался самобичеванием: «Слышал же нарастающий гул летящего снаряда, слышал команды, но не среагировал, ушёл на мгновения в мыслях в родные края, думал в этот миг о Насте, о своём городе, о родителях и близких».

Художник Вячеслав Таранов

Скрипнула дверь, и какая-то волна неизмеримой радости наполнила всё его тело. Что-то запретельное почувствовал он в звуках, в запахах, в неуловимом дрожании света, до боли родное и близкое, как запах хлеба в детстве, как родительский окрик на июньской лужайке и свежий волжский ветер на крутом берегу. Он повернул голову и увидел в дверном проёме пламенный взгляд Насти, наполняющийся слезами радости. Неопишуемая безмятежность разлилась по его жилам, внезапная невесомость подняла с кровати, и он, покачиваясь как большое дерево, шагнул ей навстречу, обхватил ручищами и закружил над землёй, над безудержным рокотом мира. Больничная палата наполнилась шумом и голосами.

– Егор, познакомься с Наташкой! Моя подруга из Донецка. Помнишь? Она приехала в Подмоскovie к тётке навестить своих детей. Вот её Мишка и Катюха. Они захотели увидеть настоящего героя, и мы приехали к тебе всей гурьбой, как только получили разрешение от врачей.

– Привет, боец! – Жаров протянул руку Мишке.

– А какой твой позывной? – мальчишка смотрел упрямыми недетскими глазами.

– Стрелец!

– У-у! Классно! А у моего папки позывной Филлин. Он тоже герой!..

Настя прижалась к Жарову, тяжело вздохнула:

– Так хочется быть слабой женщиной, но то кони вокруг скачут, то избы горят!

Он не оценил юмор, с тревогой переспросил, что за кони и где горит.

– Жаров, тебя надо долечивать. Обещаю, теперь я буду рядом! – и Настя ещё крепче прижалась к Стрельцу.

24.02.2023

ВСЁ ЖИВОЕ

Надежда СМЕРНОВА, г. Екатеринбург, поэт, прозаик, член Союза писателей России. Автор шести поэтических книг. Лауреат поэтического конкурса «А-Либитум» (Пермь), финалист Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова. Победитель Всероссийского поэтического турнира в Ульяновске (2009). Лауреат «Рождественского конкурса» в Каменске-Уральском.

ТАИНСТВО КРАСОТЫ

Жёлтое и фиолетовое,
фисташковое по краям,
из мая выходит лето и
спешит по российским краям.

Крошево земляничное,
черничное по лесам
сыплет и на различные
всюду звучит голоса.

Щедро рисует радугу
после грозы, ни за что
нас обновляет и радует
запахами цветов,

на паутинке качается,
коршуном в небе кружит
и незаметно кончается,
сколько его ни держи.

Всё говорит о том, что близится жара:
без толку над прудом толкётся мошкара,
и водомер скользит зеркальной гладью вод,
и идеально чист и светел небосвод,

и слышится в лесу кукушки сирой плач,
и солнце навесу несёт с утра дергач,
и птичьи голоса лазурь небес калят,
и благодать во всём, чего коснётся взгляд.

То ворон закричит, а то – дергач,
то чечевица спросит: «Витю видел?»,
то лягушатницы раздастся плач,
как будто кто-нибудь её обидел.

То раскачает ветер бузину,
то поплавок вдруг опрокинет рыба
и медленно уйдёт на глубину.
За всё, Создатель, говорю спасибо.

– Ты Витю видел?
 – А где он, где?
 – А Надя выйдет?
 – Да вышла, вышла!
 У неба капельки в бороде.
 Погоды норов похож на дышло:

глядишь, и спрятался солнца луч,
 и снова выглянул, освещая, –
 садится солнце в подушку туч
 и день ненастливый обещает.

Продувается Сылва ветрами насквозь,
 но стоит, словно накрепко вбитый гвоздь,
 не качается, не дрожит.
 Высоко держат небо её тополя,
 разнотравьем богаты густые поля,
 и река, тоже Сылва, по краю бежит.

И петляет, зовёт рыбаков за собой,
 и сливается с водами Чусовой,
 и в её отраженьях зеркальных спит.
 Чёрный коршун кричит над Сокольной горой,
 но его силой ветра уносит порой,
 и тогда, побеждённый, он прочь летит.

А ещё прогоняют ветра печаль.
 И когда зацветает кругом иван-чай,
 меж протоками Сылвы розовый свет разлит.
 И стою я над прудом тогда, чуть дыша,
 и вбирает божественный свет душа.
 И почти не болит.

И приходит вечер, горяч и сух,
 продолжением раскалённого дня,
 перехватывает дыханье и дух
 от сияния в небе стены огня.

И душа обращается в зреньё и слух,
 и, срываясь на тоненький внутренний плач,
 слышит, как летит тополиный пух,
 видит, как кричит у ручья дергач,

как проснулись звери в ночном лесу
 и застыл их стон высоко в облаках,
 и качается бранный мир навесу,
 Милосердный Боже, в Твоих руках.

В квадратной комнатке над звонницей –
 гур-гур влюблённых голубей,
 шуршанье крылышек лимонницы,
 мельканье солнечных огней

и лесенка, наверх скользкая,
 остановившая подъём,
 незримое, но говорящее
 Его присутствие во всём.

И долгий звук, и затихание,
 и благолепие в селе,
 и еле слышное дыхание
 Его у дьяка на челе.

Жаворонок звенит
 прямо над головой.
 Сердце летит в зенит –
 скоро душе домой.

Ну а пока – за плечом
 баня, рыбалка и дом,
 и говорю ни о чём,
 да и болит не о том.

Это мало или много,
 блажь или благая весть, –
 уповать на волю Бога,
 обходиться тем, что есть?

По своей идти дороге,
 говорить душой с Отцом, –
 это мало или много –
 всё понять перед концом?

Господи, будь со мной!
 Не покидай меня!
 Не превращай в перегой
 и не лишай огня!

Благослови на бой
 ночью, в течение дня!
 Господи, я с тобой!
 Господи, я твоя!..

Против всяких правил
 и воли волн
 Он берёт и правит
 мой утлый чёлн
 по седьмой октаве,
 по глади вод.
 Он в горниле плавит
 небесный свод
 и огнём расцветивает
 облака.
 В золотую вечность
 Его река.
 Сквозь тугую млечность,
 через века
 аки человечна
 Его рука.

Гнутся травы луговые,
 ветром дыбится река,
 пролетают кучевые,
 грозовые облака.

Затихает птичий гомон.
 Гром грохочет и ворчит.
 Всё, испуганное громом,
 настороженно молчит.

Под водою ходят рыбы,
 а наживку не берут.
 Всё равно за всё спасибо!
 Поживём ещё чуть-чуть.

* * *

Оводы у воды
с крыльями из слюды,
бархатные стрекозы,
зреющие сады,
таинство красоты –
розы, пионы, грозды,

лебеди и лебеда
по берегам пруда,
розовые рассветы,
распространение света.
В памяти навсегда
это калёное лето.

* * *

Так странно, что август совсем без дождей.
К утру августейший сгущает туманы,
глядит сквозь забор в огороды людей.
А дождика ждѣшь, словно манны.

Как первого снега и первой любви.
Но небо высоко, синѣ и обманно,
хоть сколько дождя проливного зови.
И что-то ворочается в крови
под музыку вечной «Нирваны»...

* * *

Запах мѣда, цвет варенья
фиолетовый, как лакмус,
плыл по комнатам и кухне,
выливался за предел.
Эбонитовые шершни
залетали в дом весь август,
устрашая нас гуденьем
и размером гибких тел.

Мы их в окна выгоняли,
но они врывались снова,
ежедневные, на сладость,
на движение, на свет,
потому что это август –
торжество, первооснова,
завершенье и начало,
вопрошенье и ответ.

* * *

Даже прикорм не поможет!
Их не заставишь клевать!
Нынче чебак осторожен,
и поплавок не уложен
им на зеркальную гладь.

Видимо, всё от погоды.
Жизнь без того хороша!
Смотришь на белые воды,
на совершенство природы –
светом полна душа!

* * *

Татьяне Кулешовой

Слышишь – птицы замолчали?
Видишь – рыбы не клюют?
Стало холодно ночами,
больше ценится уют,

чем прогулка и рыбалка.
И поставлена торчком
раздвижная эта палка
с тонкой ниткой и крючком.

Не пойдѣм ни в лес, ни в гору.
В предвечерней тишине –
разговоры, разговоры
о тебе и обо мне.

* * *

Тучи нахмурили брови,
спрятали неба синь.
Мимо прошла корова,
боталом дзынь да дзынь.

Следом – её подруги.
Бык заорал, как бизон.
И по ближайшей округе
мерный плывѣт перезвон.

А в перезвоне этом –
ясность и чистота.
И умирает лето
на волоске хвоста.

* * *

А фонарь, что в стекле отражается,
освещает физалис и астры...
Вечер шепчет, что жизнь продолжается,
все надежды – на новое завтра.

Говорит, что мечтать – обязательно,
из карманов роняет приятности,
обнимает так осязательно,
заставляет смеяться от радости.

Незаметно от этой уютности
таешь, дремлешь. Незримая нить
нарисованных планов, как в юности,
помогает и верить, и жить.

* * *

Падает света былинка,
катится с высоты –
искорка, льдинка, пылинка,
капелька пустоты,

ласковая обманка
полупрозрачных оков,
шёлковая изнанка
неторопливых шагов...

* * *

Будет день и будет пища;
может, соль, а может, мѣд,
на остывшем пепелище
что-то светлое взойдѣт.

Унывать – никак негоже,
ты, душа, давай держись!
И в руке, и в воле Божьей
наша маленькая жисьь.

Фёдор ГОРОБЦОВ, член Союза писателей России. Поэт, бард, адвокат. Автор поэтических сборников «Встреча с Фемидой», «Дело. Не уголовное», «Тет-а-тет». Написал более 200 песен. В творческом багаже Фёдора Горобцова как лирические, так и иронические стихотворения, а также стихи для детей. Живет в Ульяновске.

ЖАЛЮ СИЛЬНО И УМЕЛО..

Шмель красив и круглобок,
Но с утра небритый.
Прилетает на цветок
И гудит сердито:
«Обходите стороной,
Я мужчина видный,
Не сердитый и не злой,
Но не безобидный.
На цветочках посижу
На красивых ваших.
Их пыльцой орошу –
Станут только краше!

Выпью сладкую росу
На цветке измятом.
Часть за щёчкой унесу
Маленьким шмелятам.
У меня их целых пять:
Два сынка, три дочки.
Вместе будем опылять
Ягоды, цветочки.
Так что берегите нас,
Чтобы был порядок.
И тогда у всех у вас
Будет море ягод!»

Я – знаменитая блоха!
 Меня все очень славят.
 Наверно, я не без греха,
 Видать, за это травят.

Уже десятки тысяч лет
 С людьми сосуществую,
 И кровь на завтрак и обед
 На пользу вам сосу я.

Ведь то, что высосано мной, –
 Дурная кровь, по сути.
 От крови ж этой от дурной
 Страдают только люди.

Художники Терборх и Блох
 Меня обожествляли!
 Портреты всякие про блох
 Восторженно писали!

Скажу, чтоб всяк уразумел,
 Все просто удивились!
 Мне раз Шаляпин так пропел –
 Копыта отвалились!

Кровь царская течёт во мне!
 Прабабки рассказали,
 Что как-то у царя оне
 Кровь с литр отсосали!

Я не какая-то там вша –
 Безмозглая девица.
 Мне чистым золотом Левша
 Подковывал копытца!

Мухи прилетели
 В комнату гурьбой.
 Песенки запели
 Мне наперебой.

Говорят, хороший
 Я имею слух,
 Только вот до дрожи
 Не люблю я мух!

Им навозных кучек
 Нравится букет,
 Но подобных штучек
 В этом доме нет.

Даже не мечтайте!
 Вы не мой кумир!
 С миром улетайте
 В свой навозный мир.

Дуйте-ка торопко
 С комнаты моей,
 А не то по попкам
 Шлёпну всех, ей-ей!

Мухи побледнели
 Выслушав меня.
 Тут же улетели
 Весело звеня.

МОНОЛОГ КОМАРИХИ

Мой супруг комар с утра
 Призывал, поганец,
 Что меня убить пора!
 Вегетарианец!!!

Тут он прав, что я вампир.
 Ну и на здоровье.
 А не то погибнет мир
 От избытка крови.

Мне природой суждено
 Из кровавой бочки
 Кровь сосать, ведь мы звено
 В пищевой цепочке.

С вас сливают за троих
 Литрами! Не так ли?
 А для нас, для комарих,
 В день хватает капли!

Нас не будет, то ей-ей,
 Даже птиц не будет!
 Так что кровушки своей
 Не жалейте, люди!

МОНОЛОГ КОМАРА

Дяди, тети, детвора,
 Я до вас с вопросом.
 Почему на комара
 Смотрите вы косо?

Ваш всегда тяжелый взор
 Действует гнетуще!
 Вашей крови я не вор.
 Не кровососущий.

Кровь сосёт моя жена.
 Жёнку бейте смело!
 Я признаюсь, мне она
 Тоже надоела!

Различить нетрудно нас.
 Я – весь величавый!
 Голос мой почти что бас.
 У неё – писклявый.

Рассказал всё без вранья,
 Чуть добавив глянец.
 Знайте твёрдо то, что я –
 Вегетарианец!

МОНОЛОГ ДОЖДЕВОГО ЧЕРВЯ

А я, ребяташки, червяк,
 Я от друзей с приветом.
 Живу я там, где вечный мрак
 И где не нужно света.

Под грядкой землю я рыхлю,
 Я червь бесполезный.
 Жить под землёю я люблю.
 Там очень интересно!

Я не кричу и не жужжу,
Не хохочу, а жалко.
Когда мне скучно, я хожу
С друзьями на рыбалку.

МОНОЛОГ СЛЕПНЯ

Я – слепень, свирепый мух!
Жалю сильно и умело,
Аж захватывает дух
И другие части тела!

Я опасен как змея!
Если смыться не успеешь,
Так тебя ужалю я –
Весь опухнешь, окривеешь!

Про Гвидона помнишь сказ?
Про Салтана, Бабариху?
Это я ужалил в глаз
Злую, вредную сватиху.

Очень я люблю детей,
Всех, больших, сынков и дочек,
И коров, и лошадей,
В ком есть крови хоть глоточек.

Одного я не пойму,
От досады впору лопнуть!
Всех люблю! Ну почему
Все хотят меня прихлопнуть?

МОНОЛОГ СЛИЗНЯ

Нам, слизням, живётся худо,
Счастья не было и нет.
Ненавидят меня люди!
Ненавидит целый свет!

Прячусь в ямки и под кочки,
Чтоб меня не засекали.
Ем зелёные листочки,
Что вылазят из земли.

Я в любые дыры, щели
Проползаю без труда,
Гнусь пред всеми с колыбели,
Потому что нет хребта.

Мы не волки и не мишки,
Но стыдиться не с руки,
Потому как есть людишки
В чистом виде – слизняки!

МОНОЛОГ МОШКИ

– Я – мошка, а мошкара.
Подтверждаю слухи:
Повреднее комара
И противней мухи.
С нами шуток не шути.
Мы толпой летаем.
И на всех, кто на пути,
Скопом нападаем!
Мы не жмём на тормоза!
Крутимся отлично.

Лезем в уши, в нос, глаза
Нагло и цинично!
Нас ничем нельзя прогнать,
Наш полёт не звонок.
Очень любим донимать
Вкусненьких девчонок.
Не боимся никого!
Наглые мальчишки,
Можем к вам залезть легко
Даже под штанишки!
С нами биться – глупый труд,
Даже нет надежды!
Вас от мошек не спасут
Мази и одежды.
Кто в толпе – тому дана
Яростная сила!
Можем всё: сожрать слона
Или крокодила!
Мы шакалим так и сяк
Лишь себе на радость.
В одиночку ж мы – пустяк.
В этом наша слабость.

МОНОЛОГ ШЕРШНЯ

Я часто слышал от людей
Тупые небылицы,
Что будто я – большой злодей!
Ужасный кровопийца!
Такое может утверждать
Лишь глупый забияка.
Когда меня не обижать,
Я не полезу в драку.

Нектар цветов мне по душе!
И знают даже дети –
Кто любит сладкое, уже
Добрее всех на свете!
Но если вздумает кто нас
Обидеть ненароком,
Поступок этот в тот же час
Ему же выйдет боком!

Лишь оскорблениям в ответ
Мы обнажаем шпагу.
Нас уважает целый свет
За доблесть и отвагу!
Пусть мы не очень велики,
Но мы дружны, не скрою.
Нас даже тигры и быки
Обходят стороною.

Как я – держитесь молодцом!
Смелей бросайтесь в дело!
Любой опасности в лицо
Всегда смотрите смело!
Кому-то кажется старо,
Что создано веками.
В борьбе с коварным злом добро
Должно быть с кулаками!

МОНОЛОГ СВЕТЛЯЧКА

Я скромный, маленький жучок,
Но я других милее.
Зовусь я нежно – Светлячок.
Со мною жить светлее.

Когда в душе сплошная ночь
Рождает страх, тревогу,
Лишь только я смогу помочь
Найти во тьме дорогу.

Я днём под листиком сижу,
Себя от солнца прячу,
А к поздней ночи выхожу
И радостно маячу!

И все, кому мой свет помог,
Мне заявляют, млея:
«Спасибо, славный Светлячок!
С тобою жить светлее!»

Наверху я или в яме,
Или где-нибудь ещё,
Я бегу скорее к маме,
С ней всегда мне хорошо.

Наши жизненные драмы,
Если вдуматься, пусты.
Мама вытащит из ямы
Мама примет с высоты.

Залихватски рассмеётся,
Успокоит в полчаса,
И опять сияет солнце,
И опять горят глаза.

Без упрёка, без укора
Снимет порчу, боли, стресс.
Мама – вечная опора!
Мама – главный МЧС!

Не привык Иван спешить
Ни зимой, ни летом.
Любит с бабушкой дружить,
И не очень – с дедом.

Дружба с бабушкой вкусней.
Есть простор для лени.
И ещё – всегда при ней
Блинчики, пельмени.

Стоит только посадить
Ваньку за уроки,
Начинают дружно ныть
Зубы, руки, ноги.

Но проходят боли все,
Что слонялись в теле,
На обзорном колесе,
Иль на карусели...

Я, взглянув на потолок,
Очень удивился.
Что за новый паучок
В доме появился?

Точно! Человек-паук!
Пауков всех круче!
Пригляделся – это внук –
Глебушка ползучий!

Скачет бодро по стене,
В зале и в прихожей.
Очень страшно стало мне,
Просто дрожь по коже!

Влез наверх по косяку.
Шустрый и весёлый!
Побродил по потолку,
Опустился к полу.

Если рухнет с потолка?
Всякое бывает!
Он же здесь наверняка
Все полы ломает!

Славный, милый мой малыш,
Шустрый и смыслённый,
Ты забавно так спешишь
На лужок под клёном.

Раздаваясь вдаль и вширь,
Не жалея ласки,
Пред тобою целый мир
Раскрывает краски.

Ах какой большой жучок
Скрылся под листвою.
Будь смелее, мой внучок.
Я тебя прикрою.

Галина АНИСИМОВА, поэт, член Союза писателей России.

Читая юмористические, сатирические и иронические стихи Фёдора Горобцова, не устаю удивляться таланту, которым наградила его Господь Бог: смотреть на жизнь сквозь призму юмора и тонкой иронии. Писать кратко и афористично. Представленная подборка стихов о насекомых только на первый взгляд кажется детской. Но услышав или прочитав в первый раз любое его стихотворение, знайте, что читать надо еще между строк. Такая вот многослой-

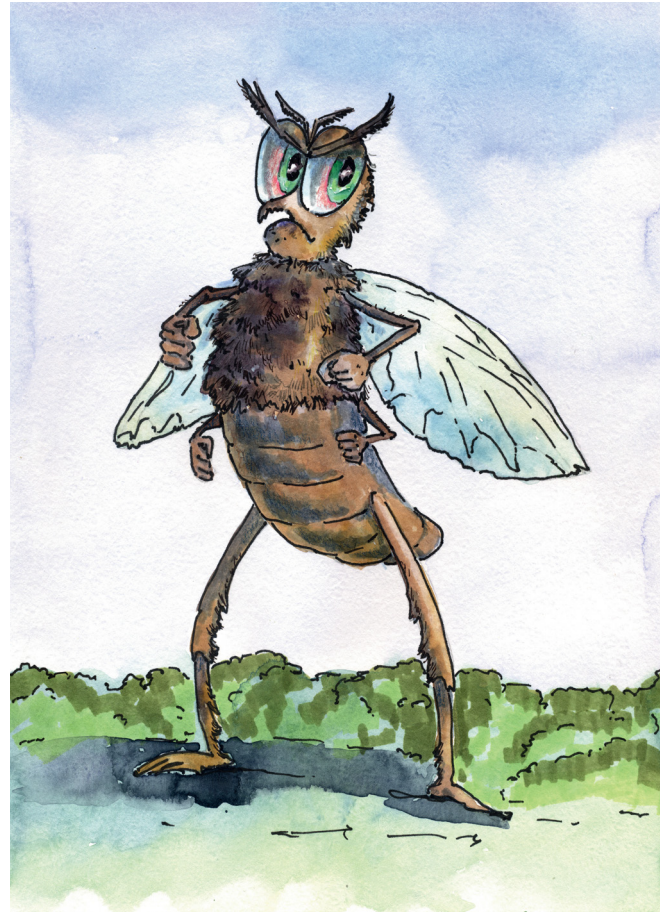
ность и кажущаяся, на первый взгляд, простота. Согласитесь, что книги (или стихи), прочитанные спустя двадцать лет, воспринимаются уже по-другому. Поэтому то, что сейчас в стихах Фёдора Горобцова не заметят дети, возможно будет для них в будущем очередным открытием. Они поймут и тонкий юмор, спрятанный за простым вроде бы сюжетом стихотворения, и точное меткое слово или строчку. Большое видится на расстоянии...

КОМАРЫ ДА МУХИ...

Рисунки Александры Горобцовой к стихам Фёдора Горобцова

МИР ЦВЕТЁТ!

Дни мои, золотые слитки!
В каждой грани их – мир цветёт!
Так жасмин у родной калитки
Расцветает из года в год...

Пусть недолго его цветенье –
Эта радость всегда со мной.
Вот и мальвы густое рденье
Обрамляет июньский зной.

День за днём – вереница счастья!
Липа дарит медовый цвет...
В этот жар ароматный пасть бы,
Задержаться на много лет!

В этих днях будет жить мой голос,
Моё платье и лёгкий шаг.
Будет вновь наливаться колос
И алеть на полянах мак.

Всё вернётся: весна и лето,
В свой черёд и в своей красе.
Здесь ли буду, а может, где-то
Там, на солнечной полосе...

Ольга ДАРАНОВА

Фото Ольги Тюльпа

«СИМБИРСКОЙ КНИГЕ» – 20 ЛЕТ!

С 11 по 21 апреля 2023 года в Ульяновской области в 20-й раз прошла уже ставшая традиционной всероссийская выставка-конкурс «Симбирская книга».

В этом году в выставке приняли участие 66 издательств и издающих организаций и 30 индивидуальных авторов. Свои издания представили центральные библиотеки 4 регионов России. Было представлено около 500 изданий, в том числе наших гостей из республик Татарстана и Чувашия. Прошло свыше 80 мероприятий в библиотеках города и области.

Участниками мероприятий в рамках выставки-конкурса стало более 3000 жителей города Ульяновска и муниципальных образований Ульяновской области.

Награждение. «Книга года». Выступает С.А. Прокопенко

18 апреля Дворец книги отметил свой 175-летний юбилей. Состоялась всероссийская научно-практическая конференция «Книжные собрания региональных библиотек как часть культурного наследия страны». Было заслушано более 50 докладов участников из 17 регионов России. Частью программы стала интерактивная театральная экскурсия «Ожившая история. Читаем Карамзина в общественной библиотеке Симбирска». В театрализации приняли участие учащиеся Мариинской гимназии (руководитель – Ирина Григорченко, заслуженный учитель РФ). Каждый день во Дворце книги проходили презентации, творческие встречи, тематические вечера.

Особенной частью программы «Симбирской книги» стали Дни молодой литературы.

Форум юных краеведов

На закрытии «Симбирской книги – 2022» были подведены итоги конкурса и отмечены лучшие издания.

«Книгой года» стало издание союза краеведов Ульяновской области «История Симбирско-Ульяновского края с древнейших времен до наших дней в 6 т.: Т.1. Палеолит – Эпоха бронзы».

Лучшими археографическими изданиями были признаны книги «Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске» и «Селения Симбирского уезда: материалы для истории симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде» автора Павла Любимовича Мартынова, просветительского социально-культурного центра «Общественная историческая библиотека»; лучшим справочным изданием стала книга «Вдоль берегов великих рек. Путеводитель по Средней Волге и Нижней Каме» автора Евгения Бурдина; книга «Интеллигентная ворона» автора Александра Крутова была признана лучшим изданием для детей; в номинации «Лучшее полиграфическое издание» победу одержало издание «Похождения Фауста. Торжествующая преисподняя» автора Александра Фефилова, (издательский центр УлГУ); книга «И.В. Ишерский: педагог, просветитель, организатор народного образования» автора Розы Макаровой была признана лучшим документальным изданием; альбом жанровых фотографий «Adagio. Адажио» авторов Николая Алексеевича Василькина, Натальи Васильевны Светуньковой стал лауреатом в номинации «Лучшая книга по искусству», ООО «Симбирскпроект» было награждено в номинации «Новый взгляд» за альбом графических работ «Ульяновск-Симбирск».

Театральная экскурсия «Ожившая история»

Архитектурный маршрут: графический цикл: Александр Черкасов»; издание «Адоевщина (Одоевщина, Знаменское). Из прошлого в будущее» автора Марии Качалиной было признано лучшим в номинации «Малая родина»; сборник произведений ульяновских литераторов, посвященных Победе в Великой Отечественной войне «Слово о Победе» был отмечен в номинации «За сохранение исторической памяти»; за серию книг ульяновских авторов было отмечено ООО «Мастер-студия»; за эффективное отражение педагогического опыта было награждено областное государственное автономное учреждение «Институт развития образования» (за информационно-аналитический журнал «SMART-образование Ульяновской области»); в номинации «За сохранение культурного наследия родного края» было отмечено федеральное государственное

Дни молодой литературы

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова» за книгу «Русские народные сказки Ульяновского Поволжья»; специальным дипломом «За поэтическую преданность родному краю» была отмечена автор и поэтесса Марина Шкрובה-Верналис за книгу «Поэзия в живописи».

«ЖИВОЕ СЕРДЦЕ «СИМБИРСКА»

Традиционно в дни «Симбирской книги» состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный литературному журналу «Симбирск». Были подведены итоги предыдущего года, награждены авторы лучших публикаций. Дипломы журнала и оригинальные призы из симбирцита получили Ольга Даранова, Любовь Папета, Владислав Ванюков, Николай Марянин. Как всегда, встреча в кругу друзей, авторов и читателей журнала прошла насыщенно и интересно. Ведь журнал объединяет все творческие литературные силы нашего края. Вечере приняли участие музыканты О. Киселев, Е. Ушакова, А. Моторина, С. Горобцов.

Благодарим всех участников встречи за выступления, добрые слова, со-творчество, общую атмосферу праздника!

В.А. Лучников и О.Н. Даранова

*Выступает
А.В. Лобкарёва*

*А. Оскина вручает
библиографический указатель,
подготовленный
к юбилею журнала*

В МЕЛЕКЕССКОМ ЛЕСУ

ЕСЛИ СЕРДЦЕМ ВИДЕТЬ ЧУДЕСА

Мой Бог!
На каждом кончике – роса!
Возможно ли?
Я верю: всё возможно!
И, если сердцем видеть чудеса,
глазами чудо отыскать несложно.

Раиса КАШКИРОВА

Фото Раисы Кашкировой

Раиса КАШКИРОВА, член правления Ульяновского регионального отделения Союза писателей России и писательской организации «Слово», редактор литературного приложения «Слово» к газете «Димитровград», член редакционного Совета литературного журнала «Симбирскъ», соавтор проекта «Литературный тележурнал «Слово».

СПАСИБО ЗА ЛЮБОВЬ К РУССКОМУ СЛОВУ!

5 мая 2023 года в Димитровграде прошло заключительное мероприятие, посвященное 75-летию со дня рождения настоящего мастера слова, димитровградского писателя Александра Федоровича Никонова (1948–2018).

Богатое творческое наследие, которое оставил нам талантливый земляк, – это несколько изданных книг и большой багаж ещё не опубликованных произведений для взрослых и детей.

В преддверии юбилейной даты библиотека «Информационно-досуговый центр» муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система г. Димитровграда» в партнерстве с ассоциацией «Писательская организация «Слово» провели акцию «Литературный ковчег А.Ф. Никонова», в которой приняли участие не только димитровградцы, но и жители других городов России. Инициатором акции стала библиотекарь ИДЦ Диана Викторовна Благова, её поддержало руководство ЦБС, заведующая ИДЦ Марина Викторовна Ульянова и весь дружный библиотечный коллектив. Читателям было предложено проиллюстрировать творчество А.Ф. Никонова. Акция охватила цикл сказок «Пахомова неделя», романы «Цветок на диком камне», «Пепел родного очага», «Побег», роман для детей и юношества «Я с тобой, Вэрк», приключенческий роман «Амурский ангел», цикл «Донбасские рассказы» и другие произведения Никонова. Некоторым участникам, в том числе малышам из димитровградского детского сада «Яблонька», который принял самое активное участие в литературном празднике, помогали родители, библиотекари, педагоги и воспитатели. Их неравнодушный, творческий подход к работе с детьми и любовь к слову сотворили маленькое чудо: произведения Александра Федоровича буквально оживали в каждой работе, будь то выразительное аудиопро чтение или интересная видеозапись, завораживающий буктрейлер или иллюстрированный рассказ, трогательный рисунок или чудесная поделка – всё привлекало внимание и радовало слух и взгляд читателя. Сотрудники ИДЦ Дарья Александровна Титаренко и Фарида Ахтямовна Якупова и дочь Александра Никонова, Ксения Щетинина, подготовили к заключительному мероприятию волнующую выставку фотографий, книг, личных вещей писателя и замечательных работ его читателей.

Всем авторам этих работ – и взрослым, и детям – преподнесли в дар книги Александра Федоровича и

Иллюстрация к повести «Я с тобой, Вэрк»

сертификат участника литературной акции, а потом весёлый Додоша принёс ребятам пиццу и праздник завершился угощением.

Несколько участников получили особое поощрение: их работы станут частью большого проекта, реализуемого писательской организацией «Слово» в сотворчестве с телекомпанией ДимГрад24 – это литературный тележурнал «Слово», на страницах которого димитровградские писатели регулярно знакомят земляков со своим творчеством. Но теперь мы хотим дать слово нашим читателям, и прежде всего – подрастающему поколению. Так и будет названа новая рубрика тележурнала «Слово – детям». Произведения димитровградских поэтов и прозаиков прочтут самые талантливые юные чтецы Димитровграда, Ульяновской области и всей России. А первый выпуск тележурнала будет посвящен жизни и творчеству Никонова. С его произведениями читателей познакомят Арсений Христолюбов (г. Севастополь), Ярослав Горбунов, Полина Тимофеева, Вероника Зотова (д/с «Яблонька», г. Димитровград), Елисей Дрожжин (Ульяновское Суворовское военное училище), Ксения Благова (с. Алексеевка Самарской области), Настя Артамонова, Настя Чурикова и Аня Новикова (Университетский лицей г. Димитровграда).

Мы обязательно поможем и другим талантливым ребятам попасть на страницы тележурнала «Слово – детям».

Писательская организация «Слово» сердечно благодарит всех организаторов и участников литературной акции за сохранение памяти о нашем коллеге и земляке, писателе Александре Федоровиче Никонове, за любовь к русскому слову и к чтению, за патриотизм и развитие талантов родного края и всего Отечества!

УЛЬЯНОВСК –
ГОРОД ЛИТЕРАТУРЫ

УЛЬЯНОВСК ПЕРВЫМ ИЗ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ ПРИСОЕДИНИЛСЯ К КРЕАТИВНОЙ СЕТИ ГОРОДОВ ЮНЕСКО В 2015 ГОДУ, ПРЕДСТАВИВ НАПРАВЛЕНИЕ «ЛИТЕРАТУРА»

Это открыло для ульяновского литературного сообщества и для творческих горожан новые международные возможности – обмен опытом с коллегами из других стран.

Глобальная цель участия города Ульяновска в сети креативных городов ЮНЕСКО – интегрировать современный литературный процесс России в международную повестку. На локальном уровне наша цель – совершенствовать инфраструктуру города для формирования устойчивого бренда «креативный Ульяновск» и создавать условия для творчества горожан и гостей города.

Участие в сети креативных городов открыло новые горизонты для кросскультурного взаимодействия. Яркими примерами служат проекты, которые дают возможность обмениваться опытом на международном уровне и создавать положительный имидж России. С 2019 года в Ульяновске заработал проект «Международная писательская резиденция» для поэтов и писателей из литературных городов ЮНЕСКО. Проект направлен на развитие международного сотрудничества в сфере культуры. Литераторы из других стран имеют возможность проживать в Ульяновске, знакомясь с горожанами, с местной историей и традициями. В результате такой коммуникации участник проекта создает художественное произведение о нашем городе. Первыми гостями резиденции в недавнем прошлом стали поэт Андрей Хочевар из Словении и писатель Дэвид Ховард из Новой Зеландии. Они изучали Ульяновск и затем рассказали о нем своим зарубежным читателям через публикации в социальных сетях и в авторитетных СМИ: американском литературном журнале *Sagibi*, новозеландском портале ANZL

и т.д. Проект вызвал большой отклик у представителей иностранного литературного сообщества. Были достигнуты успешные договоренности, и уже в 2020 году по приглашению международной сети городов ЮНЕСКО ульяновская поэтесса и писательница Гала Узрютова стала участником международной писательской резиденции в литературном городе Нанкине (Китай), а в 2021 году – в литературном городе Мельбурне (Австралия).

Наше участие в проекте было настолько популярным в международном сообществе, что сотрудничество было продолжено: Ульяновск пригласил литераторов из Великобритании и Австралии. К сожалению, несмотря на их согласие, работу резиденции пришлось временно приостановить из-за пандемии. Тем не менее во время ковидных ограничений было создано множество успешных проектов, которые позволили поэтам и писателям обмениваться опытом в онлайн-формате.

В 2021 году Ульяновск был приглашен в проект «Стихотворение по цепочке», который создал литературный город Утрехт (Нидерланды). Проект стартовал 21 марта во Всемирный день поэзии и завершился в 2022 году. 16 поэтов из 11 литературных городов ЮНЕСКО создавали общее стихотворение «Эти дни ожидания». Ценность проекта в том, что, несмотря на ограничения из-за пандемии, люди искусства с помощью онлайн-технологий объединились через творчество. В рамках другого проекта – «Большой город читает» (Ноттингем, Великобритания) – наш город обменивался с другими городами-участниками книгами о юношестве. Зарубежные любители литературы познакомились с 8 российскими авторами и их произведениями.

Литературный Ульяновск не только активно участвовал в новом формате общения, но и инициировал международный проект «Единственный вопрос», в котором приняли участие 40 авторов из 18 литературных городов ЮНЕСКО. Они задавали друг другу вопросы о творчестве. Итогом стал выпуск онлайн-сборника с вопросами и ответами, волнующими творческих людей всего мира.

Новые горизонты сотрудничества открыл 2022 год. Дирекция «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» начала работу по социальной адаптации иностранных студентов, в ходе которой мы

знакомим их с культурой, традициями, народными промыслами и историей города и России. В Ульяновске обучаются более 3,6 тысячи иностранных студентов, и каждый из них, уезжая к себе на родину, делится позитивными впечатлениями о нашей стране. Об этом мы уже начали рассказывать читателям журнала «Симбирскъ» в прошлых номерах.

Еще одним значимым проектом стал фестиваль креативных городов ЮНЕСКО «Перекресток» в Ульяновске. Он объединил четыре российских креативных города ЮНЕСКО: Санкт-Петербург («Гастрономия»), Казань («Музыка»), Каргополь Архангельской области («Ремесла») и Ульяновск («Литература»). Каждый город представил свое творчество и

был тепло принят горожанами и гостями праздника. Фестиваль собрал 1500 участников и в 2023 году станет более масштабным. К фестивалю присоединятся коллеги из стран СНГ и креативных городов БРИКС.

Ульяновск – это город, для которого креативные индустрии являются основой идентичности и устойчивого развития. Вместе с партнерами из сети ЮНЕСКО мы продолжаем развивать многообразие и качество творческого сектора. В июне 2023 года стартует I Международный фестиваль детского творчества «Все краски вдохновения детства», миссия которого – раскрыть талант детей через свободу творчества (живопись, литература, хореография и т.д.). В планах – запуск уникального междисциплинарного проекта по созданию музея под открытым небом на аллее ЮНЕСКО, где будет представлена 31 арт-композиция объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в России.

Подготовила Дарья ФОКИНА

Геннадий КОНДРАТЬЕВ (р. 1953)

2 июня. 70-летний юбилей отмечает чувашский поэт, прозаик, переводчик Геннадий Иванович Кондратьев (р. 02.06.1953, д. Сормово Красночетайского р-на Чувашской АССР). Окончил Мариинско-Посадский лесотехнический техникум (1972). С 1986 года живёт с семьёй в Инзе. Работал на Инзенском лесокомбинате, в лесхозе, в жилищно-коммунальном хозяйстве Инзенского городского поселения. Член Союза писателей Чувашской Республики (2008). Переводил с чувашского на русский язык сонеты А.Ф. Юмана, рассказы Н.А. Казакова; с белорусского на русский – стихи Я. Купалы. Автор сборника стихов и рассказов «Я останусь в России» (2011, Ульяновск). Почётный краевед Чувашской Республики (2007).

ЗИМОРОДОК

Зимним утром иду вдоль кустов,
Что, застывши, стоят у тропинки...
В тех кустах, что давно без листов,
Зимородок поёт: пиньки-пиньки.

Пусть поёт он не как соловей,
Пусть поёт он без свиста и трели –
Для души не капризной моей
Это будто капеллы запели.

Моноotonную песней простой
Зимородок меня убажает,
Среди снежных сугробов зимой
С песней той далеко провожает.

Как на сердце навалится грусть –
Я пойду вдоль кустов по тропинке,
И тоску изгоняет мне пусть
Из замёрзших кустов: пиньки-пиньки.

ГОРШКИ

Сказал ты: «Назови горшком,
Но только в печь меня не ставь».
Пусть будет так, но дело в том –
Они для разных нужд, представь.
Одни бывают для супов,
Другие для интимных дел,
Бывают также для цветов, –
А твой тогда каков удел?
Куда же мне тебя девать?
Цветов не заслужил пока.
Ну что ж, поставлю под кровать –
Ты там нужней навёрняка.

СТУПЕНИ

Ступени, ступени, ведущие вверх
Лишь только отдельных, лишь только не всех –
Кому невезенье, удача кому,
Кто к славе взметнётся, а кто ни к чему.

Ступени, ступени, сулящие приз, –
Кто там укрепитесь, кто падает вниз.
Летит кто отвесно, кто юзом скользит,
Кто в пух приземлится, кто будет разбит.

Ступени, ступени – загадочный спор:
Вы чьё-то бессмертье, вы – чей-то позор;
Ведущие к раю, ведущие в ад –
По ним мы ступаем всегда наугад.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

С добрым утром, милый друг,
С добрым летним утром:
Заискрилась, глянь вокруг,
Зорька перламутром.
Зорька с ангельской росой,
Зорька с птичьим хором,
Зорька с утренней звездой,
С золотым убором.
И с туманом над рекой,
С небом бирюзовым.
С добрым утром, дорогой,
С непорочно-новым.

Константин ЛАВРОВ (р. 1963)

2 июня. 60 лет исполняется предпринимателю, литератору Константину Фёдоровичу Абрамову, творческий псевдоним – Лавров (р. 02.06.1963, с. Палатово Инзенского р-на Ульяновской обл.). Окончил Валгусскую среднюю школу Инзенского р-на (1980). Получил высшее образование в Москве; работал в строительных организациях, в начале 1990-х гг. открыл собственную компанию в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Принимал участие в III Международном культурном форуме в Ульяновске (2013). Автор биографических книг «Бизнес наизнанку, или Место под солнцем» (2013), «Власть как смысл жизни» (2014), «История наследства, или Тайна вечной любви» (2018). Живёт в Москве.

ИСТОРИЯ НАСЛЕДСТВА, ИЛИ ТАЙНА ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ (отрывок из книги)

Ира была совершенно измотана, она даже забыла, когда в последний раз ела: то ли два дня назад, то ли три. Но это было не важно. Казалось, плачевное физическое состояние совершенно не заботит её. Растрёпанные волосы падали на плечи, глаза опухли от постоянных рыданий, а потрескавшиеся губы были испачканы кровью, сочившейся из мелких ран. Отражение в зеркале не имело никакого значения, женщина перестала походить на саму себя. Она не понимала, что происходит в её жизни, каким образом всё обернулось против неё и когда именно это началось. Тоска и отчаяние заполнили сердце, а пелена из слёз висела туманом, закрывая собой привычные вещи. Женщина ходила по небольшой комнате, не замечая времени и не реагируя на окружающую обстановку. Беспорядок царил повсюду, олицетворяя собой беспокойную душу, которая, словно птица в тесной клетке, билась в надежде обрести свободу. Ира чувствовала, как сходит с ума. Слова комом застряли в горле, вызывая тошноту, голова раскалывалась от невыносимой боли. Предательство – она встречалась с ним и раньше, но разве можно ожидать подобного от того, кого любишь и кому доверяешь. Никто не думает о том, что означает воткнутый в спину нож – до тех пор, пока сам не ощутит удар ледяного лезвия.

– Неужели тридцать лет, прожитые вместе, совершенно ничего не значили? Почему ты решил растоптать всё хорошее, что нас связывало? Господи, как же так? Я не хочу больше жить! Ты мог сделать со мной всё, что угодно, только не это! Почему?! Нет, нет! Пожалуйста, не надо! – Ирина взывала к невидимому собеседнику, срываясь на крик.

От надрывного звука собственного голоса стучало в висках. Ноги подкашивались, женщина устала от постоянного хождения взад-вперёд по тусклому серому дому. Жизнь покинула это место, в нём больше не было ни счастья, ни тепла. Когда-то родные стены превратились в душную коробку. И всё же воспоминания ещё жили в этом полуразрушенном месте. Старые брёвна хранили внутри себя последний огонёк надежды, но поддерживать едва теплящееся пламя становилось всё труднее с каждым часом. Деревянный дом стал свидетелем прежней жизни, которая больше никогда не вернётся. Каждое брёвнышко будто олицетворяло собой историю непростой женской судьбы. Ира водила ладонью по стенам, шагая неровной походкой по комнате. Она ощущала тепло, которое дарило каждое прикосновение. Закрывая глаза, слышала смех, видела

улыбки на лицах мужа и сыновей.

– Это невозможно забыть, невозможно вычеркнуть, так не бывает... – шептала женщина, повторяя, словно заклинание, одни и те же слова.

Она подошла к входной двери с тяжёлым засовом. Внезапно ей захотелось выбежать на улицу и сделать глоток свежего воздуха. Не обращая внимания на сильную метель, Ира осторожно вышла из дома и ощутила, как мороз тонкими иголками впиывается в ступни. Ветер хлестал по лицу, давая пощёчины одну за другой, но она не пыталась прикрыться руками. Её остекленевший взгляд был направлен в одну точку. Ирина даже не подумала, что нужно накинуть куртку и надеть сапоги. Казалось, она вообще забыла, какое время года за окном. Старые джинсы и рубашка, застёгнутая лишь на несколько пуговиц, – вот и всё, что согревало её тело в десятиградусный мороз. Ира плакала навзрыд и продолжала разговаривать, глядя в пустоту:

– Помнишь, как мы приехали сюда первый раз, как радовались, что купили этот маленький деревенский домик. Мечтали, что будем жить здесь в старости, когда подрастут наши дети. На тебе была голубая рубашка. Она мне очень нравилась. Твои светло-серые глаза становились более выразительными и красивыми, когда ты надевал эту рубашку... Смотри, теперь она на мне, видишь, даже сейчас. Конечно, я уже не так молода, как раньше, но ты не раз говорил, что возраст любви не помеха. Разве всё это было ложью? Почему ты мне лгал? – Ира говорила монотонно, периодически всхлипывая. Слёзы застывали на щеках маленькими льдинками, царапая кожу, но холод действовал как анестетик, притупляя боль. Кончики пальцев совершенно онемели, из-за сильного ветра становилось тяжело дышать. – Родился Егорка, наш первенец. Ты очень хотел сына, и я его родила. Все девять месяцев мечтала увидеть нашего мальчика. Каким же крохотным он казался на твоих руках. Ты так заботился о нём, так любил. Меня ты тоже любил? Конечно, любил... Женщина всегда чувствует, что испытывает к ней мужчина. Ты был готов носить меня на руках, – Ира не могла остановить поток воспоминаний или не хотела.

Тем временем метель немного стихла. Присев на скамейку, женщина истерически засмеялась и перевела взгляд на следующую точку в белой пелене. Со стороны казалось, что она действительно сошла с ума...

Елена ЗЕЙФЕРТ (р. 1973)

3 июня. 50-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик и литературовед Елена Ивановна Зейферт (р. 03.06.1973, г. Караганда Казахской ССР). Член Союза писателей Москвы и Союза переводчиков России. Доктор филологических наук. Автор книг «Расставание с хрупкостью» (1998), «Малый сборник» (2002), «Ловец смыслов, или Культурные слои» (2010), «Ладонь цветка» (2011), «Зеркальные чары» (2011), «Имена деревьев» (2013) и др. В рамках Всероссийского фестиваля культуры российских немцев провела 4 сентября 2010 года в Ульяновске заседание литературного клуба «Мир внутри слова»; была ведущей салона «Молодой певец, дорогою прекрасною тебе идти...» в драматическом театре. Живёт в Москве.

СОНЕТ ОБЪЯТЯ

Замешкаться... Не виделись полгода.
Глядеть. И слушать, что он говорит.
...Пускай заря вечерняя горит –
но солнечного ожидать восхода!

Идём вплотную в толчее народа.
Коснулся незначай моей руки...
Как жгли меня, нечаянно легки,
шаги к нему – любви кромешной всходы.

Остановиться. Он уже не снится...
Ещё раз, заробев, чуть отстраниться
и вдруг, про весь аэропорт забыв,

прижаться к цвета персика рубашке
и дать его рукам – родным, вчерашним! –
сжимать лопатки с силою судьбы.

МАМЕ. СПАСИ БОГ

Я в детстве думала, что взрослые не спят.
Совершенно не спят. По меньшей мере – мамы.
Они стирают или шьют, когда мы
ложимся с сонмом плюшевых зверят...
Проснувшись, локоны рассыпав по подушке,
уж чую носиками мамины блины...
Так было. Но состарились зверюшки,
а мамы всё прислуживать должны.

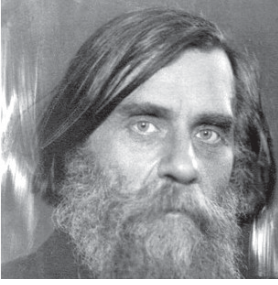
Мы яблоки. У нас нежны бока.
А яблонька – что делается с нею?
Пишу... И, словно яблочко, краснею...
Я ангелок на маминых руках.
Но нужно с Мамы рисовать иконы!
Ей шестьдесят иль снова двадцать пять?..
Я рядом с нею – как слеза мадонны...
В сорочке детской, в слониках, до пят...

Я стала взрослой – не познав искусство,
держат в руке стихи, как альпеншток,
а научившись маме щедро, вкусно
дарить святое слово, в коем – Бог...
Я свой вопрос на языке наитий
задам, хоть не хочу к вам в душу лезть:
«Вы матери «спасибо» говорите?
За каждый жест, за то, что мама есть».

АВТОЭПИТАФИЯ

Я – камень – не тяжёл ли для неё,
чьи хрупкие останки подо мной?..
Ей мал был и высокий окоём,
и сердце, и безоблачный покой...
Она любила изнутри сиять!
И знала, кто ей лучшие друзья:
язык, поток людей, золотая прядь,
взгляд к небесам и поневоле – я...

Юрий ВЕРХОВСКИЙ (1878–1956)

4 июня. 145 лет назад родился литературовед, поэт, переводчик Юрий Никандрович Верховский (04.06.1878, д. Гришнево Смоленской губ., ныне не существует – 23.09.1956, г. Москва). Окончил Петербургский университет (1902). Занимаясь биографией поэта Е.А. Баратынского, в 1908 году ездил от Академии наук за архивными материалами в Казань, Симбирск и т. д. Преподавал литературу в Тифлисе, Петербурге, Перми, Москве. Был членом правления Всероссийского союза писателей. Автор книг «Идиллии и элегии» (1910), «Е.А. Баратынский. Материалы к его биографии» (1916), «Поэты пушкинской поры» (1919), «Солнце в заточении» (1922), «Поэты-декабристы» (1926), «Будет так» (1943) и др.

СУДЬБА С СУДЬБОЙ

Ты, может быть, придёшь ко мне иная,
Чем та, что я любил;
Придёшь, как вновь – не помня и не зная
Своих великих сил.

Но можешь ли идти со мною рядом,
А я – идти с тобой,
Чтоб первый взгляд не встретился со взглядом,
И в них – судьба с судьбой?

Твоя судьба – предаться полновластью:
Суровой – не избыть.
Моя судьба – гореть покорной страстью:
Иной – не может быть.

Я уходил с душою оскорблённой
От моего земного алтаря;
Ещё дымил он жертвой раскалённой,
Зловещими рубинами горя.

И над моей мечтою опалённой
Уже вставала новая заря –
Владычицей, порывом окрылённой,
Над бранными обидами царя.

Но я тоске грызущей предавался:
Вокруг – назло призывам молодым
Удушливой волною расплывался
Последней жертвы едкий, горький дым.

Я задышался медленным угаром,
Отвергнутый с моим последним даром.

Зачем, паук, уходишь торопливо
Ты по столу от взора моего?
Иль то, что мне таинственно и живо,
Давно тебе обычно и мертво?

Другой паук когда-то постоянно
Великого маэстро навещал
И, поместясь к нему на фортепьяно,
Всего себя он звукам посвящал.

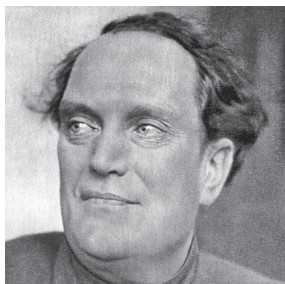
И, одинокий, любил его Бетховен.
Его давно воспел другой поэт.
Не потому ль уходишь, хладнокровен,
Что гения в моих напевах нет, –

Что, даже приманить тебя желая,
Сейчас пою уж петое давно,
Что чар полна всегда душа живая,
Но жизнь зачаровать не всем дано?

В туманный зимний день
я шёл равниной снежной
С оцепенелою безмолвною тоской,
И веял на меня холодный, безнадежный,
Покорный, мертвенный покой.

Потупя голову, в бесчувственном скитанье,
Казалось, чей-то сон во сне я стерегу...
И, обретая вновь мгновенное сознание,
Увидел розу на снегу.

Валериан КУЙБЫШЕВ (1888–1935)

6 июня. 135 лет со дня рождения государственного деятеля, литератора, ме-
муариста Валериана Владимировича Куйбышева (06.06.1888, г. Омск – 25.01.1935,
г. Москва). В 1917 году один из руководителей борьбы за установление советской
власти в Самаре. В июне 1918 года был эвакуирован в Симбирск; назначен полит-
комиссаром и членом Реввоенсовета 1-й и 4-й армий Восточного фронта. Уча-
ствовал в реорганизации отряда Г.Д. Гая в 1-ю сводную Симбирскую дивизию. С
1930 года председатель Госплана СССР. С детства писал стихи. Автор воспоминаний
«Эпизоды моей жизни» (1931), книги сочинений «Избранные произведения»
(1958). Его именем названа улица в Железнодорожном районе Ульяновска (1935).

ЭПИЗОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ (отрывок из воспоминаний)

Нелепостью нашего положения в Симбирске было то, что мы неизбежно должны были пропускать пароходы, идущие на Астрахань, ибо на них ехали десятки тысяч людей. Мы не могли задерживать их в Симбирске потому, что не могли их накормить и удовлетворить все их потребности...

Д. было поручено вместе с его дружиной человек в тридцать обыскивать все пароходы, проходившие мимо нас. На первый взгляд всё обстояло благополучно, нам докладывали, что «нашли таких-то шпионов, контрразведку, террориста» и прочее.

Но вот однажды мы получаем сообщение, что пришёл пароход, Д. его обыскал, нашёл там купцов с большим количеством золота и это золото разделил по своей дружине. Не верится, но сообщение подтверждается. Что делать? Пришлось вызвать красноармейскую часть и произвести обыск во всей дружине Д. Спросили и Д., в чём дело.

– Мы взяли эти деньги для того, чтобы, как падёт советская власть, начать партизанское движение.

– Когда падёт советская власть?

– Да как же, чехи берут один город за другим, доберутся до нас. Когда падёт советская власть, наша дружина будет бороться.

– Ну, пожалуйста, голубчики, в тюрьму! – забрали всех.

Собрал я революционный Комитет в Симбирске, обсудили дело и постановили – расстрелять Д. и всю его дружину. Но в это время случилось следующее обстоятельство: Симбирск, в котором мы в то время находились, начал атаковываться с двух сторон – с юга через Сенгилей и с востока. Чехи в это время уже взяли Мелекес. Симбирск висит на волоске. Всё зависит от того, насколько будет крепок технически наш противник, а с другой стороны – насколько будут дисциплинированы наши части. Но о дисциплине в наших частях можно было в то время только мечтать. Примером дисциплины был случай с Д.

Чехи воодушевлены достигнутыми победами – они взяли Самару, взяли Сенгилей, взяли Сызрань, взяли Мелекес и подходят к Симбирску. Симбирск для них – опорный пункт дальнейшего движения на Москву, и они с большим энтузиазмом идут на

Симбирск. Надо было во что бы то ни стало этому воспрепятствовать.

Обсуждаем мы в штабе, как быть, что делать. Решили, что надо послать какую-либо крупную партизанскую группу и тем воспрепятствовать дальнейшему движению чехов на Симбирск. Но для этого нужен смелый, отважный человек и очень смелая бригада. И вот в Реввоенсовете 1-й армии мы обсуждаем вопрос: кого послать? Я предлагаю послать Д. с его отрядом.

– Как? Да мы только что приговорили их к расстрелу!

– Мало ли что, но кого вы противопоставите по смелости, по отваге этой бригаде? – спросил я.

Назывались имена, но все они не шли в сравнение с тем, что мог сделать Д.

– Как же быть с их расстрелом?

– Пусть этим путём они искупят свою вину.

Едем в тюрьму. Я не помню, кто был со мной, кажется Тухачевский. В кабинет начальника тюрьмы мы вызвали Д. Я ему рассказываю о создавшемся положении и предлагаю: если ты хочешь жить, то взорви путь в тылу наступающих чехов. Вдруг я получаю такой бессмысленно гордый ответ: «Я свою жизнь не покупаю».

Мы все рассмеялись. Я ему объясняю, что дело не в покупке жизни, а в том, что он завтра будет расстрелян, если не искупит свою вину спасением Симбирска. Он потребовал совещания со своими товарищами. Чувствовалось, что он соглашается. Мы разрешили ему свидание с товарищами. Через некоторое время он приходит и говорит:

– Я вас правильно понял, что жизнь будет дарована не только мне, но и моим товарищам?

– Конечно, и всем вашим товарищам.

Д. был специалист подрывного дела, мы дали ему помощника, точно указали, где и когда они должны произвести взрыв, выпустили всех из тюрьмы и в течение 10 минут отправили туда походом.

К сожалению, Симбирск был взят до того, как он успел взорвать путь. Взрыв не произошёл. Взят Симбирск, взята Казань, Самара продолжала оставаться в руках чехов. Мы комплектовали армию в Инзе, чтобы взять Симбирск...

Андрей ЕЛЧАНИНОВ (1868–1918)

7 июня. 155 лет назад родился военный историк, писатель Андрей Георгиевич Елчанинов (07.06.1868, ? – 12.10.1918, ?). Образование получил в Симбирском кадетском корпусе. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1888). Автор военно-исторических сочинений «О самостоятельной коннице» (1907), «К 300-летию осады святой Троице-Сергиевой лавры» (1908), «Ведение современной войны и боя» (1909), «Суворов. Краткий очерк боевой деятельности» (1910), «Герои-полководцы 1812 года» (1912), «Державный дом Романовых» (1913) и др. Генерал-лейтенант (1916), участник Гражданской войны в России. С августа 1918 года в Красной Армии; в сентябре арестован, расстрелян большевиками.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ (отрывок из книги)

Началом нашей истории и первым толчком к основанию наших ратных сил, по мнению профессора В.О. Ключевского, послужило образование в VI в. н. э. наступательного военного союза против Восточной Римской империи племён восточных славян.

Племена эти до II в. обитали по Среднему и Нижнему Дунаю, в царстве даков, а затем, после разорения римлянами этого царства, были вытеснены к отрогам Карпат. Отсюда, по течению Днепра, Западного и Южного Буга и притоков Припяти и Верхней Вислы, молодые, полные сил и предприимчивости племена восточных славян двинулись в VII–VIII вв. в более доступную их натиску так называемую Русскую равнину, где, естественно, они и осели – прежде всего на богатом водном пути «из варяг в греки», т. е. от реки Волхов к Днепру.

Но в одно время с расселением восточных славян по западной лесистой части Русской равнины в восточной степной её части распространилась новая азиатская орда, хазары, которые в VIII в. покорили зашедших ближе к востоку славян – полян, северян и вятичей.

Однако в начале IX в. сквозь хазар прорвались, с востока на запад, за Дон, новые орды: печенегов и за ними узов-торков. Хазарская власть оказалась не в состоянии оберегать наших купцов на востоке. Пришлось об этом заботиться купцам самим (торговые города – вооружённые убежища).

Почти тогда же в городах по Днепру стали появляться пришельцы из Скандинавии. Преимущественно вооружённые купцы, стремящиеся пробраться в богатую Византию, они задерживались в больших торговых городах и входили в состав местного вооружённого купечества. Таким образом, в городах образовалась из туземцев и пришельцев военно-промышленная сила, которая не только сделалась независимой от хазар, но и подчинила себе несколько соседних племён.

В части городов варяги забрали власть, а их вожди стали военачальниками, называя себя князьями и витязями (княжество Рюрика в Новгороде, Синеуса – на Белом озере, Трувора – в Изборске, Аскольда – в Киеве).

Из всех городов восточных славян наибольшее значение имел Киев («стольный град», «мать городов русских») как центр русской торговли и

обороны всей страны. Именно поэтому все варяжские князья и стремились завладеть Киевом, и поэтому же Киев неминуемо должен был стать узлом объединения русских славян.

Первые же русские князья в Киеве, поняв это, стремились подчинить соседние племена и расширить свои владения, причём править в завоёванных землях сажали наместников, «посадников» – своих сыновей или родственников, или особых выбранных лиц.

Наместники эти, по существу, были такие же князья, как и князь Киевский, но он считался старшим, «великим князем» русским, а все подвластные ему племена и земли входили в Великое княжество Киевское, или Русское государство, в середине XI в. довольно обширное и с весьма пёстрым населением.

За право быть облечёнными властью князья обязывались охранять торговые пути к заморским рынкам, оборонять подвластные земли и расширять всё дальше зону торговли. Это в итоге привело нас к желанию покорить Византию и овладеть выходом из Чёрного моря в Средиземное.

В общем, начало нашей истории было сопряжено с борьбой мощной и стойкой – то наступательной, то наступательно-оборонительной, как и во всё остальное время нашего существования, – за свержение иноземного могущества и за выход на широкие морские просторы и на севере, в воды Фряжские (варяжские), и на юге, в воды Средиземные, а для этого нужно было иметь надлежащую военную силу.

Уже в середине IX в. у князей такая сила была – дружина, состоящая из наёмников (варягов). Позднее в неё вошли славяне, а к концу X – середине XI в. в составе дружины были преимущественно славяне.

Дружина делилась на высшую (княжие мужи, или бояре) и низшую (гриди, или гридьба, позднее называемые дворовыми, или слугами). Бояре, служа князю, вопросы управления и защиты земли решали сообща в Думе, или Государственном совете. Состоящая у князя на службе за содержание, дружина должна была находиться всегда в боевой готовности, но во всём остальном она была свободна. Дружина, таким образом, была военным сословием, занятием исключительно войной и торговлей...

Александр ДОЛЬСКИЙ (р. 1938)

7 июня. 85 лет исполняется поэту и барду Александру Александровичу Дольскому (р. 07.06.1938, г. Свердловск, ныне Екатеринбург). С 1949 года пишет песни на свои стихи. Окончил Уральский политехнический институт (1963). Лауреат литературной премии им. Б. Окуджавы (2002). Автор поэтических сборников «Пока живёшь» (1989), «Синий автопортрет» (1991), «Четыре ангела» (1991), «Петербургское» (1993), «Свет небес» (1998), «Сонеты» (2002); романа в стихах «Анна» (2005). Заслуженный артист РСФСР (1989). Лауреат литературной премии имени Б.Ш. Окуджавы (2002). Не раз выступал с концертами в Ульяновске, в т. ч. в декабре 1999-го и 2000-го, в феврале 2005 г. Живёт в С.-Петербурге.

БАЛЛАДА О БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕМ

Меня нашли в четверг на минном поле,
в глазах разбилось небо, как стекло.
И всё, чему меня учили в школе,
в соседнюю воронку утекло.

Друзья мои по роте и по взводу
ушли назад, оставив рубежи,
и похоронная команда на подводку
меня забыла в среду положить.

И я лежал и пушек не пугался,
напуганный до смерти всей войной.
И подошёл ко мне какой-то гансик
и наклонился тихо надо мной.

И обомлел недавний гитлер-югенд,
узнав в моём лице своё лицо,
и удивлённо плакал он, напуган
моей или своей судьбы концом.

О жизни не имея и понятия,
о смерти рассуждая, как старик,
он бормотал молитвы ли, проклятья,
но я не понимал его язык.

И чтоб не видеть глаз моих незрячих,
в земле немецкой мой недавний враг,
он закопал меня, немецкий мальчик.
От смерти думал откупиться так.

А через день, когда вернулись наши,
убитый Ганс в обочине лежал.
Мой друг сказал: «Как он похож на Сашку...
Теперь уж не найдёшь его... А жаль».

И я лежу уже десятилетия
в земле чужой, я к этому привык.
И слышу: надо мной играют дети,
но я не понимаю их язык.

* * *

Весна давно уж позади,
и лето красное далёко.
В осенний вечер не сиди
и не смотри на дождь из окон.

Войди в осинник золотой,
неторопливость увяданья
откроет вдруг перед тобой
природы честность и старанье.

Усталость лёгкую пойми,
ведь это вовсе не усталость,
а сожаленье, что с людьми
осталось быть такая малость.

Беда не в горести разлук,
не в смене ложи или крыши,
не в том, что слышен сердца стук,
а раньше ты его не слышал.

Не в том печаль, что рвётся нить,
а ты в судьбе не наловчился,
а в том, что и любить, и жить
ты так недавно научился.

Мария ЗАВАДСКАЯ (р. 1983)

8 июня. 40-летний юбилей отмечает прозаик, драматург Мария Валерьевна Завадская (р. 08.06.1983, г. Ульяновск). Писать начала с 5 лет. Окончила факультет культуры и искусства УлГУ по специальности «журналистика». Была корреспондентом ГТРК «Волга». Училась на режиссёрских курсах некоммерческой организации «Интерньюс». Живёт в Красногорске и в посёлке Кукушка под Ульяновском. Работает на российском телевидении и радио. Участник документального проекта «Срок». Публиковалась в журнале «Симбирскъ». Автор рассказов «Задыхнувшиеся», «Автомат под кроватью и немного картошки»; пьес «ТЕХНЕТ», «Бездонное озеро» и др. Участник Всероссийского форума молодых писателей в Липках (2014).

БЕЗДОННОЕ ОЗЕРО (отрывок из пьесы)

1. Машина.

ЛЕВ. Это лето – самое ужасное на свете лето. Даже ещё хуже. Это не лето, а фигня. Причём вообще какая-то полная-преполная фигня. Нет, не так. Даже ещё хуже. Это лето, от которого я ничего не жду. Ничего хорошего. Ни фигя, ни капельки, ни... Я, конечно, слышал слова и ещё похуже, но я не идиот, чтобы уподобляться родителям. Потому что то, что они наговорили друг другу этой весной, вообще ни в какие ворота не лезет. Ни хрена не лезет. И вот теперь моя мама везёт меня на всё лето к моей бабушке в посёлок. Вместо того, чтобы повести на море. Чёрт, теперь я всё лето буду умирать от тоски в этом дурацком посёлке в свои прекрасные десять! У меня вообще чувство, что меня везут в тюрьму. Меня везут в тюрьму, а я даже сбежать НЕ МОГУ.

МАМА. Остановимся на заправке. Купим воды. Горло пересохло.

ЛЕВ. Мы зашли в магазин, а когда вышли, выяснилось, что дверь машины с моей стороны распахнута настежь.

МАМА. Настежь, Лев, настежь! То есть ты даже не подумал захлопнуть её, когда вышел из машины. Это же так просто, Лев, маленькое усилие рукой – раз, и дверь закрылась! Почему ты этого не сделал, а? У меня же в машине документы. Ноутбук, в конце концов. У меня в нём всё по работе. Лёва – щедрая душа? Ничего не жалко, да?

ЛЕВ. Когда мама заводится, мне хочется исчезнуть на фиг. А заводится она с пол-оборота. Ррр-ррр-ррр – и понеслась. Мне тогда хочется просто де-заппарировать, раствориться. Я сразу начинаю думать: «Ну когда уже изобретут телепортацию, чтобы раз – и ты в другом месте». В горах, например. А там тишина и только ветер стонет. Или в пустыне. А там песок в глаза и таешь, как мороженое.

МАМА. Ничего не жалко, мама, работай, паши, как верблюды. Лёве просто лень дверь закрыть. Это же такой труд!

ЛЕВ. Когда мама кричит, я чувствую страх, голова сжимается и становится плоской, а в уши как будто залили парафин. С тех пор, как папа хлопнул дверью и больше не появлялся, мама заводится каждый день. Но я не виноват! Тут каждый начнёт тупить, когда настроение на нуле! Я слушаю мамин

крик пять минут, а потом втыкаю наушники (звучит что-нибудь любимое подростками типа *Imagine Dragons*). И всё, гуд бай, мамочка!

Звучит музыка и заглушает мамыны крики за рулем, Лёва демонстративно смотрит в окно.

ЛЕВ. И тут я вижу, что она начинает плакать. Вы когда-нибудь видели, как ваша мама плачет? Это совсем хтонь, такая, что хуже не придумаешь. И даже музыка не спасает. Как будто тебе хорошо, а ей плохо. А это неправда (*вынимает наушники из ушей, музыка заканчивается*). Меня сразу начинает корёжить так, как будто в меня вселился марсианин, и он не знает, что делать с моим телом. Потому что это Я МОГУ плакать, а она меня – успокаивать! Я ребёнок, а она взрослая! А когда она плачет, ЧТО Я ДОЛЖЕН делать? ЧТО, чёрт побери, ЧТО?

2. Дом бабушки.

МАМА. Ты должен помогать бабушке по хозяйству, мыть посуду, ходить в магазин за продуктами. Ей уже тяжело передвигаться. Так что будешь помогать ей спускаться с лестницы.

БАБУШКА. Я ещё и сама способна спускаться с лестницы. Не такая я немощная, чтобы меня с лестницы спускать.

ЛЕВ. У нас вообще-то довольно молодая бабушка.

МАМА. Ничего. Пусть Лев привыкает. А то привык только – подай-принеси. Привык на всё готовенькое. На море его свози, айфон купи. Ты представляешь, мама, он даже дверь в машине не закрывает. Это же такой труд! Так сложно! Ручкой шевельнуть боимся. Барин!

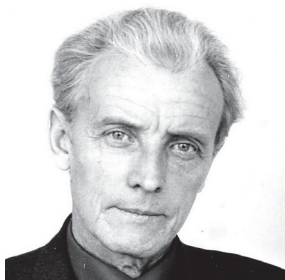
ЛЕВ. Я заметил, когда она ругается, всё-таки легче, чем когда она плачет.

БАБУШКА. Не ругай его. Он всё-таки ещё маленький. А вы с его отцом, по-моему, слишком заняты собой.

МАМА. Это моё дело – ругать его или нет. Всё, халява закончилась, Лев. Папе теперь не до тебя и твоих капризов.

ЛЕВ. Вот это вообще было лишнее. Про папу. Потому что всё это неправда... Я этой весной понял про себя одну вещь – я очень терпеливый. Я могу терпеть долго. Я терплю-терплю-терплю. А потом...

Николай КУЗМИНСКИЙ (1923–2009)

10 июня. 100 лет назад родился историк, краевед Николай Анатольевич Кузминский (10.06.1923, с. Поповцы, ныне Барского р-на Винницкой обл. Украины – 15.06.2009, г. Ульяновск). Работал учителем истории и директором в школах Ульяновской и Куйбышевской областей (1948–1971). Окончил УлГПИ имени И.Н. Ульянова, где работал старшим преподавателем; в 1981–1995 гг. – доцент кафедры истории СССР; один из создателей музея И.Н. Ульянова и музея истории УлГПИ. Организатор издания исторического справочника «Край Ильича» (1980). Автор краеведческих изданий «Для тех, кто ищет» (1961), «Край наш родной» (1975), «Край богатырки Усолки» (1981) и др. Отличник просвещения СССР.

Татьяна ЕСЕНИНА (1918–1992)

11 июня. 105 лет со дня рождения журналистки и писательницы Татьяна Сергеевны Есениной (11.06.1918, г. Орёл – 05.05.1992, г. Ташкент, Узбекистан). Дочь поэта С.А. Есенина. По дороге в Ташкент в октябре 1941 года проезжала на поезде №22 через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. Работала сотрудницей дома малютки, корреспондентом газеты «Правда Востока», научным редактором в издательствах Узбекистана. Писала очерки, фельетоны, рассказы. Первый рассказ «Друзья» был опубликован в 1952 году в «Правде Востока». Автор повестей «Женя – чудо XX века» (1962), «Лампа лунного света»; мемуаров о С.А. Есенине, З.Н. Райх и В.Э. Мейерхольде.

ОБ ОТЦЕ (отрывок из воспоминаний)

Детская память странно устроена. Только что, проходя мимо окна, я получила впечатление, врезавшееся на всю жизнь, но дальше полный мрак. Укладывая спать, бабушка заставляла меня молиться. Над изголовьем висела икона. Забравшись в постель, я становилась на колени, складывала ладошки и повторяла за бабушкой: за маму, за папу, за Костю, за дедушку... Мама с нами не жила, но иногда приезжала. А кто такой папа? Я не спрашивала. Своего отчима – Всеволода Эмильевича Мейерхольда я увидела впервые, когда мне было четыре года.

Жили мы в Орле, в одноэтажном деревянном доме. В этом самом доме я и родилась в 1918 году. Когда я родилась, мама сказала:

– Я так хотела мальчика...

Акушерка ответила: без девочек и мальчиков не бывает.

Мальчик появился на свет в феврале двадцатого года. Мать привозила Костю в Орёл, когда ему было несколько месяцев. Позднее он стал жить с нами.

Имя Зинаиды Николаевны Райх редко упоминается рядом с именем Сергея Есенина. В годы революции личная жизнь поэта не оставляла прямых следов в его творчестве и не привлекала к себе пристального внимания. Я немного знаю из рассказов матери...

Мать была южанкой, но к моменту встречи с Есениным уже несколько лет жила в Петербурге, сама зарабатывала на жизнь, посещала высшие женские курсы. Вопрос «кем быть?» не был ещё решён. Как девушка из рабочей семьи, она была собрана, чужда богеме и стремилась прежде всего к самостоятельности.

Весной 1917 года Зинаида Николаевна жила в Петрограде одна, без родителей, работала секретарём-машинисткой в редакции газеты «Дело народа». Есенин печатался здесь. Знакомство состоялось в тот день, когда поэт, кого-то не застав, от нечего делать разговорился с сотрудницей редакции.

А когда человек, которого он дожидался, наконец пришёл и пригласил его, Сергей Александрович, со свойственной ему непосредственностью, отмахнулся:

– Ладно уж, я лучше здесь посижу...

Зинаиде Николаевне было 22 года. Она была смешлива и жизнерадостна. Есть её снимок, датированный 9 января 1917 года. Она была женственна, классически безупречной красоты, но в семье, где она росла, было не принято говорить об этом, напротив, ей внушали, что девушки, с которыми она дружила, «в десять раз красивее».

Со дня знакомства до дня венчания прошло примерно три месяца. Всё это время отношения были сдержанными, будущие супруги оставались на «вы», встречались на людях. Случайные эпизоды, о которых вспоминала мать, ничего не говорили о сближении.

В июле 1917 года Есенин совершил поездку к Белому морю («Небо ли такое синее или сольку выцвела вода?»), он был не один, его спутниками были двое приятелей и Зинаида Николаевна. Уже на обратном пути, в поезде, Сергей Александрович сделал матери предложение, сказав громким шёпотом: – Я хочу на вас жениться.

Ответ: «Дайте мне подумать» – его немного рассердил. Решено было венчаться немедленно. Все четверо сошли в Вологде. Денег ни у кого уже не было. В ответ на телеграмму – «Вышли сто, венчаюсь» – их выслал из Орла, не требуя объяснения, отец Зинаиды Николаевны. Купили обручальные кольца, нарядили невесту. На букет, который жениху надлежало преподнести невесте, денег уже не было. Есенин нарвал букет полевых цветов по пути в церковь – на улицах всюду пробивалась трава, перед церковью была целая лужайка.

Вернувшись в Петроград, они некоторое время жили врозь, и это не получилось само собой, а было чем-то вроде дани благоразумию. Всё-таки они стали мужем и женой, не успев опомниться и представить себе хотя бы на минуту, как сложится их совместная жизнь. Договорились поэтому друг другу «не мешать». Но всё это длилось недолго, они вскоре поселились вместе, больше того, отец пожелал, чтобы Зинаида Николаевна оставила работу, пришёл вместе с ней в редакцию и заявил:

– Больше она у вас работать не будет.

Мать всему подчинилась. Ей хотелось иметь семью, мужа, детей. Она была хозяйственная и энергична...

Николай НАРЫШКИН (р. 1938)

12 июня. 85-летний юбилей отмечает писатель, публицист, краевед Николай Васильевич Нарышкин (р. 12.06.1938, с. Кадышево, ныне Карсунского р-на Ульяновской обл.). Окончил Казанский университет (1966). Преподавал в Казанском техническом университете имени А.Н. Туполева (1966–2012). Кандидат экономических наук (1973), профессор (1998). Член Союза писателей России (1999). Автор книг рассказов, очерков, новелл и эссе «Махотин извоз» (1998), «Мятущаяся Россия» (1999), «Священная Сура» (2000), «Кадышевский эпос» (2002), «Сад отца» (2004), «Добрые сурские сказки» (2005), «Русский дневник» (2004–2015) и др. Почётный гражданин Карсунского района. Заслуженный работник культуры РФ (1996).

ТАРАСОВА ГОРА (отрывок из легенды)

Она живёт сказочной своею жизнью в Кадышеве, Покровском тож, напротив Священной Суры, на чудных, живописных просторах былинного Русского Края. Сколько ей лет, в нашем селе никто никогда точно не знал, а сама она помалкивала до сих пор. Старые люди, пользуясь надёжными слухами, мне сказывали, что эта дородная гора родилась якобы таинственным образом лет тысячу тому назад, а может быть, и больше. Сейчас спорить на этот счёт не с кем, да и бестолково: какие-либо уверенные доказательства отсутствуют, а молва, хотя в ней бывает и большая доля правды, есть всё-таки молва.

В наших пропахших русским духом околосурских благословенных местах, где вольготно живёт-поживает более четырёхсот лет православное селение Кадышево, а в его объятиях – Тарасова гора и её многочисленные сёстры-горы, а возле них и по ним лиственные и хвойные леса, поля, была глушь, пустошь, на земле которой следов человека не видно было, зато видимо-невидимо всюду встречались следы всяких диковинных зверей, птиц. Кругом всё рычало, мычало, ревело, насвистывало, крикало, квакало, стрекотало, жужжало.

За Сурой, по её левому берегу километра четыре вширь, тысячелетия росли дубовые рощи. В рощах располагалось полно озёр, глубоких, пеленой тайн укрытых. Те озёра синеглазые, кувшинками-лилиями разукрашенные, кишели рыбой всякой, в них водились многопудовые сомы и щуки. В этом великом лесо-озёрно-луговом царстве до появления в нём людей владычествовали водяные и лешие, в царстве этом полно жило русалок, по красоте которым не было равных по всей Земле. В далёкие времена в Посурье ходило, бегало, плавало, лазило множество других диковинных лесных и водных жителей, о коих в былинах и сказках сказывается.

Правый берег Суры, ставший добрым пристанищем людей русских, богатырей духа и тела, трудом праведным основавших Кадышево, в докадышевские времена сплошь покрывался лесами дремучими и кустарниками непролазными, полностью управляемыми лешими. Тогда флора и фауна этого присурского лешиего царства оставались целиком нетронутыми, девственными, первозданными со времён Сотворения жизни на Земле.

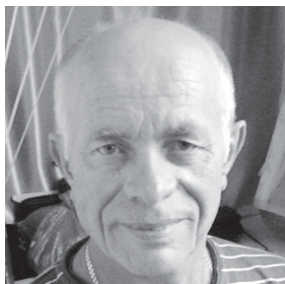
В околосурские непроходимые дебри-чащобы, обильными дарами природы богатые, люди боялись войти: уж больно много в них шаталось леших и их собратьев. Вот так, безлюдно, без человеческой

истории, шли тут тысячелетия. Но однажды случилось то, что обязательно должно было случиться: сюда, на правый берег Суры, под белогрудые горы, заросшие вишней и клубникой, к холодным ключам, бьющим из-под гор, прорвался сквозь вековые заросли Человек. Он был другом-соратником Ильи Муромца. Его величали Тарасом Кадышанином. Тарас Кадышанин жизнь свою посвятил Святой Руси, своему любезному Отечеству. Он хранил покой русского народа, не допускал в пределы Святой Руси разных мастей супостатов. Частенько бился с супостатом Тарас Кадышанин плечом к плечу с Ильёй Муромцем, Добрыней Никитичем, Алёшей Поповичем. Ох как боялись их недруги Руси!

Прослышал Тарас дурную весть о том, что давно зарятся на присурские многообильные земли тёмные силы – уж очень им, супостатам, хотелось овладеть этой первозданной территорией с несметными природными богатствами, и решил, мобилизовав всю свою силищу, навсегда лишит бесовщину аппетита на эти благодатные земли.

Получив благословение от Всевышнего и доброе напутствие своих друзей-славян, Тарас Кадышанин, помолвившись Богу, взял свой грозный меч, надел непробиваемую врагами кольчугу, сел на своего выдавшего виды надёжного боевого коня и отправился в трудный путь в сторону Посурья, в неведомые для него земли.

Доехав на удалом коне до устья священной реки Суры, раздольно впадающей в великую русскую реку Волгу, Тарас Кадышанин стал терпеливо, шаг за шагом, настойчиво продвигаться по сплошь заросшему деревьями, кустарниками, травами правому сурскому то крутому, то пологому берегу вверх по реке, преодолевая на пути массу тяжёлых природных препятствий. Себе дорогу Тарас Кадышанин прокладывал сквозь страшные дебри вручную. Силушки у него было столько, что огромные дубы и вётлы, стоявшие на его пути, он выдирав с корнем и укладывал по сторонам от дороги. До сих пор огромные кучи валежника свидетельствуют об этом. Лешиево население от страха всё попряталось, оно не чинило Тарасу-Богатырю помех. С испуга замерли, притаились в глухомани суровых лесных чащоб медведи, волки, рыси, кабаны, в многочисленных поселениях зверьё старалось помалкивать, действия могучего Тараса приводили его в оцепенение...

Сергей УЛЬЯНОВ (р. 1958)

12 июня. 65 лет исполняется литератору Сергею Васильевичу Ульянову (р. 12.06.1958, с. Коптевка Новоспасского р-на Ульяновской обл.). В 1963 году переехал с родителями в город Сызрань; с 1975-го работал здесь на заводе «Тяжмаши»; без отрыва от производства получил высшее образование. Занимался в заводском поэтическом клубе «Вдохновение» и городском литературном объединении. Автор рассказов «Берёзовый остров», «Итоговая проверка», «Двое в городе», «Раствориться в небе», «Апсны – страна души», «Осеннее поле», «Ночные стрельбы» и др. Лауреат всероссийского конкурса «Трудовая слава России» (2000). Дипломант литературной премии «Золотое перо Руси» (2010). Живёт в Сызрани.

БЕРЁЗОВЫЙ ОСТРОВ (отрывок из рассказа)

Иван Егорович медленно катил по дороге нехитрую таратайку и еле успевал увёртываться от движущихся туда и обратно машин. Стройка бурлила. К особняку подавались материалы. Рядом, у дороги, возводилась трансформаторная будка. Урчали грузовики и бульдозеры. Вращались подъёмные стрелы автокранов, разлетались комья земли от траншеекопателя. Южного вида гастарбайтеры, как муравьи, сновали всюду: поднимали кирпичную кладку надворных построек, укладывали во дворе бетонные плиты, разбрасывали лопатами жёлтый песок, носили в дом длинные, с иностранными надписями, панели внутренней отделки.

Такого обилия разнообразной техники Ивану Егоровичу не приходилось видеть давно. Но больше всего его, бывшего механизатора, удивила странная машина с механизмом, похожим на цветок тюльпана. Каждый из его «лепестков» был оснащён гидроцилиндром. Поставленный «цветком» вниз, раскрытый «тюльпан» плотно прижимался к земле. Вибрируя, острые, напоминающие акульки зубы «лепестки» вгрызались в грунт. «Тюльпан», закрываясь в глубине, своими челюстями выкусывал из земли ком полтора метра в поперечнике. Так снаружи от особняка образовывались круглые ямы, выкопанные в ряд параллельно забору. В продолжении ряда, в готовых ямах, уже были поставлены на проволочные растяжки два десятка пятиметровых берёз.

Ещё более был поражён старик, когда увидел точно такую же машину, подъехавшую к забору. Но на этот раз в головке «тюльпана» вместе с земляным комом был зажат корень берёзы. Она лежала на длинном кузове с ветвями, увязанными капроновой верёвкой. Из кабины выпрыгнула симпатичная молодница в новеньком красном пуховике, синих джинсах и яркой спортивной шапочке. Её привлекательность немного портили резиновые сапожки, основательно вымазанные в грязи. Увидев какой-то беспорядок, женщина бросилась к первой машине и рассерженно отчитала землекопов. Рабочий за рычагами диковинного агрегата виновато втянул голову в плечи. Начальница немного успокоилась, подошла к вагончику строителей и стала отмывать под струёй крана грязные сапожки. Закончив водную процедуру, она вытерла руки

платочком и вынула из кармана зеркальце. Найдя себя в полном порядке, красавица довольно огляделась по сторонам.

– Дочка, прости, не пойму, вы что тут... деревья сажаете? – обратился к молодой женщине Иван Егорович.

– Милый дедушка, а вы когда-нибудь слышали про ландшафтный дизайн? Так вот, им я и занимаюсь. Мы сажаем, вернее, пересаживаем берёзы. Они будут стоять здесь как зелёная стена. Хотя их можно расставить и по-другому. Гораздо красивей. Но... клиент не же-ла-ет, чтобы вам, местным, этот дом был виден, – театрально надувшись и явно передразнивая кого-то, отчеканила женщина. – Только, пожалуй, он и сам вашу деревню видеть не хочет, – улыбаясь, хитро подмигнула она.

– А откуда берёзки возите?

– Да тут, неподалёку. Мы их ещё с прошлой осени готовили. Выбирали, подрезали, корни укрывали, чтобы сейчас выкопать можно было.

– Дедан, ты чего тут трёшься, да расспрашиваешь? Вали отсюда. Набирай обрезки и уё... – подошёл к собеседникам уже знакомый охранник. Верзился поигрывал резиновой дубинкой. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

Нет, не испугался Иван Егорович, не обиделся на служивого. Тучей надвинулось нечто большее... В ушах старика продолжали звучать слова дизайнера: «Да тут, неподалёку...» Бессознательно, автоматически, он нагрузил тележку и потолкал её домой. Там свалил деревянную мелочь в сарай, закрыл калитку и быстро, как только мог, зашагал, ступая в талые лужи, через село к остановке электрички. За железнодорожными путями и посадочными платформами было его поле.

Это поле почиталось в трудовой династии Липатниковых. Расположенное к селу ближе всех, оно считалось их визитной карточкой. Но особо ценился берёзовый остров на краю поля у железной дороги. Образовался островок просто. Во время полевых работ для захода на следующий круг тракторы с прицепными орудиями были вынуждены объезжать кустарник и заросли молодого березняка. Со временем берёзы вытянулись и образовали лесной остров, где в кустах по весне пели соловьи...

Саша СИМОН (1908–1988)

12 июня. 115 лет назад родился писатель Александр (Саша) Симон (12.06.1908, г. Рязань – 19.12.1988, коммуна Жуэ-ле-Тур, департамент Эндр и Луара, Франция). Имеет симбирские корни: праправнук симбирского городского головы А.И. Гончарова; правнучатый племянник писателя И.А. Гончарова; внук палеонтолога А.Н. Гончарова. Работал на Нюрнбергском процессе; был одним из 8 журналистов, присутствовавших на повешении 12 осуждённых нацистов. В 1956–1964 гг. трудился в Москве специальным корреспондентом газеты «Фигаро». Автор более 10 изданных книг, из которых 8 связаны с Россией. Написал роман-воспоминание «Душка моего детства» (1974), посвящённый своей бабушке Е.А. Гончаровой.

Ольга ЧЕРЁМУХИНА (р. 1948)

13 июня. 75-летний юбилей отмечает журналист и публицист Ольга Владимировна Черёмухина (р. 13.06.1948, г. Оренбург). Окончила филологический факультет Саратовского университета (1972). В период учёбы в Саратове посещала литературное объединение, общалась с Г.И. Коноваловым, Н.Н. Благовым и др. Работала в Приволжском книжном издательстве. В 1977 году была участником семинара молодых писателей в Ульяновске (руководитель М.Д. Львов). Автор книг «Места заповедные» (1981), «За голубым тюльпаном» (1989), «Бомба» для потомков» (2013) и др. Публиковалась в журнале «Волга», в оренбургском сборнике «И с песней молодость вернётся» (1999) и др. Живёт в Оренбурге.

Антон ШАБАЛКИН (р. 1968)

13 июня. 55 лет исполняется архивисту, краеведу, публицисту Антону Юрьевичу Шабалкину (р. 13.06.1968, г. Ульяновск). Окончил Московский историко-архивный институт (1992). Работает ведущим архивистом Государственного архива Ульяновской области. Автор публикаций в сборниках и журналах «Мономах», «Отечественные архивы», «Деловое обозрение» и др. Соавтор и составитель книг «Симбирские гражданские губернаторы» (2003), «Нам досталась на долю нелёгкая участь солдат» (2010), «Улица Гончарова» (2015), «Выдающиеся предприниматели Симбирской губернии» (2017) и др. Обладатель Гран-при премии «Шапка Мономаха» (2006). Заслуженный работник культуры Ульяновской области (2009).

Элиз АУН (1863–1932)

15 июня. 160 лет назад родилась эстонская поэтесса, прозаик Элиз Розали Аун (15.06.1863, д. Пикарейну, ныне уезда Пылвамаа, Эстония – 02.06.1932, г. Таллин). Трудилась редактором журнала «Линда», домашним учителем, книготорговцем. Первые стихи появились в 1885 году под псевдонимом «эстонская девушка из земли сету». Автор поэтических сборников «Цветение шиповника» (1888), «Лэйн Линнуке» (1889), «Лесная птица» (1890), «Лесные цветы» (1890); фольклорной поэмы «Бездомный»; сборника «Дюжина сказок» (1898) и др. В 1903 году вышла замуж за учителя Ф. Раупе и переехала с семьёй в Симбирск, где работал её муж. Жила также в городе Валга Лифляндской губернии; в 1911-м вернулась в Таллин.

Александр ГЛИНКА-ВОЛЖСКИЙ (1878–1940)

18 июня. 145 лет назад родился литературный критик, историк литературы, публицист Александр Сергеевич Глинка, псевдоним – Волжский (18.06.1878, г. Симбирск – 07.08.1940, г. Москва). Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1896). Зимой 1896–1897 гг. был домашним учителем поэта Велимира Хлебникова в селе Помаево Симбирской губ. (ныне Сурского р-на); надолго сохранил с ним дружеские отношения. Автор книг «Два очерка об Успенском и Достоевском» (1902), «Очерки о Чехове» (1903), «Ф.М. Достоевский. Жизнь и проповедь» (1906), «Святая Русь и русское призвание» (1915) и др. Был близко знаком с А.М. Горьким, Д.С. Мережковским, А.А. Блоком. С 1923 года работал экономистом в Москве.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ (отрывок из воспоминаний)

Родился я в Симбирске в июне 1878 года и там же в Тихвинской церкви крещён. Отец мой, Сергей Владимирович Глинка, частный поверенный, занимался в Симбирске адвокатской практикой. В родословную свою никогда пристально не заглядывал, но знаю, что происхожу из московского рода Глинок, в Москве родился и вырос мой отец. Но есть другая ветвь нашей фамилии, смоленские Глинки, которые состоят в ближайшем родстве с Глинкой-композитором. Вероятно, в далёком каком-нибудь генеалогическом узле эти роды сплетаются. Были ли в моём роду «выдающиеся в каком-либо отношении люди», указать не могу, знаю, что много было и есть различных монстров, свидетельствующих о разложении и вырождении этого стародворянского рода.

Отец мой умер, когда мне было всего 7 лет, позже, когда мне было уже 15 лет, умерла и мать. Она была простой, мало учившейся женщиной, но чуткой, умной и одарённой тем особенным даром проникновенного понимания детской души и того безыскусственно-глубокого педагогического смысла, с которым люди, должно быть, прямо рождаются. Воспитательное влияние моей матери на меня огромно, это не было сознательное влияние преднамеренных педагогических воздействий и опытов, но просто органическое, стихийное, глубоко корневое воздействие. Я ощутил и осознал его много позже её смерти, потому что с раннего детства пользовался неограниченной свободой и совершенной независимостью. Давила только школа, гимназия...

В самой же ранней юности, в пору клокотания идей, отвлечённо-головных и безындивидуально-общественных, направленных увлечений никакой связи с родной почвой, конечно, не ощущал. Гораздо острее кровной связи чувствовал власть идей, духовные связи с властителями дум и стремлений – любимыми писателями. В детстве я был страстно религиозен, умел жарко молиться, этим жил, этим любил. Страстно любил Священную историю Нового Завета. Перелом произошёл лет в 13–14, в пору власти идей. Как обычно, вдруг, после какого-то разговора с осмелившимися уже товарищами о Боге и вере, разговора тревожного для меня, мучительно-го. Проснулся на другой день, – он был ясный, солнечный, снег блестел и было тихо – огляделся кругом, со странной и жуткой пытливостью заглянул в небеса и... сразу как-то ощутил пустоту, ощутил и укрёпился в правоте слов отрицания и, словно даже обрадованный, отошёл от этих вопросов, надолго

отошёл к «настоящим» вопросам развивателей книг и направлений. Долго потом не любил касаться откинутого и вдохновился новым, другим, не замечая в этом новом питании старых соков.

Тогда же начал много читать, до того времени не читал почти, ни детской литературы, ни сказок, всеобщих Майн-Рида, Купера, Жюль-Верна почти совсем миновал. С 14-ти же лет стал читать запоем, много и безалаберно; сразу, обойдя литературу своего возраста, читал Спенсера и Бокля, Миля и Шопенгауэра, Шекспира и Достоевского, русских классиков и самую пёструю переводную беллетристику, но особенно всякую тайную, запрещённую книгу с предполагаемым революционным содержанием, всё искал самого настоящего, что всё станет понятно, поймёшь самое важное – что делать, куда себя девать, использовал рвущееся на живое и ответственное дело молодость и задорные силы. Мучил трагизм человеческого существования, больше всего унижение человеческое и ужас его, обидная нищета и жестокое бесправие, давила скука окружающей жизни, бесцветная пустота, бессодержательность, манили грёзы о конечной гармонии всечеловеческого успокоения, всеобщего спасения от зла, его трудно было назвать каким-нибудь исчерпывающим словом, но он чувствовался слишком осязательно, и хотелось жить и работать для этого, всего себя отдать, и скорее, скорее, но как?..

Всего больше давала умственной пищи критико-публицистическая литература 60–70-х годов – Писарев, Добролюбов, Чернышевский, Шелгунов, Миртов, Михайловский и соответствующая беллетристика – Помяловский, Решетников, Левитов, Златовратский, Успенский, Гаршин и другие. Но самое сильное влияние на меня имели сочинения и статьи в журналах Н.К. Михайловского. Он был моим учителем, в полном смысле духовным отцом, который идейно вскормил и вспоил меня. [Ему, позднее, будучи студентом-полумарксистом-полунационалом, писал я длинные читательские письма, которые, впрочем, не всегда посылал]. И теперь, преодолев его идейное властвование надо мной, я глубоко люблю Михайловского словно кровной какой-то любовью и чту вечной, святой для меня памятью. И, странное дело, больно оскорбляюсь резкими осуждениями его даже и тогда, когда они справедливы и основательны. Решающее значение Михайловского в моей духовной родословной было превзойдено новым углублённым чтением и изучением Достоевского...

Фёдор ВЕДИН (1918–1956)

20 июня. 105 лет со дня рождения журналиста и писателя Фёдора Ивановича Ведина (20.06.1918, д. Чириково Карсунского у. Симбирской губ., ныне Базарносызганского р-на Ульяновской обл. – 23.05.1956, г. Рига). Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Был участником 2-го Всесоюзного совещания молодых писателей, встречался с Б.Н. Полевым и К.М. Симоновым. В 1951 году переехал в Ригу, где работал в армейской газете «За Родину». Автор романов «Золотая жила» (об ульяновцах, восстанавливавших Калининград), «Город – будет!», «Место в строю»; повестей «Родная семья», «Анита»; рассказов «Приезд генерала», «Пантелеевская схватка», «Батька родной» и др. Член Союза писателей Латвийской ССР (1951).

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА (отрывки из романа)

Вдоль железнодорожного пути, утопая в садах, мелькали хутора, резко выделяясь среди зелени красными черепичными крышами. Совсем рядом бежала серая лента асфальтированного шоссе, по обеим сторонам которого стояли могучие дубы и развесистые липы... Всё было очень красиво. Но красота эта казалась какой-то мёртвой, не вызывала радости, а лишь наводила на грустные размышления.

– Кладбище, – вздохнув, сказал самому себе Хазов и стал закуривать...

Многим из приехавших в Прибалтийск казалось, что предстоит восстанавливать чужой, немецкий, город, в то время как сотни родных, советских городов лежат в развалинах. Горком должен был сразу же организовать среди переселенцев широкую разъяснительную работу о прошлом Восточной Пруссии, разъяснить исторические права нашего народа на эту землю.

Сейчас это делается на всех предприятиях, в совхозах и колхозах выступают лекторы и беседчики. Но причина ошибок Яшихина не в этом. Он-то хорошо понимал, что в Прибалтийск мы пришли не как завоеватели, а как законные хозяева. Яшихин прекрасно знал историю этих земель, сам читал лекции на эту тему. Но, разбираясь в далёком прошлом бывшей Восточной Пруссии, Яшихин не сумел разобраться в ближайшем будущем молодого советского города Прибалтийска, молодой советской области.

Не понял он, что область в том виде, в каком застали её законные хозяева – советские люди, отстала в своём развитии от других областей Советского Союза на тридцать лет. И без коренной перестройки невозможно слить область, где вчера ещё были капиталистические порядки, со страной, уже построившей социализм и успешно идущей к коммунизму...

– Вот – город. На первый взгляд, кажется, один город, а в самом деле их два. Обратите внимание на зелёный полукруг, окаймляющий центральную часть. Это сады и парки. Они делают воздух чистым, заглушают шум заводов, находящихся за зелёной чертой, на окраинах. Если бы вы побывали в центральной части города до войны, то с полным основанием могли бы сказать: красиво, уютно и богато живут люди. Квартиры светлые и просторные. В них все удобства: вода, газ, электричество, канализация. Около каждого дома – фруктовый сад. Асфальтированные улицы обсажены каштанами и липами...

За полукругом мы видим заводы и примыкающие к ним так называемые рабочие окраины. Тут уже на улицах не асфальт, а булыжник. Стоят не красивые и светлые особняки, а лачуги и многоквартирные бараки, похожие на тюрьмы. В квартирах не найти не только газовых печей, но даже и намёков на канализацию. Грязь, теснота, дым заводских труб, и кругом – ни одного деревца. Тут жили рабочие, а внутри зелёного полукруга – все те, на кого они трудились...

Перед нами открывается незабываемая панорама поверженного Кёнигсберга и строящегося советского Калининграда. Он раскинулся в глубокой долине. Вот он какой, этот город! Трамвай везёт нас по горбатым и узким улицам бывшего города. Бывшего потому, что Кёнигсберг действительно бывший город. Его не существует. Стоят, тесно прижавшись друг к другу, разбитые пустые дома, без крыш и перекрытий. Они заросли бурьяном и плющом. Внутри каждого дома-коробки пробивается лес. В стороне, в руинах, лежит замок трёх королей – цитадель, массивные стены его позеленели от времени и дождей.

Старый Кёнигсберг – это мёртвый город. Его восстанавливать бесполезно. Легче, практичнее строить новый город. А что делать со старым! Калининградцы всерьёз предлагают обнести разрушенный Кёнигсберг каменной стеной и время от времени водить себя на экскурсии претендентов на мировое господство. Пусть этот город-музей, его развалины будут служить грозным предостережением для всех, кто хочет разжечь пламя новой мировой войны, кто хочет силой подчинить себе мир!..

– «Немецкая посудина», говорите?! Нет, това-рищи, – славянская, самая настоящая древняя славянская. И мы с вами, друзья мои, первые русские советские люди, которые в своих руках держат неопровержимое вещественное доказательство, что эта земля принадлежала нашим предкам-славянам. В течение веков немцы, захватившие эту землю, сделали всё, чтоб изгладить из памяти народов, что она когда-то принадлежала кому-то другому, а не им. В ход пошли не только огонь и железо, безжалостно уничтожившие памятники «чужой», не германской культуры, но и чернила и перья масти-тых и не маститых учёных, нагло искажавших факты, замазавших все следы народа, когда-то жившего здесь...

Борис БУРЛАК (1913–1983)

21 июня. 110 лет назад родился журналист, прозаик Борис Сергеевич Бурлак (21.06.1913, г. Благовещенск Амурской обл. – 27.12.1983, г. Оренбург). Работал корреспондентом в газетах Орска, Оренбурга, Чапаевска; был сотрудником газеты «Пролетарский путь» в Ульяновске (1932–1937). В 1937 году репрессирован. Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей СССР (1953). Был ответственным секретарём Оренбургской писательской организации (1960–1974). Автор книг «Шумы, Дунай!» (1951), «Слово о целине» (1958), «Седьмой переход» (1961), «Гранёное время» (1965), «Левый фланг» (1971), «Возраст земли» (1975), «Ветры славы» (1985), «Жгучие зарницы» (1997) и др. Реабилитирован в 1991 году.

РЕКИ НЕ УМИРАЮТ (отрывок из романа)

Вера подумала сейчас о Поленьке: зря не отправила дочку в Самару к дальней родственнице, как советовали подруги. О себе она не беспокоилась, но что станет с Поленькой...

Чем ближе она подходила к губкому, тем больше на улице прохожих. Знают или не знают? Наверное, уже знают. В толпе не сразу отличишь буржук – научились одеваться под новых хозяев города. Вот просеменила в подшитых валенках и поношенном пальто с облезлым лисьим воротником маленькая, сухая женщина. На вид своя, а кривой усмешки не сдержала. Ещё одна прошла мимо с вызывающей ухмылкой. Знают, всё знают барыньки и не могут спрятать рвущуюся наружу злую радость.

В губкоме она столкнулась на лестнице с самим Акуловым. Он приподнял фуражку над тёмным ежиком волос, приостановился.

– Так сколько у тебя, Вера, «активных-то штыков»?

- Вы о чём, Иван Алексеевич?
- О твоих прачках и прислугах.
- В профсоюзе числится двести одиннадцать.
- А сколько годится в санитарки?
- Пожалуй, не меньше сотни.
- Собери их завтра в губернской больнице, я приду...

Не сказав больше ни слова, председатель губкома пошёл навстречу молодому чернявому краскому в зелёном картузе, из-под которого выбивался непокорный чубчик. То и был комбриг Великанов, назначенный командующим обороной города.

Вспомнив, что её ждет в машбюро новенькая сотрудница, Вера тоже заторопилась. Когда в конце января красные освободили город, у них не оказалось ни одной грамотной машинистки. Вере волею-неволей пришлось заняться и этим делом. Случившийся тогда при разговоре у Акулова командарм Гая Гай весело заметил:

– Даю за такую машинистку двух пулемётчиков!

Она вспыхнула, точно молоденькая гимназистка.

– Вы не сердитесь, товарищ Вера. Без машинисток штаб не штаб. За любой пулемёт я могу лечь сам, а за «ремингтон» сесть не отважусь.

– Понимаю, – сказала она.

С тех пор Вера стала шефом губкомовского машбюро, где уже работали три способные девушки. Для них отвели большую комнату, понатащили отовсюду «ремингтонов» – хватит на несколько бюро...

Сегодня она как раз занималась с новенькой, показывая и терпеливо объясняя, как важно сразу научиться работать всеми пальцами, когда появился на пороге командующий Первой армией Гай в своей крылатой бурке и Великанов в шинели нараспашку. Вид у Гая был неважный после бессонной ночи, но он храбрился.

– Шли мимо, заглянули на минуточку, – сказал Гай с тем восточным акцентом, который придавал его речи мягкое, напевное звучание.

– Слушаю вас, товарищ командарм.

– Есть просьба, товарищ Вера. Отпечатайте вот эту биографию Дутова...

– Дутова?

– Не удивляйтесь. Мы тут люди новые. Вот и моему комбригу Михаилу Дмитриевичу полезно будет знать, с кем придётся иметь дело. Кстати, вы не знакомы? Прошу, знакомьтесь...

Великанов учтиво взял под козырёк, она поклонилась ему по-женски.

– Что ж, оставьте, товарищ командарм.

– Зовите меня просто – Гаем Дмитриевичем. Мы с комбригом, можно сказать, родные братья, – сказал он и коротко, с улыбкой глянул на Великанова.

– Хорошо, Гая Дмитриевич, отпечатаем.

– Только я просил бы вас лично, товарищ Вера. Ошибки в биографии неприятеля ведут к ошибкам на поле боя.

Он снял чёрную лоснящуюся бурку, сдвинул каракулеву папаху на затылок и сел у настезь открытого окна.

– Жарко у вас.

Глядя на него, Великанов тоже присел в стороне на стул...

Алексей ВАРЛАМОВ (р. 1963)

23 июня. 60-летний юбилей отмечает писатель, публицист Алексей Николаевич Варламов (р. 23.06.1963, г. Москва). Член Союза русских писателей (1993). Автор книг «Дом в Остожье» (1990), «Здравствуй, князь!» (1993), «Ночь славянских фильмов» (2001), «Лох» (2003), «Мысленный волк» (2014) и др. Не раз приезжал в Ульяновск: 20 апреля 2011 года в рамках проекта «Литературный глобус» провёл пресс-конференцию, встретился с ульяновской общественностью, стал участником акции «Библионочь» в библиотеке №8; 17 сентября 2018-го был гостем XVIII Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья; 17 сентября 2021-го провёл творческую встречу в областном Дворце книги.

ЗДРАВСТВУЙ, КНЯЗЬ! (отрывок из повести)

Своё редкое имя Саввушка получил по причудливому замыслу судьбы. Его мать жила в молодости в Белозерске и работала поварихой в школьной столовой. Была она столь же хороша собой, сколь и доверчива, к ней сваталось много парней, но замуж она не выходила, а потом вдруг уехала, не сказав никому ни слова, в Заполярье. Полгода спустя у неё родился сын. Чуть окрепнув, она снова встала к плите, но работать теперь пришлось больше прежнего, и несколько лет спустя никто бы не узнал красавицу Тасю в измождённой женщине, тяжело бредущей в глухую полярную ночь к дому.

– Уезжайте отсюда, мамаша, – говорили врачи, – климат тут неподходящий.

– Для ребёночка? – пугалась она.

– Да нет, для вас.

Она тотчас успокаивалась, потому как давно на себя рукой махнула, а Саввушка, слава Богу, рос здоровым и про отца своего ничего не спрашивал, точно с детства решив, что отца ему не положено.

Тася же его иногда вспоминала, вернее, не вспоминала, но снился он ей бесконечными ночами, когда сон тяжёлый и непробуден, снилось лето в окружённом земляными валами городе на берегу огромного озера, снились церкви, вблизи потрескавшиеся, но издали прекрасные, и высокий красивый мальчик ласково спрашивал её в этих снах:

– Что же ты меня не нашла?

От слов его становилось ей так покойно и счастливо, что она просыпалась в слезах и тихо плакала, боясь разбудить сына:

– Тёмушка, – шептала, – Тёма.

Но Саввушка, едва услышав материнский плач, просыпался, первое время пугался и плакал, а потом привык, молча лежал и ждал, пока мать снова заснёт. Бог знает, что он чувствовал в эту минуту, но когда позднее она попыталась про этого Тёму ему рассказать, слушать её он не захотел. Так и осталась Тася со своими воспоминаниями одна.

А был сей неведомый Тёма московским студентом. В Белозерске оказался он на практике. Их привёз туда статный белобородый старик по фамилии Барятин, поразивший Тасю в первый же день тем, что после обеда он подошёл к ней и поцеловал руку.

Студентов поселили на окраине городка в пустовавшей летом школе, и целыми днями они ходили за своим профессором от церкви к церкви: десяток девиц, одетых по столичной моде в вольные сарафаны, и один-единственный хлопчик с длинными, как у барышни, ресницами. Белозерская молодежь, ослеплённая этим зрелищем и возмущённая тем, что всё богатство принадлежит одному студенту, предприняла через несколько дней штурм школы. Девушки жили на втором этаже, и парни пролезли на первый, а потом стали ломиться в дверь, за которой стоял студент и сжимал дрожащими руками лопату.

Дверь не поддавалась, ходила ходуном, и нежные девичьи голоса шёпотом умоляли:

– Тише, мальчики, тише. Графа разбудите.

Но подвыпившие мальчики вошли в раж.

Сквозь замочную скважину виднелись халаты и распущенные волосы, наконец дверь рухнула, и парни ломанулись в проём, как победившие пролетарии в институт благородных девиц. Студента отшвырнули, и неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы в ту же минуту в конце коридора в белой ночной рубашке, закрывавшей ему колени, с перекосенной волнистой бородой и шваброй в руках не появился бы сиятельнейший граф Барятин.

– Вон отсюда! – рявкнул он громовым голосом, и осаждавшие бросились врассыпную, а несчастный студент так и остался посреди коридора с разбитой губой и синяком под левым глазом.

– Это кто ж вас так? – ахнула Тася на следующий день.

Он буркнул что-то нелюбезное, но Тася его с того раза заприметила и всякий раз старалась положить ему кусочек получше. Студент был худ, бледен и напоминал хоть и породистого, но весьма оголодавшего пса. К тому же одет он был необыкновенно неряшливо.

– Что же это за вами и не приглядит-то никто?

– А некому, – ухмыльнулся он.

– Так уж и некому. Вон барышень-то сколько.

Она с завистью смотрела на этих беспечных девиц и украдкой вздыхала...

Матвей ЗАГРЯЦКОВ (1873–1957)

25 июня. 150 лет назад родился юрист и публицист Матвей Дмитриевич Загряцков (25.06.1873, г. Симбирск – 04.03.1957, г. Москва). Учился в Симбирской классической гимназии. Был профессором Московского университета, работал научным сотрудником в Институте права АН СССР. Один из авторов Энциклопедического словаря А.Н. Граната (1910–1948). Автор сочинений «Земская служба и третий элемент» (1914), «Что такое муниципальный социализм?» (1917), «Закон о волостном земстве» (1917), «Земство и демократия» (1917), «Бюджетные права местных Советов» (1924), «Административно-финансовое право» (1928), «История административного права России» (1948) и др.

ЗЕМСТВО И ДЕМОКРАТИЯ (отрывок из сочинения)

Человек – животное общественное: он не может жить и бороться за жизнь обособленно, один; только соединяясь в группы, общества, человек со своими слабыми физическими силами мог победить природу и сделаться его царём. Но всякое объединение людей делает счастливым общее руководство, которое должно опираться на принуждение для того, чтобы бороться с себялюбивыми стремлениями его отдельных членов. Только общество, состоящее из совершенных людей, забывающих о себе и ставящих общее благо выше своего личного, может обойтись без принуждения. Общество, организованное принудительно, называется государством. Но, к сожалению, это принуждение, без которого общество никогда не может существовать, нередко делается источником злоупотреблений. Общество распадается на отдельные классы, и лица, стоящие у власти, пользуются ею нередко в своих личных интересах, или в интересах той группы, к которой они принадлежат. И чем меньше развита личность, тем эта власть суровее и беспощаднее.

В самодержавном полицейском государстве совершенно не признаются права отдельных граждан. Так, в России до самого последнего времени людей принуждали веровать в Бога не так, как им подсказывала совесть, а так, как хотела власть, запрещали печатать книги, не угодные правительству, не позволяли русским гражданам свободно собираться на собрания для обсуждения общественных дел, образовывать общества, которые казались им полезными и т. д. Но по мере того, как развивается личность, государственной власти приходится считаться с её требованиями: личность не только отвоёвывает себе область, в которую государство не должно вмешиваться (например, свобода верований), но добивается права на участие в образовании власти, на её содействие в трудную минуту жизни. Такой строй, в котором всё управление строится на начале народовластия и за каждым гражданином признаются личные права, называется демократическим и был впервые провозглашён сто лет назад во Франции революцией 1879 года, а в наши дни сменяет самодержавную власть в России.

Движение 1917 года превращает Россию в демократическое государство. Государственная власть

вверяется Учредительному Собранию, избранному всем народом посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и имеющему своей задачей построить русский государственный порядок на новых началах. На местах на такой же широкой основе создаются избираемые всем населением местные власти. За гражданами признаётся личная свобода и право участия в государственном строительстве. Но этого мало. Государство, облегчая переход земли к трудовому народу, провозглашает право на существование и право на труд. В земском самоуправлении русское крестьянство имеет общественный механизм для практического осуществления этих прав в жизни.

Уже 60 лет назад в России обнаружилось, что великим государством нельзя управлять посредством приказов из одного Петрограда (бюрократически). В 1853–1856 гг. Россия вела неудачную войну с европейскими державами, и военные неудачи показали, что весь самодержавный и крепостной порядок тогдашней России подгнил и что необходим ряд демократических изменений строя (реформ), чтобы воскресить страну. В 1861 году крестьяне были освобождены от крепостной зависимости и получили право самостоятельного заведования своими делами, в 1864 году введён независимый суд и земское самоуправление (в 1870-м – городское), основанное на избрании местным населением своих представителей. Таким образом, в наш исторический строй был вбит клин: наряду со старой исторической властью милостью Божией образовалась новая демократическая власть, черпающая свои полномочия в народном избрании. Между старым и новым порядком началась борьба, которая после недолгого торжества старых начал (земская реформа 1890 года) в 1905–1917 гг. кончилась победой демократии. Земство победило опричнину.

Особенно тяжело было положение крестьянского самоуправления. Освобождение крестьян поставило перед властью трудную задачу. Каким способом, освободив крестьян и предоставив им самостоятельность в деле заведования своими делами, в то же время избавить их из-под привычного влияния вчерашних господ? Это было достигнуто путём отделения крестьянства от других сословий...

Ольга ДАРАНОВА (р. 1958)

25 июня. 65-летний юбилей отмечает прозаик и поэтесса Ольга Николаевна Даранова (р. 25.06.1958, г. Ульяновск). Окончила УлГПИ имени И.Н. Ульянова (1980). Работает учёным секретарём Ульяновского областного Дворца книги. Публиковалась в журналах «Симбирскъ» (Ульяновск), «Сура» (Пенза), «Волга – XXI век» (Саратов), «Бийский вестник» (Бийск), «Родная Кубань» (Краснодар) и др. Автор сборника стихов и прозы «Флейта осени» (2018). С 2020 года председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Ульяновской области. Награждена медалями Н.М. Карамзина, «200-летие И.А. Гончарова», «За особый вклад в книжное дело», имени Ф.М. Достоевского.

Ах, какое было лето!
И какие небеса!
В крепдешин цветной одета,
Шла я, девушка-краса...
Нет, не шла! Душа летела,
Радость юности впитав!
Ах, какой была я смелой,
Двадцать вёсен обогнав...
Жизнь была стихотвореньем,
Одним длинным летним днём,
И с азартным нетерпеньем
Мы любили, жили в нём!
Кавалеры и подружки,
Танцплощадка в тополях,
В общежитии пирушки,
И объятья в долгих снах...
Перестать бы сердце ранить –
Их всё тише голоса...
Всё ушло. Осталась память.
И всё те же небеса...

Снега, снега... Какая радость!
Какая глазу благодать!
Мороза девственную сладость
Каким глаголом передать?!

До края неба дотянуться
И грудью пасть на грудь зимы...
И задохнуться, захлебнуться
Восторгом дня! И видеть сны...

И видеть сны, где полем снежным
Летит возок в немую даль.
В нём Пушкин дремлет, юный, нежный...
России вечная печаль.

День детства солнечной пастелью
Вернётся к нам во взрослых снах
Лучом, скользнувшим в дверной щели,
Лампадкою на образах.

Подсвечен бережно краской
Тех дней старинных декупаж.
Гасился день добром и лаской,
А начинался с «Отче наш...».

Ты вспомнишь, как крыльцо скрипело,
Как пахло деревом в сених
После дождя. Как вишня спела,
Темнея прямо на глазах.

Ты спишь ли, гредишь ли – не знаешь...
Подушка, мокрая от слёз.
И мёд черёмухи вдыхаешь,
И зелень майскую берёз.

И всё, казалось, будет вечным:
Трава, деревья, дом и сад!
Так восхитительно беспечным
Бывает только стар и млад...

И год от года всё острее
Та сладость пролетевших лет!
Печаль светла, и душу греет
Родства неугасимый свет.

Рустам АГИШЕВ (1913–1976)

26 июня. 110 лет назад родился журналист, прозаик Рустам Константинович Агишев (26.06.1913, д. Старое Тимошкино Симбирской губ., ныне пос. Старотимошкино Барышского р-на Ульяновской обл. – 13.08.1976, г. Калинин, ныне Тверь). Жил в Средней Азии и в Комсомольске-на-Амуре. Участник Великой Отечественной войны. Был ответственным секретарём журнала «Дальний Восток». Автор романов «Зелёная книга» (1954), «Луна в ущельях» (1967); книг прозы «Амурские повести» (1948), «В долине Буреи» (1950), «Оуэнга» (1956), «Сын тайги» (1961), «Бей, барабан!» (1968), «Возвращение» (1972) и др. Член Союза писателей СССР (1954). В последние годы жизни писал роман «Естествоиспытатели».

ЛУНА В УЩЕЛЬЯХ (отрывок из романа)

Чтобы попасть в Атун, надо идти моторкой вверх по вздорной мелкой речонке, сплошь утыканной заломами, или садиться в райцентре на «Антошку», как по-свойски называют в тайге надёжный и безотказный воздушный автобус Ан-2, и сделать бросок через тайгу. Только зимой по льду Маны пробиваются к горняцкому посёлку грузовые автоколонны, да разве какой шатоломный поисковик, опаздывающий из отпуска, пройдёт на лыжах напрямиком. А как быть Вадиму Сырцову сейчас? По Мане густо идёт шуга, аэродром так развезло после тайфуна, нанёсшего ненароком тропический ливень пополам со снегом, что даже проворный Ан-2 стоит уже вторые сутки с задраным кверху носом, словно принюхиваясь к погоде.

– Не взлететь! – простуженно просипел молодой круглолицый пилот, утонувший в просторном, мехом внутри, чёрном комбинезоне и огромных собачьих торбасах. – А какovo садиться в такую слякоть? Штормовой фронт не миновал и райцентр.

Пилот откровенно недружелюбно оглядел высоченного, на голову выше себя, поисковика в зелёной ватной телогрейке, с шапкой выщипанной, непокрытых светлых волос. Видавший виды рыжий рюкзак за плечами. Из наружного кармана высунулась зеленоватая кедровая шишка. Рывком сняв тяжёлый рюкзак, геолог нашарил в кармане сигареты. На заросшем кудрявой русой бородкой худощавом лице блестели узкие серые глаза. Пилот и геолог неторопливо закурили.

Немного в стороне, около фанерного домика с выведенной в окно дымящейся железной трубой, стараясь не проронить ни одного слова, толклись десятка полтора истомившихся ожиданием пассажиров, готовых по первому сигналу подхватить пожитки и кинуться к самолёту – больше десяти человек «Антошка» не берёт. От них не ускользнул дружественный акт закуривания, и надежда затеплилась в ожесточённых взглядах.

– Ты, браток, пойми одно, – пилот, раскурив сигарету, снисходительно похлопал долговязого по плечу, – за то, что ты задержишься денёк-другой с образцами, самое большее могут перевести в другую партию. А за аварию с самолётом ведь в сущности и взыскивать бывает не с кого. Соображаешь?

– Образцы образцам рознь, – упрямо сказал поисковик и, перехватив взгляд собеседника, вытащил

из кармана рюкзака кедровую шишку, подержал в руке, как бы взвешивая, и небрежно сунул пилоту.

Тот усмехнулся, подкинул тугую, как хоккейный мяч, шишку на ладони, отломил вместе с сочными янтарными орехами нижнюю чешуйку, а остальное так же небрежно вернул.

– Там, в хлябях небесных, не разбираются, – угрюмо заметил пилот и неторопливо зашагал к посёлку.

Пассажиры с раздражением, с нескрываемой неприязнью поглядели ему вслед и, зябко поёживаясь, поплелись к теплу. Сырцов подхватил рюкзак и шагнул было за всеми, но раздумал и, на ходу вздев лямки, двинулся к Атуну.

Над посёлком, разбросавшимся тремя десятками дворов в широкой пади между сопок, небо клубилось тучами, сеялась морось. И всё кругом – лёгкое поле с сиротливо торчащим самолётом и надувшимся полосатым флюгером, деревья и строения – покрывалось инеем. Широкие улицы, и в тёплое время года не перегруженные движением автотранспорта, поросли подорожником, в нём пробиты прямые стёжки от двора к двору. Кое-где студёно блестели лужи – в одной деликатно полоскался, окуная лишь голову, большой сизый селезень. На покотинах, нахохлившись, сидели мокрые куры. В воздухе густо висел запах свежее испечённого хлеба.

Вадим злился, что потерял полдня (хозяйки скоро уже борщи начнут выставлять на стол) на поиски и бесплодные уговаривания пилота – всё равно ничего не вышло. Что ж, отправляться теперь на базу и ждать погоды? А как же с образцами? Ведь надо их обязательно доставить к московскому самолёту. Всё могло ждать, только не... А Динка? Неужели и она? Ведь и она вылетает с отцом! Неужели они не увидятся до зимних каникул?

В рюкзаке в такт шагам бренчал котелок, глухо постукивали камни. Стараясь не наступать на левую пятку, Вадим всё-таки ускорил шаги. Из растоптанного ялового сапога опять вылез гвоздь, и, хочешь не хочешь, придётся сейчас у Аянки этим заняться. Вот к кому надо было сразу идти, чем терять время даром. Лишь бы старого бродягу застать дома.

Перейдя напрямик главную улицу, Вадим огородами, осторожно ступая по слегка подмороженным грядкам, подошёл к усадьбе, расположенной немного в стороне от других...

Олег ЧИСТОВСКИЙ (1923–2003)

27 июня. 100 лет со дня рождения топографа, писателя-натуралиста Олега Григорьевича Чистовского (27.06.1923, г. Петроград, ныне С.-Петербург – 2003, там же). Окончил Ленинградское военно-топографическое училище (1942). Член Союза писателей СССР (1968). Не раз бывал в Ульяновске, вёл топографическую съёмку окрестностей города. В 1973 году посетил село Ундоры Ульяновской области; опубликовал путевой очерк «В Ундоровских горах». Автор книг прозы «Записки топографа», «Грибы-целители», «Знакомые незнакомцы», «Своими глазами», «Тайна вершины Мискен», «В стране великих гор», «Когда шагаешь по земле», «Под пологом тайги» и др. Действительный член Географического общества СССР (1948).

В УНДОРОВСКИХ ГОРАХ (отрывок из очерка)

В Ундорах я провёл несколько дней. Побывал в некогда тенистом барском парке. Там сохранилась парадная аллея, ведущая к холму, на котором стоял дом Ивашевых. А по соседству с холмом две низины заняли небольшие пруды. По инициативе ундоровских краеведов парк назван именем декабриста Василия Петровича Ивашева. Намечено очистить пруды, восстановить утраченные аллеи, построить павильоны и беседки. Каждую весну школьники высаживают в парке саженцы декоративных деревьев и кустов.

Вблизи парка сооружён памятник советским воинам-ундоровцам, погибшим в Великую Отечественную войну. Красные следопыты собрали материал о ста пятидесяти жителях Ундоров – фронтовиках и оформили альбом. А юные краеведы заинтересовались многовековой историей своего села.

В обратный путь до Ульяновска я отправился пешком. Затеяливая тропинка спустила меня в верховья Малинового оврага и подняла на поросший лесом отрог. Я очутился снова в глубоком логу. Долго пришлось обходить залив, пока не начались первые строения деревни Городище. В деревне мало растительности, она кажется голой и неуютной.

От пожилого мужчины, тесавшего на улице бревно, мне удалось узнать причину этого явления. Оказывается, деревня расположена, как он выразился, на «мёртвой земле», на которой не приживаются деревья.

И удивительно, что в глубинных слоях этой «мёртвой земли» заключена живая история планеты. Волны водохранилища, день за днём разрушая высокие берега Волги, вымывают окаменевшие остатки животных, обитавших здесь миллионы лет назад. Недаром каждую осень волжские обрывы посещают научные экспедиции. За уникальным историческим материалом сюда приходят школьники, а за необычными сувенирами – туристы.

Мне тоже захотелось найти в обрыве что-нибудь редкое. Приблизился к его кромке и с опаской посмотрел вниз. Волны торкались в крутой склон. Полузатопленные громадные глыбы методично обливались водой. Обнаружив сравнительно безопасный спуск, добрался до подножья обрыва. При беглом осмотре «слоёного пирога» не обнаружил ничего примечательного.

Я с трудом удерживался на довольно крутой поверхности обрыва, выискивая удобные углубления и цепляясь руками за острые выступы. Меня интересовал самый нижний слой. Я выковыривал из него камешки и засовывал в свою кожаную сумку. Отчаявшись найти что-нибудь более существенное, вдруг заметил торчащую остриём наружу пулю и вытащил её. Предмет, похожий на пулю, оказался длинной окаменелостью с конусообразным углублением в торцевой части. Я вспомнил, что такую же «пулю» видел в витрине школьного краеведческого музея. Там была подпись, гласившая, что экспонат является частью головоногого моллюска белемнита, жившего ещё в Юрском море. Окаменелость такого типа встречается довольно часто и в народе называется чёртовым пальцем, а по-научному – рострумом. Вместе с другой частью, фрагментом, рострум составлял скелет белемнитов, достигавших довольно внушительных размеров.

Находка подняла у меня настроение и повысила интерес к дальнейшим поискам. Вот в моей руке оказался увесистый обломок спирали с перламутровой гофрированной поверхностью. И такую окаменевшую спираль я видел в школьном музее. Это была часть раковины другого головоногого моллюска аммонита-виргатитеса. Моллюски жили в одно и то же время, так как я извлёк их из одного слоя. Белемниты известны как хищники. Они охотились на разных морских животных и нападали даже на своих дальних родственников аммонитов. Оба моллюска служили пищей ящерам.

Белемнитами питался водяной ящер – плезиозавр. С помощью конечностей, превращённых в ласты, плезиозавр быстро плавал, а длинная шея позволяла ему доставать со дна белемнитов. Другой водяной ящер – ихтиозавр – предпочитал лакомиться аммонитами. Снабжённые плавниками и хвостом ихтиозавры по внешнему виду напоминали дельфинов.

Набив свою сумку находками, я двинулся в путь. Долго шёл лесом, пока не оказался на открытой возвышенности, где тракторы запахивали золотистую стерню. Острые лемехи врезались в землю и переворачивали пласты чернозёма. Возвышенность являлась водоразделом Волги и Свияги. Но почему две близко расположенные реки текут в разных направлениях? Эту загадку давно пытаются разгадать исследователи...

Виктор СЕРГЕЕВ (р. 1943)

27 июня. 80-летний юбилей отмечает прозаик Виктор Николаевич Сергеев (р. 27.06.1943, с. Чуфарово Майнского р-на Ульяновской обл.). Окончил профтехучилище в Магнитогорске. Работал на заводах и стройках Ульяновска. Участник Всероссийского семинара молодых литераторов в Пензе (1978), VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (1979). Автор книг «Первый круг» (1985), «Родственники» (1986), «Рыжие берега» (1993), «Синее небо с белыми облаками» (2007), «Свидетельницы» (2008), «На полустанке Зелёном» (2016), «Гуси на крыло» (2019), «Сухое дерево» (2021). Член Союза писателей РСФСР (1988). По его рассказу на «Мосфильме» снят фильм «Дупло» (1981). Живёт в Ульяновске.

ЭЙ, СОЛДАТ! (отрывок из повести)

Солдат Костя Переслегин, возвращающийся с армейской службы, сошёл с междугороднего автобуса на перекрёстке просёлочных дорог.

– Эй, солдат, пойдём дальше пешком! Мне до Стúжевки, – как будто поджидал его здесь хмурый пожилой мужчина. – Ветрина задул из лесу. В оврагах ещё не растаял снег, – добавил он, поправляя на голове форменную фуражку лесника.

– Не-ет, дождусь попутку. Мне дальше вашего, до Покровки, – ответил Костя.

Тогда мужчина, кивнув в сторону кладбища, укрытого густым и рослым вишенником и спускавшегося подковой от дороги к оврагу, сказал:

– Минут десять назад тут один на телеге подвёз крест. Никого не хоронят, а зачем-то привёз. Видать, заменить старый на новый. Ох, лёгок на помине, посмотри, сюда бежит, к нам, значит.

Попутчик постучал по карманам куртки, словно искал что-то, ссутулился. На Костю поглядел виновато.

– Эй, солдат! И вы, дядя! Люди сердечные, помогите ради Христа донести крест до могилы, – неуверенно попросил незнакомец. – Думал, на лошади въеду, один справлюсь, да не получилось. Прямо каких-то полчаса назад кладбищенские ворота были растворены. Но пока за крестом ездил, их кто-то закрыл пудовым замком.

– Ну что, поможем? – спросил Костя, обращаясь к попутчику. – Только как донесём, если ворота на замке?

– О-хо-хо... Крест нести всегда тяжело, – вполголоса отозвался попутчик, продолжая что-то искать в карманах. – Вон в изгороди пролом, там и пронесём. Наверное, телята заходят, потому и ворота закрыты, – оправдывал кого-то.

Он взялся нести дубовый крест за толстый неотёсанный низ с остатками морщинистой коры, а Костя подхватил верх с гладковыстроганными крестовинами.

– Чужие ошибки исправишь, глядишь, последний раз и сам не ошибёшься, – на ходу говорил попутчик. – Из дому годами не выглядываю на сторону: вдруг без меня что-нибудь переменится. А сорвусь по редким, но важным делам, хоть по ветру, хоть встречу, одни колючки в ладони лезут, за что ни возьмусь. Дома говорят: не суй свой нос куда не следует, а то сто лет не проживёшь. Я в веке не

нуждаюсь, сколько Богом отпущено, столько и проживу. Ворон, что ли?

«Ну и силён мужик: щёки запунцовели от тяжести, а не кряхтит. Знает себе цену, потому легко знакомится и открыто выказывает свой характер любому встречному», – подумал Костя.

– Солдат, уразумел, о чём толкую? – спросил попутчик. Не останавливаясь, он, для удобства, легко перехватил низ креста. – Смотрю, задумчивый какой-то...

– Ужасно по дому соскучился, – и Косте отчего-то захотелось довериться незнакомцу.

– Понятное дело, – живо откликнулся тот. – Вижу, медаль заслужил, не подвёл мать с отцом.

Они занесли крест вовнутрь новой железной ограды, прислонив его к тонкой берёзе, росшей прямо на могильном холмике, почти на месте старого, подгнившего креста.

– Дорогие мои, спасибо огромное! Желаю вам доброго здоровья и благополучной дороги, – благодарил их мужичок, привёзший крест. – Вот поставлю его на место, покрашу голубым, небесным...

Попутчик по слогам прочитал фамилию на кресте: На-воз-нов...

– Кто тут у вас? – спросил попутчик, кивнув на заросшую высокой травой могилу. – Навозновых знал... особенно Миколая. Сам, случайно, не сынок его?

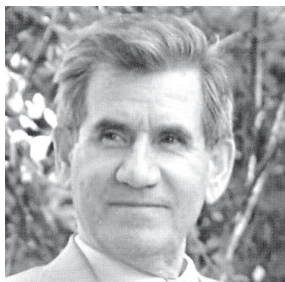
– Отгадали. Самая близкая родня покоится, – ответил Навознов после короткого раздумья, словно давно ушедших представлял живыми. – Тут все – дед, бабушка, мама, папа, сестрёнка. Я-то перебрался далеко отсюда, трое суток поездом ехать; вот взял отпуск, чтобы могилу наведать после пятнадцатилетней разлуки. Думал, просто положу на неё цветочки да посижу, но загорелся обиходить пристанище близких моих. Вряд ли удастся ещё раз приехать.

– А что, ваших родственников в посёлке никого не осталось? – нахмурившись, спросил попутчик.

– Родня есть. Как же без родни? Все старые и пожилые. Еле ходят, на завалинках посиживают, греются под солнышком. – Навознов был рад распросам. Часто платочком обтирал своё вспотевшее от волнения лицо.

Помощники помогли выкопать яму и поставить крест...

Анатолий КАЛАЧЁВ (1938–2022)

30 июня. 85 лет со дня рождения прозаика, публициста Анатолия Ивановича Калачёва (р. 30.06.1938, пос. Чердаклы, ныне Ульяновской обл. – 07.03.2022, г. Звенигород Московской обл.). Окончил Новосибирское военно-техническое училище (1959). Служил в военно-строительных частях. Жил в Москве. Член Союза писателей России (2005). Автор книг «Мой Чернобыль» (2005), «Неурочное время» (2007), «Ищи и найдёшь» (2008), «Стезёй прави!» (2010), «То не сказка – жизни быть!» (2011), «Повесть о чердаклинском генерале» (2012), «Богомолы» (2013) и др. Лауреат премий им. М.А. Шолохова, А.С. Грибоедова, Н.А. Некрасова, генерала М.Д. Скобелева. Почётный гражданин Чердаклинского района.

ЗАБЫТЫЕ ПОГОСТЫ (отрывок из очерка)

Отрывочные, поверхностные сведения достались потомкам о фамильном древе Кузнецовых. Не вели крестьяне свои родословные. Но об Ольге Николаевне, прапрабабушке, устные сказания сохранились. Милая, светлая, заботливая – так о ней вспоминали все. Она была чистоплотной, аккуратной и добросовестной хозяйкой. Скромного поведения, но красивой внешности. Она была среднего роста, и говорили, что если бы была выше, значит, была бы худой, а если бы ниже – толстушкой. От её нежно-белого тела исходил аромат парного молока. Она постоянно возилась с навозом, скотом, но именно её особый аромат запомнился детям. Густые русые волосы заплетала в тугую косу, мягкий овал лица скрывал полноту щёк. Смеялась она душевно, и от её улыбки, смеха, солнечных бликов на белоснежных зубах излучались радость и приветливость. Любила шутку, и смех, и улыбка всегда были с ней рядом.

Вот такой тёплый, солнечный образ женщины середины XIX века рисовали домочадцы, хотя жизнь Ольги Николаевны была тяжёлой и драматичной.

Жили они с Христофором в деревне Юрманки и были крепостными людьми. Чуть ли не каждый год она рожала ребёнка, и получались у них одни девочки: Настя, Анна, Наталья, Арина, Прасковья. И вот наконец-то они дождались сыночка, назвали его Андреем. В бедных семьях богатством считались тогда дети. На них возлагались надежды, с ними связывали светлые грёзы и думы.

В старину люди не ведали медицины, а жили по своим правилам. После рождения ребёнка шесть недель муж не спал с женой и не прикасался к её телу. Шесть недель давалось женщине, чтобы прийти в себя, восстановить силы. Не знали предки гигиены, умом дошли, практикой, наследием опыта.

После рождения Андрея на исходе долгого «поста» в томительном ожидании расстилала Ольга солому, готовя семейное ложе. И только уgomонилось шестиголосье, улеглись они с мужем, готовые соединиться в столь долгожданном блаженстве, как раздался громкий стук в дверь. Христофор поднялся, раздражённо выговаривая:

– Кого это нелёгкая принесла?

– Откройвай! – услышал он знакомый голос управляющего.

Зажёг он лучину и впустил непрошеного гостя, а вместе с ним в дом ввалились ещё двое его подручных. Ольга от страха натянула на голову драное стёганое одеяло, не замечая холодного воздуха, стелившегося по полу через открытый проём.

– Дверь закройте! Ребятишек простудите! – только и нашёлся Христофор, а сердце сжалось в дурном предчувствии.

Недобро ухмыльнулся управляющий и стал говорить о милостях барина к их семье. Но Христофор вначале не понимал, к чему всё это, а когда понял, закричал:

– Не-ет! Нет! У неё же шестеро на руках!

– Забрать! – прервав разговор, приказал управляющий своим помощникам, и те вместе с одеялом завернули Ольгу в чапан и вынесли на улицу. Христофора крепко держал управляющий, чтобы не мешался, и напоследок сказал с сочувствием:

– Остынь, ничем не помогу... О детях думай теперь, не о жене!

Увезли Ольгу в Симбирск, в дом барина, чтобы она выкормила его сына, недавно родившегося. Барчонка будет кормить она своим молоком, а не своего столь долгожданного сына! Знали крепостные, что барыни редко кормили грудью своих детей, фигуру блюли. А что у кормилицы дома оставались дети, так какое им до этого было дело!

Редкие встречи у неё были с мужем, наезжал он в Симбирск проведать жену, да только свидания-то проходили при чужих глазах или через стекло в дверном полотне.

Кормила Ольга барчонка два года, а тут отмена крепостного права грянула, и пока Христофор выправлял бумаги, прошло ещё с полгода. Барин просил докормить грудью своего ребёнка и обещал две лошади и две коровы – богатство, которое и не снилось крепостным. Но сердце матери рвалось к детям, и никакое обещанное богатство уже не могло её остановить. А всего-то барин просил о шести месяцах. До трёх лет выкармливали у помещиков детей кормилицы из крепостных.

После этого драматичного времени в семье Кузнецовых долго не было детей, но потом родился Иван, а в 1875 году на свет появился их последний сын – Григорий...

Павел СЕМЁНОВ (1873–1916)

Июнь. 150 лет назад родился религиозный деятель, писатель, публицист Павел Васильевич Семёнов, епископ Михаил (?Об.1873, г. Симбирск – 09.11.1916, г. Москва). Окончил Симбирскую духовную семинарию (1895). Публиковал статьи в «Симбирских губернских ведомостях». Встречался с Д.С. Мережковским, А.А. Блоком, Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, В.В. Розановым и др. В 1907 году перешёл в старообрядчество. В последний раз был в Симбирске в 1916-м. Автор пьес «Уставший царь» (1906), «Господа и рабы» (1907); повестей «Горящий огнём» (1909), «Боярыня Морозова» (1910), «Перед Стоглавым Собором» (1915), «Прекрасная пустыня» (1916); романа «Великий разгром» (1913) и др.

СВЯТАЯ НЕМОТА (отрывок из сочинения)

Есть святая немота. Но есть ещё более святая христианская благая немота. Умение беречь от греха свои уста, уважать дар слова.

Слово – великий дар Неба.

«Какую силу имеет слово, – пишет святой Златоуст, – всемогущую силу: вся Тем быша; словом сотворён весь видимый мир, Словесем Господним Небеса утвердишася [Пс.32:6]. Скажешь, что это не такое слово, как у тебя и меня. Так, Слово Божие безконечно выше слова человеческого. Но поелику ты сотворён по образу Божию, то и в слове твоём должен быть некий образ Слова Божия и силы Его, если ты не затмевашь слова невниманием и легкомыслием. Слово поставило человека на лестнице творений выше всего земного, выше луны и солнца; слово соединило людей в общества, создало города и царства, в слове живёт и движется знание, мудрость, закон; словом образуется, поощряется и распространяется добродетель; слово в молитве беседует с Богом. Слово подобных во всём нам человек в союзе с истиною Боговедения и правдою веры и вследствие сего, в союзе со Словом и Духом Божиим, – владычествовало над природою, исцеляло больных, прогоняло тёмные силы, воскрешало мёртвых».

Отсюда понятно, какое огромное уважение нужно питать к слову. И становится стыдно, когда подумаешь о нашем отношении к слову. Недаром писал Сенека о людях и их беседах: «Всякий раз, когда побываю между людьми, возвращаюсь к себе менее человеком».

Какое неуважение к слову выражается, например, в грязной брани. «Я начинаю завидовать животным, – говорил один мудрец, – они не могут опозорить слово, которое может быть органом пророчества – и вместо этого у человека часто смердит, как яма с отбросами».

Какое неуважение к слову выражается в грехах празднословия, когда слово, которым апостолы строили Царство Христово, и ученики правды творили на земле царства правды, употребляют для того, чтобы «бить воздух» без цели и смысла!

Но ещё хуже, ещё страшнее, когда слово делают прямым орудием зла. Даже кровопролитные войны, по словам Пролога, не принесли столько зла, сколько злое слово.

«Муж двоязычный, – говорит о сем в Прологе слово церковное, – разделит друзей, между мирно живущими посеет клевету и ссоры... Наушник

и двоязычник заслуживают проклятия, ибо много миролюбивых сгубили. Язык лживый многих возмутил и погубил, так что от языка и города твёрдые разрушились, и дома богатых развратились. Язык лживый добрых жён изгнал из домов и лишил их плодов от трудов своих. Кто слушает его, не найдёт покоя и не проживёт мирно. Многие пали от острия меча, но не столько, сколько пали от языка. Блажен, кто укроется от него и избежит ярости его».

Нужно искать «святой немоты», того уважения к слову, которое заставляет открывать уста только для дела миротворчества, для слова любви, для проповеди Божией правды.

Мы говорили о совете, какой дают швейцарские проводники туристам. «Не кричите, одно слово может причинить смерть. Сотрясения воздуха от громко сказанного слова достаточно, чтобы вызвать из покоя снежную лавину, и она навеки покроет нас...»

Учителя благочестия всегда помнили, что одно слово может принести с собой гибель, и уважали слово, строго взвешивали вперёд, что оно несёт с собой: добро и мир или зло и неправду.

В пределах Нурсийской области жил инок Флоренций. Однажды этот инок, опечаленный злым делом четырёх недобрых братьев, выразил уверенность, что Бог Всемогущий не оставит без наказания злобы их. И вскоре братья эти умерли в тяжких страданиях. И старец этот потом плакал, вина себя в том, что, может быть, сказанное им слово было виной их смерти. Он считал себя убийцей.

Как это непохоже на нас: сколько раз наше неосторожное слово «вызывало обвалы», разрушало мир, наносило ближнему смертельную рану. И мы даже не замечали этого.

С медной копейкой мы обращаемся гораздо бережнее, чем с золотом слова.

«Предпочитай молчание, потому что оно удерживает от многого греха», – говорит св. Исаак Сирин. «Не скор будь устами», – говорит Соломон [Эклез. 5:1]. «Должно размыслить: в благо ли тебе и другим будет слово, какое ты родишь в мир».

А Псалом 38 начинается словами: «Буду наблюдать за путями своими, чтобы не согрешать мне языком моим, буду обуздывать уста...»

Жития святых показывают, как умели понимать эти слова ученики Христовы...

Павел АННЕНКОВ (1813–1887)

1 июля. 210 лет назад родился историк литературы, критик, прозаик, мемуарист Павел Васильевич Анненков (01.07.1813, г. Москва – 20.03.1887, г. Дрезден, Германия). Был знаком с Н.В. Гоголем, В.Г. Белинским, Н.П. Огарёвым, И.С. Тургеневым и др. Владел имением в с. Чириково Симбирской губ. (ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл.); жил здесь в 1848–1852 годах. О жизни в Симбирске и Чирикове написал записки «Две зимы в провинции и деревне...» Посещал Ундоры, Акишут, Карсун. Впервые в России подготовил научное издание сочинений А.С. Пушкина и «Материалы для биографии Пушкина» (1855). Автор повестей «Кирюша» (1847), «Она погибнет!» (1848), «Странный человек» (1851) и др.

ДВЕ ЗИМЫ В ПРОВИНЦИИ И ДЕРЕВНЕ (отрывок из записок)

С началом весны я отправился в деревню и, благодаря крайне печальному состоянию наших дел, пробыл в Чирикове и Симбирске не только лето, но и осень и всю зиму 1850–1851 годов, отвечая, как умел, на нужды и возникавшие отовсюду претензии кредиторов наших.

В Симбирске произошёл тоже переворот, и общество было на ножах. Новый губернатор, князь Черкасский, явился с претензиями искоренять злоупотребления, взяточничество, крайнее крепостничество и тотчас же очутился во вражде с предводителем, коварным, мелким и злым человеком, за которым стояла огромная партия грубых помещиков, льстимая им; к ним присоединились старые, уже успокоившиеся греховодники из председателей палат и новые, ещё добивавшиеся устроить себе почётный покой, пограбивши умненько и осторожно кого и что можно. Катавасия шла порядочная, и главным орудием интриги против губернатора, как и следовало, был остзеец-прокурор из правоведов, обнаруживший всю энергию, свойственную немцу, в ненависти и преследовании человека, мешавшего тихой и благополучной карьере для приличного мошенничества. На беду, Черкасский был фантаст, но он оставил по себе добрую память одним желанием внести свет в эту клоаку, а потом созданием спуска шоссейного к Волге, существующего и теперь.

Как водится у реформаторов, удачных и неудачных, Черкасский привёз с собою на службу молодых людей – М.О. Трубникова, Н. Самарина, а в городе сблизился с партией либералов, то есть, собственно, с домом Татаринова Александра, Языковых и

проч. Весь либерализм кружка этого состоял, однако ж, в том, что глава его, Татаринов, носил бороду, заставлял молодых людей вокруг себя насильно читать скучнейшие книги вроде «Политической экономии» Смита, Сея, Бастиа, которые окончательно сбили их с толку, сопротивлялся попыткам безотчётного управления деньгами и делами дворянства со стороны предводителя, презирал чиновников, ненавидел молодцов, плохо образованных и литературой не занимающихся, да скучал страшно, до апатии, самозабвения и сумасшествия.

В это же время прогремел и манифест о войне с венгерцами за Австрию. Никогда ещё, может быть, не был принимаем так холодно манифест о войне у нас, как этот. Даже самое забитое и глубоко житейское отношение ко всему происходящему на свете не могло воздержаться от сомнения в пользе и славе этого пособия Австрии, а народ предчувствовал тут наборы рекрутские, не более. Даже рассчитанное на эффект восклицание манифеста «да не будет так!» обратилось в поговорку, порядком двусмысленную. Позднее гвардейский штаб-доктор Шеринг (фанатический гомеопат, между прочим) рассказывал мне, что сам слышал, как великий князь Михаил Павлович, не одобрявший войны, произнёс во всеуслышание пророческие слова: «Мы впутались в чужое дело, – теперь нам надо ждать гостей уже к себе». Начало выступления войск к театру действий могло бы открыть глаза на то бедственное положение армии нашей, в которое её поставили грабежи и бессилие администрации, но смотреть никто не хотел...

Возвращаюсь к Симбирску. Здесь, когда в соборе, после архиерейского служения, протоиерей густейшим басом сам читал манифест, то в самом высоком месте его, в известном и вышеупомянутом «да не будет так!» – возле меня послышался громадный зевок, испущенный каким-то высоким и седым мужиком. Откуда ни возьмись подлетел к нему полицеймейстер, и между ними возник следующий, чисто этнографический разговор полушёпотом: «Что ты, обезумел, что ли?» – «А что?» – «Да разве не слышишь: царский манифест читают, а ты рот дерёшь?» – «Ой ли! А ведь я думал, что всё ещё обедня идёт!»

Проведя зиму почти безвыходно в доме умной К. и перекрещивающимися интригами и клеветами городских партий, весной я посетил деревню Татаринова, проехал к Аксакову и по возвращении в деревню принимал Пфеллер с дочерью и компаньонкой. В это время решено было между нами

переселение части чириковских крестьян в Васильевское. Дела не распутывались, хотя доход с имения и поступал к нам прямо в руки, но требования, запущенные прежде, уносили его, почти ничего не оставляя. Время было тяжёлое. От братьев из Петербурга получено известие, что конная гвардия выступила в поход венгерский, причём брат Иван сделан командиром сводных эскадронов гвардейской кирасирской бригады, оставшихся в городе; во-вторых, что он намеревается приобрести у Ланской право на издание Пушкина (известие, поразившее меня громадностью задачи на достойное исполнение плана), и, в-третьих, что брат Фёдор, назначенный вторым комендантом в Москву ещё в 1850 году, устроил себе квартиру в Кремле. Осенью через Скрябино я направился к нему в Москву, куда со своей стороны вскоре прибыл и брат Александр. Это было в августе 1851 года...

Олег МАРКЕЛОВ (р. 1968)

1 июля. 55 лет исполняется писателю-фантасту Олегу Владимировичу Маркелову (р. 01.07.1968, г. Мелекес, ныне Димитровград Ульяновской обл.). Родился в семье кадровых военных. Окончил Московский лесотехнический институт. Автор изданных в Москве и Санкт-Петербурге книг в жанре фантастики: «Имперская мозаика» (2004), «Токсимерский оскал» (2004), «Адекватность» (2005), «Любимчик судьбы» (2006), «Сторожевые волки Богов» (2008), «Отставной диверсант» (2009), «Рождение героев» (2012) и др. Живёт в Москве. Работает в компании, занимающейся экологическими проектами в нефтегазовой отрасли. Член Московской городской организации Союза писателей России (2005).

СТОРОЖЕВЫЕ ВОЛКИ БОГОВ (отрывок из книги)

– Алатырцы вконец зарвались, – продолжал возмущаться Сададдин, несколько раз пересекавшийся в своём бизнесе с казнённым Робертом Борном и оставшийся этим сотрудничеством весьма доволен. – Мы не во времена дикарей живём. Где это видано, приговорить крупного бизнесмена не к штрафу или сроку заключения, а к смертной казни.

– Государство Алатырь – единственная страна, в которой не ратифицирован международный договор о полной отмене смертной казни. Они всерьёз блюдут свои законы, а законы эти весьма суровы. Даже Союз Исламских Республик ратифицировал этот договор, хотя их законы основаны на понятиях исламского права, хоть и являющегося носителем добра, но достаточно жёсткого...

– Ты мне решил о шариате рассказать? – нахмурился Сададдин, поворачиваясь к своему советнику. – Ты не забыл, что я не мусульманин? У меня есть один бог, и имя его ты знаешь. Деньги правят миром.

– Я рад, что мой отец не дожил до этих дней, когда мне приходится служить неверному, отвернувшемуся от веры своих предков, – закатил глаза к потолку Ахмад.

– Прекрати, – отмахнулся Сададдин, забирая протянутую сводку. – Мой дед эмигрировал в Федерацию Объединённых Наций потому, что уже

тогда верил в деньги больше, чем во что-либо ещё. Мой отец молился Аллаху, живя в этой стране, где собрались все религии со всего мира. Но эта страна не слишком-то любит мусульман, хоть и старается официально им улыбаться. Мне намного проще жить так, как я живу. И не агитируй меня больше, ты не ахун. А Борн, кем бы его ни называли, принёс нам столько денег, что я готов причислить его к лику святых.

Ахмад фыркнул, словно рассерженный кот, но возражать хозяину не стал, не из-за страха перед ним, а из-за понимания, что сейчас этого человека ничто не переубедит в правильности выбранного им пути.

– А откуда такое странное название – Государство Алатырь? – поинтересовался Сададдин через пару минут изучения сводки.

– Это название какого-то камня, имеющего мистические и целебные свойства, – пояснил Ахмад, к удивлению своего хозяина частенько дающий разъяснения на интересующие того вопросы. – Означает что-то вроде «источник земной силы» или, как говорят, «пуп земли».

– Источник силы? Греческий, что ли?

– Русский. Основной демографической образующей Государства Алатырь во времена завершающей стадии Всемировой Войны явилась Россия.

– Чёртовы русские! – высказал своё отношение Сададдин. – Мои предки воевали с русскими.

– Твои предки, господин, воевали и с теми, кто создал Федерацию, – возразил с усмешкой Ахмад. – Они воевали со всем миром.

– Насколько я знаю, твои предки тоже не остались в стороне, – напомнил Сададдин. – А как русские на Марсе смогли стать основной, как ты там сказал, образующей?

– Там была огромная колония русских, которая и превратилась в самостоятельное государство. А так как русские построили на Марсе мощную структуру военно-промышленного и военно-исследовательского комплексов, то теперь, вполне закономерно, все вынуждены считаться с самым мощным флотом, принадлежащим алатырцам, и самыми подготовленными частями регулярной армии. В конце войны, когда дело пошло к образованию

Государства Алатырь, та часть русских, которая приняла создание Евразийской Империи и возрождение монархии, переметнулась в Алатырь в поисках демократии и свободы. Только произошло всё наоборот. В Империи сейчас демократия и свобода, а в Государстве Алатырь самая развитая и эффективная сеть спецслужб. Ну и законы такие, что...

– Про законы я уже сегодня достаточно слышал, – поднял руку в останавливающем жесте Сададдин. – Тебе бы учителем работать. А ты свой талант зарываешь, работая у меня в советниках.

– Свой талант я не зарываю, а продаю неверному, который нарушил все возможные законы морали и шариата, – ответил Ахмад, наравне с преданной службой хозяину привыкший ещё и честно высказывать своё мнение. Видимо, атмосфера демократии Федерации Объединенных Наций действовала и на него, хоть и в меньшей степени...

Надежда МИРОШНИЧЕНКО (р. 1943)

3 июля. 80-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик Надежда Александровна Мирошниченко (р. 03.07.1943, г. Москва). С 1949 года живёт в городе Сыктывкаре. Член Союза писателей СССР (1981). Приезжала на Пушкинский праздник поэзии в посёлок Языково Ульяновской области 3 июня 1990 года; посетила музей «Усадьба Языковых». Автор поэтических сборников «Назови меня по имени» (1975), «Всё кончается добром» (1984), «Сыктывкарский вариант» (1986), «Хочется счастья» (1988), «Зачем не сберегли?» (1989), «Русское сердце» (1997), «Белая сотня» (2006), «Полёт невозвратимый» (2018) и др. Народный поэт Республики Коми (2009). Заслуженный работник культуры РФ (2010).

И зачем я, хмурая волчица,
Падчерица вьюжных рубежей
В южные заглядываю лица,
В полночь глаз, в ошибки падежей.

Мне по сердцу кислая брусника,
Стынь дороги, бешенство огня.
А сию вот смиренная. Поди-ка,
Сглазили, строптивую, меня.

Я столько раз тропой ходила узкою.
А вот дождалась часа своего.
Я столько раз сказала слово РУССКИЕ,
Что, наконец, услышали его.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Услыхала я свирель под вечер
И спокойно вышла за порог,
На плечи накинув вольный ветер,
На ноги – распутицу дорог.
Только песню слышала на свете,
Чистую, как детская слеза.
Но со мной дружили синий вечер
Да болтушка поля – стрекоза.

Что со мной случилось, я не знаю.
За свирель берусь, не плакать чтобы.
Чем мне эта песенка простая
Сердце пробирает до озноба?!

Всё, куда ни глянь, одно и то же.
От дворцов до хижин – я жила.
Стала на свирель сама похожа.
Только жизнь на песню извела.
Несмотря на злую перемену,
На сплошное русское «авось»,
Как я ни искала ей замену,
Ничего прекрасней не нашлось.

Как они к предательству торопятся,
Паутину шёлковую ткут!
А в деревне те же печки топятся.
Те же реки по земле текут.
А в душе, как в храме, солнце прячется,
От того, что краше нет земли.
От того, что присказки дурачатся,
А метели сказок намели.

Сберегу тебя, моё сокровище,
Ото всех печалей и невзгод.
Ты не бойся сглаза и чудовища,
Потому что завтра Новый год.
Что нам их наветы и пророчества?
Русь для них – чужая сторона.
Только жаль, что наши носят отчества
И позорят наши имена.

Елена ЯГОВКИНА (р. 1953)

3 июля. 70 лет исполняется поэтессе Елене Александровне Яговкиной (р. 03.07.1953, г. Иркутск). С 1967 года живёт в Ульяновске. Окончила Ульяновский политехнический институт. Посещала занятия литературного объединения «Надежда». Член Союза писателей России (2005). Автор книг стихотворений «Дуэт для скрипки и альта» (1998, в соавторстве с братом А.А. Барановым), «Я родилась...» (2008), «Начало» (2008), «Школьная тетрадка» (2008), «Душа и ветер» (2009), «Имена» (2010), «Радуга чувств» (2018) и др. Автор проекта «Игра»: проводит занятия со школьниками Ульяновска в кружках «Юный поэт» и «Юный редактор»; издала несколько сборников стихов и рассказов начинающих литераторов.

Нет! Правда волком в лес не убежит,
В потоках лжи она не растворится.
Её святое семя долежит
До дня суда и снова возродится.
И деревом поднимется прямым,
А по весне вдруг расцветёт роскошно,
И говорить захочется немым,
Да так, что говорящим станет тошно.

Нет высоких там заборов,
На калитках нет замков.
Есть простор для разговоров,
Дело есть для мужиков.
Возле хат стоят берёзы
(Сколько в доме сыновей).
Были здесь и вдовьи слёзы,
Были слёзы матерей.
Так стоит с церквушкой древней,
Жизнь течёт в ней не спеша,
Среднерусская деревня –
Вся как русская душа.

Мама спит, улыбаясь во сне.
Часто вздрагивают ресницы.
Что ей снится? Неведомо мне,
Но, наверно, хорошее снится.
Бьёт в лицо, нарушая покой,
Перешедшее за полдень солнце.
Тихо шторы задёрну рукой
И закрою от шума оконце.
Я на цыпочках, чуть дыша,
Чтоб не скрипнули половицы,
Выйду. Пусть отдохнёт душа.
Может, молодость маме снится?

Неугомонная старушка
Прядёт весь день, а рядом с ней –
Водой наполненная кружка
И горка чёрных сухарей.
Да неужели не куплю я
Три пары шерстяных носков?
Но молча трудится бабуля,
Как будто и не слышит слов.
Боясь, что снова будет стычка,
Молчу, гляжу со стороны.
Ведь бабы-дунина привычка
Осталась со времён войны.

Продаётся всё что может:
Книги, золото, тряпье.
Всё дороже и дороже
Год от года бытиё.
Только вот какое дело –
Нет в кармане ни гроша.
Жаль, душа подешевела.
Но кому нужна душа?

Павел КОГАН (1918–1942)

4 июля. 105 лет назад родился поэт Павел Давидович Коган (04.07.1918, г. Киев – 23.09.1942, сопка Сахарная Голова близ г. Новороссийск). В 1922 году переехал с родителями в Москву. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Во время войны по пути в г. Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти) и обратно был проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш, Кузоватово. Погиб в бою. Стихи публиковались в книге «Гроза» (1960); в сборниках «Имена на поверке» (1963), «До последнего дыхания» (1985) и др. В начале 1960-х гг. учительница из Ульяновска О.И. Солнцева переписывалась с его родителями, встречалась с ними в Москве; по её приглашению в городе выступал его друг, поэт и бард Г.С. Лепский.

БРИГАНТИНА

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина подымает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьём за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют.
Вьётся по ветру весёлый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.

Так прощаемся мы с серебристою,
Самою заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина подымает паруса.

Вьётся по ветру весёлый Роджер,
Люди Флинта песенку поют,
И, звеня бокалами, мы тоже
Запеваем песенку свою.

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина подымает паруса...

Я ВЕРЮ В ДРУЖБУ

Я верю в дружбу и слова,
Которых чище нет на свете.
Не многих ветер целовал,
Но редко ошибался ветер.

Я ветром мечен, я ломал
Судьбу. Я путь тревогой метил.
Не многих ветер целовал,
Но редко ошибался ветер.

Ты снова, комнатка моя,
Плывёшь сквозь захмелевший вечер.
И снова шорохи таят
Надежду о далёкой встрече...
О, как намного выше нас
Надежды наши и мечтанья!
И так приходит тишина,
Огромная до пониманья.
И как я ей безумно рад
И глубину её приемлю,
Они прекрасней во сто крат –
Глаза, увидевшие землю!
И комната моя плывёт
Сквозь захмелевший далью вечер,
Сквозь голубой февральский лёд
До дорогой далекой встречи.

Андрей УСАЧЁВ (р. 1958)

5 июля. 65-летний юбилей отмечает детский писатель, поэт и драматург Андрей Алексеевич Усачёв (р. 05.07.1958, г. Москва). Член Союза писателей России (1991). Автор книг «Если бросить камень вверх» (1990), «Когда сова ложится спать?» (1998), «Сказочная азбука» (1998), «Планета кошек» (1999), «Звукарик» (2000), «Оранжевый верблюд» (2002), «Жили-были ёжики» (2007), «Почта Деда Мороза» (2014) и др. Был в Ульяновске на Неделе детской книги 27 марта 2012 года (встретился с читателями областной библиотеки для детей и юношества им. С.Т. Аксакова) и в рамках проекта «Академия литературы» 15-16 апреля 2015-го (провёл встречи в Большеключищенской средней школе и ДК «Киндяковка»).

БУДУЩИЙ ЗАЩИТНИК

Каждый мальчик может стать солдатом,
По небу лететь, по морю плыть,
Охранять границу с автоматом,
Чтоб свою отчизну защитить.

Но сначала на футбольном поле
Защитит ворота он собой.
И за друга во дворе и школе
Примет он неравный, трудный бой.

Не пустить чужих собак к котёнку –
Потруднее, чем играть в войну.
Если ты не защитил сестрёнку,
Как ты защитишь свою страну?

О ЧТЕНИИ

Читать ужасно интересно:
Вы можете сидеть, лежать
И – не сходя при этом с места –
Глазами книгу ПРОБЕЖАТЬ!
Да-да! Читать – ХОДИТЬ ГЛАЗАМИ
За ручку с мамой, после – сами.
Ходить – ведь это же пустяк,
Не бойтесь сделать первый шаг!
Споткнулись раз, другой...
И вдруг вы
Прочли подряд четыре буквы,
И вы пошли, пошли, пошли –
И слово первое прочли!

От слова к слову – как по кочкам –
Помчитесь весело по строчкам...
И так научитесь читать –
Как бегать, прыгать...
Как летать!
Я знаю, скоро по странице
Порхать вы будете, как птицы!
Ведь необъятен и велик,
Как небо –
Мир волшебный книг!

МУСОРНАЯ ФАНТАЗИЯ

Не бросайте никогда корки, шкурки, палки –
Быстро наши города превратятся в свалки.
Если мусорить сейчас, то довольно скоро
Могут вырасти у нас Мусорные горы.

Но когда летать начнут в школу на ракете –
Пострашней произойдут беды на планете...
Как пойдут швырять вверху в космос из ракеты
Банки, склянки, шелуху, рваные пакеты...

Вот тогда не полетят в Новый год снежинки,
А посыплются как град старые ботинки.
А когда пойдут дожди из пустых бутылок –
На прогулку не ходи: береги затылок!

Что же вырастет в саду или в огороде,
Как пойдёт круговорот мусора в природе?..
И хотя мы в школьный класс не летим в ракете,
Лучше мусорить сейчас отвыкайте, дети!

Владимир ПОЛИВАНОВ (1848–1915)

6 июля. 175 лет со дня рождения историка, археолога и литератора Владимира Николаевича Поливанова (06.07.1848, г. Симбирск – 07.05.1915, г. Петроград, похоронен в Симбирске). Основал в имени Акишут Карсунского у. (ныне Барышского р-на Ульяновской обл.) первый в губернии частный музей (1890). Инициатор создания и первый председатель Симбирской губернской учёной архивной комиссии (1895). В 1897–1915 годах предводитель дворянства Симбирской губернии. Автор трудов «Путевые заметки о курганах Симбирской губернии» (1874), «Материалы к истории Симбирского дворянства 1781–1900» (1900); очерков о Н.М. Карамзине, Д.В. Давыдове, А.И. Тургеневе и др. Его именем назван музей в Акишуте (2018).

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СИМБИРСКОГО ДВОРЯНСТВА

(отрывок из книги)

Памятником патриотического воодушевления тяжёлой години отечественной войны 1812 года служит сооружённый симбирским дворянством кафедральный Троицкий летний собор. В 1815 году по этому поводу состоялось постановление дворянского собрания и отчислены были на первоначальные работы 50000 рублей. Дальнейшие работы по сооружению храма покрыты были подпискою и частными пожертвованиями. Закладка совершена была в присутствии Императора Александра I-го 7 сентября 1824 года, а освящение собора – 15 сентября 1841 года.

Состоящая под августейшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Карамзинская общественная библиотека обязана своим возникновением просвещённому содействию дворянства, при ближайшем участии друзей и родственников Н.М. Карамзина. Библиотека открыта была в 1848 году, сгорела 19 августа 1864 года и в том же году 1 декабря вновь открыта. В настоящее время в библиотеке 16314 названий и 33949 томов.

В 1801 году симбирское дворянство купило дом купца Пустынникова с большим садом и устроило в нём больницу, наименовав её в честь Государя «Александровскою». Это пожертвование высоко было тогда оценено Императором Александром I, который выразил дворянству свою августейшую благодарность, вручив его собранию золотую медаль «на случай сей сделанную».

Инициативе и пожертвованиям дворянства, особенно его представительниц, обязаны в Симбирске своим возникновением одно из старейших благотворительных обществ в России – Общество Христианского Милосердия, открытое 18 марта 1817 года, и находящийся в его ведении Серебряный Приют, основанный в ознаменование двадцатипятилетия бракосочетания Государя Императора Александра Александровича с Государыней Императрицею Марией Феодоровною.

Симбирский женский приют возник вскоре

после пожара города (1864 г.) для детей-сирот, благодаря содействию того же Общества Христианского Милосердия, и до 1889 года находился в его ведении. После этого заведение им перешло в губернское попечительство детских приютов.

Чрезвычайное собрание дворянства 30 августа 1894 года в память бракосочетания Государя Императора Николая Александровича, тогда ещё Наследника Цесаревича, с принцессою Гессенскою Алисою, ныне Государынею Императрицею Александрою Феодоровною, постановило построить общежитие для немощных больных и престарелых симбирских дворян на 20 человек обоего пола. На первоначальное устройство и обзаведение израсходовано 4878 рублей 78 копеек. На содержание общежития отпускается ежегодно 2300 рублей.

19 сентября 1909 года исполнилось четырнадцать лет существования дворянского общежития. Перевод общежития в Александровский сад вызвал производство многих расходов за счёт общежития, каковые ранее при нахождении его на дворе дворянского дома производились за общий дворянский счёт.

Под здание и двор дворянского общежития Губернским Земством отведено безвозмездно в принадлежащем ему Александровском саду 500 кв. саж. Новое здание значительно увеличено размером, так что даёт возможность, кроме установленного комплекта пансионеров (20 человек), призывать ещё лиц на сверхсметное ассигнование и принимать ищущих приюта в общежитии за плату. Помещение в здании устроено по номерной системе, т. е. из коридоров обоих этажей вход в отдельные комнаты, чем достигнуто громадное удобство для призываемых. В здание проведён водопровод и устроены ванны и ватер-клозеты.

9 февраля 1904 года по случаю открытия военных действий на Дальнем Востоке пожертвовано на нужды военного флота 40 000 рублей, каковую сумму постановлено собрать путём обложения земель дворян сбором по 5 копеек с десятины...

Владимир АПРАКСИН (1893–1958)

7 июля. 130 лет назад родился педагог и краевед Владимир Иванович Апраксин (07.07.1893, с. Мордово, ныне Сенгилеевского р-на Ульяновской обл. – 27.10.1958, г. Ульяновск). Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1912), Казанский университет (1917). Работал в Симбирском отделе народного образования, учителем ботаники и географии в школах № 1, 3, 6 и 7 города Ульяновска; преподавал в педагогическом институте. Создал в регионе один из первых школьных музеев (1928). В местных газетах и журналах публиковал статьи на краеведческую тематику; совершал с детьми экспедиции в Ундоры, Жигули, Промзино, на Кавказ, Урал и др. Автор книги «Природа и естественные богатства Средневолжского края» (1931).

ПРИРОДА И ЕСТЕСТВЕННЫЕ БОГАТСТВА СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЯ (отрывок из книги)

Проходит лето, меньше становится насекомых, замолкают птицы, и жизнь в лесу начинает увядать, склоняясь к осени. На полянах отцветают последние летние цветы. Но прежде чем они отцветут, к ним постепенно присоединяются предвестники осени: голубые и синие колокольчики горечавок, голубая осенняя астра. Напоследок тощая кульбаба наскоро завершает весёлый летний цикл смены растений. Начинается осенняя окраска листьев, листопад, и лес замирает до весны.

Много в лиственных лесах кустарников. Большинство из них расцветает ранней весной. Среди изумрудной зелени трав, ещё до распускания листьев, розовыми пучками расцветает дафна (волчье лыко). Розовым сплошным покровом разливается по склонам на опушках и полянах дикий миндаль (бобовник), золотом наполняет целые поляны жёлтый ракитник. Белеет заросль дикой вишни, спиреи и отдельными островками виднеется нарядная жимолость, приземистые кустики бересклета.

Некоторые лиственные леса состоят из одной породы, образуя чистые сообщества: дубовые леса, или дубравы, берёзовые рощи, осинники и т. д. Но больше всего распространены смешанные. В состав первого яруса таких смешанных насаждений входят дуб, липа, клён, вяз, ясень (редко), осина, берёза. Второй ярус составляется обычно кустарниками и третий – травами.

В береговой полосе правобережья от Ундоров до Ульяновска характерной породой для лесов является вяз, к нему примешиваются дуб и клён. Ниже Ульяновска вяз сразу исчезает и уступает место липе. Ближе к Самарской луке и особенно в самой луке липа является уже характерной, преобладающей породой.

Кустарниковая флора в указанных районах тоже имеет особенности. Между Ундорами и Ульяновском отсутствует дикий миндаль (бобовник) и спирея, зато ниже Ульяновска оба эти кустарника появляются в огромном количестве, составляя иногда целые заросли на лесных полянах и склонах. Такие кустарники, как бересклет, дикая вишня, кизильник и жимолость, распространены более равномерно.

Много в наших лиственных лесах малины, дикой яблони (Ундоровский, Сенгилеевский районы и Жигули), тёрна (Ульяновск – Кремёнки), рябины, ежевики, костяники и орешника.

В сосновых лесах растительность менее разнообразна; она отличается большей специфичностью и постоянством видового состава. Очевидно, это обстоятельство зависит от того, что сосновые леса нашего края растут на сухих почвах и отсюда, как следствие, получается подбор сухолюбивых растений. Сама сосна, являющаяся в борах основной породой, не требовательна ни к влаге, ни к питательности почвы. Она составляет в бору 1-й ярус, 2-й ярус иногда состоит из лиственных пород (деревьев 2-й величины), иногда же из кустарников, подростка сосны, 3-й ярус – из трав и, наконец, иногда можно встретить ещё ярус – лишайниково-моховой.

Из трав в бору особенно характерны следующие: маршаллиановский василёк с красными цветами и бело-войлочными листьями на распростёртых по земле побегах; разные виды лапчаток и ястребинок с жёлтыми цветами и также большей частью с густо опушёнными листьями; целый ряд растений с кожистыми глянцевыми листочками, например грушанки, черника, брусника. Жёлтые цветы бессмертника – тмина и розовые цветы другого бессмертника – кошачьей лапки выглядят из травы в середине лета. У них тоже бело-войлочные миниатюрные листики. Кожистые и опушённые листья – это остроумные приспособления, предохраняющие от излишнего испарения. Сильное распространение в бору растений с такими приспособлениями показывает, что растительность наших боров типично сухолюбива. Много в бору разных видов гвоздики (из которых выделяется особый вид с пышными и душистыми цветами), много ягод – костяники, земляники и уже упоминавшихся нами брусники и черники.

В правобережье большие боры: Зубово-Полянский, Саровский в Мордовской области, по реке Суре, около сёл Ясашная Ташла, Артюшкино, бывшего Ульяновского округа, около станции Инза и других местах. В левобережье боры тянутся от пристани Старая Майна по левому берегу Волги; несколько ниже Ульяновска есть Красноярский бор, против Сенгилея – Белоярский, у Ставрополя и ниже – у села Кунеевки; внутри левобережья известностью пользуются боры около Мелекесса и особенно Колтубанский (Бузулукский).

Местами имеются смешанные леса из лиственных пород и сосны. Такие леса встречаются по правому берегу Волги и особенно в Жигулёвских горах...

Гала УЗРЮТОВА (р. 1983)

7 июля. 40-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик Галина (Гала) Александровна Узрютова (р. 07.07.1983, г. Ульяновск). Окончила Ульяновский государственный университет, работает журналистом. Автор книг стихов и прозы «Обернулся, а там – лес» (2015), «Снег, который я пропустил» (2018), «Страна Саша» (2019). Лауреат областного молодёжного литературного конкурса «Первая роса» (2014), поэтической премии «Русский Гулливер» (2014), международного драматургического конкурса «Баденвайлер» (2016), поэтической премии им. Н.Н. Благова (2016), конкурса Европейской сети театрального перевода EuroDRAM (2018), российско-итальянской литературной премии «Радуга» (2019). Живёт в Ульяновске.

СЧАСТЛИВАЯ ШАПКА (отрывок из рассказа)

Настал день, когда Артур должен был собрать отца в больницу. Пока он вёл старика из спальни в коридор, по телевизору успели рассказать о погоде в Ростове, Самаре, Воронеже, Петербурге и Москве. Погоду в их городе никогда не сообщали. Да и Артура это перестало интересовать, с тех пор как в жизни установилось только два сезона: отец в больнице и отец дома.

Он осторожно усадил старика на заранее приготовленный стул и стал надевать ему ботинки.

– Дай сам, – прервал его отец, но, подёрнувшись, тут же разогнулся и снова облокотился на спинку стула.

– Рано тебе ещё самому. Вот долечись и будешь самкать.

– Как ты с отцом-то разговариваешь!

– А как с тобой говорить, когда ты как ребёнок.

– Чего это как ребёнок?

– Ты даже не помнишь, когда у тебя день рождения. Как только родился. Хотя вчера повторяли. Каждый день одно и то же.

– Как это не помню? Седьмого января.

– Это у другого седьмого января. А у тебя пятого марта!

– Сам ты пятого марта! Пятого марта – это у тебя. Али я не помню?

– Опять двадцать пять. Запомни уже – пятого, пятого марта! Нормально шнурки? Не туго? Встанешь сам? Помочь?

– А у кого тогда седьмого января?

– У того самого.

– А что это за ботинки? Новые, поди? – встал отец, пробуя обувь на шаги.

– Какие новые, пап? В прошлом году ещё купили тебе. Правда, ты всего раза два их надевал с этими больницами.

– Дорогие, небось. Были ж у меня старые, коричневые.

– Пап, не выступай, а. Такси сейчас уже приедет, пошли. Всё взяли?

– Зачем тебе сумка такая большая?

– Это твоя сумка, пап. Мама собрала в больницу тебе.

– Ишь ты, как на курорт. На курорт, поди, едем?

– На курорт, на курорт.

– Курорты – это мы любим. Погодь-ка. Забыли, – оглянулся отец.

– Чего забыли? Всё взяли, пап, поехали уже!

– Забыли-забыли. Ну-ка, пошвыряй там, в спальне у меня.

– Что забыли-то? Что искать?

– Шапку.

– Какую шапку?

– С помпоном!

– Эту, что ли? – Артур принёс из спальни серую драную шапку с большим розовым помпоном, напминавшим отцветающий разветренный пион. Эту шапку, пролежавшую лет пять в шкафу, как заснувшая кошка среди старых вещей, мать купила Артуру ещё в начальных классах. Заболев, старик стал надевать её по ночам, чтобы голова не мёрзла.

Отец выхватил у него шапку и надел, однозначно направившись к двери.

– Пап, ты что – так пойдёшь? Ты с ума сошёл?

– А что? Айда, таксяй твой ждёт, айда!

– Пап, она же совсем драная. Это же дома просто, чтоб тебе не холодно было! Никуда ты в ней не пойдёшь! Надень вот эту, недавно купили тебе хорошую, новую!

– Куда лезешь-то? Руки распустил! Сказал, эту, значит эту! Не зли меня! Айда!

– Я не пойду с тобой в этой шапке! Позоришь только!

– Ну, и иди к лешему! Не пойдёт он! Это счастливая шапка! Счастливая! И я пойду в ней!

– Чего? Почему счастливая?

– Дурья твоя башка! – Опёрся отец на стул. – В этой шапке я ходил, когда вернулся из больницы!

– Куда ходил?

– И гулять ходил, и по дому!

– На улицу? В ней?

– Ходил, с собой брал и там девал её на бошку-то. Вот и хочу в ней ехать, чтоб вернуться-то с курорта этого больничного. Вернуться чтоб. И гулять.

– Дурдом какой-то! Пошли уже! Сигналят нам!..

Павел ПОТЁМКИН (1743–1796)

8 июля. 280 лет назад родился военный деятель, поэт, переводчик Павел Сергеевич Потёмкин (08.07.1743, ? – 09.04.1796, г. С.-Петербург). Был начальником секретной комиссии по расследованию Пугачёвского бунта; 2 – 6 октября 1774 года проводил допросы Пугачёва в Симбирске. В середине 1770-х гг. в Париже познакомился с Ж.-Ж. Руссо. Автор поэтических драм «Россы в Архипелаге» (1772), «Торжество дружбы» (1773), «Зельмира и Смелон, или Взятие Измаила» (1795); стихотворения «Песнь Екатерине II от кавказских разных народов» (1792); записки «История о Пугачёве», «Описание кавказских народов» и др. Перевёл роман Руссо «Новая Элоиза» (1769), трагедию Вольтера «Магомет» (1798) и др.

**ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ
НА ПРИОБРЕТЕНИЕ БЕЛОЙ РОССИИ (отрывок из оды)**

Совместница богов, пример земных Царей,
Рожденна смертным в честь, достойна олтарей,
Котора Россам днесь блаженство изливает,
О Ты! в ком Божество свет целый признавает,
Монархиня! прими усердну песнь мою,
Устами Россов я хвалу Тебе пою.

Гремяща лирою Пиитов древних муза
Искала в вымыслах согласного союза,
Но мы без вымысла Олимпа и богов
Довольно прославлять Тебя имеем слов.
Твоя премудрость нас и слава восхищает,
И истина сама сей слог мой украшает.
Се новый плод Твоих премудрых видим дел!
Как Рим в цветущи дни величеством гремел
И простираючи владения пределы
Законы всем давал и удивлял свет целый,
Так ты, блаженна Российская страна,
К той славе мудрою рукой возведена:
Гремишь победами, законами сияешь,
К державе новые пределы присвояешь;
Величество твое блистает и растет,
И щастью твоему завидует весь свет.
Возри на ужас сей, что ты одолевала.
Колико стран своим ты войском покрывала,
Какие трудности встречались тьмы и бед,
Какое множество неслыханных побед!
От северной страны средь земныя пучины
Узрели веющ флаг второй Екатерины.

От Невских струй, где хлад сжимает воды льдом,
Сражает фракиян Богини Росской гром,
Пленяет Грецию и казнь неверным мечет,
Стамбул Российского оружия трепещет.
Там войска часть,

прошед поверх Кавказских гор,
Страшит пленением Понт черный и Босфор.
Везде покорены окрест Дуная грады.
Везде поражены восточны мириады,
Кагул бессмертную хвалу тебе гласит,
Во всех концах земли Чесменский бой гремит,
И Россов мужество твердят средьземны волны,
Бендеры ужасом еще от грома полны.
Херсонек наконец противиться престал
И с робостью к стопам Екатерины пал.
Я вижу славу здесь Россиян и победы,
Повсюду зрю врагов окровавленны следы.
Зрю Одризийския бродящия луны
Питомцев ищущих к спасению страны,
Ужасный вопль врагов и стон земли внимаю
И победителей всю славу понимаю.
Зрю копыя и щиты в трепещущих руках,
Погибнувших тела, в толпах бегущих страх.
Герои севера их гонят и сражают,
Плоды своих побед повсюду умножают...

1772

Галина ЗАРУДНЕВА (1938–2022)

8 июля. 85 лет со дня рождения поэтессы Галины Александровны Зарудневой (08.07.1938, г. Ульяновск – 23.08.2022, там же). Родилась в семье кадрового офицера; детство прошло в воинских гарнизонах Белоруссии, Украины, Германии. Стихи писала со школы. Окончила Ульяновское фармацевтическое училище. С 1980 года посещала литературные объединения «Надежда» и «Парус». Работала в ульяновском медицинском училище №1. Автор поэтических сборников «Доверчивый мотив» (2005), «Листопад, листопад» (2010), «Черепашка» (2012), «Рябиновый свет» (2014). Автобиографическая «Повесть без сюжета длиною в жизнь» опубликована в журналах «Карамзинский сад» (2012) и «Симбирскъ» (2014).

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИВЕТ

Горящие гроздья поспевшей рябины
Запутались в тонких сетях паутины.
В народе известна такая примета –
Прощальный привет уходящего лета.

И дышит спешащая осень грустинкой,
Безжалостным ветром порвав паутинки.
Торопится время на встречу с зимою...
Потери, надежды... Чего они стоят?!

Но мне так не хочется верить приметам,
Прощальным приветам, каким-то заветам...
Хочу я в Весну распахнуть своё сердце,
Успеть надышаться, успеть насмотреться.

А время уходит. Конечно, уходит.
И где-то тихонько по улицам бродит,
К кому-то случайно в окошко заглянет
И, может, воскресшей надеждою станет.

РОМАНТИКА ДОРОГ

Куда-то люди едут постоянно,
Одни – на юг, другие – на восток.
И прелестью своею первозданной,
И новизной таинственно-желанной
Меня влечёт романтика дорог.

Зимой спокойно вроде бы живётся,
Но лишь Весна, переступив порог,
Навстречу солнцу птицею взвоньётся
И звонкими ручьями разольётся –
Меня зовёт романтика дорог.

Уже гудок мне снится паровозный,
И манит в путь бродяга ветерок,
И на душе становится тревожней,
И жить без путешествий невозможно –
Да здоровствует романтика дорог!

ЛУННАЯ НОЧЬ

Лунная ночь над Ульяновском.
Что ж вы, художники, спите?
Неповторимая, ясная –
Запоминайте, смотрите!

В сквере застыли деревья,
Снежной укрытые шалью.
Город мой, юный и древний,
Под голубую вуалью.

Воздух, наполненный стужей,
Хрупок и свеж под луною.
Соткан из сказочных кружев
Сонный покров над рекою.

Дремлют сугробы, как чаши,
Лунным наполнены светом...
Что ещё может быть краше
Зимней симфонии этой?!

Джеймс ОЛДРИДЖ (1918–2015)

10 июля. 105 лет назад родился английский писатель Джеймс Олдридж (10.07.1918, Уайт-Хилл, штат Виктория, Австралия – 23.02.2015, г. Лондон, Великобритания). Автор романов «Морской орёл» (1944), «Дипломат» (1949), «Опасная игра» (1966), «Удивительный монгол» (1974) и др. Не раз приезжал в Советский Союз. Путешествуя по Волге на теплоходе «Максим Горький», 4 июня 1975 года побывал в Ульяновске: посетил Дом-музей В.И. Ленина, УлГПИ им. И.Н. Ульянова; встретился с журналистами газеты «Ульяновская правда»; подарил областной детской библиотеке книгу «Последний дюйм» с автографом: «В вашем городе так приятно, что я бы с удовольствием остался здесь на недели, месяцы, годы».

ПЛЕННИК ЧУЖОЙ СТРАНЫ (отрывок из романа)

Нужен был огонь. Он вспорол зелёное сиденье, вытащил оттуда клок набивки, намочил спиртом из аптечки и поджёг, спички он нашёл у русского в кармане. Вспыхнуло маленькое дымное пламя. Фюзеляж наполнился горьким запахом гари, парашют, которым был завешен вход, надувался пузырями, огонь плясал, метался из стороны в сторону. Ройс загородил его собой от ветра и стал разогревать банку. Он грел её до тех пор, пока молоко не растаяло.

– Вот дурак!

Накалившаяся жёсть обожгла ему пальцы, хотя руки нестерпимо замёрзли. Подождав, пока отошли пальцы, Ройс приподнял голову раненого и попытался влить ему в рот молоко.

– Глотай, – закричал он, перекрывая вой ветра.

Он надавил двумя пальцами на запавшие щетинистые щёки русского и снова стал осторожно вливать молоко. Но русский не глотал; вдруг, словно по наитию, Ройс сильно дунул в его закрытые глаза – реакция раненого была совершенно неожиданной: он сделал глоток.

– Ничего... Выкарабкаешься, – произнёс Ройс.

Но он не слишком беспокоился за жизнь русского, потому что знал, как трудно ему будет сохранить свою собственную. Самолёт не мог прилететь в такую погоду, а если трещина дойдёт до того места, где они сидят, – льдина расколется надвое, а может, встанет дыбом и сбросит их навеки в Ледовитый океан.

На следующий день выходить наружу было и бесполезно, и опасно. Ветер дул со скоростью девяносто километров, снег слепил глаза, и Ройс стал обследовать искорёженный фюзеляж, разыскивая то, что может ему пригодиться. Кругом в беспорядке валялись приборы, провода, сломанные брусья и сиденья. Он стал затыкать разбитые окна чем попало – картами, занавесками, зелёными подушками кресел...

Шторм длился три дня, и большую часть времени Ройс занимался тем, что кормил беспомощного русского. Затем ветер переменялся на южный, утих, и ледяное поле застлал туман, густой и белый, как молоко. Ройс всё время прислушивался и подавал дымовые сигналы. Дважды ему казалось, что он слышит самолёт, но он не был уверен, что ему это не померещилось.

«Ну и вяпался, – сказал он себе. – Нас никогда не найдут».

Прошло ещё шесть дней, а в небе не было и намёка на просвет. Ледяные поля по-прежнему ломались с оглушительным грохотом и, видимо, дрейфовали; день убывал так быстро, что рассвет почти незаметно переходил в голубоватый полдень, а тот – так же быстро в ранние сумерки. Начиналась арктическая зима.

Ройс уже перестал с надеждой смотреть в тяжёлое небо, и если не кормил русского, то торопливо собирал всё, что уцелело после катастрофы самолёта, или разыскивал среди торосов сброшенные на парашютах мешки со снаряжением. Нашёл он очень немного. Он набрёл на два небольших ящика с комплексными концентратами – новинкой, которую лишь недавно стали включать в аварийный рацион, – и решил оставить их про запас...

Наконец в последний раз показалось позднее октябрьское солнце. Он увидит его снова не раньше, чем через четыре месяца, если ему посчастливится прожить так долго. Теперь за ними уже наверняка никто не прилетит, оставалось только надеяться, что он сможет продержаться долгую тёмную зиму на льдине и не даст умереть русскому.

В общем, картина была безотрадная. За эти несколько дней жизнь превратилась в полуживотное существование. Но когда он совсем уже упал духом, русский (до сих пор он лежал в забытьи и бормотал что-то бессвязное) вдруг пришёл в себя, произнёс несколько слов на своём языке, а потом, запинаясь, фразу или две по-английски: Ройс – американец?

У Ройса словно гора свалилась с плеч. Он радостно улыбнулся. Теперь, по крайней мере, у него будет товарищ, с которым можно разговаривать...

Русский сказал, что он лётчик и зовут его Алексеем Алексеевичем Водопьяновым. Он слабо тряс руку англичанина, снова и снова благодаря его за спасение.

– Я думал, что умираю и мне только привиделось, будто спускаются парашюты. Разве я мог в это поверить?

В глазах у него стояли слёзы, но он ещё не сознавал всей тяжести своего положения. Он просто радовался, что был хоть как-то цел, хотя бы едва жив и хоть в какой-то безопасности.

Людмила БУРЛАКОВА (1953–1994)

11 июля. 70 лет со дня рождения поэтессы Людмилы Алексеевны Егоровой, творческий псевдоним – Людмила Бурлакова (11.07.1953, с. Воскресенка Спасского р-на Приморского края – 27.07.1994, г. Ульяновск). Окончила Ташкентский университет. С 1986 года жила в Ульяновске. Член Союза писателей СССР. Трудилась редактором издательства «Симбирская книга». Публиковала стихи в газетах «Ульяновский комсомолец», «Ульяновская правда». Инициатор выпуска ежегодного литературного альманаха «Карамзинский сад» (1991). Автор поэтических сборников «Чтобы стать молодым» (1981), «Янтарное зерно», «Семь озёр», «Яблони на проспекте», «Млечный мост», «Всю Вселенную видно с креста» (1993) и др.

КАРАМЗИНСКИЙ САД

1.

Где песни подо льдом лежат
и к небу каждый шаг рискован, –
хрустальными цепями скован
над крышами парящий сад.

Выбрасывает руки нам,
уже на плаху осуждённый.
Куда успеть его влюблённым
нецепким молодым корням?

Повис меж небом и землёй,
чудак! – сгорает от обиды.
И всё же к солнцу с головой
он тянется, едва живой,
на голосок Семирамиды.

2.

«Карамзинский сад» расцветал зимой –
невозможный мой, ненаглядный мой!
Семь ветров симбирских – круты, смелы,
молодецки гнули его стволы.

Бились митинги, все умы круша.
– Налетай, сограждане!
– Что?
– Душа!
По оврагам пойдём за живой водой,
братья-сёстры, да кто ж со мной?

Без талонов – песня на всякий лад...
Загляни, гусяр, в безымянный сад!
И ещё трибунные шли бои –
налетели первые соловьи
не из рая, не из-за моря:

из любви, из тоски и горя.
«Возмутимо!» – кричали вороги,
«Карамзинка!» – каркали вороны
и бросали камни наперебой.
Неубитый сад расцветал зимой.

Дубовый крест
И полудетский профиль...
Весь город предстоящей казни рад.
Народ уже толпится на Голгофе,
И нет пути... и нет пути назад!

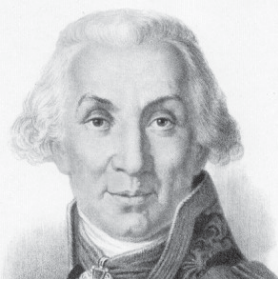
Пытают плоть копьём,
А душу – плетью.
Во всей вселенной мы сейчас одни.
...На эшафот идёт тысячелетье
Под рёв толпы:
«Распни его, распни!»

Ангел смерти готовит телегу,
Стынет солнце, и трубы трубят.
Ты ступаешь по первенцу снегу
И считаешь несчастным себя?

Все когда-нибудь (Боже, как просто!)
Против воли шагнём за черту.
...Но рождается радости остов
В обитаемом Новом году!

С неба шарик рождественский виснет,
Осыпая надеждами путь.
Вдох и выдох – вот формула жизни.
Выдох – после.
Попробуй вдохнуть.

Гавриил ДЕРЖАВИН (1743–1816)

14 июля. 280 лет назад родился поэт Гавриил Романович Державин (14.07.1743, г. Казань – 20.07.1816, имение Званка Новгородской губ.). Участвовал в подавлении Пугачёвского бунта. Несколько раз бывал в Симбирске: 29 декабря 1773 года с поручением из Казани; 10 августа 1774-го проездом в Сызрань; в октябре 1774-го здесь произошла его встреча с генералом П. Паниным и арестованным Е. Пугачёвым. Автор сочинений «Ода к Фелице» (1782), «Бог» (1784), «Видение Мурзы» (1789), «Вельможа» (1794), «Водопад» (1794); пьес «Добрыня» (1804), «Пожарский» (1806) и др. Автор «Записок из известных всем происшествиев...», написанных им от 3-го лица (1812). Его именем названы улица и переулок в Ульяновске.

ЗАПИСКИ ИЗ ИЗВЕСТНЫХ ВСЕМ ПРОИСШЕСТВИЕВ...

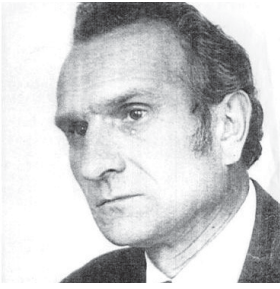
(отрывок из воспоминаний)

Поелику ж он по осеннему холодному времени сверх мундира был в простом тулупе, то и не хотел в сем беспорядке ему показаться; уклонился с дороги и, по миновении свиты, приехал в Симбирск. Там нашёл князя Голицына, который чрезвычайно удивился, увидя, что маленький офицер приехал сам собою, так сказать, на вольную страсть, к раздражённому, гордому и полномочному начальнику. «Как, спросил он, вы здесь, зачем?» Державин отвечал, что едет в Казань по предписанию Потёмкина, но рассудил главнокомандующему засвидетельствовать своё почтение. «Да знаете ли вы, возразил князь, что он, недели с две, публично за столом, более не говорит ничего, как дожидается от Государыни повеления повесить вас вместе с Пугачёвым?» Державин отвечал: ежели он виноват, то от гнева царского нигде уйти не можно. «Хорошо, сказал князь; но, я вас любя, не советую к нему являться, а поезжайте в Казань к Потёмкину и ищите его покровительства». – «Нет я хочу видеть графа», – ответил Державин.

В продолжение таковых и прочих разговоров наступил вечер, и скоро сказали, что граф с охоты приехал. Пошли в главную квартиру. Державин, вошедши в комнату, подошёл к графу и объявил, кто он таков и что, проезжая мимо по предписанию генерала Потёмкина, заехал к его сиятельству засвидетельствовать его почтение. Граф, ничего другого не говоря, спросил гордо: видел ли он Пугачёва? Державин с почтением: видел на коне под Петровским. Граф, отвернувшись к Михельсону: прикажи привести Емельку. Через несколько минут представлен Самозванец, в тяжких оковах по рукам и по ногам, в замаслянном, поношенном, скверном широком тулупе. Лишь пришёл, то и стал пред графом на колени. Лицом он был кругловат, волосы и борода окомелком, чёрные, склоченные; росту среднего, глаза большие, чёрные на соловом лазуре, как на бельмах. От роду 35 или 40 лет. Граф спросил: «Здоров ли Емелька?» – «Ночи не сплю, всё плачу, батюшка, ваше графское сиятельство». – «Надейся на милосердие Государыни», и с сим словом приказал его отвести обратно туда, где содержался. Сие было сделано для того, сколько по обстоятельствам догадаться можно было, что граф весьма превозносился тем, что Самозванец у него в руках, и велел его представить, хотел как бы тем укорить Державина, что он со всеми своими усилиями и ревностью не поймал сего злодея. Но как бы то ни было, тотчас после сей сцены граф и все за ним пошли ужинать.

Державин рассудил, что он гвардии офицер и имел счастье бывать за столом с Императрицею, то без особого приглашения с прочими штаб- и обер-офицерами осмелился сесть. В начале почти ужина граф, окинув взором сидящих, увидел и Державина, нахмурился и заморгал по привычке своей глазами, вышел из стола, сказав, что он позабыл было отправить курьера к Государыне. На другой день до рассвета Державин, пришед в квартиру главнокомандующего, просил камердинера доложить о приходе своего его сиятельству, сказав, что он имеет нужду. Ответствовано, чтоб подождал. Наконец, по прошествии нескольких часов, около обеден, граф вышел из кабинета в приёмную галерею, где уже было несколько штаб- и обер-офицеров; и он был в сероватом атласном, широком шлафроке, французском большом колпаке, перевязанном розовыми лентами. Прошед несколько раз вдоль галереи, не говоря ни с кем ни слова, не удостоил и взгляда ожидающегося его гвардии офицера. Сей, когда полководец проходил мимо, подошедши к нему с почтением, взял его за руку и, остановив, сказал: «Я имел несчастье получить вашего сиятельства неудовольственный ордер; беру смелость объяснитьсь».

Таковая смелая поступь графа удивила. Он остановился и велел идти за собою. Проходя чрез несколько комнат в кабинете и вошедши в оный, гневно делал ему выговор, и между прочим, что он в Саратове с комендантом Бошняком, пред нашествием на сей город злодеев, обходился неуважительно и даже в один раз выгнал его от себя, сказав, чтоб он, во исполнение общественного и собственного его приговора, не препятствовал делать гражданам предположенного укрепления, и шёл бы туда, где ему долг и честь быть повелевают. Офицер, выслушав с подобострастием окрик генерала, сказал, что «это всё правда, ваше сиятельство, я виноват пылким моим характером, но не ревностною службою. Кто бы стал вас обвинять, что вы, быв в отставке на покое и из особенной любви к отечеству и приверженности к высочайшей службе всемилоостивейшей Государыни, приняли на себя в столь опасное время предводитель войсками против злейших врагов и не щадя своей жизни. Так и я, когда всё погибало, забыв себя, внушал в коменданта и во всех долг присяги к обороне города». Сие или сему подобно, когда с чувствительностью выговорено было, то у сего надменного и вместе великодушного генерала вдруг покатались ручьём из глаз слёзы. Он сказал: «Садись, мой друг, я твой покровитель».

Владимир АНДРИАНОВ (1928–1983)

15 июля. 95 лет назад родился педагог, прозаик Владимир Иванович Андрианов (15.07.1928, с. Анненково, ныне Майнского р-на Ульяновской обл. – 25.09.1983, р.п. Карсун). Окончил Ульяновский педагогический институт (1951). Работал учителем русского языка и литературы в с. Вальдиватское, директором Карсунской средней школы. Основал в Карсуне литературное объединение «Родники» (1957), был его первым руководителем. Автор повестей «Ненависть», «Ёлочка»; рассказов «Мазепа», «День рождения», «Хороший человек», «Крестик» и др. Земляки называют его «карсунским Шолоховым». Рассказы и повести опубликованы в сборнике «Зажжённый Вами не погаснет свет...» (2013, Карсун).

МАЗЕПА (отрывок из рассказа)

Четвёртый десяток доживает со своим стариком Анастасия Мироновна; пятерых соколов выкормили, шестнадцать внучат незаметно выросли на их глазах. Дома полный достаток, и желать, казалось бы, больше нечего. Но стала Мироновна замечать, что с мужем на старости лет творится что-то неладное. Выбился, видно, из борозды старый конь... С работы стал приходиться подозрительно поздно: то скажет «в правлении засиделся», то «у Авдеича вечерял», а то в библиотеку пойдёт и просидит там до полуночи. Журналистики, говорит, новые получили. Зачитался... И слова никогда не скажет Мироновна поперёк этого.

Сегодня Анастасия Мироновна расстроена как никогда. Вернулся дед вечером из библиотеки, отдохнуть бы, а он нет: за книги взялся. За полночь перевалило, а он всё читает. Проснулась Мироновна, хотела было пожурить полуночника, но не смогла выговорить ни слова.

Старик сидел за столом и глядел в тетрадь, водя пальцем по строчкам. Потом, зажмурив глаза, он поднял голову и, приложив руку к сердцу, что-то долго шептал, изредка опуская глаза в тетрадь...

Всю ночь слышались в комнате тяжкие вздохи Мироновны. Теряясь в догадках, она не сомкнула глаз до рассвета.

Наутро, лишь только Савельич ушёл на работу, пустилась Анастасия Мироновна в поиски злополучной тетрадки. Наконец она была найдена. Ах, старый греховодник! Так вот он чем занимается по ночам: стишки учит. Хоть и слабовата была в грамоте Мироновна, но, подсев к окну, стала читать. «Мазепа» – прочитала она первое слово. Смысл дальнейших строк поразил её:

Мой друг, несправедлива ты,
Оставь безумные мечты;
Ты подозреньем сердце губишь:
Нет, душу пылкую твою
Волнуют, ослепляют страсти.
Мария, верь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

«Про любовь, – с волнением заключила Мироновна. – Мазепа... Что это за слово такое диковинное? Ведь слыхала я его по радио, да как-то внимания не обратила».

Объяснение с дедом она решила отложить на завтра, а сегодня проследить, куда ходит Савельич по вечерам.

Дед вернулся с работы рано. Как всегда, весёлый, жизнерадостный, он посвящал супругу в новости колхозной жизни. От внимательного взгляда Мироновны не ускользнуло, что старик раза два взглянул на стенные часы.

– Уж ты не спешишь ли куда? – любопытствовала она, лукаво взглянув на деда.

– Не говори, мать. К 8 часам просили в правление зайти.

– Ах ты, беда-то какая. Спокойно поесть не дадут старику. Где бы отдохнуть человеку, а тут опять бежать надо.

Успокоив расстроенную «мать», Савельич ушёл. И не знал старик, идя по улице, что за ним следит старуха, не знал он, как сильно застучало сердце Мироновны, когда он прошёл мимо правления колхоза, даже не взглянув на него; и если бы Савельич, по-молодецки вбежав на крыльцо сельского клуба, оглянувшись, то он увидел бы на повороте улицы совершенно растерявшуюся жену.

Путаясь в догадках, медленно шла домой Мироновна. Навстречу ей, как говорливая стайка птиц, весело бежала дружная ватага ребят.

– Бабушка! – услышала она знакомый голос соседского мальчика Володьки. – Вы тоже в клуб?

– Да что там? Кино или постановка какая? – любопытствовала Мироновна.

– Постановка. Наш драмкружок выступает... Приходите с мамой, – уже издали крикнул Володька. – Обязательно.

– Куда уж нам, – махнула рукой бабушка и, проводив взглядом ребят, направилась к дому.

Библиотека, клуб, постановка, тетрадь со стихами – всё это перепуталось в сознании Мироновны. И как она ни старалась, не могла распутать этот пёстрый клубок мыслей.

Родная хата встретила её хмуро и неприветливо. Не раздеваясь, Мироновна тяжело опустилась на стул и долго молча смотрела куда-то вдаль, стараясь собраться с мыслями. Но вот лицо её внезапно приняло твёрдое, решительное выражение. Быстро поправив на голове платок, она вышла из комнаты...

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ (1928–2018)

16 июля. 95 лет со дня рождения поэта Андрея Дмитриевича Дементьева (16.07.1928, г. Тверь – 26.06.2018, г. Москва). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1952). Член Союза писателей СССР (1958). Был заместителем редактора и главным редактором журнала «Юность» (1972–1992). Лауреат Государственной премии СССР (1985). Автор книг стихов «Глазами любви» (1962), «Боль и радость» (1973), «Азарт» (1983), «Три дня» (1987), «Снег в Иерусалиме» (1993) и др. В рамках Года литературы в России 13-14 февраля 2015 года был в Ульяновске; дал пресс-конференцию во Дворце книги, провёл творческий вечер в УлГПУ им. И.Н. Ульянова, посетил театр юного зрителя, центр-музей И.А. Гончарова и др.

ДОБРОТА

Доброту не купишь на базаре.
Искренность у песни не займёшь.
Не из книг приходит к людям зависть.
И без книг мы постигаем ложь.

Видимо, порой образованию
Тронуть душу не хватает сил.
Дед мой без диплома и без звания
Просто добрым человеком был.

Значит, доброта была вначале?..
Пусть она приходит в каждый дом,
Что бы мы потом ни изучали,
Кем бы в жизни ни были потом.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Прощаю всех, кого простить нельзя.
Кто клеветой мостил мои дороги.
Господь учил: «Не будьте к ближним строги.
Вас всё равно всех помирит земля».

Прощаю тех, кто добрые слова
Мне говорил, не веря в них нисколько.
И всё-таки как ни было мне горько,
Доверчивость моя была права.

Прощаю всех я, кто желал мне зла.
Но мстью душу я свою не тешил,
Поскольку в битвах тоже не безгрешен, –
Кого-то и моя нашла стрела.

«Добро должно быть с кулаками», –
Из древних кто-то утверждал.
А в кулаке зажатый камень
Меж тем своей минуты ждал.

И мне всегда мешала малость
Поверить в эту благодать:
Да, кулаки – они остались.
Добра вот только не видать.

Я ненавижу в людях ложь.
Она у всех бывает разной,
Весьма искусной или праздной
И неожиданной – как нож.

Я ненавижу в людях ложь.
Ту, что считают безобидной,
Ту, за которую мне стыдно.
Хотя не я, а ты мне лжёшь.

Я ненавижу в людях ложь.
И очень я душой страдаю,
Когда её с улыбкой дарят
Так, что сперва не разберёшь.

Я ненавижу в людях ложь.
От лжи к предательству – полшага.
Когда-то всё решала шпага.
А нынче старый стиль негож.

Я ненавижу в людях ложь.
И не приемлю объяснений.
Ведь человек – как дождь весенний,
А как он чист, апрельский дождь...

Ольга БУЛАНОВА (1858–1942)

17 июля. 165 лет назад родилась революционерка, народница, литератор, мемуаристка Ольга Константиновна Буланова (17.07.1858, Царское Село, ныне г. Пушкин – 1942, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Имеет симбирские корни: внучка декабриста В.П. Ивашева; дочь переводчицы М.В. Трубниковой; двоюродная племянница писателя Д.В. Григоровича. В 1870 году гостила в с. Архангельское под Симбирском. Была членом народнической организации «Чёрный Передел». После революции жила литературным трудом. Автор первого биографического издания о своём деде «Роман декабриста. Декабрист В.П. Ивашев и его семья» (1925), книги воспоминаний «Три поколения» (1928). Умерла в годы блокады.

РОМАН ДЕКАБРИСТА (отрывок из книги)

Дед мой, декабрист Василий Петрович Ивашев, происходил из богатой и просвещённой семьи симбирских помещиков. Отец его, Пётр Никифорович, был и сам далеко не заурядной личностью: он долго служил под начальством Суворова, в течение восьми лет был начальником его штаба, участвовал в походах знаменитого полководца, в штурмах Очакова и Измаила и пользовался таким его доверием и расположением, что тот вверил ему на сохранение свои записки. Выйдя в отставку генерал-майором и шефом Таганрогского драгунского полка, П. Н. вторично поступил на службу, на этот раз по инженерному ведомству, был военным директором путей сообщения действующей армии и начальником округа.

В 1817 году он окончательно вышел в отставку и поселился в Симбирске, где у него был прекрасный дом, а частью жил в Ундорах на Волге, богатом и благоустроенном имении жены своей Веры Александровны, урождённой Толстой. Там он устроил большую суконную фабрику и развил обширное хлебное хозяйство. С присущей ему деловитостью и изобретательностью, он постоянно стремился ко всяким улучшениям, имеющим в виду общественную пользу, принимал деятельное участие в разных сельскохозяйственных обществах, как отечественных, так и иностранных (сохранился диплом Лейпцигского экономического общества об избрании его 14 марта 1814 г. в почётные члены), вводил в своё хозяйство новшества и, как видно из переписки с сыном, увлекался опытами над изобретённой им жатвенной машиной.

У Ивашевых было пятеро детей: единственный сын, Василий Петрович, родился 13 октября 1797 г., и четыре дочери: 1-я – Елизавета Петровна, род. в 1805 г., в замужестве за Петром Михайловичем Языковым, геологом, братом поэта; 2-я – Екатерина Петровна, род. в 1811 г., в замужестве за камер-юнкером князем Юрием Сергеевичем Хованским; 3-я – Александра Петровна, род. в 1817 г., в замужестве за симбирским помещиком Александром Ивановичем Ермоловым, и 4-я – Марья Петровна, род. в 1818 г., – глухонемая.

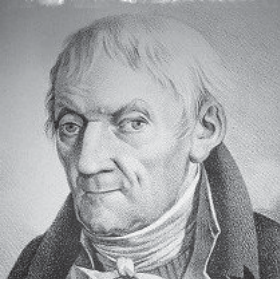
Пётр Никифорович был несколько флегматичного характера, не любил городской жизни и всему предпочитал свои великолепные Ундоры. Как рассказывает известный Лабзин, сосланный в уездный город Симбирской губ. Сенгилей за ироническое предложение избрать в почётные члены Академии художеств государева кучера Илью, симбирское

общество очень радушно и предупредительно относилось к изгнаннику, а когда Лабзина перевели в Симбирск, то Ивашев предложил ему с женой пожить в Ундорах, где имелись солёно-серные и железистые источники. Лабзин писал из Симбирска: «Здесь богатый помещик, имеющий в 35 или 40 верстах отсюда целительные воды, генерал-майор Ивашев, пригласил меня к себе на воды». «Почтенное семейство генерала Ивашева любило нас, – пишет приёмная дочь Лабзина. – Чего там не было, чтобы доставить удовольствие, решительно всё: радужное гостеприимство хозяев, радужное избранное общество, прогулки, музыка, пение; вечер всегда заключался исполнением музыкантами зори, а певчими – пением «Коль славен наш господь в Сионе». Подобного приятного времени я во всю жизнь не проводила».

Свербеев в своих записках говорит о том, что в Симбирске «был образованный дом инженер-генерала Ивашева».

Мать, Вера Александровна Ивашева, предоставив мужу вести сельское и фабричное хозяйство в его и своих имениях, интересовалась, однако, всеми делами мужа, была ему сведущей помощницей, а в семье, благодаря своему энергичному, решительному и прямому характеру, имела первенствующее значение. Отличалась она глубокой и искренней религиозностью, которую старалась воспитать и в детях своих. Когда в 1817 г. возникло в Симбирске «Общество христианского милосердия», то во главе его стала Вера Александровна. Когда же в 1820 г. общество это открыло первое в Симбирске женское учебное заведение под именем «Дома трудолюбия» для воспитания девиц, «остающихся в бедности и сиротстве», то бессменной председателем его и попечительницей состояла всю жизнь та же Вера Александровна, заботами которой «Дом трудолюбия» был доведён до цветущего состояния.

Василий Петрович Ивашев воспитывался до 14 лет дома, под присмотром французского уроженца Динокура. В 1812 г. он по высочайшему повелению был определён ко двору пажем. Молодой Ивашев был для пажеского корпуса хорошо подготовлен и, очевидно, поступил в одно из высших его отделений, ибо из корпуса, имевшего пятилетний курс, был выпущен в офицеры после двух с небольшим лет – 16-летним юношей...

Владимир ОРЛОВ (1743–1831)

19 июля. 280 лет со дня рождения графа, литератора Владимира Григорьевича Орлова (19.07.1743, г. Москва – 12.03.1831, имение Отрада Московской губ.). Директор Академии наук во времена Екатерины II. В 1767 году сопровождал её в путешествии по Волге на галере «Тверь»: 3-4 июня гостил с императрицей в имении брата И.Г. Орлова в с. Вознесенское (с. Головкино Старомайнского р-на Ульяновской обл.); 5-8 июня находился в Симбирске, а затем продолжил путешествие по Волге до Астрахани. Перевёл на русский язык 15-ю главу романа Ж. Мармонтеля «Велизарий». Был в Симбирске также в 1770 году во время путешествия по России; вёл путевые записки «Дневник путешествия в 1770 году в Киев и в свои вотчины».

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ В 1770 ГОДУ В КИЕВ И СВОИ ВОТЧИНЫ (отрывок)

5 июня обедали в Кулатке; ночевали в селе Верхняя Маза, графа Петра Ивановича Панина.

6 июня, – Сызрань, Костычи. Ехали подле Волги.

7 июня приехали в Переволоку, первое село графов Орловых. Осматривали тот бугор, который Паллас выхваляет; с которого действительно вид очень хорош. Есть вблизи удобное место к постройке дома.

8 июня – приезд в Усолье.

17 июня ездили на караульный бугор всей компанией и любовались более часу хорошим видом.

18 июня поехали по деревням, места гористые и впадины большие. Вечером приехали в Новодевичье – село уже почти всё выстроено, хотя с год тому как был большой пожар.

19 июня ездили поутру с собаками, много зайцев везде, как и тут наехали.

20 июня – Шигоны.

21 июня – Тайдаково. После обеда чуваша молились Богу в Керемете. Во всех сих помянутых деревнях строение очень изрядное, и крестьяне кажутся хорошего состояния и живут при самом нынешнем неурожае хорошо. Казались везде моему приезду рады, также и тому, что они за нас достались.

22 июня поехали после обеда из Усолья. Осмотрев Комаровку, где 135 душ, поехали с собаками и шли до самой Переволоки; в островах чрезвычайно много было зайцев. В Переволоке ночевал и поутру осмотрев холм, выхваленный Палласом, поехали далее к Рязани. Версты с 3 место всё возвышается от села, и сей холм показался нам несравненно лучше, как Палласов: он выше оно гораздо, вид с него пространнее, да и то что он 5 вёрст от Печерской границы; прочие же все выгоды по крайней мере равны тому холму, ежели ещё не превзойдут; помянутый же холм в 5 верстах только от Рязани, где мы обедали; тут 545 душ и много охотников выходить на Безенчук; мужики Афанасием Степановичем Мещериновым очень похвалены со стороны хлебопашества...

26 июня обедали у бригадира Неелова, он живёт вёрст с 6 от Берёзовки. После обеда были в Аскуле, а оттуда проехали в Сосновый Солонец, тут и ночевали, в первой 332 души, а в последней – 394.

27 июня были в Александровском селе; заезжали в чувашскую деревню Яблоновку; завтракали в Валовке, где мужики в хлебопашестве, по свидетельству Афанасия Степановича, имеют передо всеми преимущество. Оттуда переправились чрез Усу, почти при самом устье, где она гораздо широка; заезжали в Берёзовку, также и на свой пчельник. Крестьяне казались мне рады и принимали меня везде хорошо.

28 и 29 июня были в Усолье. Последнего числа приехал Иван Андреевич Рейнсдорп с сожительницею.

30 июня ездили на сенокос, где кроме усольских и берёзовских косцов были созваны с 400 человек с Новодевиченской, Усольской и Переволкской волостей. Время было дождливо, и косить было неудобно. Косцы, расхлебав кашу и распив пиво, пели песни, бились под кулачки и разным образом веселились. После обеда Ивана Андреевича отправили прямо в путь, а мы, переночевав в Усолье, на другой день 1-го июля отъехали 60 вёрст и имели ночлег в Тереньге. Места хорошие; много речек, в которых вода чиста и хороша.

2 июля приехали вечером в Симбирск... Неподалеку от города видна в левой руке река Свяга, течёт в рассуждении Волги на гораздо высоком месте, в плоских берегах и совсем в противную сторону.

3 июля переехали чрез Волгу и обедали в селе Архангельском у Михаила Ивановича Наумова, а ночевать приехали в Вознесенское.

4-го числа осматривал конский завод и ездил в село Кремёнки.

5 июля вечером приехали в Симбирск.

6-го числа поехали далее и ночевали 25 вёрст от Симбирска.

До 15 числа проехали Арзамас, Муром, Владимир и прибыли в Остров, имение графа Алексея Григорьевича Орлова, где остались 3 дня. Как скоро проедешь Алатырский уезд и въедешь в Арзамасский, то разбои кончатся и искони там о них не знают, и сия тишина продолжается до самой Москвы, разумея разбой деревень, а не о шишиморах...

Владимир МАЯКОВСКИЙ (1893–1930)

19 июля. 130 лет назад родился поэт и драматург Владимир Владимирович Маяковский (19.07.1893, с. Багдади Кутаисской губ., ныне г. Багдати, Грузия – 14.04.1930, г. Москва).

Автор поэм «Облако в штанах» (1918), «Владимир Ильич Ленин» (1924), «Хорошо!» (1927), «Во весь голос» (1930); пьес «Мистерия-буфф» (1918), «Клоп» (1928), «Баня» (1929); стихотворений «Левый марш» (1918), «Прозаседавшиеся» (1922) и др. Отправляясь из Москвы на творческие встречи в Самару, бывал проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово 7-8 марта 1914 года и 24-25 января 1927-го. Именем поэта названа улица и три переуллка в северной части Ульяновска. Покончил жизнь самоубийством.

УЛИЧНОЕ

В шатрах, истёртых ликом цвель где,
из ран лотков сочилась клюква,
а сквозь меня на лунном сельде
скакала крашенная буква.

Вбиваю гулко шага сваи,
бросаю в бубны улиц дробь я.
Ходьбой усталые трамваи
скрестили блестящие копыа.

Подняв рукой единый глаз,
кривая площадь кралась близко.
Смотрело небо в белый газ
лицом безглазым василиска.

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ

Слезают слёзы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиеся губы
воткнули каменные соски.

И небу – стихши – ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда.

ЗА ЖЕНЩИНОЙ

Раздвинув локтем тумана дрожжи,
цедил белила из чёрной фляжки
и, бросив в небо косые вожжи,
качался в тучах, седой и тяжкий.

В расплаве меди домов полуда,
дрожанья улиц едва хранимы,
дразнимы красным покровом блуда,
рогами в небо вонзались дымы.

Вулканы-бёдра за льдами платий,
колосья грудей для жатвы спелы.
От тротуаров с ужимкой татьей
ревниво взвились тупые стрелы.

Вспугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали бога
и, ощипавши с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.

Восток заметил их в переулке,
гримасу неба отбросил выше
и, выдрав солнце из чёрной сумки,
ударил с злобой по рёбрам крыши.

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЩИ

По эхам города проносят шумы
на шёпоте подошв и на громах колёс,
а люди и лошади – это только грумы,
следающие линии убегающих кос.

Пронесут девоньки крохотные шумики.
Ящики гула пронесёт грузовоз.
Рысак прошуршит в сетчатой тунике.
Трамвай расплещет перекааты гроз.

Все на площадь сквозь туннели пассажей
плывут каналами перекрещенных дум,
где мордой перекошенный,
размалёванный сажей
на царство базаров коронован шум.

Андрей МЕДВЕДЕВ (р. 1978)

20 июля. 45-летний юбилей отмечает историк, художник-иллюстратор, автор книг для детей Андрей Владимирович Медведев (р. 20.07.1978, г. Ульяновск). Окончил УлГПУ им. И.Н. Ульянова (2011); преподавал здесь на кафедре музееведения. Участник IV Всероссийского семинара молодых литераторов в Спасском-Лутовиново (2007). Совместно с М.В. Курылёвой выпустил сборники стихов и рисунков «Азбука кошачьих чувств» (2006), «Мышиный класс» (2009), «Кото-Васия» (2017); повести «Матвейкин змей» (2019), «Тайна королевской розы» (2020). Лауреат областной выставки-конкурса «Симбирская книга» в номинации «Лучшее детское издание» (2019). Член Союза писателей России (2021). Живёт в Ульяновске.

РАЙ ТЕНЕЙ

Ночь. Полна в небесах луна.
Спящий город в подушки сопит,
Только тень моя у окна
Неподвижно стоит, не спит.

Что там видит она со стены?
Тьму да звёздную, белую пыль –
Слабый отблеск вселенных иных,
Опрокинутых временем в быль.

Видит – улицы островок,
Что из тьмы воскресил фонарь,
Дома тёмного чёрный бок,
Да теней в темноте вуаль.

Видит тень моя – ночь за окном.
От земли до небес и ввысь,
Там, где явь поглощается сном,
Там все тени в одну слились.

Видит тень моя – Рай теней –
Пусть покуда ещё в мечтах,
Там, где нет беспокойных людей,
Ночь несёт её на руках.

По лабиринтам отпечатков пальцев
Спешил в ладонь твою попасть,
То в линию судьбы боясь упасть,
То по буграм планет сигая зайцем.

И к цели ты сама меня вела,
Пути указывая верно и надёжно,
И счастье наше было так возможно...
Пока ты хлопать мне не начала.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

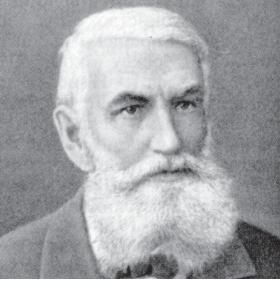
Много украшений у России есть.
Изумрудов дивных у неё не счастье.
В алмантах ярких блещет сарафан,
Каждый город будто редкий талисман.
Но одно колечко к сердцу ближе всех.
Золотом сусальным небеса согрев,
Свив Ростов и Суздаль, Сергиев-Посад,
Кострому, Владимир, Ярославль-град,
Переславль-Залесский, Углич и Москву,
Злат-кольцо спаялось как по волшебству:
С давних лет сияет и краса, и честь!
Много у России украшений есть.

Мой друг щенок
Мне вдруг помог:
Когда уроки я учил,
Мой друг щенок на стол вскочил
И на урок мой чай разлил!

Тетрадь – сушить,
Дневник – сушить,
А стол и стулья – маме мыть,
А мне – вести щенка гулять,
С ним во дворе теперь играть...

И сколько будет пятью пять,
Меня не будет занимать!

Гавриил ПОТАНИН (1823–1910)

21 июля. 200 лет назад родился прозаик, педагог Гавриил Никитич Потанин (21.07.1823, г. Симбирск – 30.12.1910, там же). Окончил Симбирскую гимназию (1845); в старших классах давал уроки на дому племянникам И.А. Гончарова и будущему поэту Д.Д. Минаеву. Жил в Самаре, Петербурге, Виленской губернии. Автор романа «Крепостное право» (был опубликован в 1861 году в «Современнике» под названием «Старое старится, молодое растёт»), повестей «Год жизни» (1865), «Город и деревня. Картины провинциальной жизни» (1866), «Штатный смотритель» (1871). Был прозван «русским Диккенсом». С 1871 года вышел в отставку, жил с семьёй в Симбирске. Написал биографию «Жизнь Г.Н. Потанина».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И.А. ГОНЧАРОВЕ (отрывок из мемуаров)

Иван Александрович Гончаров происходил из старинного рода симбирских купцов. Видный дом отца Гончарова, каменный, двухэтажный, стоял на Большой улице; обстановка его была барская: большой зал с люстрой, нарядная гостиная с портретом хозяина и неизбежная диванная; на двор окнами – кабинет хозяина, спальня хозяйки и большая светлая комната для детей. Иван Александрович говорит, что двор отца был загромождён постройками, да иначе и быть не могло: в нём жили две большие дворни – хозяйина и постояльца, бегали цесарки, павлины и т. п. Старый слуга Гончарова мне говорил, что у каждого дворового была ещё своя потеха: кто держал голубей, кто собак, кто заводил ворона или ястреба – «значит, всякий по своему вкусу; а благородные пташки, канареечки али соловушки, ну те уж там висели, в барских комнатах, потешали господ». Вот в какой благодати родился и жил Иван Александрович в первые годы младенчества. После пожара 1864 года дом этот был продан и поступил во владение немца, изменившего совершенно характер и архитектуру старинного здания.

Отец Гончарова, Александр Иванович, пользовался почётом в городе: его много раз выбирали городским головой. На портрете старик Гончаров изображён видным мужчиной, среднего роста, белокурым, с голубовато-серыми глазами и приятной улыбкой; лицо умное, серьёзное; на шее медали. Мать Гончарова, Авдотья Матвеевна, умная и солидная женщина, обратила на себя внимание императора Александра Павловича, танцевавшего с нею на купеческом балу. Об этом счастливом времени старушка всегда с восторгом рассказывала детям и внукам и под весёлый час, отпирая сундуки, показывала нам наряды старого времени. Семейство Александра Ивановича состояло из двух сыновей и двух дочерей; Иван Александрович был старшим сыном; младший брат его Николай, впоследствии учитель русского языка и словесности в гимназии, был гуманным человеком. Сёстры Гончарова – Александра, вышедшая потом замуж за ардатовского помещика Кирмалова, и Анна, ставшая женой оригинала доктора Музалевского.

Нельзя не упомянуть о преданных слугах дома Гончаровых, о Никите и Софье. Иван Александрович поразительно верно описал их в романе «Обыкновенная история» под именем слуги Адуева, Евсея, и ключницы Аграфены.

Иван Александрович родился, как известно, в 1812 году и жил семьдесят девять лет. Он рано

лишился отца: ему было тогда 7 лет. Но эту тяжёлую потерю вполне заменил Гончарову крёстный отец всех четырех детей, Николай Николаевич Трегубов, отставной моряк.

Николай Николаевич, постоялец в доме Гончарова, друг старика, был принят в семье как родной. Холостяк, он любил детей, которые, в свою очередь, были привязаны к нему искренно. По смерти Александра Ивановича Трегубов из флигеля перешёл в дом; дети стали ближе, привыкли ещё больше, и мало-помалу связи между крёстным и детворой крепчали и приняла определённую форму отношений. Он был хорошим советником вдовы и руководителем детей. Биограф Гончарова о Трегубове говорил, что он был передовой человек того времени, масон, друг Лабзина и Порошина, в дружеской переписке с декабристами; умный, образованный, живой, он заслужил общую любовь и уважение в городе, и вокруг него собиралось лучшее общество в Симбирске. Гончаров к этому добавляет, что «Якубов (так он называет Трегубова в своих записках) был вполне просвещённый человек: образование его не ограничивалось одним морским корпусом, он всю жизнь читал и пополнял его по всем отраслям знаний». «Мать наша, – продолжает Иван Александрович, – в благодарность за то, что крёстный взял на себя заботу о нашем воспитании, взяла на себя заботы о его житье-бытье, хозяйстве, и мы жили общим домом».

Эта духовная связь моряка с семьёй Гончарова кончилась тем, что Николай Николаевич – в знак благодарности, что его, холостяка и старого бобыля, приютили в семье и дали насладиться семейной радостью, – все свои богатые имения раздал Гончаровой и её детям. Я теперь не помню, что получила от него сама Авдотья Матвеевна, но мне положительно известно, что богатые ардатовские имения: Хухорево, Цыганово, Обуховка, Майданы, были подарены Александре Александровне Кирмаловой, а Чертановка с присёлками Анне Александровне Музалевской. Сыновьям он имения не дал, а выразился о них своеобразно: «Я дал им в приданое образование и позабочусь об их карьере, – остальное пусть добывают сами».

Затем Гончаров рисует семейную картину, как Авдотья Матвеевна и Николай Николаевич обращаются с детьми и какое нравственное и умственное влияние имели на них. Считаю не лишним привести здесь эти слова, тем более что они написаны очень мило и трогательно...

Леонид СОБОЛЕВ (1898–1971)

21 июля. 125 лет со дня рождения писателя, журналиста Леонида Сергеевича Соболева (21.07.1898, г. Иркутск, – 17.02.1971, г. Москва). Дебютировал в печати с очерком «Ленин в Ревеле» (1926). Член Союза писателей СССР (1934). С 1938 года жил в Москве. Осенью 1941-го находился в Ульяновске, куда был эвакуирован Наркомат ВМФ СССР. Автор романа «Капитальный ремонт» (1932), сборника рассказов «Морская душа» (1942), повести «Зелёный луч» (1954); сборников критики и публицистики «На главном курсе» (1969), «Ветер времени» (1970) и др. Председатель правления Союза писателей РСФСР (1957–1970). Лауреат Государственной премии СССР (1943). Застрелился из-за неизлечимой болезни.

СОЛОВЕЙ

(отрывок из рассказа)

На фронте под Одессой работал отряд разведчиков-моряков. По ночам они пробирались в тыл румынам, проползая на животе между минными полями, переходя по грудь в воде осеннего лимана, забираясь на шлюпке далеко за линию фронта. Они снимали часовых ударом штыка или кинжала, забрасывали гранатами хаты со штабами, сидели под обстрелом своих же батарей, корректируя огонь, – неуловимые, смелые, быстрые, «чёрные дьяволы», «чёрные комиссары», как с ужасом звали их румыны.

Среди них был электрик с миноносца «Фрунзе», красивый и статный моряк с гордыми усиками, которого за эти усики и за любовь к кавалерийским штанам прозвали гусаром. Галифе, армейские гимнастёрки и пилотки были вызваны необходимостью: не очень-то ловко ползать по болотам в широких морских штанах и флотских ботинках. Разведчики изменили морской форме, но «морская душа» – полосатая тельняшка – свято сохранялась на теле и синела сквозь ворот неоспоримым доказательством принадлежности к флоту, и на пилотке под звёздочкой гордо поблёскивал якорёк.

В жаркий пыльный день шестеро разведчиков шли через Одессу из бани. Пить хотелось нестерпимо. Но пить в городе хотелось всем, и у ларьков толпились очереди. Моряки со вздохом прошли три ларька, поглядывая на часы. Стать в очередь у них не хватало времени. Внезапно им повезло: с неба раздался характерный жужжащий вой мины. Это было на краю города, куда мины порой залетали, и звук их – противный, ноющий, длинный – был хорошо знаком одесситам. Очередь распалась, люди побежали от ларька под защиту каменных стен домов.

Но мина не взорвалась. Она проняла свою скверную песню и бесследно пропала. Зато у освободившегося ларька, откуда привычный ко всему продавец так и не ушёл, уже стоял «гусар» и с наслаждением тянул содовую воду, приглашая остальных моряков.

Оказалось, что «гусар» был одарён необыкновенной способностью к звукоподражанию. Из его розовых полных губ вылетали самые неожиданные звуки: свист снаряда, клохтанье курицы, визг пилы, вой мины, щёлканье соловья, шипение гранаты, лай щенка, отдалённый гул самолёта. И способности эти, едва они обнаружили, были немедленно обращены на пользу дела.

«Гусара» объявили «флагманским сигнальщиком», разработали целый код и понесли его на утверждение командиру. Клохтанье курицы означало, что у хаты замечен часовой, крик утки – что часовых двое. Пулемётчик, замаскированный в кустах, вызывал жалобный посвист иволги. Место сбора ночью после налёта на румын определялось долгим пением соловья, который с упоением артиста самозабвенно щёлкал в кустах или у шлюпки.

Вечерами, когда разведчики отдыхали после опасного рейда, «гусар» устраивал в хате концерт. Моряки лежали на охапках сена, и он, закинув руки за голову, свистел.

В тёмной хате, где свежо и тонко пахло сеном, он свистел чисто и сильно, и верный, прозрачный его свист, которому аккомпанировали глухие, непрерывные гулы своих и чужих орудий и взрывов (постоянная симфония осаждённой Одессы), звучал далёкой мечтой о мирной, спокойной жизни, о ярком свете на улицах и в залах, о белых нарядных платьях и чистых руках, о забытом, утерянном спокойствии, уюте и доме. Моряки слушали молча, и, когда замирал последний, утончающийся и переходящий в хорошую, умную тишину звук, гигант-комендор тем глухим урчанием, которое иногда слышишь в могучей дымовой трубе линейного корабля, негромко басил:

– Ще давай... Гарно свистишь.

И моряки лежали на сене и думали о войне, судьбе и победе и о том, что будет ещё – непременно будет! – жизнь с такой же тишиной и с мечтательной песней. И орудия за стенами хаты извергали металл и крошили тех, кто ворвался в нашу мирную жизнь.

В очередном походе в румынский тыл «гусар» остался в шлюпке в камышах – охранять это единственное средство возвращения к своим и, как обычно, быть «флагманским сигнальщиком». Ночью моряки натворили дел в тылу, сняли два пулемёта, взорвали хату с румынским штабом и к шести утра возвращались к шлюпке. Крадучись, они подходили к камышам. Одного несли на руках – его ранило разрывной пулей в бедро, двоих товарищей недосчитывались. В камышах все прилегли отдохнуть и стали слушать ночь, чтобы определить, где находится шлюпка.

В ночи пел соловей. Он щёлкал и свистел, но трели его были затруднены и пение прерывисто. Порой он замолкал. Потом пение возобновлялось, но такая тоска и тревога были в нём, что моряки оставили тяжёлое тело раненого под охраной и кинулись на свист соловья...

Марина ПАНКРАТОВА (р. 1973)

23 июля. 50-летний юбилей отмечает поэтесса Марина Викторовна Панкратова (р. 23.07.1973, г. Димитровград Ульяновской обл.). Стихи начала писать с 12 лет. Печаталась под псевдонимом Стефания. Окончила филологический факультет УлГПУ им. И. Н. Ульянова (1998). Работает учителем русского языка и литературы в школе №9. Состоит в писательской организации «Слово» города Димитровграда. Автор поэтических сборников «Полёт обузданных планет» (2005), «Вдоль ветра» (2008); брошюры с обучающим циклом «Весёлая грамматика» (2010) и др. Дипломант международной премии «Филантроп» в номинации «Поэзия» (2008). Член Димитровградской общественной организации «Преодоление».

За окошком неба проседь,
Ветер милостыню просит,
Ходит, вытянув прозрачную ладошку.
И прислушиваться грустно,
Как он плачет безыскусно, –
Мне, признаться честно, жаль его немножко.

Ведь ничто ему не мило –
Ветру туча изменила,
И сама теперь готова разрыдаться.
А закат залился краской, –
С тучей их роман прекрасный
Будет короток, нетрудно догадаться.

Отыщи меня в белом инее,
Если можешь ещё искать,
Я – без отчества, ты – без имени,
Как мы выглядим? Если б знать.

Предреки меня, как пророчество,
На ладонь себе положи,
Самому себе так, как хочется,
О любви ко мне расскажи.

Предреку тебя, как пророчество,
На ладонь себе положу
И самой себе, как захочется,
О любви к тебе расскажу.

Но в реальности не получится
Друг на друга нам набрести...
Я, увы, не твоя попутчица,
И тебе меня не найти.

Отыщи меня в белом инее,
Если можешь ещё искать,
Ты – без отчества, я – без имени,
Как мы выглядим? Если б знать!

И в какие же одежды
Облачить тебя, надежда,
Чтобы ты не обнажённой
По судьбе со мною шла?
Отравить тебя, быть может?
Только это не поможет –
Кто бы этого ни делал,
Ты ни в ком не умерла.

Остаётся быть могучей,
Благородной и живучей,
Просыпаться новым утром
И опять к тебе взывать.
И без всякого смущенья
Возвращаться к отреченьям,
Ибо с сёстрами твоими
Связи глупо порывать.

Николай ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (1828–1889)

24 июля. 195 лет назад родился литературный критик, прозаик Николай Гаврилович Чернышевский (24.07.1828, г. Саратов – 29.10.1889, там же). В 1846–1953 годах не раз бывал в Симбирске проездом из Саратова в Петербург через Казань и Москву. В марте 1851 года, путешествуя вместе с Д.И. Минаевым, провёл здесь несколько дней: остановился у отца В.Н. Андреева-Бурлака, обедал у Н.А. Гончарова. Один из руководителей журнала «Современник» (1856–1862). Автор романа «Что делать?» (1863); повестей «Алферьев» (1863), «Повести в повести» (1864), «Мелкие рассказы» (1864) и др. В 1864 году осуждён на 7 лет каторги. Его именем названа улица в Железнодорожном районе Ульяновска (1947).

ДНЕВНИК. КОНЕЦ МАРТА 1851 г. (Писано в Симбирске у Н.Е. Андреева)

Итак, мы выехали из Петербурга с Д.И. Минаевым и Николаем Александровичем Гончаровым в повозке Гончарова. Вышло у нас на дорогу до Симбирска по 41 или 42 рубля с человека. Дорогою всё рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии (я – в духе Штрауса и Фейербаха). Д.И. Минаев показался мне человеком ещё лучше того, чем раньше – человеком с светлым умом и благородною душою; я имел на него, как мне кажется, довольно большое влияние своими толками о Штраусе и коммунизме – он теперь причисляет себя к коммунистам, хотя, может быть, и не понимает хорошо, куда они хотят идти и какими путями...

В Симбирске теперь что? Остановились у Николая Ефимовича Андреева, человека маленького, худого, истощённого, с петербургским цветом лица, напоминающего всем в себе – и цветом лица, и профилем, и голосом, и манерами – весьма благочестивого человека. Он говел, мы приехали в пятницу в 3 часа и расстроили его говение. Вечер провели в разговорах, большею частью в известном демократическо-социалистическом духе. На другой день – обед у Николая Александровича Гончарова. Его жена, Лизавета Карловна – славная женщина, хороша собою, только весьма худа и зелена, должно быть, от скуки, тоски, может быть, и от болезни, может быть, и оттого, что лишала себя общения с Николаем Александровичем (над ним смеются, что она не пускает его спать с собою); женщина своею молодостью, по понятиям и поступкам напоминающая Александру Ивановну Введенскую, только то, что там не грациозно, у неё грациозно, так что к ней довольно идут эпитеты, которые придаёт ей Дмитрий Иванович: «воздушная», «Ундина Карловна» и т. п. Она выйдет, если соединить Анну Дмитриевну, которую напоминает она своим голосом, с Серафимой Григорьевною, которую напоминает типом своей натуры – своими чертами лица в их общем выражении и своими манерами в их духе, несмотря на то, что в частности они походят на манеры Анны Дмитриевны.

С первого раза меня поразило сходство её дикции, в некоторых местах чрезвычайное, с голосом и игрою Арну Плесси, – это особенно там, где Лизавета Карловна начинает говорить (Плесси вытягивает голос), эта форма, – она решительно Арну Плесси, так что могла бы быть чрезвычайно любимой у нас актрисой. А сложение? Чьё сложение – долго я не мог вспомнить, но я с первых слов её вспомнил, что сложение, её манеры говорить совершенно

одинаковы с манерою говорить какой-то знакомой мне дамы. Наконец, вспомнил, что это Анна Дмитриевна. Итак, Лизавета Карловна выйдет, если к чертам лица и доброте Серафимы Григорьевны присоединить манеру говорить Анны Дмитриевны и Арну Плесси и наивность, младенчество в понятиях и поступках Александры Ивановны, с придачею грации и лёгкости движений и порывов, которые есть у многих хороших актрис, так что целое выходит в самом деле милое. Как тут у них после обеда забавничал Дмитрий Иванович, как он вырезывал у них себе орден из карт, покуда спал муж, и заставлял Лизавету Карловну хохотать так, как «я не хохотала пять лет», т. е. со дня отъезда Дмитрия Ивановича. Гостеприимство, радушие, напоминающее Ларису Фёдоровну, также и своею резкою отрывчатостью (*par sa brusquerie*).

Дмитрия Ивановича и Николая Александровича Гончарова описывать я не буду, потому что типы их, я думаю, навсегда запечатлелись в моей памяти после десятидневного пути вместе с ними... Вечером долго сидели, слушая рассказы Николая Ефимовича о Симбирске.

Обедали на другой день у Николая Ивановича, этого бесстыдного пьяницы, которого часто выводят под руки с вечеров и из собрания (рассказ Николая Ефимовича о том, как Воейков сын уезжал из Симбирска в Варшаву и как при этом отец Воейкова и Николай Иванович прощались друг с другом, обнимались и благословляли, потому что Воейков принял Николая Ивановича за своего сына, а Николай Иванович счёл себя Воейковым сыном); гадкое, грязное семейство. С виду добродушный пьяница, на самом деле и по душе низкий человек, – обделил сестёр и отжил по суду полученные от татарина 3000 рублей из 8000 за просрочку двух дней.

Николай Михайлович Овсянников – это старый Силен, лысый совершенно, с гадко прищипывающим языком между редкими зубами, из которых один, самый передний, выпал.

Шишков (рассказ его самого об обеде в 25 коп., данном в Сибири Попову, не одному из саратовских, а совершенно другому); рассказ о том, как он, начитавшись Чичикова, захотел, как он, объездить несколько губернских городов в надежде где-нибудь найти выгодное место и как тут пропил свой домик, свою корову и козу; как умилительно говорит о том, как в то время, когда они жили вместе с этим Поповым, всем слугам велено было слушаться его Александры, которая была высокого ума и души женщина, и как сам Попов глубоко уважал её...

Павел ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО (1868–1943)

26 июля. 155 лет назад родился поэт, прозаик, журналист Павел Павлович Оленич-Гнененко; предположительно, он же – Михаил Николаевич Чикунев, псевдоним – Михаил Бродяга (26.07.1868, с. Кегичёвка, ныне Харьковской обл. Украины – 21.08.1943, г. Харьков). Выпустил в Полтаве книгу «Поездка полтавских ходоков в Семиречье» (1907). В 1907 году прибыл в Симбирск, где под псевдонимом М. Бродяга опубликовал свои стихи в газете «Наши дни» и издал сборник стихов и прозы «Аккорды бессильной злобы». Был арестован в Симбирске. В Омске издал книгу «Война. Мир. Отклики сердца» (1916). Жил в Харькове. Во время немецкой оккупации отказался сотрудничать с гитлеровцами; умер от голода.

ЛЮДЯМ

На суд людской я представляю
Свои свободные труды,
Так знайте дум моих плоды
И верьте, люди, что желаю
Я вам добра от всей души
И что о вас не забываю,
Хотя живу в степной глуши.
Для вас моя открыта хата,
Как и объятия мои:
Я встречу каждого как брата
Словами ласки и любви.

Для меня страна родная
Жизни радостной милей,
И, все силы отдавая,
Я служу лишь только ей.

За неё, Царя и Бога
Без раздумья кинусь в бой,
И кровавая дорога
Зазмеится вслед за мной.

Бог и Царь – России сила,
Русь служила им века
И вовек не изменила
Им солдатская рука...

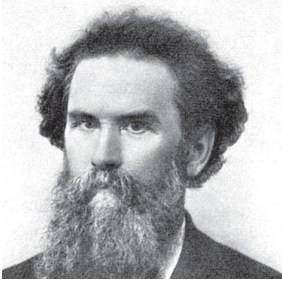
Берегись же, враг, солдата.
Русский верою силён,
Он умрёт скорей за брата,
Нежли будет побеждён.

Я верю в Русь, как верю в Бога,
Ей предстоит блестящий путь.
Пусть говорят – она убога,
Но мёртвым сном ей не уснуть.

В ней бьётся сердце исполина,
Клокочет в нём не кровь – огонь,
И Русь помчит вперёд судьбина,
Как богатырский верный конь.

Шелестит дубрава. Где-то меж листвою
Соловей щебечет. Ветерок травой
Ласково играет, а внизу ручей
Вьётся по камням – словно светлый змей.
Солнце так и пышет с радостных небес,
Заливая блеском беспредельный лес...
Чу! Несётся песня. В ней тоска и плач,
Кажется, что сердце чьё-то рвёт палач...
Видно, накопилось горе в той груди,
Где родилась песня. Бедный, погоди!
Времечко лихое улетит навек;
Запоёт иначе русский человек.

Владимир КОРОЛЕНКО (1853–1921)

27 июля. 170 лет со дня рождения писателя Владимира Галактионовича Короленко (27.07.1853, г. Житомир – 25.12.1921, г. Полтава). Автор повестей «Дети подземелья» (1885), «Слепой музыкант» (1886); рассказов «Чудная» (1880), «Сон Макара» (1885), «Мороз» (1901) и др. Бывал проездом в Симбирске, плывая на пароходе по Волге в июне 1891 года и в сентябре 1893-го. В июне 1905 года проезжал через Симбирскую губернию на поезде из Пензы в Самару. Свои впечатления от посещения Симбирска описал в статье «И.А. Гончаров и «молодое поколение» (1912). В архиве Ульяновской области есть переписка Казанского и Симбирского жандармских управлений об учреждении за писателем негласного надзора.

И.А. ГОНЧАРОВ И «МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ» (отрывок из статьи)

Гончаров много раз повторял, что сам чувствует себя Обломовым. Конечно, относительно человека, написавшего между прочим «Фрегат Палладу» (для чего пришлось сделать кругосветное путешествие на парусном судне) и давшего столько превосходных произведений, – это нужно понимать с большими ограничениями. Но психологически это всё-таки верно. Он, конечно, мысленно отрицал «обломовщину», но внутренне любил её бессознательно глубокой любовью. При всём ужасе, который во всяком живом человеке возбуждает картина обломовского сна, – откуда-то из глубины души незаметно просачивается баюкающая струйка, лениво ласкающая, тихо манящая: «Эх, попасть бы вот этак же...» И такая же бессознательная враждебность к слишком резким звукам, нарушающим тяжёлое благодушье этого «покоя, близкого к смерти».

Послеобеденный сон в Обломовке – это поэзия детства самого Гончарова. Правда, он происходил не из дворянской семьи, а из городской, купеческой. Но биографы отмечают, что дом Гончаровых был точная копия обломовской барской усадьбы, а город, где он находился, – Симбирск.

Симбирск – приволжский город, пристань, но из всех приволжских городов это самый тихий, сонный и застойный. Всякий, ехавший хотя бы в качестве туриста по Волге, наверное побывал в Нижнем, Казани, Самаре, Саратове... Просто из любопытства, потому что во время продолжительной стоянки парохода там что-то сверкает, гремит, переливается и манит незнакомой и бойкой жизнью. Симбирск спрятался за гору. К нему очень трудно взобраться по огромному и трудному взвозу (изображённому в «Обрыве»), и сам он как будто недоброжелательно и угрюмо желает, чтобы этот беспокойный паром с толпой суетящихся людей отвалил поскорее, оставив его в спокойной дремоте. Если всё-таки вы преодолеете и трудности въезда, и какое-то ощущение равнодушия и даже нерасположения, веющего с этих крутых склонов, то найдёте приблизительно то же, что описывал Гончаров: «По приезде домой по окончании университетского курса, меня обдало той же «обломовщиной», какую я наблюдал в детстве. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя. Те же большею частью деревянные дома и домишки, с мезонинами, с садиками, окружённые канавками, густо заросшими полынью и крапивой, бесконечные заборы... та же пустота и безмолвие на

улицах... Так и хочется заснуть самому... Несмотря на то, что внизу льётся бойкая жизнь великой реки, город будто залит сонной одурью степи. В последние годы мы знали много о жизни других городов и губерний, особенно приволжских. Там всё-таки вскипала какая-то борьба, порой заявлял о себе земский либерализм, потом брала верх реакция, бурлили две-три газеты... Ничего подобного мы не слышим о Симбирске, и даже первая газета, если не ошибаемся, явилась там очень недавно...

В этом сонном городе вам укажут, близ Киндяковской рощи, бывшую Гончаровскую усадьбу, послужившую моделью для Обломовки, и обрыв, под которым раздавались зловещие выстрелы Марка Волохова, предвещающая новую полосу русской жизни.

Тут запали в душу Гончарова основные элементы его художественного творчества. С инстинктом крупного художника, он, сын купца, почувствовал, что настоящая родина его дарования – не купеческая лавка, не бойкая пристань, а тихая патриархальная дворянская усадьба, проникнутая насквозь старыми заветами, дореформенного строя. В неё он перенёс и свои художественные интуиции, и великую способность изображения, и... свои глубокие симпатии...

Правда, он не был ни крепостником, ни ретроградом по убеждению; в своих романах он касается многих «переходных мотивов» тогдашней эпохи, а в своих автобиографических статьях вполне благожелательно отзываясь о реформах Александра II. Но его деятельные Штольцы и Тушины – фигуры довольно бледные и всегда второстепенные. Он их одобряет, – да; но довольно к ним равнодушен. Внутренним светом его симпатий и любви освещены другие персонажи: бабушка из «Обрыва», Викентьев, Марфинька, Вера, даже... Обломов. Обломов он тоскливо жалеет, но невольно чувствуется, что весь строй бабушкиного царства ему глубоко, органически симпатичен, а фигура бабушки вырастает местами в полумистическое олицетворение России. Рисует он их с художественной правдой, превращающей то и дело панегирик в сатиру, но всё же симпатии его распределены довольно ясно: старозаветной бабушке – любовное обожание и преклонение; прогрессивным персонажам – дань полуобязательного уважения; мечтательным Райским – снисходительное пренебрежение, не лишённое оттенка симпатии. Марку Волохову – глубокое органическое отвращение и ненависть...

Николай БАЖЕНОВ (1873–1938)

27 июля. 150 лет со дня рождения педагога, краеведа Николая Ивановича Баженова (27.07.1873, с. Большие Соли, ныне п.г.т. Некрасовское Ярославской обл. – 15.05.1938, г. Ярославль). Окончил Императорскую Казанскую духовную академию (1898). В 1899–1917 гг. был помощником инспектора Симбирской духовной семинарии; обучал также воспитанниц Симбирского епархиального женского училища. Публиковал в «Симбирских губернских ведомостях» свои статьи. Автор книги «Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года» (1903). В 1937 году был арестован и расстрелян в Ярославской тюрьме; реабилитирован в 1957-м.

ОПИСАНИЕ СОБОРОВ И ЦЕРКВЕЙ СИМБИРСКОЙ ЕПАРХИИ

(отрывок из книги)

1. Кафедральный Свято-Троицкий собор

Соборных храмов два: холодный и тёплый. Холодный соборный храм каменный, без колокольни, построен в 1824–1841 гг. дворянством Симбирской губернии в память 1812 года. В 1864 г. он сгорел и был возобновлён в 1868 г. усердием церковного старосты купца Жаркова и городским обществом. Престолов в нём три: главный во имя Живоначальной Троицы, в левом приделе во имя св. благоверного князя Александра Невского и в правом в память третьего обретения главы св. пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Тёплый соборный храм каменный. Престолов в нём четыре: главный, первоначально освящённый во имя Пресвятой Троицы, в 1844 г. переименован во имя Святителя и Чудотворца Николая; второй в приделе в честь чудотворной иконы Знамения Пресвятой Богородицы; третий в храме, находящемся в колокольне, во имя св. великомученика Иоанна воина и четвёртый в склепе епископов Симбирских Евгения и Варсонофия во имя св. великомученика Евгения. На ремонт собора, ризницы и на другие церковные потребности получается из государственного казначейства 350 руб. в год. Капитал собора 14169 руб. 66 коп. Причт состоит из протоиерея, ключаря, двоих священников, протодиакона, двоих диаконов, двоих иподиаконов и троих псаломщиков. Церковных домов для причта нет. Жалованья от казны: протоиерею 588 руб., ключарю 441 руб., священникам по 367 руб. 50 коп., протоиереев 367 руб. 50 коп., диаконам и иподиаконам по 264 руб. 60 коп., первому псаломщику 206 руб., второму и третьему псаломщикам по 205 руб. 80 коп. На содержание причта пожалован царём Алексеем Михайловичем Чувиченский остров (1500 дес.) на реке Волге с рыбными ловлями, кустарником и сеными покосами. Капитал причта 9814 руб. 34 коп. Прихожан при соборе нет.

2. Спасо-Вознесенский собор

Вознесенский собор до 1844 г. был приходским храмом. Первоначально Вознесенская церковь была построена около половины XVII века деревянную, однопрестольную; в 1694 г. она построена во второй раз, опять деревянную, одноэтажную, но двухпрестольную; в 1729–30 гг. она построена в 3-й раз каменную, двухэтажную, трёхпрестольную; в 1825 г. в верхней холодной церкви построен новый придел. В 1849–51 гг. храм был расширен пристройкой с западной стороны, между трапезной и колокольней; в 1852–54 гг. в этом пристрое устроены два придела в

нижнем этаже, а в 1857–58 гг. – два придела в верхнем этаже: храм стал шестипрестольным, а именно: в верхнем этаже – главный престол в честь Вознесения Господня, в правом трапезном приделе в честь Воскресения Господня и в левом – во имя св. великомученика Иоанна воина; в нижнем этаже – главный в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в правом трапезном приделе в честь чудотворной иконы Божией Матери, «всех скорбящих Радости», и в левом во имя св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова.

В 1900 г. старая часть храма с престолами в честь Вознесения Господня в верхнем этаже и в честь Рождества Пресвятой Богородицы в нижнем разобрана. Причт состоит из протоиерея, двоих священников, диакона и троих псаломщиков. Один из псаломщиков получает от церкви квартирное пособие в количестве 4 руб. в месяц, а прочие члены причта имеют квартиры в церковных домах. Капитал причта 2965 руб. 80 коп. Прихожан при Вознесенском соборе в 102 дворах 518 мужчин и 566 женщин, сверх того раскольников в 1 дворе 1 мужчина и 4 женщины.

3. Александро-Невская церковь при земской больнице

Храм каменный, с каменной же колокольней, построен в 1808 г. дворянами Симбирской губернии. Престол в нём во имя св. благоверного князя Александра Невского. В среднем корпусе больничных зданий в 1850 г. устроена церковь для больных с престолом в честь чудотворной иконы Божией Матери, «всех скорбящих Радости». Причт состоит из священника и псаломщика. Квартиры для них и отопление от земства. Жалованья от земства: священнику 350 руб. и псаломщику 150 руб. Капитал причта 250 руб. Прихожан: служащих при больнице 87 мужчин и 85 женщин и призываемых 20 мужчин и 22 женщины.

4. Александро-Невская церковь при детском приюте

Храм устроен в 1886 г. Симбирским почётным гражданином Алексеем Петровичем Кирпичниковым. Престол в нём во имя св. благоверного князя Александра Невского. Причт состоит из священника и псаломщика. Жалованья от исполнительной комиссии по управлению детским приютом и от совета Николаевского дома призрения неимущих: священнику 660 руб. и псаломщику 300 руб. Капитал причта: 300 руб.

Анатолий ШУТЫЙ (1968–2022)

27 июля. 55 лет назад родился поэт Анатолий Михайлович Шутый (27.07.1968, г. Ульяновск – 10.11.2022, там же). Окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1991), аспирантуру и докторантуру по специальности «Физика твёрдого тела». Доктор физико-математических наук (2006). Работал ведущим научным сотрудником УлГУ. Член Союза писателей России (2006). Автор поэтических сборников «Квинта» (1997), «Високосный год» (2001), «Дорогой нОСорога» (2006), «Имя. Sms-поэма» (2006, совместно с Т.П. Мельник), «По циферблату Млечного пути» (2010, соавторы М. Шутый, А. Шутая), «...где-то по дорогам» (2017), «Город Дорог» (2017), «Путешествие в Город Дорог» (2017), «Фронтовые перекрёстки» (2017) и др.

БЫЛ ПОЭТОМ

Он дружил даже с псиной,
Благороден при этом –
Он был просто мужчиной,
А ещё был поэтом!

Будто в поезде скором
Гнался с бешеным веком –
Он был просто актёром,
А ещё был поэтом!

Улыбался по-детски
Всем препонам, запретам,
Хоть был очень советским,
Ведь ещё был поэтом!

Невысокого роста,
Но не медлил с ответом –
Человеком был просто,
А ещё был поэтом!

Я перед Богом чувствую вину
За то, что я плыву и что тону,
За смех некстати, слёзы под вопросом,
Не гол, но наг и не могу быть босым,
За то, что поздно я зажёл свечу,
За то, что говорю и что молчу,
Стою на поле, а иду по краю,
Что чувствую, но до сих пор не знаю,
За то, что Дар Его упал в дыру...
За то, что я живу и что умру.

По камням, по песку,
Вдоль реки, через море,
Через ночи тоску,
Через радости зори,
Где несло и мело,
Где застыла минута,
Потерявши тепло
От родного приюта,
Где вопрос вроде прост,
Только дело в ответе
За полметра до звёзд
И нечаянной смерти,
А у дальних дорог
Будто прока не много...
Всякий шёл, кто как мог,
На ладони у Бога.

НИКОЛАЮ МАРЯНИНУ

Стихов таинственная вязь,
И слово громкое припева,
И наших быстрых перьев связь
Как мощное живое древо,

Что прорастает через нас,
И поднимает нас к вершинам,
И наша цель, и наш каркас,
И древа сок течёт по жилам...

Благословен, кто в море дней
Питает это древо духом!
Пусть только будет путь верней,
Когда Пегасу стал ты другом!

А встретишь шум вороньих стай
(Там – наверху – бывает это...),
Поможет отче Николай –
Где дух живой, там много света!

Фёдор ГОРОБЦОВ (р. 1963)

28 июля. 60-летний юбилей отмечает поэт и бард Фёдор Андреевич Горобцов (р. 28.07.1963, пос. Карачаганак Бурлинского р-на Уральской обл. Казахской ССР). С 1984 года живёт в Ульяновске. Окончил Московский юридический институт (1989). С 1990 года занимается адвокатской и правозащитной деятельностью; член Ульяновской областной коллегии адвокатов. Публиковался в журналах «Юность», «Перспектив», «Симбирский досуг», «Карамзинский сад», «Симбирскъ» и др. Автор поэтических сборников «Встреча с Фемидой» (2001), «Дело. Не уголовное» (2008), «Тет-а-тет» (2016). Написал более 200 песен, в т. ч. гимн адвокатов Ульяновской области. Член Союза писателей России (2000).

СВОБОДА

Почти что век не ведая свободы,
В потоке мощном бесконечных бед
Талантом подневольного народа
Мы жили, удивляя целый свет.

Свобода! Как же грезили тобой.
Сжигали души от тоски и боли.
Всё грезили желанною мечтой
На кухне, в подворотне, в чистом поле.

Свершилось! Наша светлая мечта
Шагнула в наши сырые пределы.
Раздета, безобразна и худа.
И все загоревали: «Что с ней делать?»

ДРУЗЬЯ МОИ

Ко мне не заросла тропа.
Народ так нескончаемо струится.
Приходят все: простая голытьба
И очень состоятельные лица.

Вниманье ежедневно зря,
Я с удовлетвореньем замечаю,
Что прожил эту жизнь совсем не зря,
И, может быть, ещё попоживаю.

Но столько рук, улыбок, глаз!
Так хочется спросить, но я не смею:
«Друзья мои, не огорчу ль я вас,
Что не настолько сильно я болею?»

В ДЕНЬ АНГЕЛА

Желаю, чтобы Ангел и Господь
Уберегли тебя от потрясений,
Хранили от болезней твою плоть,
А душу – от печалей и томлений.

Желаю, чтобы счастье и покой
Вошли в твою смиренную обитель
И чтобы никогда к тебе спиной
Не повернулся Ангел – твой хранитель.

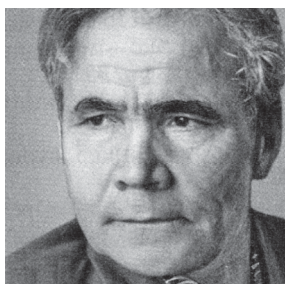
Когда в душе сумятица и мрак,
Когда недуг преследует телесный,
То это значит – мы живём не так,
Как пожелал бы Ангел наш небесный.

Мы Ангелов не очень-то храним.
И в ветреной гордыне забываем,
Что мы всегда того лишь обижаем,
Кто безответен, нежен и раним.

Нет в природе пустоты и лишнего.
Форма содержанием полна.
Если нет в душе твоей Всевышнего,
Значит, там гнездится Сатана.

Нет безотраднее картины,
Чем дома отчего руины.

Стремясь успокоить волненья души,
Искал одиночества в сельской глуши.
Но понял, что стать одиноким нетрудно,
Наверно, лишь в городе, где многолюдно.

Николай ЗОЛОТОВ (1898–1967)

30 июля. 125 лет назад родился чувашский литературный критик, публицист и фольклорист Николай Яковлевич Золотов, творческий псевдоним – Ют (30.07.1898, д. Синерь, ныне Аликовского р-на Чувашии – 27.03.1967, г. Шумерля Чувашской АССР). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу. Учился в Коммунистическом университете народов Востока. Был редактором газеты «Канаиш», председателем правления Союза писателей и журналистов (Чебоксары), научным сотрудником АН СССР (Ленинград). Автор статей о произведениях М. Юмана, М. Сеспеля, И. Ахаха, С. Эльгера и др. Выпустил книгу «Краткий очерк народной поэзии чуваш» (1928). Член Союза писателей СССР (1934).

Юбилейный календарь подготовил
Николай МАРЯНИН, поэт и краевед